

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

М. И. НОВИКОВ

ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
И ФИЛОСОФСКИЕ
ВЗГЛЯДЫ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1961

Ответственный редактор
И. Я. ШИПАНОВ

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

ВВЕДЕНИЕ

Многовековая история украинского народа — это история героической борьбы трудящихся, эксплуатируемых классов за свое социальное освобождение от гнета и эксплуатации. Исторические условия жизни трудящихся Украины сложились так, что борьба эта происходила одновременно и за освобождение от национального гнета и за воссоединение всей Украины в едином демократическом государстве.

Украинский народ многие столетия находился под чужеземным игом, разделенный на части; он изнывал под гнетом русского царизма и Австро-Венгерской монархии и был лишен свободного национального развития.

Происшедшее в XVII в. воссоединение Украины с Россией имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего экономического, политического и культурного развития украинского и русского народов. Вопреки колониальной, шовинистической политике царизма, воссоединение укрепило союз единокровных народов, создало более благоприятные условия для участия трудящихся масс Украины в общероссийском освободительном движении против крепостничества и царизма, для борьбы против чужеземных агрессоров. Но только Великая Октябрьская социалистическая революция, проведенная под руководством Коммунистической партии, уничтожила социальный и национальный гнет, дала возможность осуществить многовековую заветную мечту украинского народа о его воссоединении в едином национальном государстве и в форме советского строя открыла для всех народов старой России свободный путь развития к коммунизму.

Украинский народ пошел первым по этому пути вслед за русским народом. Это славное место в освободительной борьбе трудящихся Украины было подготовлено всем предшествующим историческим периодом их развития. Из своей среды украинский народ выдвинул передовых общественных деятелей и мыслителей. Среди этих борцов особенно следует отметить ге-

ниального Тараса Шевченко, который «сыграл громадную роль в развитии национального и социального самосознания украинского народа»¹.

Мировоззрение Шевченко формировалось, росло и крепло под благотворным влиянием культуры великого русского народа. Он шел в первых рядах борцов революционной демократии, вместе со старшими русскими товарищами.

В. И. Ленин учил партию и наш советский народ с уважением относиться к славным традициям прошлой освободительной борьбы. В статье «Памяти Герцена» Ленин писал, что пропаганда революционных идей не пропадает даром даже тогда, когда посев отделяется от жатвы целыми десятилетиями.

Прогрессивные традиции возникали, развивались и крепили в борьбе против реакционных, эксплуататорских классов и их «культуры». Они отражали стремление к дружбе трудящихся разных народностей и наций, к взаимопомощи в борьбе против общего врага трудящихся — эксплуататорских классов. Эксплуататорские классы, наоборот, проповедовали буржуазный национализм, разжигая национальную рознь и вражду между народами.

«Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», — писал Ленин, — мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации»².

Культура русских революционных демократов — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова и их соратников и является той культурой, из которой рабочий класс и его партия берут лучшие, передовые традиции, критически перерабатывая их.

Несомненно, в эту сокровищницу лучших традиций немалую долю внес и украинский поэт-революционер Тарас Шевченко. Недаром победивший рабочий класс в первый же год существования советской власти с глубокой признательностью отметил славное имя Тараса Шевченко: в ленинский декрет о сооружении памятников выдающимся деятелям дореволюционной России было внесено и его имя.

Известно, какое громадное значение марксизм-ленинизм придает роли народных масс в истории, их революционной борьбе за новое общество, свободное от эксплуатации человека человеком, и как он высоко ценит революционные традиции своих предшественников. Шевченко был первым среди тех, кто прямо

¹ «Правда», 12 января 1954 г.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 8.

обратился в своем знаменитом «Завещании» (1845 г.) к народу с призывом к восстанию.

Раньше литература вообще, а тем более поэзия, не знала и вовсе не ставила «мужика» предметом главного внимания. Это и понятно, если учесть, что «мужик» в европейских странах был просто невольником, который в юридическом отношении не считался за человека, не был полноправным гражданином.

И вот в таких условиях происходит поистине из ряда вон выходящее явление. На передовую сцену украинской литературы и передовой общественно-политической мысли выходит представитель простого народа — Тарас Шевченко. Главным героем его творчества выступает простой крестьянин, угнетенный крепостничеством и царизмом. Сам творец этого нового общественного явления — бывший невольник, только на двадцать четвертом году жизни выкупленный из крепостного рабства. Менее чем через десять лет Шевченко становится мировой величиной наряду с Пушкиным, Белинским, Чернышевским. Едва ли найдется такое явление в истории литературы, в истории общественно-политической мысли какого-либо другого народа в мире.

Славное имя Шевченко пользуется величайшим уважением и любовью трудящихся масс. Естественно, что враги трудящихся, разного рода либералы, в особенности украинские буржуазные националисты, пытались и пытаются использовать это обстоятельство в своих классовых интересах в борьбе против народа. Одним из способов этой борьбы является фальсификация истории культуры.

Украинские помещичье-буржуазные националисты — П. Кулиш, Н. Костомаров и другие, ставшие врагами народа грушевские, ефремовы и компания, оптом и в розницу продававшие украинский народ иностранным империалистам, нагло извращали и извращают историю борьбы и культуры трудящихся, проповедают вражду между украинским и русским народами, чтобы отравить сознание трудящихся и восстановить эксплуатацию и гнет. Окончательно разбитые в нашей стране, они и их последыши нашли себе приют в странах капитализма на задворках реакционной империалистической буржуазии и оттуда продолжают свое грязное дело и поныне. Идеологи империалистической буржуазии охотно используют идейную отраву, распространяемую украинскими буржуазными националистами.

Все они безусловно пытаются выхолостить политическую сущность поэзии революционного демократа и представить поэта лишь в виде «апостола языка», певца красот природы, любви и страданий соблазненной и покинутой женщины, изобразить его дюжинным либералом, националистом и правоверным христианином. Они отрывают творчество Шевченко от передовой

русской общественной мысли, от русских революционных демократов и философов-материалистов.

Советские ученые и пропагандисты, писатели, литературоведы, языковеды, историки и искусствоведы написали немало трудов о Шевченко, провели большую и ценную исследовательскую и пропагандистскую работу, немало сделали для разоблачения фальсификаторства украинских буржуазных националистов. Но сделано еще не все. Исследование философских, социологических взглядов Шевченко еще только начато.

В послевоенное время изучение творчества Шевченко заметно оживилось. Опубликован ряд работ. Большой интерес представляют проводимые ежегодно, начиная с 1952 г., Институтом литературы имени Т. Г. Шевченко Академии Наук УССР шевченковские научные конференции, материалы которых публикуются в специальных сборниках.

В этом же плане важным событием явился выход в свет в (1954 г.) книги «Історія української літератури», подготовленной Институтом литературы АН УССР, где большой раздел отведен Тарасу Шевченко. Но, разумеется, литературоведческое исследование не может охватить в достаточной мере всесторонне общественно-политические и философские взгляды поэта.

Шевченко известен также как художник-живописец и гравер. Но эта область является предметом специального большого исследования.

В последние годы вышли книги «Общественно-политические и философские взгляды Т. Г. Шевченка» Я. Д. Дмитерко (1951, 1954), «Світогляд Т. Г. Шевченка» І. Д. Назаренко (1957).

Нам думается, что надо обратить особое внимание на своеобразие воззрений Шевченко как атеиста, мыслителя материалиста, как национального украинского деятеля.

При изучении творчества Шевченко очень важная задача заключается в том, чтобы конкретно раскрывать поэтические образы и картины, без чего во многих случаях трудно и даже невозможно понять истинное содержание мыслей народного поэта; в особенности это относится к его атеистическим воззрениям и к вопросам национально-освободительной борьбы.

Надо соблюдать конкретно-исторический подход к изучению творчества Шевченко. Никак нельзя забывать, что Шевченко прежде всего поэт, а не историк, не социолог, с холодным рассудком анализирующий и синтезирующий исторические события. Поэтому, раскрывая его художественные образы, надо, так сказать, чувствовать и понимать прежде всего политическое звучание его произведений в его эпоху.

С целью выяснения того, как следует понимать творчество Шевченко, полезно вспомнить очень интересную мысль, высказанную еще молодым Марксом о том, как в определенных усло-

виях нужно относиться к прессе. Он писал: «...народ с только что пробуждающимся политическим сознанием меньше интересуется фактической достоверностью того или другого события, чем его моральной сущностью, посредством которой оно оказывает свое действие»³.

Шевченко, как и всякий поэт, по меткому выражению В. Белинского, в отличие от ученого (который «доказывает» «логическими доводами»), «показывает», «убеждает» «картинами», образами. В поэзии вовсе не обязательна во всем фактическая достоверность; здесь допускается «дофантазирование» (это прекрасно понимал и сам Шевченко). Главная задача поэзии заключалась в том, чтобы, по выражению Маркса, «моральной сущностью» «оказывать свое действие» на сознание народных масс. Именно поэтому ко всем поэтическим образам и картинам народного поэта надо подходить не с точки зрения абстрактного анализа смысла того или иного термина по современным понятиям, а определять, что именно под этим понимали современники Шевченко, какое «моральное», общественно-политическое воздействие оказывали эти образы и картины на широкие народные массы той эпохи.

После Великой Октябрьской социалистической революции литературное наследие Шевченко стало достоянием широких масс советского народа, горячо любящих украинского поэта и борца. Произведения Т. Шевченко переведены в Советском Союзе на 38 братских языков и изданы тиражом более 7 миллионов экземпляров. Творчество украинского поэта-революционера изучается в школах, институтах и университетах. На территории СССР созданы четыре шевченковских музея. В Киеве, Харькове, Одессе, Днепрпетровске и других городах народ воздвиг памятники великому поэту.

В творчестве Шевченко советский народ находит близкие, родственные ему мотивы, которые вселяют в него чувство революционной гордости, любовь к свободной жизни, беззаветное патриотическое чувство, непримиримость ко всякому социальному и национальному гнету, ко всякой эксплуатации человека человеком. Его творчество направлено против всякой религиозной мистики, против рабской христианской морали «смирения» перед угнетателями.

---

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I. М., 1955, стр. 166.

Глава первая

**ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО**

Социально-экономическое развитие основной части Украины (приднепровской) в конце XVIII и в первой половине XIX в. происходило в тесной связи с общим процессом развития России. Поэтому социальной почвой, на которой выросло и развивалось мировоззрение Т. Г. Шевченко, была прежде всего та историческая обстановка, которая складывалась тогда в России в целом. Это тем более станет понятным, если учесть, что годы формирования взглядов и вообще большую часть сознательной, свободной от крепостной неволи жизни украинский поэт провел в Петербурге — в центре русской передовой общественной мысли.

Шевченко жил и боролся тогда, когда Россия подходила, а затем и вступила в переломный исторический период — период перехода от феодализма к капитализму. В конце XVIII и первой половине XIX в. в России, в том числе и на Украине, усиливается рост общественного разделения труда и расширяется внутренний рынок. Помещики все сильнее втягиваются в товарные отношения. Рост спроса на хлеб на внутреннем и внешнем рынках, естественно, усиливал разложение крепостнического натурального хозяйства. Показателем этого может служить резкое увеличение хлебного экспорта. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал, что производство помещиками хлеба для рынка, развившееся в особенности в последнее время существования крепостничества, было предвестником распада феодально-крепостнических отношений.

Чтобы увеличить производство хлеба для продажи, в целях обогащения ради роскошной, расточительной жизни, помещики подвергали крестьянство жестокой эксплуатации, непрерывно сокращали его пахотные наделы, увеличивали барщину и оброк. На Украине, где производство хлеба для рынка приобретало все большее значение, барщинная эксплуатация резко усилилась. Трудящиеся массы села хронически голодали и фактически были на положении рабов.

Появившиеся фабрики вытесняли помещичьи предприятия-мануфактуры с менее производительным трудом крепостных крестьян. Для примера можно остановиться на развитии сахарной промышленности на Украине. Первый сахарный завод был построен в Киевской губернии в 1822 г., а в конце 40-х годов XIX в. их было уже более 200. В 1825 г. на Украине было 649 предприятий, а в 1860 г. их стало 2147 (без винокурен); наемные рабочие в 1828 г. составляли 25% общего числа рабочих, а в 1860 г.— 75%.

Развитие капиталистических отношений усилило процесс формирования украинской народности в буржуазную нацию.

Страна вступала в такую эпоху, когда весь ход экономического развития толкал ее к уничтожению крепостного права. На этой социально-экономической основе происходил рост освободительного движения в России и, в частности, на Украине.

Царское правительство держало народ в состоянии почти поголовной неграмотности. В первой половине XIX в. на всю Украину было только два университета и 10 гимназий, да и те предназначались исключительно для детей дворян, попов и чиновников. Ближайший сатрап царя Николая I, шеф жандармов Бенкендорф, заявлял, что народ надо держать в темноте, чтобы по уровню развития он не поднялся до монархов «и не посягнул бы на ослабление их власти».

Малейшее проявление свободной мысли беспощадно преследовалось. Церковь и ее служители — «жандармы в рясе» были призваны к тому, чтобы «именем бога» охранять крепостничество и самодержавие.

В основе официальной царско-помещичьей идеологии была «теория» о так называемых «трех китах», как вечных и неизменных основах русской жизни, на которых держится феодально-крепостнический строй: «самодержавие, православие и народность». Под официальной «народностью» понималась непоколебимость самодержавия и православия. Некоторые профессора Московского университета, вроде Шевырева и Погодина, верно-подданнически настроенные литераторы, подобно Гречу и Булгарину, а также реакционные журналы, вроде «Московитянина», со всем усердием пропагандировали эту официальную «народность».

Во многом сходную с официальной точкой зрения позицию занимало так называемое славянофильство. Славянофилы К. А. Аксаков, И. С. Аксаков, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин и другие «играли» в либерализм, «осмеливались» иногда «критиковать» крепостное право, изредка становились в позу оппозиционности к самодержавию, выступали против «подражания» Западной Европе, за развитие русской культуры и русского языка. Славянофилы были сторонниками сохранения крупного

помещичьего землевладения, самодержавия и православия. Их точка зрения на так называемую «самобытность» России в конечном счете была продиктована боязнью «перенесения» революционного опыта из Западной Европы в Россию.

Русские революционные демократы, начиная с В. Белинского, решительно разоблачали славянофилов как апологетов крепостничества. Реакционность славянофилов видел и Шевченко.

Годы царствования Николая I, после разгрома декабристов, были периодом, когда в стране «...все было прибито к земле, одна официальная низость громко говорила, литература была приостановлена и, вместо науки, преподавали теорию рабства» (Герцен). Но тайно, скрыто, в подполье билась живая, передовая общественная мысль. Герцен писал по этому поводу: «Боясь светить ярко, светить вверх, она (передовая общественная мысль.— М. Н.), таясь, жгла внутри и иной раз светила вниз. Громкие речи заменяются тихим шопотом, подземная работа идет в аудиториях, идет под носом у Николая в военных училищах, идет под благословением митрополитов в семинариях. Живая мысль облачается в схоластические одежды, чтобы ускользнуть от наушников, и надевает рабскую маску, чтоб дать знак глазами,— и каждый намек, каждое слово, прорвавшееся, понято, становится силой. Удивительное время наружного рабства и внутреннего освобождения...»¹. И в этой связи Герцен говорит о деятельности Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Белинского, Грановского.

Угнетенное, беспощадно эксплуатируемое, разоряемое помещиками и царем крестьянство подымалось на великую освободительную борьбу, нарастали крестьянские волнения и восстания. Именно этим объясняется то обстоятельство, что в центре внимания общественной мысли появился «мужик», крестьянин.

Передовые общественные деятели 30—40-х годов XIX в. сознавали, что среди крестьянства происходит большое революционное брожение. Об этом, например, прямо говорилось в среде петрашевцев. Ведущая, наиболее революционная группа петрашевцев обсуждала план революционного восстания во всероссийском масштабе.

Революционное брожение в крестьянстве видел В. Белинский. В письме к П. В. Анненкову в декабре 1847 г. сообщал: «Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение. Всё, что делается в Питере, доходит до их разумения в смешных и уродливых формах, но в сущности очень верно... Обманутое ожидание ведет к решениям отчаянным»². Понятно, что Белинский го-

¹ А. И. Герцен. Собр. соч. в тридцати томах, т. XIV. М., 1958, стр. 157.

² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XII. М., 1956, праць п'ятої наук. шевченк. конференції. Київ, 1957.

ворит о возможности крестьянского восстания. В знаменитом письме Белинского к Гоголю, по словам Ленина, нашли свое отражение революционные настроения крестьянства.

Все это свидетельствует о том, что революционное брожение среди крестьянства в 30—40-х годах ширилось и росло.

Революционное движение в Западной Европе в 30—40-х годах XIX в. также способствовало усилению роста революционных настроений в передовых слоях общественности России.

Царское правительство и его высшие чиновники видели назревающую для них опасность. Шеф жандармов Бенкендорф в 1839 г. в своем «всеподданнейшем» отчете писал царю: «Простой народ ныне не тот, что был 25 лет перед сим... Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же...»³.

Поражение царской России в Крымской войне еще ярче обнажило всю гнилость крепостного режима, усилило растущий кризис крепостного хозяйства и революционные настроения среди крестьянства.

Особенно резко усилилось и приняло большой размах крестьянское движение в 50-х годах. Так, на Украине в 1855 г. происходило большое волнение, известное под названием «Киевской казатчины». В нем принимали участие десятки тысяч крестьян, требовавших земли и полного освобождения от крепостной зависимости. Восстание было подавлено специально присланными царскими войсками. Многие крестьяне были убиты и ранены.

В 1856 г. на Украине снова возникло большое крестьянское движение, главным образом в Херсонской и Екатеринославской губерниях. Будучи не в силах больше выносить всю тяжесть крепостного гнета, под влиянием слухов о том, что в Крыму каждый, кто желает, может, будто бы, получить землю и стать свободным, крестьяне большими толпами, со своими семьями, двинулись на юг, к Перекопу. Царское правительство бросило несколько дивизий солдат и только таким путем удалось подавить это крестьянское движение. Об этом событии, как видно из дневника, знал Тарас Шевченко.

В стране создавалась обстановка, когда народ не хотел больше жить по-старому, а правительство не могло больше управлять по-старому. Складывалась революционная ситуация, наивысший подъем которой совпал в основном с годом смерти украинского поэта-революционера (1861 г.).

В таких условиях формировалось, развивалось и крепло мировоззрение Шевченко, которое отразило освободительные, революционные настроения крестьянства.

³ «Крестьянское движение 1827—1869 гг.», вып. I. Центрархив. Соц.-экиз, 1931, стр. 31.

Больше того, из последних исследований историков известно, что в конце 50-х начале 60-х годов XIX в. в России существовал конспиративный организационный центр революционного движения, руководимый Чернышевским и связанный с конспиративным центром за границей в лице Герцена и Огарева. А в конце 1861 г.—первой половине 1862 г. в стране возникла тайная русская революционная организация «Земля и Воля»⁴.

Но революционная ситуация, как известно, не переросла в революцию.

В 40—60-х годах XIX в. в царской России выявились, как говорит Ленин, «две исторические тенденции», «две исторические силы», которые и определили характер политической борьбы: помещичье-буржуазные либералы и революционные демократы.

Буржуазия в России, как известно, не была революционным классом. Идеологами революционной борьбы крестьянства стали «разночинцы» — революционные демократы. Именно поэтому важные исторические задачи встали еще перед предшественниками революционной социал-демократии — перед революционными демократами: Герценом, Белинским, Чернышевским, Добролюбовым и их соратниками. К ним принадлежал и украинский поэт-революционер Тарас Шевченко.

Борьба против крепостного режима и царизма во второй четверти XIX в. приняла очень острый характер и выражалась в самых разнообразных формах. Росла агитация и пропаганда посредством журналов, связанная в особенности с именем Белинского, а впоследствии Чернышевского. Это, как говорил один из реакционеров о Белинском, — «бунт» в журналах, за неимением возможности в России бунтовать на площадях. Но этот «бунт» в журналах был идейным отражением крестьянских волнений и восстаний на улицах.

Прогрессивные идеи пропагандировались и с университетских кафедр. В работе «О развитии революционных идей в России» (1851) А. И. Герцен, например, писал: «...Московский университет становится храмом русской цивилизации; император его ненавидит, сердится на него, ежегодно отправляет в ссылку целую партию его воспитанников...»⁵.

Проявлением общественного революционного подъема следует также считать и организацию демократической общественностью воскресных школ для взрослых. Бурный в условиях того времени рост их количества свидетельствует о темпах нараста-

⁴ См. статью и публикацию М. Нечкиной «Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861)». Лит. насл., т. 61. М., 1953, стр. 459—522. История СССР, т. II. М., 1954, стр. 437.

⁵ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. VII. М., 1956, стр. 212—213.

ния общественного движения. В организации воскресных школ активное участие принимал и Шевченко.

Ширилось реалистическое направление в литературе и искусстве, уделявшее все больше внимания простому народу, его просвещению, воспитанию в духе демократизма. Реализм в литературе нашел свое наиболее яркое выражение в творчестве великих русских писателей — Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Гоголя и других. Он же выявился в той горячей борьбе против помещичье-буржуазной теории «искусства ради искусства», за новое направление в литературе и искусстве, которую вели Белинский, Чернышевский, Добролюбов.

Началось страстное искание новой теории для объяснения исторического процесса. В связи с этим развернулась борьба против старой помещичьей историографии, объясняющей все «волею божьей» и «мудростью» царей. Революционные демократы Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Шевченко и другие стали показывать роль народных масс в истории.

Резко возрастала неудовлетворенность религией, начало чему было положено Ломоносовым и Радищевым. Развернулась острая борьба материализма против идеализма, повышался интерес к диалектике, не примиряющейся с косностью и застоєм.

В стране росли политические революционные тайные организации (петрашевцы, революционное направление во главе с Шевченко в Кирилло-Мефодиевском обществе, группа Герцена за границей), возникали заговоры, волнения, распространялись призывы к восстанию (Чернышевский — «Барским крестьянам...» и др.), учащались восстания крестьянских масс.

Во всем этом сложном комплексе переплетающихся средств и форм борьбы немаловажную роль сыграла вдохновляющая революционная поэзия Шевченко, его деятельность как писателя, общественного борца и мыслителя.

* * *

До воссоединения с Россией Украина пережила свою историю борьбы трудящихся, угнетенных масс против польских магнатов и шляхты, против грабительских нападений султанской Турции и татарских ханов. В этой борьбе важную роль сыграло движение, известное под именем казачества. Будучи затем в составе России, Украина находилась на положении полуколонии, поэтому трудящиеся массы испытывали на себе не только социальный, но и национальный гнет. Без учета этих сторон истории жизни украинского народа невозможно понять творчество Шевченко вообще, его политическую поэзию в особенности.

Украина длительное время находилась под ярмом польской шляхты. В 1648 г. вспыхнуло большое восстание, которое

превратилось в великую освободительную войну украинского народа против шляхетской Польши. Борьба происходила против феодального гнета вообще, значит, не только против польских помещиков — главных врагов, но и против украинских. Более крупные украинские помещики-магнаты, спасаясь от народного гнева, бежали в панскую Польшу и помогали ей в борьбе против украинского народа. Туда же устремилась и некоторая часть средних и мелких украинских помещиков. Но большая часть этих последних, а также войсковая старшина присоединились к войскам Хмельницкого.

Среди крестьянства и городской бедноты, в среде лучших, передовых людей украинского народа с самого начала этой войны усилилось стремление: получить помощь от русского народа и воссоединить Украину с Россией.

Выполняя волю народа, Богдан Хмельницкий вступил в переговоры с правительством России о воссоединении Украины с Россией. Переговоры эти увенчались успехом: в январе 1654 г. в Переяславле было провозглашено это воссоединение. После длительной борьбы России вместе с Украиной против шляхетской Польши и султанской Турции в 1667 г., по Андрусовскому договору с Польшей, Левобережная Украина вместе с Киевом осталась в составе Российского государства. Вскоре сюда перешла и Запорожская Сечь. Правобережная Украина до конца XVIII в. находилась под гнетом шляхетской Польши и только в 1793 г. была воссоединена с Россией.

После воссоединения с Россией Левобережная Украина в государственно-правовом отношении пользовалась довольно широкой автономией. Юридически полноправным сословием здесь выступало казачество, имевшее право избирать гетмана. Фактически вся власть была в руках казацкой старшины, из среды которой и избирался гетман. В руках гетмана сосредоточивалась политическая, административная и военная власть. Вся гетманщина разделялась на полки, которые были одновременно военно-административными и территориальными единицами и располагались в больших городах. В крупных городах были посажены царские воеводы с гарнизонами.

В результате освободительной войны (1648—1654 гг.) феодально-крепостнический строй был расшатан. Польские магнаты и шляхта были изгнаны, украинские крестьяне-посполиты (простой народ), казаки и городская беднота ограничивались исполнением лишь небольших повинностей в пользу казацкой старшины и православных монастырей.

Но освободительная война не могла, конечно, уничтожить феодальный строй, поскольку никаких исторически сложившихся предпосылок для возникновения какого-либо иного общественного строя создано не было. Господствующим классом оста-

валась казацкая старшина, украинские помещики, высшее православное духовенство. Все они не только сохранили за собой крупные землевладения и промыслы, но и захватили земли и промыслы изгнанных польских помещиков. Гетманский уряд фактически был зависим от украинских феодалов и российского царя. Казацкая старшина, украинские помещики, высшее духовенство, городская верхушка богачей принимали все меры к тому, чтобы подчинить себе, закабалить, закрепить крестьянство, рядовое казачество и городскую бедноту.

В Запорожье в XVII в., как и в других частях Украины, развивались феодальные отношения. Украинские буржуазные националисты извращают действительность, когда пытаются изобразить Запорожскую Сечь как союз равноправных воинов-рыцарей. В действительности и там происходила острая борьба между богатой казацкой старшиной, владеющей землями, и эксплуатируемой неимущей казацкой гольтиббой.

Царское правительство заинтересовано было в том, чтобы содействовать казацкой старшине в закреплении крестьян, и одновременно принимало меры к тому, чтобы ограничить, а затем и вовсе ликвидировать автономию Украины.

Закрепление крестьян и беднейшей части казачества завершается во второй половине XVIII в. во время царствования Екатерины II, которая окончательно отменила гетманскую систему управления, ликвидировала Запорожскую Сечь и ввела на Украине общеимперское «Положение о губерниях». Казацкая старшина (феодалы) утратила свои автономные права, но зато, волею русской царицы, была пожалована равными правами с русским дворянством.

Таким образом, история простого народа на Украине во второй половине XVIII и в начале XIX в. характеризуется, с одной стороны, усилением, прежде всего, социального гнета, т. е. усилением процесса закрепощения крестьянства украинскими, русскими и польскими помещиками, с другой стороны, — нарастанием национального гнета со стороны правящих помещичьих русских слоев во главе с царем. Все это и нашло свое отражение в творчестве Шевченко.

В период владычества Польши крепостные крестьяне, борясь против польских помещиков, видели в них своих врагов не только потому, что они — эксплуататоры, грабители, но также и потому, что они выступали как враги их национальных прав, а кроме того, как враги вероисповедания. Католическая церковь и ее служители, эти жандармы во Христе, отражая интересы польских помещиков, опираясь на их власть, в самых грубых формах притесняли религиозные верования украинцев, принадлежащих к православной церкви. Проводимая польскими панями так называемая церковная уния (с конца XVI в.) фактически сводилась

к принудительному обращению православных христиан в католическую веру. Классовая борьба крепостных украинских крестьян, естественно, принимала в таких условиях черты национальной борьбы, или даже борьбы «за веру православную». Такое своеобразное переплетение классовых национальных и религиозных противоречий нашло свое отражение в ряде поэм Шевченко («Гайдамаки», «Тарасова ночь», «Гамалия»).

Борьба восставших украинских крестьян Правобережья в 1768 г. под водительством Железняка и Гонты против помещиков приняла характер национальной борьбы против «ляхов» — польской шляхты, а также приобрела некоторую религиозную окраску как борьбы против католической церкви.

Таковы некоторые своеобразные черты классовой борьбы в истории украинского народа, отраженные в творчестве Шевченко. Украинские помещичье-буржуазные националисты фальсифицируют историю, когда пытаются утверждать, будто Шевченко борьбу украинского народа изображал в националистическом духе, как борьбу за одну лишь «веру православную». Они вообще извращенно толкуют историю украинского народа. Так, начиная с Н. Костомарова, такие матерые украинские националисты, как М. Грушевский и другие, представляют украинский народ в виде единой одноклассовой, безбуржуазной, «демократической» нации, борющейся и против поляков, и против русских. Они отрицают классовое антикрепостническое содержание освободительной борьбы украинского народа.

Богатые помещики-крепостники, вышедшие из украинской казацкой старшины, с одной стороны, и масса простого народа — крестьянства и рядового казачества, обращаемого в крепостных, с другой стороны, — таковы в действительности два полюса классовой борьбы в истории украинского народа в рассматриваемую нами историческую эпоху.

Одновременно надо особенно подчеркнуть наличие целого ряда исторических предпосылок, обусловивших стремление к дружбе, к единению украинского и русского народов. Это — общность их исторического происхождения из одной колыбели — Киевской Руси IX—XI вв., их языковая близость, сходство духовного склада, объясняемого сходными социально-экономическими условиями развития, и, наконец, общность интересов борьбы против внешнего врага — чужеземных грабителей и захватчиков: польских, татарских ханов, турецких султанов, шведского королевства.

* * *

История борьбы украинских трудящихся масс против эксплуататоров и угнетателей имеет много общего с историей русского народа. В ряде великих событий борьба эта проходила в

непосредственной тесной связи. Украинский народ всегда получал помощь и поддержку от великого русского народа. Так, восстание Степана Разина (1667—1671 гг.) в значительной мере распространилось и на Украину, в особенности Слободскую, образовавшуюся главным образом на территории нынешних Харьковской и Сумской областей. Шевченко интересовался исторической ролью Степана Разина, этого, по его выражению, «славного рыцаря». Вопреки официальной, помещичьей по своему классовому содержанию, российской историографии, которая рассматривала Степана Разина как «разбойника», Шевченко в Разине видел борца за интересы угнетенного народа.

Шевченко изучал также крестьянскую войну на Украине в 1768—1769 гг. под руководством крестьянских вождей Максима Железняка и Ивана Гонты, известную под названием «Колывищины». Восставшее крестьянство боролось против феодально-крепостнического и тяжелого национального гнета польских магнатов и шляхты, грозившего уничтожением украинской народности. Движение крепостных крестьян в то же время было направлено против ростовщиков и откупщиков, выступавших в роли агентов — посредников польских помещиков. Все это Шевченко и показал в «Гайдамаках».

В 1773—1774 гг. в царской России происходила крупная крестьянская война под водительством Емельяна Пугачева. Охватив значительную часть Европейской России, Поволжье и Приуралье, она в некоторой мере распространилась и на Украину.

С большим уважением относился Шевченко к Пугачеву, видя в нем борца за интересы закрепощенных народных масс.

Так украинские крестьяне, запорожские казаки и русские донские казаки и крестьяне совместно сражались против общих ненавистных им врагов — помещиков-крепостников и царя.

Шевченко понимал антикрепостнический характер крестьянской борьбы. Он видел, что царское помещичье правительство России и, в частности, Екатерина II выступали в роли палачей освободительного движения. О Екатерине II поэт писал:

Что это царица —
Лютый враг Украины,
Алчная волчица!...⁶

---

⁶ Тарас Шевченко. Собрание сочинений в пяти томах. М., Гослитиздат, 1955, т. I, стр. 373. В дальнейшем там, где нет специального указания, цитируем по этому изданию и даем ссылки в тексте: римской цифрой обозначается номер тома, арабской — страницы. В отдельных случаях, когда русский перевод оказывается, по нашему мнению, неточным или неудачным, цитируем по академическому изданию: Тарас Шевченко. Повне зібрання творів в десяти томах. Київ, Видавництво Академії Наук УРСР, 1951, что обозначается так: «ПЗТ».

В первой трети XIX в. развернулась борьба украинского крестьянства против крепостного строя на Правобережной Украине, в Подолии и отчасти на Волыни и Киевщине. Партизанское движение было тесно связано с именем Устима Кармалюка, который в течение многих лет (1813—1835) наводил ужас на помещиков и богатеев. Царская судебная комиссия зарегистрировала свыше тысячи нападений на помещиков и привлекла к ответственности свыше 2700 участников движения.

Шевченко называет Устима Кармалюка «славным рыцарем». В поэме «Варнак» (клеименный каторжник-беглец), написанной в виде рассказа со слов самого варнака, родом из той же Волыни, где действовал Кармалюк, Шевченко устами варнака выразил свое мнение о характере деятельности народных борцов-мстителей:

Я резал все, что паном звали,
Без милосердия и зла...

(т. II, 68—69)

В этом проявлялась веками накопленная злоба, ненависть и решимость угнетенного народа. Шевченко воспевает беспощадную борьбу с врагами народа. Изучая историю прошлой борьбы русского и украинского народов, Шевченко впитывал в свое мировоззрение народную героику.

Вся многовековая освободительная борьба украинского и русского народов, крестьянские войны под руководством Степана Разина, Емельяна Пугачева, Кондрата Булавина, Колиивщина (под руководством Железняка и Гонты) и борьба, возглавляемая Богданом Хмельницким,— все это живое свидетельство той дружбы, которая росла и крепла в совместной борьбе трудящихся масс русского и украинского народов против общего врага — русских, польских и украинских помещиков-крепостников, против царизма, отражавшего интересы помещиков. Она же свидетельствует о той помощи, которую получал украинский народ от русского народа. И эта исторически складывающаяся совместная борьба против врагов и дружба тружеников народа находила свое отражение в идеологии лучших передовых представителей трудящихся масс, в частности — русских революционных демократов и в творчестве украинского поэта-борца Тараса Шевченко.

* * *

Со второй половины XVIII в. на Украине зарождались и развивались новые, капиталистические отношения, разлагавшие старый господствовавший феодально-крепостнический строй. На этой основе складывалась украинская нация. В условиях Российской империи процесс этот происходил так, что Украина от-

стала в своем развитии, поэтому украинцы не успели сформироваться в самостоятельное национальное государство. Роль объединителя национальностей здесь выполнили великоруссы, так как во главе их находилась исторически сложившаяся сильная дворянская военная бюрократия. Отставшие в своем развитии национальности оказались в Российской империи в положении угнетенных. Это относилось и к украинцам.

Царская Россия была «тюрьмой народов». Многочисленные нерусские народности, в том числе и украинцы, подвергались всевозможным притеснениям. Царское правительство и раболепствующие перед ним либералы пропагандировали мысль о том, что нерусские народы являются низшей расой, разжигали ненависть к «инородцам», языки других наций черносотенцы называли «собачьими наречиями». Царское правительство всячески стремилось задушить развитие национальной украинской культуры, воспрещало родной язык в школах. Царизм выступал в роли палача и мучителя украинского народа.

Но никакими полицейскими насильственными мерами царскому правительству не удавалось задушить культуру украинского народа и его язык.

В связи с ростом капитализма, в первой половине XIX в. усилился процесс формирования украинской нации. Развивалась национальная культура. Это отмечали и Белинский и Чернышевский. Последний в 50-х годах писал: «...Сама малороссийская нация пробуждается». Происходит процесс формирования идеологии украинского буржуазного национализма. Буржуазия начинает апеллировать к «родным низам» и кричит об «отечестве», выдавая при этом свои корыстные цели за общенародное дело.

На Украине появился целый ряд культурных организаций, были созданы два университета: Харьковский — в 1805 г. и Киевский — в 1834 году. В крупных университетских городах — Харькове и Киеве, где больше всего сосредоточивалась украинская интеллигенция, начали складываться общественные группы, различные организации, принимавшие форму литературных кружков, издательств.

В конце XVIII — в начале XIX в. начала усиленно формироваться национальная украинская литература. Процесс этот прежде всего связан с именами И. П. Котляревского (1769—1838), П. П. Гулак-Артемовского (1790—1865), Г. Ф. Квитки-Основьяненко (1778—1843), Е. П. Гребенки (1812—1848).

На Украине создаются политические организации. В конце 1845 — в начале 1846 г. в Киеве было организовано тайное политическое «Кирилло-Методиевское общество», куда вскоре вошел и Тарас Шевченко. Основные программные требования общества носили прогрессивный характер: ликвидация крепост-

ничества и установление равноправия для всех граждан, равноправие наций, уничтожение самодержавия и организация федерации славянских республик. Кирилло-Мефодиевское общество продолжало республиканские традиции декабристов, в особенности общества Соединенных славян, пропагандировавшего идею всеславянской федерации.

Программа Кирилло-Мефодиевского общества выразила стремление угнетенных славянских народов к сплочению в единую нацию, к объединению в федерацию славянских республик. Программа отразила попытку угнетенных, отставших в своем развитии народов сконцентрировать усилия в борьбе против правящих слоев угнетающих наций.

Украинская прогрессивная культура развивалась под огромным влиянием передовой русской культуры. Это нашло свое выражение и в творчестве Шевченко. На его мировоззрение оказала сильное влияние материалистическая традиция, идущая еще от М. В. Ломоносова. Шевченко интересовался анатомией, геологией, физикой, зоологией, астрономией.

2

Шевченко родился в селе Моринцы, Звенигородского уезда, на Киевщине, где тогда временно проживал его отец, крепостной из села Кирилловки того же уезда.

Звенигородский уезд, где Тарас провел свое детство до 15 лет, находился в самом центре знаменитого восстания гайдамаков в 1768—1769 гг., воспетого Тарасом Шевченко в одном из первых его произведений. В эпилоге к поэме «Гайдамаки» поэт рассказывает, что, будучи ребенком, он бродил по тем местам, где боролись гайдамаки, «ходил... да людей искал, чтоб добру научили». В Звенигородском уезде тогда жило еще немало участников гайдамацкого восстания, сохранивших традиции освободительной борьбы. Все это способствовало развитию интересов к народной борьбе у впечатлительного, пытливого, богато одаренного мальчика. Вспомним хотя бы «столетнего деда» Ивана Швеца, рассказчика о борьбе с гайдамаками, о котором Шевченко говорит в своей поэме.

Одиннадцати лет Тарас лишился родителей. Оставшись, как он сам говорил, «оборванным школяром-бродягой», мальчик претерпел много горя и издевательств от панов-помещиков, от своих учителей-мастеров и пьяниц-дьячков. Не легче жилось Тарасу и тогда, когда он был взят в комнатные казачки к богатому помещику Энгельгардту, владельцу более 8 тысяч крепостных, которого известный художник Брюллов назвал «самой крупной свиньей в торжковых туфлях». Мальчика пороли за то, что он украдкой от помещика рисовал картины, украшавшие пан-

ские покои, и нарушал барский приказ «молчать», напевая потихоньку унылые гайдамацкие песни.

Только благодаря своим большим природным способностям Шевченко рано выучился писать и рисовать.

Оказавшись в Петербурге, Шевченко, по его настойчивой просьбе, в 1832 г. был законтрактован к живописным делам мастеру Ширяеву, который грубо и жестоко относился к мальчику, «был ретивее всякого дьячка-спартанца». Но несмотря на все строгости, Шевченко в светлые петербургские ночи тайком бегал в Летний сад делать зарисовки с находящихся там статуй. В этом саду он написал и свое первое известное нам произведение — балладу «Порченая».

Здесь, в Летнем саду художник И. Сошенко случайно заметил Шевченко и обратил внимание на его выдающиеся способности к рисованию. Впоследствии он представил Шевченко конференц-секретарю Академии художеств В. И. Григоровичу с просьбой освободить его от крепостной зависимости. С помощью Григоровича, поэта В. А. Жуковского, известного художника К. П. Брюллова и некоторых других лиц в апреле 1838 г. Шевченко был выкуплен из крепостной неволи. Но братья и сестры Шевченко оставались крепостными вплоть до реформы 1861 года, что удручающе действовало на Тараса Григорьевича.

В 1838 г. Шевченко был зачислен вольнослушателем в Академию художеств. Здесь он добился больших успехов и неоднократно получал награды. Однако, более глубокое образование и настоящее знание жизни он получил вне стен Академии. Он тесно общался с передовыми деятелями культуры своего времени, много читал. «...Книги для меня,— говорил Шевченко,— как хлеб насущный, необходимы... Станным и ненатуральным покажется нам, грамотным, человек, существующий без книги!». Возвратившись из ссылки, поэт писал И. А. Ускову: «А книгами и журналами, по милости моих новых друзей, вся комната завалена. Просто купаюся в чтении».

Занятия живописью не могли удовлетворить всех духовных запросов живой, деятельной, разносторонне одаренной природы Тараса Григорьевича. Он горячо любил свою родину, изучал историю героической борьбы ее крестьянства против угнетателей помещиков-крепостников, против чужеземных грабителей. Шевченко чувствовал в себе «всемогущее призвание» поэта-борца. Еще во время пребывания Шевченко в Академии вышла его книга «Кобзарь» (1840), в которую было включено восемь его произведений.

В 1914 г. большевистская газета «Путь правды» писала: «Шевченко выпускает свой известный сборник «Кобзарь», сразу выдвинувший его в разряд величайших национальных поэтов».

В 1841 г. была напечатана поэма «Гайдамаки».

Шевченко быстро завоевывает признание талантливого украинского поэта и широкую популярность среди интеллигенции и крестьянских масс.

В 1845 г. Шевченко окончил академию, получив звание «неклассного художника». Весной этого же года он выехал на Украину.

В 1844—1845 гг. Шевченко написал ряд важнейших своих произведений («Сон», «Кавказ», «И мертвым, и живым... послание», «Завещание» и др.), в которых он выступал как крестьянский революционер, глубокий мыслитель, непримиримый и гневный враг крепостничества и царизма. В условиях царской цензуры эти стихи не могли быть напечатаны, но в передовых слоях русской, в особенности украинской общественности, они были широко распространены в списках нелегально.

В декабре 1845 г. Шевченко поступил на работу в археологическую комиссию, по поручению которой объездил Киевскую, Полтавскую и Волынскую губернии для зарисовки исторических памятников. Эта поездка способствовала еще большему ознакомлению с жизнью народа. В феврале 1847 г. Шевченко был зачислен на должность учителя рисования в Киевский университет, но к этой работе приступить не успел, так как был арестован. В Киеве, весной 1846 г., познакомившись с Н. Костомаровым, он вступил в Кирилло-Мефодиевское общество.

В апреле 1847 г. за участие в этой организации Шевченко был арестован вместе с Н. Костомаровым, П. Кулишем, В. Белозерским, Гулаком и другими. Если Кулиш при допросе сильно струсил, бросился на колени перед шефом жандармов и молил о пощаде, то Шевченко держал себя мужественно и достойно. На вопрос о причинах его выступления против царя и правительства он невозмутимо отвечал, что он отразил всеобщее недовольство, которое сам наблюдал и в Петербурге и на Украине.

Царская жандармерия пыталась обвинять Шевченко в том, что он сочинял «стихи для распространения идей тайного общества», надеясь «приготовить этим восстание Малороссии». Но пребывание его в Обществе царской охранке доказать не удалось. Шевченко обвинили за его революционную поэзию, «за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений». Поскольку Шевченко «приобрел между друзьями своими славу знаменитого малороссийского писателя», как об этом говорилось в жандармском докладе царю 28 мая 1847 г., то был сделан вывод, что «стихи его вдвойне вредны и опасны». Народный поэт был отдан в солдаты и сослан в Оренбургский отдельный корпус. Николай I собственноручно написал: «Под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать».

Не прошло и десяти лет после освобождения из крепостной неволи, как Шевченко снова попал в неволю.

«Казарма в России,— писал Ленин,— была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательство над человеком»⁷.

Русская и украинская передовая общественность с возмущением встретила вынесенный поэту приговор.

Украинские буржуазные националисты клеветают на Шевченко, изображая дело так, будто он принял приговор с покорностью и смирением, как истинный христианин. Сам поэт писал в дневнике: «Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было бы придумать, как сослав меня в Отдельный оренбургский корпус солдатом. Вот где причина моих невыразимых страданий. И ко всему этому мне еще запрещено рисовать. Отнята благороднейшая часть моего бедного существования! Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора... Август-язычник, ссылая Назона к диким гетам, не запретил ему *писать* и *рисовать*. А христианин Н[иколай] запретил мне то и другое. Оба палачи».

Солдатскую казарму Шевченко называл «незамкнутой тюрьмой». Он видел, что его хотят превратить в солдата, т. е. в «бессловесное животное», в «бездушную машину». «...А я у них в кулаке сижу,— писал Шевченко к С. С. Гулак-Артемовскому 30 июня 1856 г.,— дают, без всякого милосердия дают, а я обязан еще и кланяться, а то вдруг возьмут и раздавят, как вошь между ногтей».

Оренбургский климат разрушительно действовал на здоровье поэта. В письмах к друзьям он неоднократно говорит об этом. Так, в письме А. И. Лизогубу он писал: «...Болею с того дня, как привезли меня в этот край; ревматизм, цынгу перенес, слава богу, а теперь зубы и глаза так болят, что не знаю, куда деться.» В письме к В. В. Жуковскому Шевченко сообщал: «И скорбут и казарменная жизнь совершенно разрушили мое здоровье... а меня посылают опять на Сыр-Дарью... Для моего здоровья этот поход самый убийственный...»

В таких ужасных условиях у Тараса Григорьевича иногда проявлялись нотки тягостного, безысходного настроения, как это видно, скажем, из его стихотворений: «А мы все думаем, решаем» (1847), «Сам удивляюсь. Кто ответит...» (1847), «Ой, гляну да погляжу...» (1848), из некоторых его писем к друзьям. На этом спекулируют разного рода враги революции, пытаются изобразить поэта раскаявшимся грешником. Но это только

⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 10, стр. 36—37.

отдельные моменты, которые вовсе не характерны для его настроения в целом.

Находясь в ужаснейших условиях, в «вертепе мерзости», среди «его пьяных разбойников» — дворян-офицеров, Тарас Григорьевич не пал духом. Несмотря на строжайший надзор, рискуя подвергнуться еще более тяжелым преследованиям, он и в солдатской неволе продолжал заниматься своим любимым творчеством; он написал немало стихотворений и до двадцати повестей на русском языке.

«...Несмотря на всемогущее бесчеловечное запрещение, я все-таки втихомолку кропаю,— пишет он в дневнике.— И даже подумываю иногда о тиснении (разумеется, под другим именем)... Право, странное это неугомонное призвание».

Как видно из поэмы «Марина» (1848), Шевченко предвидел опасность, какая ему угрожает, в случае изобличения его в сочинении стихотворений, за которые его преследует царская власть, как за разбой на большой дороге.

В 1848—1849 г. Шевченко был взят в экспедицию по исследованию Аральского моря; в его задачу входило делать различные зарисовки. Начальник экспедиции офицер Бутаков по-дружески относился к Шевченко. Пребывание на море обогатило естественнонаучные знания Шевченко и несколько облегчило его моральные страдания. Но все же и в это время он не переставал чувствовать себя как в «незамкнутой тюрьме».

В 1850 г. Шевченко вновь был подвергнут аресту и обыску по доносу за нарушение царского приказа о воспрещении писать и рисовать. Положение его снова сильно ухудшилось. Тяжелые моральные переживания усиливались еще и тем, что царская жандармерия подвергла преследованию тех, кто осмеливался вести переписку с политическим ссыльным. В частности, строгое предупреждение от шефа жандармов графа Орлова получила княжна В. Н. Репнина, друг Шевченко.

Десять лет Тарас Григорьевич томился в ссылке, мужественно перенося «эту мрачную монотонную десятилетнюю драму». Только в 1857 г. по ходатайству друзей ему удалось вырваться из солдатской неволи.

По пути возвращения домой — в Астрахани, в Нижнем Новгороде, в Москве, в Петербурге — всюду передовые люди восторженно встречали поэта-борца. «Земляки мои, большей частью кияне,— записывает он в дневнике,— так искренно, радостно, братски приветствовали мою свободу...»

В Москве Шевченко остановился у своего друга, русского артиста Щепкина, в гостеприимном доме которого было немало московской интеллигенции.

«В Москве,— отмечает Шевченко в дневнике,— более всего радовало меня то, что я встретил в просвещенных москвичах

самое теплое радушие лично ко мне и непритворное сочувствие к моей поэзии».

Но особенно восторженный прием Тарасу Григорьевичу оказали его многочисленные друзья и знакомые и вообще почитатели его таланта в Петербурге, куда он прибыл в марте 1858 г. В письме к С. Т. Аксакову Шевченко писал: «...до сих пор еще не могу вырваться из восторженных объятий земляков моих. Спасибо им. Они приняли меня как родного, давно не виданного брата...»

Чернышевский, по воспоминаниям Д. Мордовцева, говорил: «Над Тарасовой головой взошла звезда, его теперь Петербург не знает где и посадить, чем и угощать»⁸.

Прием, оказанный Тарасу Шевченко, в значительной мере был политической демонстрацией, выражением протеста против деспотических действий царского правительства, преследовавшего народного поэта — борца за свободу.

В Академии Художеств Шевченко занимался гравированием. В сентябре 1860 г. за свои работы он получил звание академика гравирования. Причем это нисколько не отвлекало его от литературной и революционной деятельности.

Ссылка не сломила Шевченко. Украинские помещичье-буржуазные националисты, утверждая противоположное, клеветают на поэта. Кулиш писал, что Шевченко в результате ссылки будто бы был «ослаблен и искалечен духом». В таком же духе в своей вступительной статье к «Кобзарю» клеветал на Шевченко и националист М. Славинский. В действительности же Тарас Григорьевич всю свою жизнь оставался стойким революционером.

В отдельных лирических стихотворениях Шевченко проскальзывали нотки уныния и безнадежности (например, в стихотворении «И молодость моя минула»). Но это настроение вовсе не связано с общественно-политическими убеждениями поэта. Возможно оно возникло под впечатлением разрыва Шевченко с Лукерией Полусмак, на которой он предполагал жениться. Вышеназванное стихотворение написано ровно через месяц после этого разрыва. Затем через день он написал стихотворение «Хотя лежачего не бьют», в котором ярко выражает свой революционный гнев против царизма. Стихотворение заканчивается словами: настанет время, когда люди «царя на плаху поведут». А еще через десять дней поэт создает стихотворение «І тут і всюди — скрізь погано», которое также пронизано твердой верой в то, что взойдет солнце и будет правда на земле.

По возвращении из ссылки в Петербург поэту было дозволено жить в столице под «строгим полицейским надзором» и при-

⁸ «Літ. наук вістник», 1902, червень, стр. 249.

условии, «чтобы начальство Академии Художеств имело должное наблюдение, дабы он не обращал во зло своего таланта». Когда в июне 1859 г. Шевченко выехал к себе на родину, на Украину, вслед за ним полетели секретные письма с предписанием тайно вести за поэтом неустанную слежку. В июле 1859 г. Шевченко был арестован по обвинению в том, что занимался «богохульством» и говорил, «что не нужно ни царя, ни панов и попов».

Когда Шевченко решил перебраться на жительство на Украину в район г. Канев, киевский генерал-губернатор Васильчиков писал в III отделение: «Если бы Шевченко пожелал поселиться в дешнем крае, то я полагаю бы отклонить его намерение», т. к. Шевченко «известен здесь, как человек, скомпрометировавший себя в политическом отношении».

Шевченко чувствовал, видел, что за ним все время следят, что его постоянно преследует царская жандармерия.

В одном из стихотворений, относящихся к этому периоду времени, поэт пишет:

О горюшко! о горе мне!
Где спрятаться — и сам не знаю:
Везде пилаты распинают,
Морозят, жарят на огне!

Тяжелые условия жизни и болезнь в ссылке сильно подорвали здоровье Тараса Григорьевича. В марте 1861 г. не стало поэта-революционера.

Похороны поэта как в Петербурге, так и на всем пути переноса его тела из Петербурга на Украину превратились в демонстрацию любви народа к великому поэту и протеста против царского правительства, преследовавшего великого поэта-борца.

В литературе о Шевченко были попытки «отыскать» среди западноевропейских мыслителей и литераторов идейных вдохновителей поэта-революционера. Эти попытки в конечном счете выражали неверие в самобытные творческие силы украинского народа, раболепие перед иностранщиной.

В действительности же в творчестве поэта-революционера и мыслителя нашли свое выражение страдания и гнев трудового народа, его ненависть к угнетателям.

«...Революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян», — писал Ленин⁹.

Эти мысли и отобразил Тарас Шевченко в своем творчестве.

Сын крепостного и сам крепостной, выкупленный из неволи, Шевченко с ранних лет жил среди народа и с молоком матери

⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 96.

впитал в себя народную мудрость. Народные песни, сказания были одним из важнейших идейных источников его творчества. Поэт писал:

Наша дума, наша песня
Не умрет, не сгинет...
Вот в чем, люди, наша слава,
Слава Украины!

Конкретными выразителями этих народных дум, песен, сказаний выступали на Украине, главным образом, бандуристы, лирники, кобзари — странствующие певцы, они же и разносили народные песни по всей стране.

Действующим лицом многих поэтических произведений Шевченко является кобзарь, бандурист. Лирники, кобзари, бандуристы выступали на Украине не только в роли музыкантов, — они были своеобразными агитаторами. Кобзари жили в отрядах запорожских казаков, делили с ними горе и радость и потому пользовались всеобщей любовью и уважением. В условиях почти сплошной неграмотности народа кобзари, бандуристы были хранителями лучших народных преданий и традиций.

В поэме «Гайдамаки» Шевченко рассказывает о слепом кобзаре Волохе, который ходил с отрядами воинов. Кобзарь не только играл плясовые и веселые песни, но воспроизводил в представлении слушателей образы славных предков, — великих борцов, например, Богдана Хмельницкого, вдохновлял народ на патриотические подвиги.

Помещики рассматривали кобзарей как прямых соучастников вооруженных восстаний. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что панский суд подвергал кобзарей смертной казни наравне со всеми активными повстанцами. Это, в частности, видно из так называемых «Коденских книг», являющихся собранием допросов, протоколов и судебных приговоров, а точнее говоря, записью зверской расправы, которой были подвергнуты многочисленные участники восстания гайдамаков 1768—1769 годов. Среди казненных числятся и три известных бандуриста: Прокоп Скряга, Михайло Соковой и Василий Барченко¹⁰.

В связи с усилением процесса закрепощения крестьянства в XVIII—XIX вв. большое распространение в списках получили сатирические произведения народного творчества, в которых изобличались пороки феодально-крепостнического общества, царского чиновно-бюрократического аппарата, лицемерие и корыстолюбие церковнослужителей.

Шевченко обобщил все богатство народного творчества. Отобрав из него все лучшее, передовое, поэт выступил в роли

¹⁰ «Киевская старина», апрель, 1882, стр. 161—166.

истинно народного кобзаря. Не случайно его стихи вышли в печати под общим названием «Кобзарь».

Путешествуя в 1843 г. по Днепру, Шевченко записывает песни и рассказы об активных деятелях народных восстаний — Палия, Бондаренко, Левченко и других.

В августе 1846 г. поэт останавливается в Каменец-Подольске у учителя П. Чуйкевича и записывает там ряд народных песен. Разъезжая в 1859 г. по селам Украины, Шевченко заносит в дорожный альбом многие народные песни.

В повести «Близнецы» Шевченко говорил: «Я, как собиратель народных песен, много записал у него (Сокиры.— М. Н.) вариантов и самых песен, нигде мною прежде не слыханных» (IV, 26). В повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» он писал: «Из Житомира послал я... юным прекрасным друзьям моим тетрадку малороссийских песен, записанных мною от подолян и волянян» (IV, 386).

Возвращаясь из ссылки в 1857 г. и проезжая пароходом по Волге мимо исторических мест, связанных с именем Степана Разина, Шевченко отмечает в своем дневнике: «Волжские ловцы и вообще простой народ верит, что Стенька Разин живет до сих пор в одном из приволжских ущелий близ своего бугра...».

Из беседы с лоцманом Шевченко узнает о том, что думает народ о Разине. Он сделал вывод о живучести в народе революционных традиций. Относясь к полученным сведениям одобрительно, поэт записывает у себя в дневнике о том, что Разин не был разбойником (V, 114—115).

Свое отношение к народному творчеству Шевченко выразил в предисловии к предполагаемому в 1847 г. изданию «Кобзаря». В нем он критикует просветительски настроенных писателей-дворян, которые смотрят на народ свысока, стоят от него далеко и поэтому не могут понять его стремлений и чаяний. «...Э, нет, братики, почитайте вы думы, песни,— писал он,— послушайте как они (мужики.— М. Н.) поют, как они говорят между собою, шапок не снимая, или на дружеском пиру, как они вспоминают старину и как они плачут, как будто на самом деле в турецкой неволе или у польского магнатства цепи волочат...»¹¹.

В рецензии на «Кобзаря» Добролюбов писал: «Он близок к народной песне, а известно, что в песне вылилась вся прошедшая судьба, весь настоящий характер Украины; песня и дума составляют там народную святыню, лучшее достояние украинской жизни. В них горит любовь к родине, блещет слава прошедших подвигов... У Шевченко мы находим все элементы украинской народной песни»¹².

¹¹ Тарас Шевченко. ПЗТ, т. I, стр. 375.

¹² Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах, т. III. Гослитиздат, 1952, стр. 540.

Изучением народного творчества занимались и другие украинские писатели, например, Котляревский, Квитка-Основьяненко, Гребёнка, но только Шевченко поднял этот вопрос на принципиальную высоту. Без изучения народных дум, песен, сказаний, воспоминаний, словом, всего идейного наследия народа, нельзя быть народным поэтом, писателем, народным борцом,—такова точка зрения Тараса Шевченко.

Если мы учтем, что это было в эпоху крепостничества, когда народ был почти поголовно неграмотным, когда украинская литература только еще начинала зарождаться и оформляться, когда вместо церковной, непонятной для народа схоластики в народ только еще начало пробиваться живое украинское литературное слово, то мы поймем все историческое значение идей великого поэта и мыслителя.

Шевченко был чрезвычайно высокого мнения об украинском фольклоре. Кто-то, рассказывает он, сравнил наши исторические думы «с рапсодиями Хиосского слепца, праотца эпической поэзии» — Гомера. Такое сравнение вначале показалось поэту смешным, но затем, сопоставив украинские думы, например, «Иван Коновченко», «Савва Чалый», «Алексей Попович пирятинский» и другие с эпопеями Гомера, Шевченко пришел к выводу, что украинские исторические думы-эпопеи «так возвышенно-просты и прекрасны», что если бы воскрес «слепец Хиосский», да послушал бы хоть одну из них, то он разбил бы свою лиру «и поступил в *михоноши* к самому бедному нашему лирнику...».

Народная поэзия и поэзия Тараса Шевченко местами так тесно переплетаются, что трудно проследить, где кончается одно и начинается другое. Но это переплетение не следует, однако, понимать чисто механически. Шевченко не выступает в роли простого подражателя. Опираясь на богатое идейное наследие народа, он творчески перерабатывает его.

* * *

Шевченко наследовал лучшие традиции передовой украинской и русской философской мысли. Он был знаком с некоторыми произведениями украинского философа и поэта второй половины XVIII столетия Г. С. Сковороды (1722—1794 гг.), в которых нашел свое выражение протест против усиления крепостнического гнета на Украине. Творчество Сковороды объективно подрывало церковно-феодалную идеологию помещиков-крепостников.

Вышедший из простой казацкой среды, Сковорода пользовался большой популярностью в народных массах. Его портреты в первой половине XIX в. висели во многих украинских домах.

Вокруг имени странствующего философа сложилось немало рассказов и легенд. Его песни распевались бандуристами и кобзарями на площадях и базарах.

Сковорода резко изобличал пороки феодально-крепостнического общества. Он осуждал «златожадную погоню за богатством», изобличал тех, кто «непрестанно стягает грунты», т. е. разными способами прибирает к рукам земельку; тех, кто «для чинов углы панские трет», т. е. подхалимничает. Сковорода изобличает купца, который «при аршине все лжет»; ростовщика, у которого «все в процентах». Он бичует праздных, роскошествующих гуляк, у которых «шумит дом от гостей, как кабак»; разоблачает юриста, который право перетолковывает «на свой тон»; клеймит распутников, которых «беспокоит Венерин Амур»; смеется над пустыми богословскими схоластическими спорами, когда «с диспута трещит голова».

Сковорода называл себя «другом поселян» и с сарказмом говорил об аристократах, презрительно относившихся к простому народу. «Барская умность, — писал он, — будто простой народ есть черный, видится мне смешная, как и умность тех названных философов, что земля есть мертвая: ибо как мертвой матери рожать живых детищ? И как из утробы черного народа вылупись белые господа?»¹³.

Тарас Григорьевич еще в детстве проявлял интерес к творчеству Сковороды. Это видно из его стихотворения к А. О. Козачковскому. О Сковороде Шевченко говорит и в своих русских повестях — «Наймычка», «Княжна» и «Близнецы». Из них видно, что Шевченко был хорошо знаком с деятельностью Сковороды и с его биографией. В повести «Близнецы» Шевченко называет его «настоящим философом», «истинным философом». Из следственных материалов III отделения по Кирилло-Мефодиевскому обществу видно, что Посяда, принадлежавший к направлению Шевченко, «Сковороду почитал великим философом»¹⁴.

Но Шевченко, стоя на материалистической позиции, не мог полностью согласиться с философией Сковороды, которая в конечном счете была все же философией идеализма, не лишенной элементов мистицизма. Шевченко называет Сковороду «мистиком-философом» и правильно критикует его за мистицизм.

Заслуживает особого внимания то, что Шевченко один из первых обратил внимание на демократизм Сковороды, критикуя одновременно непоследовательность его демократизма.

Благотворное влияние на формирование мировоззрения Шевченко оказали И. П. Котляревский, П. П. Гулак-Артемовский, Г. Ф. Квитка-Основьяненко, Е. П. Гребенка и другие. В сти-

¹³ «Телескоп», ч. XXVI. М., 1835, стр. 165—166.

¹⁴ ЦГИА, фонд 109, ед. хр. 81, ч. 8 (1847), л. 28 об.

хотворениях «На вечную память Котляревскому» (1838) и «К Основьяненку» (1839) Шевченко положительно оценил творчество этих писателей, отметил их популярность среди народа.

Но значение названных писателей в истории формирования передовой общественной мысли Украины нельзя переоценивать, как это делают украинские буржуазные националисты, чтобы затушевать революционный демократизм Шевченко, принизить его роль в освободительном движении. Котляревский, Гулак-Артемовский и другие, сделав первые шаги в сторону народности и реализма, остались далекими от народа. Они сочувственно относились к крестьянству, осуждали произвол помещика. Но их критика была направлена не против всей системы крепостничества, а только против отдельных ее сторон. В их произведениях не было принципиального осуждения феодально-крепостнического строя, отсутствовали указания на какие-либо реальные меры борьбы против него.

Классовую ограниченность дошевченковских украинских писателей видел украинский поэт-революционер П. А. Грабовский. Отмечая некоторые положительные стороны «Энеиды» Котляревского, он в своей статье «Памяти Т. Г. Шевченко» (1901) писал: «Это были неглубокие мечты чисто дворянского свойства, составлявшие главное содержание украинской поэзии до Шевченко»¹⁵. В своих общественно-политических воззрениях эти писатели не выходили из рамок дворянского просветительства. Однако в конце XVIII и первой трети XIX в. и это имело прогрессивное значение.

Ограниченность этих писателей, их оторванность от народных масс еще более отчетливо видел Шевченко. Он понимал, что они не отражали подлинных настроений, нужд и чаяний простого народа. «Прочитали себе по складам «Энеиду» да потолкались около шинка, да и думают, что вот когда уж мы распознаем своих мужиков. Э, нет, братики... Чтобы знать людей, нужно пожить с ними. А чтобы их описывать, надо самому стать человеком, а не напрасным растратчиком чернила и бумаги. А тогда пишите и печатайте, и труд ваш будет трудом честным... Покойный Основьяненку очень хорошо присматривался к народу, но не прислушивался к языку, потому что, может быть, не слышал его в колыбели от матери, а Г[улак] — Артемовский хотя и слышал, но забыл, потому что в паны постригся»¹⁶.

Только Шевченко, выходец из народных низов, был крепко связан с простым народом и в своем творчестве полно, глубоко и верно отобразил его подлинные интересы. «...Он заслуживает высокой оценки, — говорил А. М. Горький, — именно как первый

¹⁵ Павло Грабовський. Вибрані твори. Київ, 1949, стр. 306.

¹⁶ Тарас Шевченко. ПЗТ, т. I. Київ, 1951, стр. 375.

и воистину народный поэт...»¹⁷. Только Шевченко положил начало новому, революционно-демократическому направлению в украинской литературе, в истории общественной мысли Украины.

На формирование и мировоззрение Шевченко огромное влияние оказала передовая общественная мысль России, в особенности русские революционные демократы.

Проявляя большой интерес к истории украинского и русского народов, Шевченко критически использовал труды тогдашних историков. Он был знаком со многими летописями, читал, например, «Историю руссов», которая впервые была опубликована в 1846 году. В ней положительно оценивается борьба украинского народа против панской Польши и воссоединение Украины с Россией. В 1822 г. была опубликована написанная с монархических позиций «История Малой России...» Д. Н. Бантыша-Каменского; в 1842—1843 гг. вышла в свет пятитомная «История Малороссии» Н. Маркевича. Шевченко интересовался летописью Величко («Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в. Составил Самоил Величко, б. канцелярист Войска запорожского, 1720»). Как видно, еще до ссылки Шевченко интересовался историей Украины.

Украинские буржуазные националисты пытаются утверждать, будто Шевченко некритически воспринимал эти источники. Но это не соответствует действительности.

Шевченко был широко знаком также с мировой общественной мыслью и культурой и критически использовал ее. Либерально настроенные писатель И. Тургенев и поэт «чистой лирики» Я. Полонский, которым претил «мужицкий» демократизм Шевченко, бросали поэту упреки в том, что он «не был ни умен, ни начитан». Изучение произведений Шевченко и его дневника показывает, что он был хорошо знаком с произведениями таких писателей, как Шекспир, Байрон, Данте, Гёте, Шиллер, Беранже, Барбье, Жорж Занд, Бальзак, Вальтер Скотт, Бернс, Мицкевич и многих других.

Ему также известно было творчество многих виднейших композиторов: Глинки, Бетховена, Даргомыжского, Моцарта, Шопена, Паганини, Верди, Вебера, Россини, Доницетти, Майербера, Гайдна и других. Тарас Григорьевич очень любил театральное искусство и в этой области выступал как глубокий критик.

Если к этому добавить, что Шевченко был знаком с произведениями таких мыслителей, как Вольтер, французские энциклопедисты, Бэкон, Галилей, с произведениями античных мыслителей, что он проявлял интерес к вопросам естествознания, — то станет ясным, что диапазон его интересов был весьма обширен.

¹⁷ М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 189.

Итак, исторические условия современной Шевченко эпохи создали благоприятную почву для его творческого развития. Критическая переработка гениально одаренным поэтом и мыслителем богатейшего материала народного творчества и идейного наследия своих предшественников, тесное общение с передовыми деятелями своего времени,— все это дало возможность Тарасу Шевченко подняться на уровень современной ему общественной мысли.

* * *

Мировоззрение Шевченко не возникло сразу в готовом виде. Нельзя представлять себе данный вопрос упрощенно, как будто бы Шевченко с первых же шагов своего творчества стал революционным демократом, последовательным материалистом и воинствующим атеистом.

На первый взгляд может показаться, что в произведениях Шевченко имеются противоречия. Так, в «Иване Подкове» Шевченко, имея в виду Запорожскую Сечь, провозглашает:

Было время — на Украине
В пляску шло и горе...
Да, жилось когда-то славно!

Мотив восхваления жизни казачества звучит и в других его произведениях, написанных в 1839—1842 гг. («Думы мои, думы мои», «Перебендя», «К Основьяненко», «Тарасова ночь», «Гайдамаки»). В этих же произведениях он воспеваает подвиги и славу гетманов.

В более поздних произведениях Шевченко высказывает другую точку зрения по данному вопросу. Так, в произведении «И мертвым и живым... послание» (1845) поэт резко отрицательно отзываясь об украинских гетманах. В стихотворении «Сон» («Горы мои высокие»), написанном в 1847 г., он называет гетманов «проклятыми», «погаными», «окаянными».

Некоторые критики пытаются объяснить это тем, что в более позднем периоде своего творчества Шевченко отказался от воспеваания украинской старины. Правильно ли такое толкование? Нет, не правильно, ибо и в более поздний период своего творчества Шевченко с восторгом пишет о прошлом Украины.

Украинский буржуазный националист А. Колесса утверждал, что в 1840—1843 гг. Шевченко идеализировал гетманщину, а в 1843—1845 гг. порвал с казакофильским романтизмом; враждебные чувства к панской Польше, по мнению А. Колесса, у него притихли и он якобы стал выступать вместе с поляками против Московского государства¹⁸. Украинские буржуазные национа-

¹⁸ См. «Зап. наук Тов-ва ім. Шевченка», т. III. Львов, 1894, стр. 92—96.

листы Галиции проводили австро-польскую политику примирения украинцев с поляками и разжигания враждебного чувства к русскому народу и поэтому они всячески фальсифицировали взгляды Шевченко в интересах своей реакционной политики.

Некоторые советские авторы бросают народному поэту упреки в «казакофилстве», в том, что он, дескать, не видел классовой дифференциации среди казачества и идеализировал прошлое. Когда поэт, воспевая национально-освободительную борьбу украинского народа, говорит о деятельности украинских гетманов, возглавлявших эту борьбу, его обвиняют в том, что он не видел реакционной роли гетманов, «идеализировал» прошлое как «золотой век», «затушевывал классовую борьбу, любясь гетманскими жупанами и булавами».

Отсюда делается ошибочный вывод, будто бы в 40-х годах XIX в. Шевченко «идеализировал прошлое», будто бы в его творчестве звучат нотки реакционного «романтизма», «национальной ограниченности», «узкого украинского национализма».

Правильно, на наш взгляд, творчество Шевченко первого периода оценено в «Истории украинской литературы». «Ненавидя крепостническую действительность, Шевченко,— говорится в I томе «Истории украинской литературы»,— возрождал в памяти потомков героическое прошлое во имя современного и будущего, возбуждая этим освободительные стремления народа». «В произведениях этого периода Шевченко еще не раскрыл полностью своего понимания классовой борьбы в обществе того времени. Очевидно, это понимание у него еще только формировалось, вызревало. В исторических произведениях Шевченко, воспевая героика прошлого, высказывал свое неудовлетворение слабостью освободительной борьбы в современных поэту условиях. В некоторых произведениях этого периода на исторические темы не раскрыта настоящая сущность гетманщины («До Основьяненко») ¹⁹.

В творческом развитии Шевченко нет каких-либо резко очерченных, принципиально различных периодов. Однако мировоззрение Шевченко претерпело известную эволюцию.

Сам Шевченко говорит, что 1843—1845 гг. были поворотными для его общественно-политических воззрений в сторону большей политической заостренности.

Каковы же основные черты воззрений Шевченко до 1843 года?

В поэмах, посвященных истории украинского народа («Иван Подкова», «Тарасова ночь», «Гайдамаки», «Гамалия» и др.) Шевченко воспекает «казацкую волю», подвиги казаков, борьбу украинского народа против гнета, кабалы панской Польши, грабительских набегов султанской Турции и татарских ханов, вос-

¹⁹ Історія української літератури, т. I. Київ, 1954, стр. 222, 229.

певаёт и прославляет украинских гетманов как борцов против иноземного гнета. Но это не было идеализацией украинской старины, идеализацией гетманов, как об этом говорят буржуазные националисты.

Не надо забывать, что Шевченко прежде всего поэт, (а не историк, не социолог), поэтому надо раскрывать его художественные образы, надо чувствовать и понимать прежде всего политическое звучание его произведений в его эпоху. Для украинского народа, как и для Шевченко, казак — это вольный человек, который не хотел больше терпеть гнет, кабалу, издевательство со стороны помещиков-крепостников и иноземных эксплуататоров, который бежал из-под ненавистного ига, бежал, зная, что идет на жизнь, полную величайших трудностей и лишений. И все это — ради воли, ради свободы. Так понимают казачество и советские историки²⁰.

Высоко оценивал казачество Н. В. Гоголь. В повести «Тарас Бульба» он показал сильные характеры казаков-патриотов. Он с любовью рассказал о могучей «Запорожской Сечи», откуда вылетали гордые и сильные орлы, «откуда разливается воля и казачество на всю Украину».

Герцен в статье «О развитии революционных идей в России» (1851) писал: «Он (малоросс.— М. Н.) любит отчизну, свой язык, предание о казачестве и гетманах. Независимость свою, дикую и воинственную, но республиканскую и демократическую, Украина отстаивала на протяжении веков...», в борьбе с угнетателями малороссы «никогда не складывали оружие»²¹.

А. М. Горький, говоря о Шевченко, заметил: «В его жалобах на личную судьбу — слышна жалоба всей Малороссии, в его воспоминаниях о казацкой воле — вы чувствуете воспоминания всего народа»²².

Именно такого понимания «казачества» и боялись враги народа — представители царской власти, поэтому-то воспевание поэтом «вольного казачества» они ставили ему в вину, рассматривали это как борьбу за свободу против крепостничества. Недаром начальник III отделения граф Орлов в своем докладе царю 28 мая 1847 г. писал, что Шевченко в стихах «возглашал» о «прежней вольности казачества».

Украинские помещичье-буржуазные националисты, скрывая классовую сущность образования казачества, всячески чернили его. Так, П. Кулиш в своей «Истории воссоединения Руси» озлобленно хулит казаков как «разбойников», «хищных варваров» и т. п. Националист М. Грушевский презрительно на-

²⁰ См. «Исторія Української РСР», т. I. Київ, 1953, стр. 136.

²¹ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений в тридцати томах, т. VII, стр. 227.

²² М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 189.

зывает их «степными авантюристами» «казаковавшими авантюристами»²³.

Все это говорит о том, что вовсе не националистическими, а идейно-политическими и антикрепостническими мотивами объясняется воспевание поэтом вольности Запорожской Сечи. В этом проявился гнев Шевченко против царского самодержавия, притеснявшего вольность запорожцев, а затем ликвидировавшего Запорожскую Сечь. В народном творчестве создавались песни, в которых разгром царским правительством Запорожской Сечи связывается с усилением крепостнического гнета.

Естественно поэтому, что воспевание поэтом казачества вообще и Запорожской Сечи, в частности, выражало его протест против крепостничества. По сути дела, это было призывом к борьбе против крепостнического гнета,— борьбе, которую вели с оружием в руках казаки.

В статье, посвященной 125-летию со дня рождения Шевченко, «Правда» писала: «Издавна чужеземные хищники зарились жадными глазами на богатства Украины. Веками народ боролся против завоевателей... В войнах с татарскими ханами, с польскими панами, со шведскими феодалами украинские крестьяне дрались рука об руку с русскими... С помощью русского народа украинский народ свернул шею шляхетскому стервятнику. Шевченко увековечил в незабываемых поэмах имена боевых героев»²⁴.

При этом следует отметить, что Шевченко не идеализировал украинских гетманов. Известно, что центром движения казачества была Запорожская Сечь, где жизнь была организована по военному образцу. Вся история казачества — это история борьбы против польских панов-магнатов и шляхты, против турецких и татарских грабителей. В таких условиях гетман, избираемый обычно казацкой верхушкой, выполнял роль военачальника и администратора. Гетман возглавлял борьбу казачества. От его способностей, искусства, храбрости и преданности народу зависело очень многое. Гетманство в таких условиях было естественным продуктом исторической необходимости.

В своих поэмах Шевченко и воспеваает гетманов-полководцев, руководителей народа в вооруженной борьбе против угнетателей.

В рассуждениях некоторых авторов, приписывающих Тарасу Шевченко «идеализацию» гетманов, отсутствует конкретно исторический подход к событиям общественной жизни. Они рассуждают так: если действует царь или гетман, значит — дело

²³ М. Грушевский. Очерк истории украинского народа. 1911, стр. 204, 206.

²⁴ «Правда», 6 марта 1939 г.

реакционное. Но едва ли найдутся теперь серьезные люди, которые прославление деятельности Дмитрия Донского или Александра Невского будут расценивать как реакционную «идеализацию» только потому, что Дмитрий Донской и Александр Невский были князьями!

Каких же гетманов воспевают Шевченко в своих произведениях?

В поэме «Иван Подкова» поэт пишет о гетмане Иване Подкова, выступавшем в 70-х годах XVI столетия во главе казачества против султанской Турции и павшем смертью храбрых: он был казнен панской Польшей по требованию Турции.

В поэме «Гамалия» описан патриотический подвиг отряда казаков под командой атамана Гамалия, напавшего на турецкий город Стамбул, чтобы освободить «братьев» из турецкой неволи.

В поэме «Тарасова ночь» выведен запорожский гетман, избранный нереестровыми казаками, Тарас Федорович, именуемый «Трясило», который в 1630 г. возглавил большое восстание украинского народа против гнета шляхетской Польши и под г. Переяславом наголову разбил польское войско.

В этой же поэме «Тарасова ночь», а также в произведениях «То пасхальное воскресенье» и в драме «Никита Гайдай» Шевченко говорит о гетмане Наливайко, который в 1594—1596 гг. возглавлял восстание украинского народа против панской Польши, за национальную независимость украинского народа, против султанской Турции и татарских ханов. Наливайко был захвачен польскими властями и с жестокостью казнен в Варшаве. О его подвиге и мужестве в народе сохранилось немало легенд и преданий. Героический образ Наливайко воспел в своем творчестве декабрист-революционер поэт Рылеев.

В поэме «Тарасова ночь» Шевченко упоминает Павлюгу (точнее Павлюк), который в 1637 г. возглавил борьбу запорожцев и крестьянства против гнета шляхетской Польши. Павлюк был казнен польскими властями в Варшаве.

В «Гайдамаках» Шевченко воспевают подвиги гетмана запорожского войска Острияницы (Яков Остриянин) — одного из вождей восстания нереестровых запорожских казаков в 1638 г. против гнета шляхетской Польши.

В этой же поэме поэт славит таких гетманов, как Богдан Хмельницкий, Наливайко, Богун.

Разве такие поэмы дают основание для обвинения поэта в «национальной ограниченности»? Наоборот, в них мы видим воспевание героической борьбы украинского народа против чужеземных поработителей, за национальную независимость, что вполне отвечало историческим задачам развития и укрепления его национального самосознания.

Шевченко понимал, что воспевание им казачества противоречит интересам помещиков. В стихотворении «Сон» (1848) поэт, посылая «проклятье» «окаянным магнатам, гетманам поганым», пишет:

А панам лукавым
Нету дела до великой
До казацкой славы?!

Следовательно, не всех без разбору гетманов воспевал народный поэт, а только тех, которые во главе казачества и всего угнетенного народа боролись против чужеземных угнетателей.

Сторонники той точки зрения, что Шевченко националистически идеализирует украинских гетманов, иногда ссылаются на отношение Шевченко к гетманам Полуботко и Мазепа. Действительно, в произведениях «Сон» («У всякого своя доля») и «Подземелье» поэт положительно отзывался о гетмане Полуботко. Но это надо понимать, исходя из общего направления идейно-политических воззрений автора. Дело в том, что в 20-х годах XVIII в. Петр I начал решительно ограничивать автономию Украины, создав Малороссийскую Коллегию из офицеров, которая и стала контролировать деятельность гетмана и казацкой старшины; в города назначались царские коменданты для наблюдения за местной старшиной. После смерти гетмана Скоропадского Петр I запретил проводить обычные выборы гетмана из казацкой старшины и сам назначил временным гетманом полковника П. Полуботко. Выражая интересы русских помещиков, царизм, таким образом, отеснял украинских феодалов на второстепенное место. Среди украинской старшины, преследовавшей свои классовые интересы, естественно развивались оппозиционные настроения против Петра I, связанные с сепаратистскими планами отторжения Украины от России. Ввиду этого Петр I и приказал арестовать Полуботко и некоторых других представителей украинской старшины.

Шевченко со всей присущей ему страстностью ненавидел царизм и очень часто изливал свой гнев против царей «палачей», «людоедов». В отличие от идеологов помещичьего строя, восхвалявших деятельность царей, Шевченко понимал, что все, что творил Петр I, он делал за счет страданий и мучений крепостного крестьянина. Именно поэтому Шевченко, считая царя главным врагом народа, положительно отзывался о гетмане Полуботко, попытавшегося выступить против царя.

Аналогично относился Шевченко и к Мазепе. Свое положительное отношение и к Полуботко и к Мазепе он проявлял именно в связи с деятельностью Петра I. Но на этом основании нельзя упрекать Шевченко в том, как это делается иногда в нашей литературе, будто он «не понял» прогрессивной исторической

роли русского царя Петра I. Как известно, Петр I очень много сделал для укрепления государства помещиков и торговцев за счет крепостного крестьянства. Шевченко, как крестьянский революционер, расценивал деятельность Петра I под углом зрения интересов угнетенных народных масс. Он видел, как помещики-крепостники во главе с царем зверски эксплуатируют крестьян. Характеризуя помещиков, Шевченко в одном из «посланий» заметил: «Дерете с братьев-гречкокосеев три шкуры». Страдания закабаленного, гибнувшего в муках, кровно близкого ему крестьянства вызывали у поэта глубокую скорбь. В особенности его возмущала массовая гибель крепостных и рядовых казаков, согнанных по царскому приказу на берега реки Невы для постройки на «болоте» Петербурга. В поэме «Сон» он писал:

Царь проклятый, царь лукавый!
Здесь, в земле пустынной,
Что ты сделал с казаками?
Засыпал трясины
Благородными костями;
Поставил столицу
Ты на их кровавых трупах!

Все это заслоняло для Шевченко другие стороны сложного исторического процесса. Поэт Полонский говорил: «...на Екатерину II Шевченко смотрел только как на виновницу крепостного права,— и знать ничего больше уже не хотел: ни видеть, ни слышать»²⁵.

Спекулируя на этой ненависти Шевченко к Петру I, украинские буржуазные националисты утверждали, будто Шевченко был врагом русских и поэтому симпатизировал гетману Мазепе, известному изменнику Петра I в войне со шведами и представлявшему интересы некоторой старшинной аристократической верхушки.

Так делает, например, один из вожаков националистов Галиции, Е. Огновский в своей вступительной статье к львовскому изданию 1893 г. «Кобзаря» Тараса Шевченко.

Проявляя жгучую ненависть к царям и считая их виновниками величайших бедствий горячо любимой им Украины, Шевченко прежде всего направляет свой гнев против Петра I, называя его «палачом». Шевченко высказывает сочувствие Мазепе именно потому, что он враг Петра I. Но в отношении Шевченко к Мазепе не выражается ненависть к русскому народу, как это пытаются превратно толковать украинские буржуазные националисты.

²⁵ Т. Г. Шевченко. Кобзарь з додатком споминок про Шевченко... У Празі, 1876, стр. XII.

Это становится тем более понятным, если обратиться к рассмотрению высказываний Шевченко о Мазепе в тех случаях, когда он говорит о нем безотносительно к Петру I. Тогда поэт выступает прямо против Мазепы. В повести «Близнецы» (1855) Шевченко, положительно отзываясь о Богдане Хмельницком, называет Мазепу «знаменитым анафемой». Через несколько страниц Тарас Григорьевич снова упоминает «проклинаемого» Ивана Мазепу.

Интересна также в плане отношения Шевченко к Мазепе поэма «Чернец», написанная на основе народных преданий об одном из популярных казацких полковников Семене Палий, который под старость пошел «спасаться» в монастырь. Палий известен как руководитель восстания украинских казаков и крестьян против польской шляхты в 1702—1704 гг. Палий был ложно обвинен гетманом Мазепой и сослан царем в Сибирь, но через некоторое время оправдан.

Шевченко с величайшим уважением относится к Палию. Он подчеркивает, что когда Палий шел в монастырь, то за ним шло казачество и «весь честный Киев». Мазепу же в этой поэме поэт характеризует отрицательно:

«И старый гетман, как сова, глядит в глаза».

Указанная выше оценка Тарасом Шевченко деятельности Петра I и вообще всех царей была как бы ответной реакцией на позицию помещичье-буржуазных историков, которые не хотят видеть, что вся история общества творится трудом народных масс, за счет их мучений и страданий, что цари всегда защищают угнетателей и являются врагами народа.

Прославляя гетманов, борцов за освобождение народа от работодателей, Шевченко иногда допускал ошибки. Так, в стихотворении «Завалило черной тучей» поэт положительно оценивает деятельность гетмана Петра Дорошенко, который в действительности был изменником Украины, и намеревался отдать свою страну султанской Турции и Крымскому ханству.

Но эти отдельные промахи и ошибки Тараса Шевченко не могут заслонить собою его концепцию революционного демократизма.

Если Кулиш, кичившийся западноевропейской культурой, в 70—80-х годах XIX в. всячески хулил казачество и по-барски видел в его деятельности только разгул, пьянство и грабеж, то лучшие люди русского и украинского народа, подобно Тарасу Шевченко, видели историческое значение и роль казачества, его патриотическую борьбу.

Великий Гоголь, много изучавший историю украинского народа, реалистически, в основном правильно отражал историю, когда в повести «Тарас Бульба» писал о Запорожской Сечи:

«...вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена до тла неукротимыми набегами монгольских хищников. Лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек... на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете... Бранным пламенем объялся древне-мирный славянский дух, и завелось казачество — широкая разгульная замашка русской природы... Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед». «Эта странная республика, — продолжает Гоголь о Запорожской Сечи, — была именно потребностью того века»²⁶.

Далее Гоголь говорит о патриотической освободительной борьбе украинского народа под руководством гетмана Остряницы, то го самого, которого воспекает в своей поэзии и Тарас Шевченко.

Гоголь не учитывает всех сторон общественной жизни того времени, не говорит о роли крепостного права, спасаясь от которого, люди бежали в Запорожскую Сечь (есть только общее упоминание о «бесчинстве чужеземных панов»). Но тем не менее он пронизательно подошел к оценке того, какую историческую роль сыграла Запорожская Сечь, указывая, что ее появление вызвано «потребностью» своего времени, что ее «вышибло из народной груди огниво бед».

Стало быть, в лице Гоголя Тарас Шевченко имел своего предшественника, который воспекал геройские подвиги, патриотизм «вольного казачества» и его славную борьбу под водительством гетманов, выступавших борцами за общенародное дело. Но ведь Гоголя никто не назовет за это «узким националистом»?! Эти патриотические традиции Гоголя наследовал и продолжил Шевченко. Об интересе Шевченко к «Тарасу Бульбе» свидетельствует, в частности, и тот факт, что в 1842 г. он нарисовал картину на сюжет из Гоголя: «Встреча Тараса Бульбы с сыном...».

Здесь нет необходимости говорить о различии, важно отметить некоторые черты сходства у Гоголя и Шевченко в понимании общего исторического значения роли казачества того времени. И тот и другой не идеализировали прошлое, а отражали в той или иной мере историческую действительность, что в условиях того времени имело положительное значение.

В поэме «Гайдамаки», отражая реальную борьбу украинского народа против крепостного гнета шляхетской Польши, прославляя эту борьбу устами священника в его проповеди, Шевченко вызывает в представлении восставшего народа образы

---

²⁶ См. Н. Гоголь. Избранные произведения. Изд-во «Московский рабочий», 1948, стр. 252, 268, 346.

славных героев, предков-гетманов как беззаветных борцов за дело народное. Он пишет:

.....Где прах
Богдана — славного из славных?
Где Острицины в степях,
Где Наливайкова могила?
.....Лях гуляет;
Богдана нету — обагрить
Течение зеленой Роси
И Желтых Вод²⁷.

В воспевании подвигов знаменитого полководца восставшего украинского народа Богдана Хмельницкого нет идеализации гетманщины. Нет ее также и в прославлении Тарасом Шевченко и других гетманов, которые действительно выступали борцами за свободу народа.

Это понимал революционный демократ Добролюбов. Он писал о «Гайдамаках» Шевченко: «...Пред нами современный поэт, любящий славу родимого края и с грустной отрадой вспоминающий подвиги отважных предков»²⁸.

Революционизирующее значение таких произведений Шевченко, как «Иван Подкова» и «Гамалия», видела царская цензура. В 1891 г. один из цензоров так мотивировал запрет на издание произведения «Иван Подкова»: «По своему небольшому объему, как копеечная литература, стихотворение будет иметь несомненно, самое широкое распространение и может возбудить в народных массах весьма опасные воспоминания». По поводу поэмы «Гамалия» полицейские из III отделения докладывали царю: «Предвзятые умы легко могли провести параллель между турецкой неволей и мнимым порабощением народа малороссийского... и призыв к освобождению запорожцев, как призыв к бунту и своеволию».

Если Шевченко и говорит, что раньше — во времена казачества — хорошо жилось на Украине, то это вовсе не означает призыва возвратиться к старому, это есть не что иное, как противопоставление свободы гнѣту крепостничества.

Это понимал еще украинский поэт-революционер П. А. Грабовский. В статье «Памяти Т. Г. Шевченко» (1901) он писал: «Наблюдая повсеместно гнет закрепощенной массы, поэт естественно вдохновлялся борьбой за человеческую свободу и равно-

²⁷ Т. Шевченко. Собрание сочинений в пяти томах, т. I. М., ОГИЗ, 1949, стр. 146—147. (В этом издании перевод дан точнее: Богдан Хмельницкий в соответствии с подлинником назван «славным», чего нет в русском издании 1955 г.).

²⁸ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений в шести томах, т. II. Гослитиздат, 1935, стр. 566—567.

правность в прошлом и противопоставлял его настоящему»²⁹. Шевченко понимал невозвратимость и гетманщины и Запорожской Сечи.

Нет идеализации старины и в поэме «Гайдамаки». Поэма призывала к расправе над врагами народа. Помещик П. Лукашевич в письме к И. Срезневскому называл «Гайдамаков» пахнущими кровью», а поэта «возмутителем черни». Шевченко рассказывает, что ему стоило немалых усилий протащить «Гайдамаки» через цензурный комитет, доказать, что он «не бунтовщик». В письме к Г. С. Тарновскому 26 марта 1842 г. он говорит: «Я думаю, вы меня хорошенько побранили за «Гайдамаки». Было мне с ними горя, насилу выпустил цензурный комитет, *возмутительно*, да и кончено, насилу кое-как я их уверил, что я не бунтовщик»³⁰.

О том революционизирующем значении, какое имели такие произведения Шевченко как «Гайдамаки» и «Тарасова ночь», можно судить по тревоге, которая возникла среди помещиков. Распространился слух о заговоре против помещиков, о том, что будто бы скоро наступит «Тарасова ночь», во время которой будут поголовно истреблены помещики. Местом сбора заговорщиков считалась могила Шевченко близ г. Канева, а самый заговор связывался с именем губернского секретаря Г. Н. Честоховского, который, по поручению друзей Шевченко, после погребения поэта оставался в Каневе и занимался отделкой его могилы. Каневский «предводитель дворянства» доносил начальству, что к могиле Шевченко стекается множество посетителей, что распространяется молва о надежде крестьян в будущем безвозмездно завладеть помещичьей землей, «что в скором времени настанет час, в который по-прежнему народ будет резать помещиков (панов) и притом не пощадит ни духовенства, которое держит за одно с панами, ни чиновников, которых дворянство оплачивает для того, чтобы они скрывали права народа...»

Киевский предводитель дворянства просил генерал-губернатора принять меры против распространения среди крестьян «гайдамацких настроений», воспретить распространению таких волнующих умы сочинений Шевченко, как «Гайдамаки», «Тарасова ночь», воспретить скопища людей на могиле и вообще перенести могилу в какое-либо другое, менее опасное место. Киевский губернатор разместил сотню казаков в Каневе.

Предводители киевского и каневского дворянства, несомненно, отражали настроения многих помещиков. Некоторые из этих слухов, конечно, не имели под собой никакой почвы, например,

²⁹ П. Грабовський. Вибрані твори. Київ, 1949, стр. 311.

³⁰ «Возмутительно» — это значит поэма призывает к возмущению, к бунту.

история с ножами, будто бы зарытыми в могиле Шевченко. Но во всех этих событиях оставалось в основе своей верным то, что имя Шевченко сделалось символом революционной борьбы крестьянства против гнета помещиков и царского чиновничьего аппарата, что с именем Шевченко связывалась борьба крестьянства за землю и что поэмы «Гайдамаки», «Тарасова ночь» поддерживали, оживляли в крестьянстве старые традиции гайдоматчины — беспощадной борьбы с угнетателями, помещиками-крепостниками.

Итак, уже до 1843 г. Шевченко выступает как революционер. Он воспевал свободу, выражал протест против крепостнического гнёта, отображал в своих произведениях вооруженную борьбу украинского народа против крепостничества. В этом — главный политический смысл таких произведений Шевченко, как «Иван Подкова», «Тарасова ночь», «Гамалия» и в особенности «Гайдамаки» (а вовсе не в воспевании патриархальщины, идеализации прошлого, как утверждают буржуазные националисты).

Революционное значение «Гайдамаков» высоко ценил Чернышевский. Когда в апреле 1861 г. произошли два больших крестьянских восстания в с. Кандеевцы, Пензенской губернии и в с. Бездна, Казанской губернии, Чернышевский, не имея возможности открыто откликнуться на эти события по цензурным соображениям, поместил в майском номере журнала «Современник» поэму «Гайдамаки» в русском переводе.

Революционные настроения и взгляды Шевченко, надо полагать, усилились в результате наблюдений и впечатлений, которые поэт получил во время своей поездки на Украину в 1843 г. Лишения, нищета, голод, страдания, гнет и подавленность крепостного народа, с одной стороны, и, с другой — роскошь, безделье, пьянство помещика-крепостника, его издевательства над крепостными, — все это сильно подействовало на впечатлительную натуру Тараса Шевченко, беззаветно любившего свой народ. Поэт переходит от исторической тематики к критике современного ему феодально-крепостнического строя, причиняющего простому народу мучения и страдания. Он призывает к борьбе против помещиков-крепостников, против царя.

Если раньше Шевченко воспевал героев-гетманов, их борьбу во главе казачества, то теперь он видит и тех гетманов, которые выступали приспешниками российского царизма и панской Польши («И мертвым, и живым...»).

Поэма «Тризна», написанная в Яготине в 1843 г., явилась переломным произведением. В стихотворении «Три года» поэт как бы подводит итог эволюции в своем мировоззрении.

При рассмотрении «Тризны», имеющей некоторое автобиографическое значение, следует остановиться лишь на одной стороне ее содержания, на вопросе эволюции общественно-политических

воззрений Шевченко. Описав кратко свои детские годы «в семье убогой», свою сиротскую долю, «упреки злые» «за хлеб насущный», поэт говорит далее о том, что его «душа рвалась, душа рыдала, просила воли», но в мире он увидел много «гадов земных» и решил бороться с ними до конца. Он увидел, что его родина, так же, как и он сам, закована в цепи и понял, что надо пойти на патриотический суровый подвиг, пожертвовать жизнью за «родной край». Теперь перед ним встала задача слагать изблительные «псалмы» против современных «палачей». В произведении «Три года» Шевченко пишет, что у него «прозрели очи» и он вокруг себя увидел очень много горя и зла.

Не случайно, на третий же день после сочинения этой поэмы в своем знаменитом «Завещании» поэт призывает порвать цепи и помещицой вражеской кровью окропить волю.

Нельзя, конечно, представлять дело упрощенно и абсолютно отгораживать 1837—1843 гг. от последующих лет формирования взглядов поэта. В творчестве Шевченко и до 1844 г. были зачатки того, что стало характерным впоследствии — непосредственный призыв к борьбе против крепостничества и царизма. Так, в поэме «Гайдамаки» поэт обращается с большим укором к современникам, ко внукам бывших борцов за освобождение народа и восклицает:

Что же внуки? Все равно им —
Панам жито сеют.
Много их, а кто укажет,
Где Гонты могила?
Где легла его святая
Праведная сила?
Железняк, душа родная,
Где лежит зарытый?
Тяжело! Палач на троне,
А они забыты.

Но революционный демократизм Шевченко находит свое более полное и политически более острое выражение после 1843 г. в таких произведениях, как «Сон» («У всякого своя доля»), «Кавказ», «Завещание», «И мертвым, и живым... послание», «Холодный яр» и др. В это время поэт выступает непосредственно и со всей остротой против феодально-крепостнического строя, против царизма, против национального гнета и прямо призывает к вооруженной борьбе, показывает эту массовую вооруженную борьбу народа как закономерную, оправдываемую самими условиями общественной жизни.

Позднее, в 50-годах, в иных условиях — в период подготовки царем крестьянской реформы, под влиянием Чернышевского и его журнала «Современник» Шевченко особенно решительно бо-

рется против либералов — этих прислужников царизма. Понятно, что в первые годы своего творчества (1837—1843) он еще не поднялся до изложенных выше обобщений, имеющих громадное политическое и теоретическое значение и свидетельствующих о крайней заостренности его политических воззрений. И именно это характеризует направление формирования мировоззрения Шевченко.

Но и после 1844 г. Шевченко возвращается к исторической тематике — к описанию казачества и гетманов. Например, в стихотворении «То пасхальное воскресенье» (1848) он пишет о том, как запорожцы собрались для того, чтобы избрать гетмана и избрали гетманом «преславного, удалого Павла Кравченко Наливайко». В стихотворении «Швачка» (1848) поэт воспеваает одного из руководителей гайдамацкого восстания 1768 года. В стихотворениях «Иржавец», «Чернец», «Платок» Шевченко в той или иной мере прославляет «славу казацкую», «старых гетманов» и «свободу давнюю» в Запорожской Сечи.

Стало быть, вовсе не правы те критики (о них уже было сказано), которые утверждают, что в этом периоде своего творчества Шевченко, дескать, уже не касается «старины», не прославляет больше казачество и гетманов, а только клеймит их позором.

В одном из ранних своих произведений «Назар Стодоля» (1843) Шевченко показывает резкую вражду между эксплуататорской верхушкой казачества — старшиной и рядовыми, бедными казаками. Богатый сотник, эгоистический, жадный до наживы, стремящийся к чинам, лицемерный, злой, деспотический Хома Кичатый притесняет бедного казака Гната Карыя, борющегося против социальной несправедливости, готового отдать жизнь за родину, за друга Назара. В образе главного героя Назара Стодоля поэт отобразил свободолюбивые черты народа, вражду к социальной несправедливости. Назар Стодоля мечтает уехать в тот край, «где одна только воля. Одна воля да счастье...» В первом варианте драмы Шевченко доводит конфликт до крайней степени — Гнат Карый убивает Хому Кичатого. (Впоследствии, возможно по цензурным соображениям, конец драмы был переделан).

Все это говорит против тех критиков, которые пытаются приписать Шевченко «идеализацию» казачества вообще.

Нельзя, конечно, требовать от Шевченко полного понимания классовой дифференциации казачества и точных формулировок политико-экономических терминов. Но для нас одно остается несомненным — воспевание поэтом освободительной борьбы казачества имело революционизирующее значение, возбуждало патриотические чувства украинского народа в его справедливой борьбе против феодального гнета, за национальную независимость.

До конца жизни Шевченко был верен революционному демократизму. В 1857 г. по возвращении из ссылки он писал в дневнике: «Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась. Некоторые вещи просветлели, округлились, приняли более естественный размер и образ».

Стойкость духа Шевченко отмечали его петербургские друзья и знакомые. На одном из вечеров, данных в честь возвращения поэта из ссылки, Н. Д. Старов, по своим воззрениям примыкавший тогда к направлению Белинского и Чернышевского, заявил, что Шевченко «в мрачных стенах казармы смердячей не ослабел духом, не отдался отчаянию».

Уже в первые годы своего творчества Шевченко выступает в основном как материалист. Он воспринимает и природу, и человека непосредственно такими, какие они есть, в их реальной конкретности.

Первые годы творчества Шевченко, как было уже отмечено, отличаются меньшей заостренностью его идейно-политических воззрений. Это сказывается и на его воззрениях, относящихся к философии. Материализм в это время не выявляется так непосредственно и прямо, как в дальнейшем, поэт не выступает еще прямо против идеализма; материализм еще не так тесно сочетается с атеизмом, как это выявится впоследствии. В первое время, т. е. до 1843 г., пожалуй, только в поэме «Слепая» в образе Оксаны Шевченко подходит к атеизму.

В 1844—1847 гг., тем более после ссылки, как это видно в особенности из дневника, Шевченко решительно воюет с идеализмом как со своим идейным врагом. Материализм в этот период ясно сочетается с атеистическими воззрениями, поэт выступает как воинствующий атеист и остается таким до конца своей жизни.

В первые годы (1837—1843) Шевченко еще не имел каких-либо определенных высказываний относительно характера общества, которое должно наступить в случае победы народа. Общие контуры социалистического общества, понимаемого им утопически, по-крестьянски, вырисовываются в его произведениях лишь в последующие годы.

ВЛИЯНИЕ ПЕРЕДОВОЙ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НА ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

В борьбе против социального и национального гнета украинский народ получал помощь и поддержку великого русского народа. Общность исторического происхождения, сходство социально-экономических условий жизни, близость по языку и характеру, необходимость борьбы с общим врагом — с помещиками-крепостниками, с буржуазией и царизмом внутри страны и с грабительскими нападениями извне — все это создавало прочную основу, на которой складывалась дружба двух братских народов.

Передовые русские деятели и мыслители, борясь против самодержавия, как оплота крепостничества, рассматривали царизм как врага не только русского, но и украинского, белорусского и других угнетенных народов России. Царское правительство действовало по принципу: «разделяй и властвуй», натравливало один народ на другой. В статье «Украина» в июне 1917 г. Ленин писал, что проклятое царистское прошлое «все сделало для *взаимоотчуждения* народов, столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹.

Царское правительство угнетало другие народности, в частности украинцев. Делались попытки, как это видно из циркуляра министра Валуева 1863 г., «доказать», будто «никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может». Во всяком выступлении украинцев за родной язык царское правительство видело проявление «сепаратизма». Наступившая реакция в 60-х годах XIX в. добилась того, что украинские школы были ликвидированы, популярная литература на украинском языке для начальных школ (в том числе и букварь Т. Г. Шевченко) была уничтожена.

Русские революционные демократы сороковых — шестидесятих годов XIX в. осуждали идею национальной замкнутости, на-

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 25, стр. 74.

циональной вражды к другим народам России. Русский народ они рассматривали как старшего брата среди других народов страны. Под словом «народ» они понимали трудящиеся, угнетенные классы крепостнической России. «Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству,— писал Добролюбов,— не уживается с неприязнью к отдельным народностям...»².

Происходила борьба двух культур, «культуры» самодержавного царя, помещиков-крепостников и их приспешников — буржуазных либералов — и культуры передовых слоев русской общественности, революционных демократов, борющихся за дружбу и единение русского и украинского народов. «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре,— писал Ленин.— Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве...»³.

В украинской нации также происходила борьба двух культур, носителями которых были, с одной стороны, помещики-крепостники, помещичье-буржуазные либералы-националисты типа П. Кулиша и Н. Костомарова, а с другой — передовая часть общества — революционные демократы, идейным вождем которых выступал Шевченко.

Украинские буржуазные националисты вели лживую пропаганду о противоположности психического склада русской и украинской нации, о якобы враждебном отношении украинцев к русским, всячески силились «доказать» полнейшую «отрубность» культуры украинского народа от культуры русского народа. Во времена более или менее «спокойной» обстановки украинские буржуазные либералы скрывали, маскировали свои противоречия с передовой, революционной частью украинской общественности. В условиях обострения классово-борьбы украинские либералы открыто шли в блоке с русскими помещиками и буржуазией, укрываясь от народного гнева за стальной щетиной штыков русского самодержавия.

Украинские буржуазные националисты усиленно распространяли клеветническую мысль о том, будто вся русская печать резко враждебно отнеслась к вышедшему в 1840 г. «Кобзарю» Шевченко и прежде всего потому будто, что книга эта написана на украинском языке. Враждебное отношение реакционной прессы националисты умышленно распространяли на всю русскую печать.

---

² Н. А. Добролюбов. Избранные философские сочинения, т. II. 1946, стр. 407.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 16.

В действительности же лучшие передовые слои русского общества сочувствовали и содействовали развитию украинской национальной культуры вообще. Так, вскоре после того, как появился «Кобзарь» Шевченко в журнале «Отечественные записки» (1840) Белинский дал очень хороший отзыв о нем. «Стихотворения г-на Шевченко,— писал он,— ближе всего подходят к так называемым народным песнопениям... Здесь есть... все элементы народной поэзии юга нашего отечества». Белинский решительно выступает против тех, кто пытается возражать по поводу того, что Кобзарь написан на украинском языке. Книжки, распространяемые в Малороссии на украинском языке,— писал он,— «без сомнения принесут величайшую пользу южнорусским простолюдинам-читателям»⁴.

Петербургская «Литературная газета» 4 мая 1840 г. положительно оценила «Кобзаря», заявив, что у автора «виден талант неподдельный».

Журнал «Современник» в обзоре литературы указал на то, что «понимающие малороссийский язык прочтут это собрание («Кобзаря» Шевченко.— М. Н.) конечно с удовольствием и благодарностью».

Шевченко понимал силу дружбы украинских и русских трудящихся масс, братского единения всех угнетенных славянских народов. В поэме «Еретик» он бросил клич:

Чтобы стали все славяне
Братьями-друзьями,
Сыновьями солнца правды...

Русские революционные демократы боролись не только против буржуазного национализма, но и против безродного космополитизма. Выступая против раблепного, слепого преклонения перед всем иностранным — западноевропейским, они понимали, что развитие мировой культуры и общественной мысли совершается в национальной форме. «Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом,— писал Белинский,— словом без содержания, звуком без значения»⁵. Он метко заклеил безродных космополитов как «беспаспортных бродяг в человечестве».

Так русские и украинские передовые и революционные деятели вели борьбу против самодержавия и крепостничества за дружбу двух братских народов, выступали против лживой националистической пропаганды, сеявшей ненависть и раздор меж-

⁴ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IV. М., 1954, стр. 171—172.

⁵ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X. М., 1956, стр. 29.

ду народами. И эта борьба против помещиков и царизма, за демократизм нашла свое выражение в литературном творчестве, в совместной деятельности, в братской идейной взаимопомощи двух народов при руководящей роли передовой общественной мысли великого русского народа. Она нашла свое яркое отражение также и в творчестве и общественной деятельности украинского поэта и мыслителя Тараса Шевченко.

Философские и общественно-политические взгляды Шевченко формировались, развивались и крепились под влиянием передовых идей русской общественности. Его деятельность протекала в тесной связи с общественной деятельностью передовых русских людей. Выдающийся поэт-революционер П. Грабовский свыше пятидесяти лет тому назад писал, что Шевченко шел плечом к плечу с лучшими деятелями России.

* * *

Когда формировалось мировоззрение Шевченко, русская литература уже вполне сложилась. Она уже твердо встала на путь реализма. В ней нашли свое отражение антикрепостнические настроения крестьянских масс.

Шевченко восхищался творчеством великих русских писателей — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и других. Многие из произведений Пушкина он знал наизусть. В своих русских повестях и в дневнике Тарас Григорьевич часто упоминает имя Пушкина и относится к великому русскому поэту с глубоким уважением и любовью. Еще в 1840 г. Шевченко сделал акварельный рисунок к пушкинской «Полтаве». Вместе со своими друзьями и знакомыми он нередко читал сочинения Пушкина. Так, в Нижнем Новгороде на квартире у артистки Пиуновой читались «Сцены из рыцарских времен», «Каменный гость», в Петербурге у художника Брюллова — поэма «Анджело».

Находясь в ссылке, Шевченко неоднократно обращается с просьбой к друзьям и знакомым, чтобы ему прислали сочинения Пушкина, Лермонтова, Кольцова. При аресте Шевченко в ссылке у него были обнаружены сочинения Лермонтова и Пушкина. Как рассказывает сам Шевченко, он намеревался создать поэму «вроде «Анджело» Пушкина, перенося место действия на Восток, и называл ее «Сатрап и дровиш».

Но было бы, конечно, неправильно говорить о простом подражании. И великий русский поэт Пушкин и великий украинский поэт Шевченко отличаются самобытностью.

Шевченко воспринял традиции освободительной борьбы первого поколения борцов — революционеров-декабристов, продолженные Пушкиным. Как Пушкин в «Послании в Сибирь»,

в «Арионе», в десятой главе «Евгения Онегина» воспевают декабристов, так и Шевченко во «Сне» («У всякого своя доля»), «Юродивом» прославляет борьбу декабристов.

В 1859 г. в Лейпциге вышел сборник «Новые стихотворения Пушкина и Шевченко» (на русском и украинском языках), в котором, в обход царской цензуры, были помещены неопубликованные в России произведения обоих великих поэтов. Здесь впервые были опубликованы такие политически острые произведения Шевченко, как «Кавказ», «Завещание» (под названием «Думка»), «И мертвым и живым... послание», «Холодный Яр» и др. Этим как бы символизировалась общая направленность обоих поэтов в борьбе против царской деспотии.

В Россию нелегально проникло значительное количество экземпляров этого сборника. Только в библиотеках Ленинграда было выявлено 23 экземпляра⁶.

Известно, какой большой интерес проявлял Пушкин к волнениям, к восстаниям крестьянских народных масс и, в частности, к движениям, происходившим под руководством Емельяна Пугачева и Степана Разина. В 1826 г., после разгрома декабристов, он создал три песни о Степане Разине.

Пушкин выступает как поэт-борец против крепостного права. В стихотворении «Деревня» он клеймит рабство, осуждает дикость и произвол помещиков:

Здесь барство дикое без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.

В десятой главе «Евгения Онегина» Пушкин пишет о революционно настроенных декабристах — Тургеневе, Пестеле, Муравьеве, Якушкине, который

Казалось молча обнажал
Цареубийственный кинжал...,

о Тургеневе, который

Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

По своим идейно-политическим настроениям Пушкин был вместе с декабристами, хотя формально он не состоял в их тайной организации и участия в восстании не принимал⁷.

---

⁶ См. Ф. Я. Прийма. Шевченко і вільна російська преса. Сбірник праць п'ятої наук шевченк. конференції. Київ, 1957.

⁷ В статье «Новое о Пушкине и декабристах» М. Нечкина утверждает, что у декабристов «Южного общества» было намерение принять Пушкина в «Общество», а также «выявились горячее желание Пушкина вступить в „Общество“» (Литературное наследство, т. 58. М., 1952, стр. 155—166).

В отдельных случаях у Пушкина прорывается вспышка революционного гнева с такой силой, что он даже обращается к массам с призывом к восстанию, хотя это и не является характерной чертой его воззрений. В оде «Вольность», обращаясь к тиранам, он с гневом писал:

Питомцы ветреной судьбы
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимайте,
Восстаньте, падшие рабы!

Говоря об антикрепостнических воззрениях великого русского поэта, надо учитывать, конечно, то обстоятельство, что царская цензура не пропускала подобных произведений в печать. Но следует иметь в виду, что в 30—60-х годах в России была широко распространена нелегальная литература, которая ходила по рукам в списках. Об этом свидетельствуют многие современники. Герцен, например, писал: «Великий Пушкин явился царем-властителем литературного движения; каждая строка его летела из рук в руки; печатные экземпляры „не удовлетворяли“, списки ходили по рукам»⁸. То же самое в 1840 г. отмечал Белинский: «Как жаль, что не напечатана другая поэма Лермонтова... которая в рукописи ходит в публике, как некогда ходило „Горе от ума“: мы говорим о „Демоне“»⁹.

Еще в 20-х годах царь Александр I возмущался тем, что Пушкин «наводнил Россию возмутительными стихами; вся молодежь наизусть их читает». При той громадной тяге, какую имел Шевченко к передовой мысли, при его большом количестве друзей и знакомых, несомненно, что очень многое из рукописной литературы антикрепостнического, революционного и атеистического характера не минуло и его рук и повлияло на формирование его мировоззрения.

Реализм в литературе, ее идейную направленность по пути освободительного движения, ее боевой дух заложил своей поэзией еще Пушкин. Впоследствии Белинский, как литературный критик, подхватил и развил это направление, поднял его на новую высоту. Пушкин хорошо сознавал то значение, какое имеет великая освободительная борьба революционеров-декабристов. В послании «К Чаадаеву» он восклицает:

Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

⁸ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. II, стр. 391.

⁹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 544.

Думается, что в последней части «Завещания» украинского поэта звучат те же мотивы:

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрый тихим словом.

Интересно отметить также точки соприкосновения обоих великих поэтов в борьбе против религии и в разоблачении низменных интересов церковнослужителей. Здесь мы имеем в виду пушкинскую «Гавриладиу», его «Сказку о попе и о работнике его Балде» и такие произведения Шевченко, как «Мария», «Неофиты», «Сон» («У всякого своя доля»).

Но нельзя преемственность великих поэтов понимать упрощенно, прямолинейно. Пушкин боялся «разрушительной» крестьянской революции, хотя и отражал прогрессивные тенденции народа. Шевченко, вышедший из крепостных и всем своим существом крепко связанный с простым народом, отображал в своем творчестве массовую вооруженную борьбу крестьянства как закономерное, исторически оправдываемое явление, он непосредственно обращался к народным массам с призывом к восстанию.

Любимым автором Тараса Григорьевича был также великий русский поэт М. Ю. Лермонтов. «Наш великий Лермонтов», — так говорит о нем Шевченко. В своем дневнике, неоднократно цитируя поэзию Лермонтова, Шевченко восхищается «очаровательными стихами Лермонтова», его «глубоко поэтическими стихами». Всю жизнь он не расстается с произведениями Лермонтова. Будучи в ссылке, Шевченко в письмах к Лазаревскому и А. И. Лизогубу писал: «...сочинения Лермонтова и Кольцова, пришлите поэзии святой ради».

Созвучие произведений обоих поэтов определяется прежде всего идейно-политической направленностью в освободительной борьбе против зла и пороков современного им крепостнического общества. Известно, каким гневом воспылал Лермонтов в своем стихотворении «Смерть поэта», узнав об убийстве затравленного придворной реакционной кликой Пушкина. Это стихотворение в списках быстро облетело всю страну. Не может быть сомнения в том, что Шевченко знал о нем. «Железный стих» Лермонтова «облитый горечью и злостью», был направлен против крепостнической России — «страны рабов, страны господ». В борьбе против всех этих зол темного царства крепостной России поэт «мятежный ищет бури», ищет путей, методов, форм борьбы, ищет тех сил, на которые можно было бы опереться. Вот это свободолюбие великого русского поэта и роднило его с Тарасом Шевченко.

Свое идейно-политическое родство с Лермонтовым украинский поэт видит в том, что он также борется против «больших палачей», т. е. царей, которые проливают людскую кровь.

Автор «Горя от ума», друг и единомышленник виднейших деятелей декабристского движения А. С. Грибоедов произвел на Шевченко большое впечатление. Резкая и остроумная критика Грибоедовым язв и пороков крепостничества, косности и тупости царского бюрократического аппарата, злая ирония по поводу преследования всякой свободной мысли, по поводу циничной проповеди темноты, патриотизм писателя и его борьба против рабелепия перед иностранщиной — все это не могло не привлечь внимания демократа Шевченко. Он называет Грибоедова «бессмертным поэтом».

Эта оценка целиком совпадала с мнением Белинского, который в своей рецензии в «Отечественных Записках» еще в 1841 г. комедию Грибоедова «Горе от ума» назвал «бессмертной». В письме к Боткину в этом же году он писал: «...расейская действительность гнусна... комедия Грибоедова была оплеухой по ее роже»¹⁰.

Огромный интерес проявлял Шевченко к великому русскому писателю Н. В. Гоголю и давал о нем самые блестящие отзывы. В своих повестях он нередко использует для сравнения гоголевские персонажи, например, Плюшкина, Афанасия Ивановича и Пульхерию Ивановну, гоголевскую сваху и др. В повести «Близнецы» он с радостью отмечает, как знаменитые «Мертвые души» «разлетелись быстрее птиц небесных по широкому царству русскому». Поэт был в курсе той идейно-политической борьбы, которая разгорелась тогда вокруг гоголевских «Мертвых душ». Он берет под защиту Гоголя от «солидных благомыслящих людей», иначе говоря, реакционно настроенных (вроде Булгарина, Сенковского, Шевырева и им подобных), называет их «бандой блюстителей нравственности».

Однажды друг Тараса Шевченко — княжна Варвара Репнина плохо отозвалась о «Мертвых душах». Уже будучи в ссылке, Шевченко все же вспомнил об этом, в письме к ней 7 марта 1850 г. он берет Гоголя под защиту и дает о нем самые восторженные отзывы. «...Я всегда читал Гоголя с наслаждением...» — пишет Шевченко. — Перед Гоголем должно благоговеть, как перед человеком, одаренным самым глубоким умом и самую нежную любовью к людям!... истинный вестель сердца человеческого! Самый мудрый философ! и самый возвышенный поэт должен благоговеть перед ним, как перед человеколюбцем!».

---

¹⁰ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XII. М., 1954, стр. 25.

И в ссылке Шевченко старается не расставаться с произведениями Гоголя. В письме к Б. Залесскому от 20 мая 1856 г. он благодарит за присланные ему «Мертвые души». 22 апреля 1857 г. он пишет А. М. Марковичу о том, что получил два тома Гоголя. С радостью сообщает Б. Залесскому 9 октября 1854 г., что ему удалось прочитать биографию Гоголя. Весьма характерно: едва только вышли в начале 1847 г. «Выбранные места из переписки с друзьями», как Шевченко из ссылки в письме к Варваре Репниной 24 октября 1847 г. просит прислать ему эту книгу. Как видно из письма В. Репниной, она исполнила его просьбу.

Всегда стремившийся к личному общению с передовыми людьми своего времени, Шевченко очень сожалел о том, что ему не удалось познакомиться с Гоголем.

Обличительный, объективно-революционизирующий характер творчества Гоголя был очень сродни гневной поэзии великого украинского поэта-революционера, направленной против крепостничества и царизма. Этим и объясняется, прежде всего, его влияние, которое имел Гоголь на Тараса Шевченко, и то величайшее восхищение и любовь, которые высказывал Шевченко к Гоголю.

В дневнике Шевченко говорит о том, что для борьбы с пороками многочисленного «среднего класса» «нужна ловкая, меткая, верная» сатира, но не карикатурная, «скорей драматический сарказм». Такую именно роль, по мнению Шевченко, выполняет «Ревизор» Гоголя. Наследуя эту гоголевскую традицию, Шевченко и сам создает ряд сатир, таких, как «Сон» («У всякого своя доля»), «Умре муж велий в власянице...» и др.

Украинский поэт восторженно отзывается о Гоголе, как главе целого направления в литературе, за которым идут такие гениальные писатели, как, например, Салтыков-Щедрин с его замечательными «Губернскими очерками». «Я благоговею перед Салтыковым,— пишет Шевченко.— О Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какую радости возрадовалася бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!» (V, 120).

Гоголь бессмертен, по мнению Шевченко, именно потому, что он и его гениальные ученики, показывая бесправие народа, всю гниль крепостнического строя, продажность и произвол царского бюрократического аппарата, смело подняли свой голос за бедную «чернь», «за бессловесного смерда». В этом, в конечном счете, в борьбе за интересы простого народа сказывается сильнее всего влияние Гоголя на Шевченко.

«В «Мертвых душах» Гоголь писал, что ему приходится «озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озировать ее сквозь

видимый миру смех и незримые, неведомые ему слезы!»¹¹. Эту же мысль Шевченко образно выразил в стихотворении, посвященном Гоголю, отметив одновременно, что он борется за то же раскрепощение народа, но только иными средствами. Обращаясь к Гоголю, поэт писал:

Все оглохли, все ослепли,
В кандалах... поникли...
Ты смеешься, а я плачу,
Друже мой великий.

Но Шевченко не только «плакал» слезами ненависти против угнетателей закабаленного народа. В своих сатирических поэмах он «осмеивал» крепостнический строй жизни. В том же стихотворении «Гоголю» поэт писал, что он вместе с Гоголем будет «смеяться и плакать».

Шевченко прекрасно понимал значение гоголевского горького смеха: разорвать «кандалы», в которые закована царская Россия.

С сатирическими произведениями в дошевченковский период выступали, например, украинский философ и поэт Сковорода, Котляревский и другие украинские писатели. Шевченко поднял украинскую сатиру на новую высоту. Он разил своим уничтожающим смехом, революционным словом не только отдельные недостатки и пороки самодержавно-крепостнического строя, но и самые основы этого строя.

«Незабвенный наш Гоголь», «Наш великий Лермонтов», «поэт наш» — Кольцов, — пишет Шевченко. И это слово «наш», применяемое Шевченко ко многим передовым деятелям русской культуры, в устах великого украинского поэта-революционера и мыслителя имеет громадное значение. В нем заложено глубокое понимание исторического значения дружбы двух братских народов — русского и украинского, понимание их духовной связи, общности культуры, понимание того, что более развитая, передовая культура великого русского народа оказывает благотворное влияние на развитие передовой общественной мысли Украины.

Тарас Шевченко любил также великого русского баснописца И. А. Крылова. Он знал его произведения и неоднократно цитировал их в своем дневнике, упоминал также в русских повестях. Шевченко считал, что необходимо переиздать и более широко распространить сочинения русского баснописца. Он называл И. А. Крылова великим поэтом.

---

¹¹ Н. В. Гоголь. Избранные произведения. Изд-во Московский рабочий, 1948, стр. 750.

Шевченко интересовался также творчеством русского народного поэта А. В. Кольцова.

Итак, на формирование мировоззрения Шевченко, несомненно, оказали благотворное влияние передовые идеи уже сложившейся тогда русской литературы. И это понятно, поскольку Шевченко жил в центре передовой общественной мысли — в Петербурге, во многом учился и воспитывался на русской литературе.

* * *

Когда формировалось мировоззрение Шевченко, русская передовая общественная мысль уже имела свою немалую историю. Ближился к концу первый дворянский период в русском освободительном движении, связанный с именем декабристов, и начал совершаться переход ко второму периоду — периоду революционеров-разночинцев.

Декабристы, по выражению Ленина, разбудили Герцена. Они оказали влияние и на формирование взглядов Шевченко. Еще в первые годы своего творчества Шевченко в ряде произведений с глубочайшим сочувствием относился к декабристам — к «царям воли», «к первым русским благовестителям свободы», явно высказывая свою солидарность с их освободительной борьбой и надежду на то, что дело их не пропадет даром.

Еще в 1844 г. в поэме «Сон» Шевченко описывает каторжную работу на золотых приисках злодеев, разбойников, а затем с возмущением восклицает, что среди них «царь свободы», т. е. декабрист, который мужественно переносит надругательства.

Поэт выражает здесь основную мысль о том, что идеи декабристов о воле не пропадут; как семена, брошенные в землю, они взойдут и расцветут, укрепятся в сознании людей.

Сведения о декабристах Шевченко мог получить и в семье князя Н. Г. Репнина, бывшего малороссийского генерал-губернатора, с которым он познакомился в конце 1843 г. и у которого неоднократно гостил. Брат Н. Г. Репнина — С. Г. Волконский был видным декабристом.

Возвращаясь из ссылки, Шевченко всюду ищет общения с теми немногими декабристами, которые выжили и возвратились из ссылки. Он знакомится с ними, ведет беседы, всегда отзывается о них с величайшим уважением и любовью, изливает свой страшный гнев по адресу палача свободы, «коронованного фельдфебеля» — Николая I.

В Нижнем Новгороде Шевченко увидел на обложке журнала Герцена «Полярная Звезда» портреты пяти декабристов — Пестеля, Рылеева, Бестужева-Рюмина, Муравьева-Апостола и Ка-

ховского, повешенных деспотом царем Николаем I. О впечатлении, которое произвели портреты на Шевченко, видно из его записи в дневнике: «...в первый же раз увидел я «Полярную Звезду» Искандера за 1856 год, второй том. Обертка, т. е. портреты первых наших апостолов-мучеников, меня так тяжело, грустно поразили, что я до сих пор еще не могу отдохнуть от этого мрачного впечатления. Как бы хорошо было, если бы выбить медаль в память этого гнусного события. С одной стороны — портреты этих великомучеников с надписью — «Первые русские благовестители свободы», а на другой стороне медали — портрет неудобозабываемого Тормоза с надписью — «Не первый русский коронованный палач» (V, 161) ¹².

16 октября 1857 г. Шевченко записывает в дневнике: «У Якоби же встретился я и благоговейно познакомился с возвращающимся из Сибири декабристом, с Иваном Александровичем Анненковым ¹³. Седой, величественный, кроткий изгнанник... Благоговейно перед тобой, один из первозванных наших апостолов!».

Как видно из записи в дневнике за тот же день, Шевченко интересовался возвращением «из изгнания» Николая Ивановича Тургенева, обвиненного по делу декабристов, но жившего за границей и оставшегося там в эмиграции. Лишь на короткое время в 1857 г. он приезжал в Россию.

В ноябре 1857 г. Шевченко с большим сочувствием вспоминает также о декабристе Ивашеве, ссылаясь на рассказ А. И. Герцена.

Декабристов Шевченко называет первыми русскими борцами за свободу. Очевидно, под влиянием впечатлений о декабристах в конце своего знаменитого стихотворения «Юродивый», написанном в Нижнем Новгороде, поэт бросает гневный упрек «всевиждущему оку» — богу: видит ли оно как по приказу русского царя, «гонителя правды»

...Сотнями в оковах гнали
В Сибирь невольников святых?
Как истязали, распинали
и вешали?!

В стихотворении поэт заявляет, что он выведет на свет эти зверства царя и покажет, как мучаются невинные — «поборники священной воли», разумея под этим революционеров-декабристов.

¹² «Неудобозабываемым Тормозом», по примеру Герцена, Шевченко называл Николая I.

¹³ Анненков по делу декабристов был приговорен к двадцатилетней каторге.

В Москве, на квартире у Кошелева, Шевченко знакомится и ведет беседу с возвратившимся из тридцатилетней ссылки декабристом князем С. Г. Волконским.

Зная сильное стремление Шевченко к общению с бывшими декабристами, жена вице-президента Академии художеств графиня А. И. Толстая в апреле 1858 г. пишет ему записку: «Приходите к нам сегодня обедать, я угощу вас беседой Штейнгеля (декабриста)». Барон В. И. Штейнгель, осужденный на двадцатилетнюю каторгу, возвратился из Сибири в 1856 г.

Интерес к декабристам, общение украинского поэта-революционера с представителями борцов первого поколения освободительной борьбы свидетельствуют о большом уважении его к великим традициям прошлого, о стремлении воспринять, использовать эти традиции в новых условиях, на новом этапе.

Декабрист-поэт К. Ф. Рылеев должен был привлечь особое внимание Шевченко. Есть основания утверждать, что еще до ссылки Шевченко читал «Полярную Звезду» и был знаком с произведениями Рылеева. Поэзия Рылеева имеет ясно выраженный патриотический характер, она пронизана антикрепостническими и революционными идеями. Это явно выступает, например, в его «Агитационных стихах», написанных совместно с А. А. Бестужевым. В них имеются также антиклерикальные мотивы, переплетающиеся с революционными¹⁴. В книге «О развитии революционных идей в России» (1851) Герцен писал: «Революционные стихи Рылеева и Пушкина можно найти в руках у молодых людей, в самых отдаленных областях империи»¹⁵.

Сподвижник Герцена Н. П. Огарев в стихотворении «Памяти Рылеева», вспоминая свои отроческие годы, писал:

Везде шептались. Тетради
Ходили в списках по рукам:
Мы, дети, с робостью во взгляде
Звучащий стих свободы ради,
Таясь, твердили по ночам.

Не может быть, чтобы все это миновало Шевченко, жившего в 40-х годах в столице и жадно ловившего передовую общественную мысль. Важнее другое соображение. В своей поэзии Рылеев воспевает замечательных людей, патриотов, героев из истории прошлого («Думы», «Дмитрий Донской», «Смерть Ермака», «Иван Сусанин»), в том числе он уделяет также внимание героям подобного рода и из украинской тематики. У него имеются такие произведения, как дума «Наливайко» (отрывки из поэмы),

¹⁴ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. I. Госполитиздат, стр. 540—542.

¹⁵ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. VII, стр. 198.

«Гайдамак» (отрывок из поэмы «Хмельницкий»), «Палей» (отрывок из поэмы).

В поэме «Наливайко» (отрывки) Рылеев так передает мысль этого борца за свободу народа:

Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков?
Нет, нет! Мой жребий: ненавидеть
Равно тиранов и рабов.

.....
Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу...

.....
Мне ад — Украину зреть в неволе
Ее свободной видеть — рай! ¹⁶.

Поэзия Рылеева с ее украинской тематикой производила большое впечатление на украинцев ¹⁷.

Борьба украинского народа против гнета панской Польши, против набегов татарских ханов, борьба Украины и ее гайдамаки, запорожские казаки, ее гетманы, руководители этой борьбы — все это, о чем писал Рылеев, не могло не заинтересовать Шевченко.

Такая организация декабристов, как «Общество соединенных славян», возникшая в 1823 г. и затем присоединившаяся в 1825 г. к «Южному обществу», единогласно выступала за освобождение крестьян от крепостной зависимости, боролась против «тиранства», т. е. против царизма, за республику. Одним из важнейших вопросов идеологии этого общества является идея соединения всех славян в единую республиканскую федерацию.

Нам неизвестно, был ли Шевченко знаком с идеями этого общества, но несомненно то обстоятельство, что объективно эта идея воссоединения славян на демократических началах пропагандировалась Тарасом Шевченко и нашла свое яркое выражение еще в первых его произведениях, начиная с поэмы «Гайдамаки». Она затем была принята левым крылом «Кирилло-Мефодиевского общества», возглавляемым Шевченко.

Нам точно не известно, был ли знаком Шевченко с произведениями великого революционера Радищева, в частности, с его «Путешествием из Петербурга в Москву». Из современных исследований видно, что, несмотря на самые энергичные меры Екатерины II по розыску книги и ее уничтожению, она все же была распространена довольно широко. Можно поэтому до-

¹⁶ К. Ф. Рылеев. Избранное. ОГИЗ, 1946, стр. 118, 121, 122.

¹⁷ «Русская старина». СПб., 1888, декабрь, стр. 599.

пустить, что и Шевченко, так жадно тянувшийся к передовой общественной мысли, при его широчайшем круге друзей и знакомых был также знаком с «Путешествием...» Радищева. В подтверждение этого есть и еще одно обстоятельство. Один из экземпляров «Путешествия...» находился у В. М. Лазаревского. С его братом, М. М. Лазаревским, Шевченко был знаком, по всей вероятности с 1847 г., со времени ссылки; поэт был с ним в близких отношениях и подарил ему свой дневник, в котором записывал свои сокровенные мысли. Впоследствии, в марте 1858 г., Шевченко познакомился в Петербурге и с остальными братьями Лазаревскими, в том числе с владельцем названной книги, и дружил с ними. Вполне возможно, что Шевченко читал «Путешествие...» Радищева, находившееся у В. М. Лазаревского. Надо также учесть, что в 1858 г. Шевченко познакомился, как было уже отмечено, с возвратившимся из ссылки декабристом Штейнгелем, которому также была известна книга Радищева.

Шевченко общался также с петрашевцами Штрандманом, Плещеевым, Спешневым, Ханыковым и, что особенно важно, — с Момбелли, принадлежавшим к руководящей, наиболее революционной группе петрашевцев. Есть основание полагать, что революционные и атеистические воззрения петрашевцев не прошли для украинского поэта бесследно.

* * *

В середине XIX в. выдающееся и ведущее место в развитии освободительного движения и передовой общественной мысли России принадлежит революционным демократам — Белинскому, Герцену, Чернышевскому, Добролюбову, отражавшим интересы революционного крепостного крестьянства, возглавлявшим борьбу против самодержавия и крепостничества. Они оказали громадное влияние на освободительное движение и на формирование передовой общественной мысли Украины.

Это историческое значение передовой русской общественной мысли отмечали лучшие, передовые деятели украинской культуры. Например, писатель-революционер И. Я. Франко, продолжавший традиции Шевченко и в своем развитии поднявшийся выше его, говорил: «...Народ московский создал великое государство, к которому так или иначе обращаются взоры всей Славящины... Народ московский создал духовную, литературную, научную жизнь, которая также тысячными потоками беспрестанно влияет и на Украину...»¹⁸.

Выяснение организационных, личных связей Шевченко с русскими революционными демократами представляет большие

¹⁸ Иван Франко. Твори в двадцяти томах т. XVI. Київ, 1956, стр. 139.

трудности, ввиду запрещения царской цензурой в свое время даже упоминать в прессе имя Шевченко, направленного в 1847 г. в ссылку, и имя Чернышевского, после расправы над ним, и имя Михайлова, и многих других. Все же советские исследователи проделали немалую работу, на основании которой можно сделать серьезные положительные выводы. Важнее, конечно, установить общность идейно-политических воззрений. Для этого теперь имеются вполне достаточные основания в связи с опубликованием более или менее полных собраний сочинений русских революционных демократов и Шевченко, многих архивных материалов.

Точно известно, что Шевченко читал журнал «Отечественные Записки», идейно возглавляемый Белинским. Это, в частности, видно из письма к нему Репниной от 9 декабря 1845 г., при котором она направляла два номера этого журнала. Основные идеи Белинского, которые он развивал в 40-х годах, то направление философского материализма и революционного демократизма, начало которому в истории русской передовой мысли положил Белинский, осмысливание значения и пропаганда метода критического реализма в литературе — все это, без сомнения, было школой для Шевченко.

Идеи о взаимоотношении между жизнью и поэзией, признание первичности жизни в борьбе с теорией «чистого искусства», подлинное понимание народности литературы, борьба за ее высокую идейность, утверждение того, что поэт, писатель имеет своей задачей не просто отображать конкретную жизнь, а активно вмешиваться в нее, влиять на ее развитие — все эти идеи, систематически развиваемые Белинским, находят свое полное и верное выражение в произведениях Шевченко. Этим следует объяснить то обстоятельство, что оценки Белинским творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя в основе своей совпадают с точкой зрения Шевченко.

Как уже было сказано, Белинский написал положительные рецензии на «Кобзаря» Шевченко. Но надо сказать и другое: у Белинского были и ошибки в его отношении к украинскому языку, к Шевченко, как украинскому поэту. Как видно из рецензий на такие произведения украинской литературы, как сборник «Сніп, український новорічник», сборник «Ластівка» (1841), поэма «Гайдамаки» (1842), и из письма к П. В. Анненкову в декабре 1847 г., Белинский не понял всего значения языка формирующейся тогда украинской нации, роли и значения Шевченко, как национального украинского революционного поэта¹⁹.

Выяснение причин этого отвлекло бы нас далеко в сторону от главного вопроса; важно подчеркнуть, что и в названных выше

---

¹⁹ В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 440.

рецензиях Белинский с большим уважением относится к украинскому народному творчеству и к украинскому народу вообще. В рецензии на «Сніп» он прямо говорит о том, что «стоит... чести» учиться украинскому языку для изучения «памятников народной малороссийской поэзии». То же самое в рецензии на «Ластівку» Белинский отмечает, что «памятники народной поэзии (украинской.— М. Н.) драгоценны, и сохранение их похвально». В этой же рецензии он писал: «Малороссия — страна поэтическая и оригинальная в высшей степени. Малороссияне одарены неподражаемым юмором; в жизни их простого народа так много человеческого, благородного... Прибавьте к этому азиатское рыцарство, известное под именем удалого казачества; вспомните тревожную жизнь Малороссии, ее борьбу с католическою Польшею и басурманским Крымом и Турцией,— и вы согласитесь, что трудно найти более обильного источника поэзии, как малороссийская жизнь»²⁰.

Белинский приветствовал выход в свет книги «История Малороссии» (Николая Маркевича), как выражение стремления к дружбе украинского и русского народов. «Народы начинают сознавать,— писал он,— что они — члены великого семейства человечества, и начинают братски делиться друг с другом духовными сокровищами своей национальности». Белинский особо подчеркивал важнейшее историческое значение воссоединения Украины с Россией, очень высоко оценивал деятельность знаменитого борца за это воссоединение Богдана Хмельницкого. «Слившись навеки с единокровной ей Россией,— писал он,— Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке... Вместе с Россией ей предстоит теперь великая будущность...»²¹.

Как и все русские революционные демократы, Белинский понимал, что «великая будущность» народов лежит на пути революционного свержения социального и национального гнета, что свободное развитие украинской нации, ее национальной культуры в интересах трудящихся возможно только при условии дружбы, свободного объединения с русским народом.

Что касается рецензии Белинского на «Гайдамаки», то в ней имеется одна очень важная мысль: он осуждает внимание Шевченко по преимуществу к прошлой истории украинского народа. Этим самым Белинский как бы подсказывает Шевченко мысль о необходимости переключиться с исторической тематики непосредственно на борьбу с язвами в современной жизни и, стало быть, сделать свою позицию политически более актуальной.

²⁰ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 177.

²¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII, стр. 45, 63, 64—65.

Рецензия на «Гайдамаки» написана в 1842 г., а 1843 г., как было уже отмечено, является для творчества Шевченко переломным в том смысле, что с исторической тематики в 1844—45 гг. он переходит на злободневную тематику, направленную непосредственно против крепостничества и царизма.

Шевченко был лично знаком с Белинским. Как рассказывает в своих воспоминаниях редактор «Художественной газеты» А. Н. Струговщиков, у него на вечере 27 апреля 1840 г. вместе с другими литераторами, художниками и актерами были В. Г. Белинский и Т. Г. Шевченко²². Это не было случайной встречей. Струговщиков отмечает, что это был «наш кружок», который собирался систематически. Как видно из воспоминаний И. И. Панаева, Шевченко мог встречаться с Белинским также на вечерах у украинского писателя Гребенки²³.

В творчестве Шевченко нет прямых сведений о том, читал ли он в 40-х годах произведения Герцена. Но не может быть никакого сомнения в том, что многое, если не все, что было опубликовано тогда Герценом в прессе, Шевченко читал и не мог не читать. В журнале «Отечественные записки», который, как было уже сказано, Шевченко читал, печатались такие знаменитые работы Герцена, как «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». Не мог также Шевченко не читать и такого художественного произведения Герцена, как «Кто виноват?», напечатанного в «Отечественных записках» в 1845—1846 гг. То внимание, которое уделяет Шевченко Герцену в 50-х годах по возвращении из ссылки, убеждает нас, что Шевченко и в 40-х годах был знаком с творчеством Герцена.

Вырвавшись из солдатской неволи, еще в дороге Шевченко живо интересуется общественно-политической деятельностью Герцена и отзываясь о нем с величайшим уважением. При всякой возможности, пользуясь помощью своих друзей и знакомых, Шевченко старается получить о Герцене те или иные сведения, прочитать его произведения, появившиеся тогда в России нелегально, пытается наладить с ним общение. В скором времени ему удастся прочитать брошюру Герцена «Крещёная собственность», познакомиться с его литературным и общественно-политическим сборником «Полярная Звезда», в котором, кроме произведений Герцена и Огарева, печатались также запрещенные цензурой стихи К. Ф. Рылеева, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова; Тарасу Шевченко удастся прочитать «Колокол» Герцена, сборники «Голоса из России» (первые — два или три).

Еще будучи в Нижнем Новгороде, Шевченко записывает у себя в дневнике 11 октября 1857 г.: «Поработавши, отправился

²² «Русская старина», 1874, апрель, стр. 701—702.

²³ См. И. И. Панаев. Литературные воспоминания. 1950, стр. 103, 105, 256.

я обедать к Н. К. Якоби. Вместо десерта он угостил меня брошюрой Искандера лондонского второго издания «Крещёная собственность». Сердечное, задушевное человеческое слово! Да осенит тебя свет истины и сила истинного бога, апостол наш, наш одинокий изгнанник!».

В этой брошюре, впервые опубликованной в 1853 г. и вышедшей в 1857 г. вторым изданием, Герцен писал: «...пока помещик не уморил с голоду или не убил физически своего крепостного человека, он прав перед законом и ограничен только одним топором мужика. Им, вероятно, и разрубится запутанный узел помещицкой власти»²⁴.

Несколько позднее, 1-го октября 1858 г., в «Колоколе» Герцена было напечатано обращение к крепостным крестьянам, в котором говорилось: «Слышите ли вы, бедняки, нелепы ваши надежды на меня,—говорит вам царь. На кого же надеяться теперь? На помещиков? Никак,—они заодно с царем, и царь явно держит их сторону. На себя только надейтесь, на крепость рук своих: заостряйте топоры — да за дело...»²⁵.

В таком же духе 22 ноября того же года в стихотворении «Я на здоровье не в обиде» Шевченко призывал крестьянство не ждать свободы от царя, а самим точить топоры и готовиться добывать себе волю. Называя Герцена: «апостол наш», Шевченко тем самым признавал ведущую роль русских общественных деятелей в общей борьбе народов царской России.

В декабре 1857 г. в Нижний Новгород приехал из Москвы Воронцов и привез для Н. К. Якоби портрет Герцена, нарисованный свинцовым карандашом. Будучи опять у Якоби, Шевченко увидел этот портрет и скопировал его в своем дневнике, снова называя Герцена: «наш изгнанник, апостол», «святой человек». Будучи у своего знакомого Гранди, Шевченко читал «Полярную Звезду» Герцена за 1856 г. и сделал свою знаменитую цитированную в разделе о декабристах запись в дневнике, полную благоговения перед декабристами и ненависти к русскому царю. У своего знакомого Брылкина Шевченко достал и читал сборник Герцена «Голоса из России» (лондонское издание) 6-го февраля 1858 г. в Нижнем Новгороде на квартире у своей знакомой Шевченко впервые увидел четыре номера «Колокола» Герцена, привезенные вернувшимся из заграницы русским поэтом Шумахером. Борьба Герцена против издевательства деспотической царской власти и за освобождение крестьян от крепостной зависимости естественно вызвала у Шевченко вос-

---

²⁴ А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. XII, стр. 104.

²⁵ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. IX. Пб., 1919, стр. 592.

торженное отношение к Герцену. «Я в первый раз сегодня увидел газету,— записал он в дневнике,— и с благоговением облобызал».

Находясь затем проездом в Москве, Шевченко снова читает № 3 «Полярной Звезды» Герцена.

В дневнике 15 марта 1858 г. он отмечает, как важное событие, тот факт, что сын знаменитого русского актера М. Щепкина подарил ему два фотографических портрета А. И. Герцена.

При удобном случае Тарас Григорьевич старается засвидетельствовать лично перед Герценом свое величайшее уважение к нему. Когда его знакомый Н. Я. Макаров собирался ехать за границу, Шевченко в апреле 1860 г. направил Герцену письмо со следующего содержания:

«Посылаю вам экземпляр «Кобзаря», на всякий случай без надписи. Передайте его А[лександр] И[ванович] (Герцену.— М. Н.) с моим благоговейным поклоном».

Всякая связь с Герценом, как с политическим эмигрантом, преследовалась по царскому закону как политическое преступление. Чтобы избежать полицейского преследования, Шевченко, из предосторожности, не сделал своей надписи на «Кобзаре», тем более потому, что и сам он находился под неослабным полицейским надзором. Герцен был очень высокого мнения о поэзии Шевченко. С появлением в свет «Кобзаря» он связывал начало нового направления в литературе Украины и считал, что оно сопутствовало выступлению в литературе Белинского²⁶.

Стасов, по воспоминаниям художника Ге, передает следующий интересный отзыв Герцена о поэзии Шевченко. «Будучи у меня,— говорил Ге,— он попросил однажды: «Дайте что-нибудь русское почитать».— «Что же вам дать? — спросил я.— Вот Шевченко, перевод Гербеля.— «Дайте»,— отвечал он и взял. Возвращая, он сказал: «Боже, что за прелесть, так и повеяло нетронутой степью, это — ширь, это — свобода!»²⁷.

Как видно из воспоминаний Е. Ф. Юнге, Герцен дал еще более яркую и четкую оценку общественного значения творчества Шевченко «Он тем велик,— сказал Герцен,— что он совершенно народный писатель, как наш Кольцов; он имеет гораздо большее значение, чем Кольцов, так как Шевченко также политический деятель и является борцом за свободу»²⁸.

Восторженно отзываясь о Герцене и его заграничной деятельности, направленной против крепостничества, Шевченко все

²⁶ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. XVI. СПб., 1920, стр. 185.

²⁷ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. XIX. Пб., 1922, стр. 207.

²⁸ Е. Ф. Юнге. Воспоминания (1843—1860 гг.), изд. «Сфинкс» (год не указан), стр. 355.

же не идеализировал Герцена, так как уже имел прочно сложившуюся позицию революционного демократа. Со свойственной ему пронизательностью он видел и слабые стороны Герцена — его либеральные колебания. Это становится понятным из одной записи Шевченко в дневнике в октябре 1857 года. Будучи в Нижнем Новгороде, проездом из ссылки, Шевченко получил сведения, «что будто бы в Москве между молодежью ходит письмо Костомарова, адресованное на имя государя, письмо, исполненное всякой истины, и вообще пространное и разумнее, — отмечает Шевченко, — письма Герцена, адресованного тому же лицу» (подчеркнуто нами. — М. Н.).

Не может быть никакого сомнения, что речь идет об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Оставляя вопрос открытым — было ли такое «письмо Костомарова» (Шевченко говорит понаслышке), — все же следует отметить, что в это время Костомаров был настроен явно по-либеральному. Для нас важно подчеркнуть другое: Шевченко был недоволен письмом Герцена к царю. Несомненно, речь идет о тех письмах Герцена либерального характера, о которых Ленин писал в статье «Памяти Герцена», называя их «слащавыми», и заявляя, что их «нельзя теперь читать без отвращения». Стало быть, еще в октябре 1857 г., до приезда в Петербург и до своего знакомства с Чернышевским, Шевченко подметил либеральные настроения у Герцена и осудил их.

Это обстоятельство, кроме всего прочего, свидетельствует о том, что, отмечая большое влияние на Шевченко русской передовой общественной мысли, нельзя этот вопрос решать упрощенно. Шевченко, безусловно, проявлял самостоятельность в своих взглядах и критическое отношение к воззрениям других деятелей, притом и в тех случаях, когда высказывал восторженные отзывы о них, как мы это видим на примере отношения к Герцену.

Когда Шевченко возвратился из ссылки, главой передовой русской общественности и властителем ее дум был Чернышевский, возглавлявший журнал «Современник». Шевченко вскоре знакомится с Чернышевским и встречается с ним у Костомарова. Об этих встречах Костомаров сообщает в своей автобиографии²⁹. Тарас Григорьевич бывал также на даче у Чернышевского. В альбоме жены Чернышевского — Ольги Сократовны он оставил зарисовку их маленького сына верхом на коне. В семье Чернышевских сохранились, кроме того, сделанные Шевченко зарисовки лиц каких-то двух дедов, каких-то трех крестьянских лиц, а также зарисовка овцы³⁰.

²⁹ «Русская мысль», 1885, июнь, стр. 33.

³⁰ См. «Образ гворч мистецтво», 1939, № 2—3, стр. 65 и книгу: Мадонта Шагинян. Тарас Шевченко (Гослитиздат, 1946).

Журнал «Современник» очень живо интересовался украинской литературой. Наперекор официальным правительственным и реакционным славянофильским кругам, видевшим в развитии украинского языка и литературы «сепаратизм», стремление Украины отделиться от России, Чернышевский ратует за преподавание грамоты украинскому народу на родном языке, за издание популярной украинской литературы для широких народных масс. Он приветствовал выход в свет первого номера журнала «Основа», в котором печатались произведения Т. Г. Шевченко и Марка Вовчка.

Чернышевский выступал против украинских националистов, за дружбу трудящихся всех наций в их борьбе против эксплуататоров. В подтверждение своей правоты он ссылался на авторитет Шевченко. Характерен такой эпизод. Газета галицийских националистов «Слово» выступила с рядом статей, в которых высказывались верноподданнические чуждым австро-венгерскому императору, пропагандировалось единение всех украинцев этой империи, независимо от их классовой принадлежности, и вражда ко всем полякам. В № 7 «Современника» за 1861 г. в статье под названием «Национальная бестактность» Чернышевский раскритиковал украинских националистов. Великий русский революционер и мыслитель в очень теплых выражениях отзывался об украинском народе:

«...Малороссы — одно из племен наиболее симпатичных, — говорил он. — Очаровательное соединение наивности и тонкости ума, мягкость нравов в семейной жизни, поэтическая задумчивость характера непреклонно настойчивого, красота, изящество вкуса, поэтические обычаи — все соединяется в этом народе, чтобы очаровать вас, так что иноплеменник становится малорусским патриотом, если хоть сколько-нибудь поживет в Малороссии».

Чернышевский разоблачал холуйское пресмыкательство националистов Галиции перед австрийской короной. Как можно говорить о единстве украинского народа, аргументирует Чернышевский, если украинские националисты Галиции связывают свою судьбу с Австрийской империей, а значит не хотят национального единства украинцев. Выступая против «теории» единого потока нации и проводя классовый принцип, Чернышевский заявлял: разве немало в Галиции богатейших панов-украинцев и разве украинскому селянину лучше живется под владычеством украинского пана-помещика, нежели польского? И в подтверждение своих слов он ссылается на Шевченко, «имя которого драгоценно каждому малороссу...» «Впрочем, — метко иронизирует Чернышевский, — львовское «Слово», быть может, не признает Шевченко своим человеком: ведь он — не русин и в Львовском «Слове» наверное не стал бы писать».

Так в борьбе против украинских буржуазных националистов Чернышевский считал Шевченко своим соратником.

Интересно также отметить, что говоря о тяжелой жизни крепостного крестьянина, Чернышевский применяет ироническое высказывание Тараса Шевченко из его поэмы «Кавказ»: «Они благоденствуют, по совершенно верному выражению своего любимого поэта Шевченко». Это свидетельствует, в частности, о том, что Чернышевский был знаком с революционной поэзией Шевченко, распространенной тогда подпольно, в рукописной форме, и пытался ее использовать в подцензурной печати. Но царская цензура вычеркнула эти строки из статьи Чернышевского.

В своей рецензии на № 1 журнала «Основа» Чернышевский раскрывает ограниченность идейного содержания творчества украинских писателей, предшественников Шевченко — Квитки Основьяненко, Гулак-Артемовского и, собственно говоря, выступает против теории единого потока в литературе. «Малороссы естественно должны были восхищаться сочинениями первых малороссийских писателей», — замечает Чернышевский. Но мы теперь видим, продолжает он, «посредственность дарований», а главное то, что: «Это были люди патриархальные... просто неумевшие различать в своем родном быте дурных сторон от хороших и возводили в идеал такие вещи, от которых уже отворачивался сам украинский народ...».

Иначе говоря, Чернышевский видел их классовую ограниченность: их идеалы не выходили из рамок феодально-крепостнического строя. Названным писателям Чернышевский противопоставляет Шевченко. Но с тех пор, говорит он далее, времена сильно изменились, «малорусская литература получила уже такое развитие, что даже могла бы обойтись и без нашего великорусского одобрения, если б могли мы не иметь к ней сочувствия... имея теперь такого поэта, как Шевченко, малорусская литература также не нуждается ни в чьей благосклонности...»³¹.

С именем Шевченко Чернышевский связывал таким образом новый этап в развитии украинской общественной мысли. Он считал, что украинская литература в лице Шевченко завоевала себе почетное место среди мировой литературы.

О дружбе Чернышевского и Шевченко и совместной общественной деятельности их свидетельствует также и такой, по содержанию не столь существенный, но характерный факт. Подавая в октябре 1859 г. заявление за своей подписью в правительственный орган о разрешении организовать «Общество для воспомоществования нуждающимся литераторам и ученым», Чер-

---

³¹ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. VII, М., 1950, стр. 934—936.

нышевский среди пяти членов учредителей на первом месте назвал Т. Г. Шевченко³².

Передовые представители русской общественности, в том числе и Чернышевский, горячо помогли Тарасу Шевченко выкупить из крепостной неволи его двух братьев и сестру с их семьями. На двух заседаниях «Комитета общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (21 марта и 13 сентября 1860 г.), который взял на себя эту заботу, присутствовал Н. Г. Чернышевский. Когда владелец родных Шевченко помещик Флиорковский отказался освободить их с наделом земли, журнал «Современник» опубликовал переписку с Флиорковским и осудил его действия³³.

В мартовском номере «Современника» за 1860 г. Добролюбов опубликовал большую статью-рецензию на «Кобзаря» Шевченко. Автор отмечает, что, вернувшись из ссылки, Шевченко «остался верен своим первоначальным идеям, верен своей Украине». Особо подчеркивается глубокая связь поэзии Шевченко с народным творчеством. «Он поэт совершенно народный,— продолжает Добролюбов.— такой, какого мы не можем указать у себя. Даже Кольцов нейдет с ним в сравнение, потому что иногда отдаляется от народа... Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан»³⁴.

Журнал «Современник» перепечатал известную автобиографию Шевченко, написанную им для журнала «Народное чтение». В журнале за 1860 год были помещены рецензии Добролюбова на «Кобзаря» Шевченко, на украинский альманах «Хату», на произведения украинской народной писательницы Марка Вовчка, с которой Шевченко находился в дружественных отношениях: была там помещена также автобиография Шевченко и переведенная Плещеевым на русский язык поэма Шевченко «Работница». В заметках и статьях Панаева также упоминалось имя Шевченко.

Как это видно из письма Тараса Шевченко его «названному брату» Варфоломею от 18/II 1860 г., Тарас послал ему «Современник».

Все это свидетельствует о том, что журнал Чернышевского и Добролюбова «Современник» всячески содействовал развитию украинской передовой литературы, во главе которой стоял Тарас Шевченко, еще шире популяризовал славное имя украинского поэта-борца. И с другой стороны,— о том, что идейно-политическое направление журнала «Современник» Шевченко

³² Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. XIV, М., 1949, стр. 383.

³³ «Современник», 1860, август, стр. 319—322.

³⁴ «Современник», 1860, № 3, стр. 100, 105.

считал своим, родным, и был непосредственно связан с его руководством.

Еще в ссылке, Тарасу Шевченко удалось читать журнал «Современник» «...Если ты не читал,— пишет Шевченко Б. Залескому 10 июня 1855 г.,— то прочитай прекрасную статью Хотинского и Писаревского о фотографии в «Современнике» за 1852 г., не помню какой №».

Можно полагать, что еще в ссылке Шевченко был знаком с этим журналом и за другие годы, более поздние, когда там уже начал выступать Чернышевский.

О том, с каким вниманием и уважением Чернышевский, Добролюбов и Герцен относились к идейно-политическому направлению Шевченко, можно судить по той заботе, какую они проявили к идейной «дочке» Шевченко, украинской писательнице Марку Вовчку (Мария Маркович), которая, в свою очередь, была в тесном общении с ними и находилась под их идейным влиянием. В 50-х гг. Марку Вовчок печатала свои произведения в «Современнике», а в 60-х гг.— в «Отечественных Записках», когда им руководили Некрасов, Салтыков-Щедрин и в них сотрудничал Писарев.

Сподвижник Чернышевского по журналу «Современник» и вообще по его революционной демократической деятельности — русский поэт гнева и печали Некрасов по духу своего творчества близок к Тарасу Шевченко. В процессе общественной деятельности, в кругу общих знакомых Некрасов и Шевченко неоднократно встречались. Об этом мы читаем, например, в дневнике Никитенко, который пишет, что среди сорока человек, бывших 10 марта 1859 г. на вечере, были Некрасов и Шевченко³⁵.

В дневнике Тараса Шевченко имеется единственное отрицательное высказывание о Некрасове: «Некрасов не только не поэт, но даже стихотворец аляповатый». Эта оценка находится в противоречии с действительным положением идейно-политической общности творчества обоих поэтов и с художественным достоинством поэзии Некрасова. Чем она объясняется, точно установить пока не представляется возможным. Надо полагать, что это не относится к общей оценке творчества Некрасова. Будучи в основном революционным демократом, Некрасов, по выражению Ленина, иногда «грешил нотками либерального угодничества»³⁶. Возможно, что непримиримый революционер Шевченко и высказал такое свое мнение по отношению к каким-либо отдельным подобного рода выступлениям Некрасова³⁷.

³⁵ А. В. Никитенко. Заметки и дневник, т. II. СПб., 1893, стр. 40.

³⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 287.

³⁷ Наша точка зрения по этому вопросу совпадает с мнением И. Айзенштока, высказанным им в комментариях к 5 тому собрания сочинений Шевченко, 1956, стр. 539—540.

Характерно, что Некрасов и Шевченко признавались тогда поэтами, очень близкими друг другу. «Мы, люди шестидесятых годов,— писал Репин,— любили их обоих — и Шевченко, и Некрасова. И на стене своей комнаты вешали их портреты рядом. Для нас они были вроде как бы братья-близнецы»³⁸. Это и нашло свое отражение в художественном творчестве Репина. На известной его картине «Не ждали» в квартире революционера висят портреты обоих поэтов. В предисловии к произведению «Повести в повести» Чернышевский указывает, что пишет для тех же читателей, для которых писали, в частности, Шевченко и Некрасов. Ставя их имена рядом, он подчеркивал тем самым их идейную близость и одновременно свою с ними. В своих «Заметках о Некрасове» Чернышевский называл его «певцом народного горя».

Сам Некрасов с величайшим уважением и любовью относился к украинскому поэту. В стихотворении «На смерть Т. Г. Шевченко» Некрасов писал о нем: «Русской земли человек замечательный».

«Вся «школа» Чернышевского любила Тараса Григорьевича и признавала его своим близким, родным. Шевченко отвечал полной взаимностью. Это, в частности, относится к единомышленникам Чернышевского — русским поэтам М. Л. Михайлову и братьям Василию и Николаю Курочкиным. Н. Курочкин перевел на русский язык ряд стихотворений Шевченко. Он участвовал, вместе с другими русскими поэтами, в переводе «Кобзаря» Шевченко на русский язык под редакцией Гербеля. В одной из своих записок в начале 1860 г. Н. Курочкин писал Шевченко: «Что это значит, Тарасенька, о тебе ни слуху, ни духу?... А между тем я не знаю, по нраву ли тебе мои переводы: к «Музе» и к «Доле?...» Доставь же мне еще что-нибудь из твоих заветных стихотворений. Всей душой любящий тебя Курочкин».

Шевченко оказывал влияние на творчество русских революционных демократов. Так, М. Михайлов, находясь в Петропавловской крепости, писал в стихотворении «О сердце скорбное народа»:

Не жди, чтоб счастье и свобода
К тебе сошли из царских рук.

Это и по духу и по образам совпадает с одним из куплетов стихотворения Шевченко «Я на здоровье не в обиде»:

.....Добра не жди,
Не жди свободы невеселой —
Она заснула: царь Никола
Заставил спать.

³⁸ «Правда» 5 марта 1939 г.

Как видно из статьи А. В. Недзвидского, Шевченко встречался с М. Михайловым³⁹.

Чернышевский и Шевченко по решающим политическим вопросам того времени стояли в основном на одной и той же позиции. Оба они осуждали антинародный характер подготовляемой тогда крестьянской реформы, разоблачали либералов, как приспешников самодержавия, призывали крестьянство не верить в «доброту» царя и самим готовиться добывать себе волю при помощи топора. Оба они пропагандировали дружбу народов всех национальностей, указывая настоящего и общего врага трудящихся — царя и помещиков. Будучи атеистами, они разоблачали духовный гнет религии, церкви. Чернышевский и Шевченко занимали одну и ту же позицию в области эстетики. Властитель дум передовой русской общественности, Н. Г. Чернышевский оказывал благотворное влияние на идейно-политические воззрения вернувшегося из ссылки Шевченко.

Среди русских людей, оказавших прогрессивное влияние на формирование воззрений Шевченко, следует отметить также виднейшего художника К. П. Брюллова, учителя живописи Шевченко, сыгравшего решающую роль в освобождении поэта из крепостной неволи. Речь идет не только о влиянии Брюллова как художника. Дело в том, что по своим общественно-политическим воззрениям Брюллов был прогрессивным человеком своего времени. Он резко осуждал крепостничество и с ненавистью относился к помещикам-крепостникам. Крепостное право Брюллов называл «вандализмом», а помещиков «феодалами-собачниками». «Это самая крупная свинья в торжковских туфлях!» — передает Шевченко слова Брюллова по адресу помещика Энгельгардта, с которым велись переговоры о выкупе талантливого художника из крепостной неволи. Желая отметить демократизм Брюллова, Шевченко в повести «Художник» называет его «истинным социалистом». Он восторженно отзывался о Брюллове, видя в нем «незабвенного», «истинно необыкновенного человека», «истинного художника».

Круг друзей и знакомых Шевченко среди русской интеллигенции — художников, актеров был весьма обширен. Но в числе многочисленных друзей следует особо отметить его самого старшего, любимого, незабвенного друга, вышедшего, подобно Шевченко, из крепостных — актера М. С. Щепкина, основателя русского реалистического сценического искусства. Он был большим поклонником поэтического таланта Тараса Шевченко. Щепкин был знаком лично с Гоголем, с Герценом, которому дал сюжет

³⁹ См. Н. В. Недзвідський. Нові матеріали про зв'язки Шевченка з російськими революційними демократами (в кн. «Збірник праць «Третью наукової Шевченкової конференції», Київ, 1955).

для его «Сороки-воровки», близко сошелся с Лермонтовым, имел общение с Грибоедовым, оставался близким другом Белинского до самой его смерти. В 30—40-х годах Щепкин вообще был своим человеком в передовом кругу русской интеллигенции. Отчасти благодаря ему Шевченко приобрел многочисленные знакомства.

Впервые со Щепкиным Шевченко познакомился в феврале 1844 г., когда проездом на Украину был в Москве, прожил у него целую неделю и навсегда подружился. С ним Шевченко переписывался, будучи в ссылке, присылал ему свои стихи и русские повести с целью посодействовать напечатанию их. Когда, возвращаясь из ссылки, Шевченко по распоряжению жандармерии принужден был надолго задержаться в Нижнем Новгороде, Щепкин, несмотря на свой семидесятилетний возраст, не побоялся в мороз и вьюгу проехать четыреста верст на перекладных из Москвы в Нижний Новгород, чтобы повидаться со своим дорогим другом, не побоялся навлечь на себя подозрение царской жандармерии, неустанно следившей за политическим ссыльным украинским поэтом. Щепкин и материально помогал Шевченко. Свою знаменитую поэму «Неофиты» Тарас Шевченко посвятил М. С. Щепкину и подарил ему автопортрет.

Артист Щепкин выступал активным популяризатором поэзии Шевченко. Недаром в письме к Шевченко 20 января 1858 г., боясь антиправительственного содержания поэмы «Неофиты», либерал П. Кулиш советовал Шевченко не передавать поэму Щепкину, «потому что он с ней всюду будет носиться».

Поэт ценил Щепкина не только как великого артиста, мастера реалистического сценического искусства, но и как искреннего, незабвенного, благородного друга.

В тесной дружбе Шевченко был также с русским художником Львом Жемчужниковым, который помогал украинскому поэту-борцу материально.

Исследованиями последнего времени установлено также, что Шевченко неоднократно встречался и вел дружеские беседы по творческим вопросам с выдающимся русским критиком В. В. Стасовым⁴⁰.

Если в среде единомышленников Чернышевского Тараса Шевченко признавали своим близким, родным, то иначе к нему относилась либеральствующая интеллигенция. Иначе чувствовал себя там и Шевченко. С известным русским писателем И. С. Тургеневым, например, Шевченко познакомился вскоре же после возвращения из ссылки в Петербург и неоднократно с ним встречался в кругу общих знакомых. Тургенев принимал активное участие в том, чтобы помочь Шевченко освободить его родных из крепостной зависимости. Но на всех их взаимно-

⁴⁰ «Т. Г. Шевченко и В. В. Стасов». «Рад. Україна», 11 марта 1952 г.

отношениях лежала печать различия идейно-политических воззрений. В своих воспоминаниях о Шевченко, помещенных в виде приложения к пражскому изданию «Кобзаря» 1876 г., Тургенев писал: «талант его привлекал нас своей оригинальностью и силой...». «Он держал себя осторожно, почти никогда не высказывался вполне; все словно стороной пробирался... Вообще это была натура страстная, необузданная, сдавленная, но не сломенная судьбою, простолюдин, поэт и патриот»⁴¹.

Там же воспоминания о Шевченко поместил русский поэт Я. П. Полонский, с которым Шевченко неоднократно встречался у графини А. И. Толстой, жены вице-президента Академии художеств. «Он был человек в высшей степени бесхитростный,— говорит Полонский,— запальчиво откровенный и даже бесстрашный в том смысле слова, что неумеренные речи его частенько заставляли других бояться за него, или затыкать уши и убежать». «Крепостное право... ненавидел он всеми силами души своей». «Не знаю,— продолжает Полонский,— каковы были его политические убеждения; думаю только, что были они настолько же непрактичны, насколько благородны»⁴².

Полонский был противником революционно-демократического направления в литературе, Салтыков-Щедрин в 70-х годах XIX в. в своей рецензии на сборник произведений Полонского «Сноп» писал: «Зачем же вы, втапывая в грязь целое общественное направление, ропщите, жалуетесь на каких-то врагов...»⁴³.

Либерально настроенные слои русской и украинской интеллигенции приветствовали Шевченко как выходца из крепостных, почитали его поэтический талант, сочувственно относились к нему, как к страстному борцу против крепостнического рабства,— и в то же время или упрекали его в том, что он держался слишком «осторожно», не высказывал всех своих политических убеждений, или же, наоборот, ставили ему в вину то, что он произносил такие «неумеренные речи», от которых приходилось со страха убежать. Они осуждали его страстную революционность.

В связи с обострением в стране классовой борьбы в конце 50-х, в особенности в 60-х гг., либералы еще сильнее стали выражать свое недовольство революционным демократизмом, относиться к нему открыто враждебно. Так, когда был арестован Чернышевский, подлый либерал Кавелин оправдывал действия царского правительства. И. С. Тургенев занял недоброжелательное отношение к направлению Чернышевского и стал писать

⁴¹ См. Т. Г. Шевченко. Кобзарь. У Празі, 1876, стр. III—VI.

⁴² См. Там же, стр. X, XII.

⁴³ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. VIII, стр. 425.

Александр II Вешателю письма с излиянием своих верноподданнических чувств. Этот процесс в одинаковой мере происходил и в среде украинской либеральной интеллигенции. Н. Костомаров, например, порывает с Чернышевским и открыто, в прессе, выступает противником идейно-политического направления Чернышевского и Шевченко. Кулиш резко шарахается вправо, покончив с восхвалением таланта Шевченко. И ранее он делал это лицемерно, теперь же открыто обливает поэта грязью.

Украинские буржуазные националисты утверждали, что Шевченко не любил русского народа, пренебрежительно относился к русской культуре, к русскому языку. В действительности же это они сами сеяли рознь и вражду между русским и украинским народами. Ненависть угнетенных масс украинского народа к русскому царю, к русским помещикам, к русским чиновникам и дворянам-офицерам они пытались изобразить как ненависть ко всему русскому. Это они клеветнически приписывали и Шевченко. Но подлинные убеждения и деятельность Шевченко свидетельствуют о противоположном.

Шевченко пропагандировал дружбу украинского и русского народов, дружбу всех народов царской России в совместной борьбе против палача-царя и злодейского гнёта помещиков-крепостников всех национальностей. Шевченко, как было показано, с глубоким уважением и любовью относился к русской культуре, упорно и непрерывно изучал ее. Он настойчиво изучал русский язык, причем с той целью, чтобы непосредственно включиться в литературное творчество на русском языке совместно с русскими писателями.

До нас дошло девять из двадцати русских повестей Шевченко, причем и они впервые были опубликованы лет через двадцать после смерти писателя. Виноваты в этом украинские националисты, которые еще при жизни Шевченко распространяли сведения о том, что повести эти, якобы, не представляют никакой ценности и что, будто бы, сам Шевченко был очень невысокого мнения о них. И то, и другое является очередной клеветой. Подлинная причина заключается все в той же исходной позиции украинских националистов, которые не могли простить Тарасу Шевченко его творчества на русском языке и считали эти его выступления чуть ли не изменой Украине.

Идейным вдохновителем всей компании, выступившей против русских повестей Шевченко, и наиболее рьяным хулителем их был Кулиш. Из его писем Тарасу Шевченко видно, что он прибегал ко всяким способам морального и материального воздействия, чтобы убедить Шевченко в порочности его русских повестей и не допустить их до печатания. Он даже высказывал желание купить все повести для того, чтобы сжечь их. В одном из писем Кулиша к Шевченко прорвалась такая фраза: «Может

быть скажешь, что я москвичины не люблю, поэтому и хую». Не случайно Кулиш возбудил этот вопрос. Шевченко, видимо, и раньше обвинял Кулиша в том, что он не любит, ненавидит культуру русского народа. Такое отношение Кулиша к русской литературе заметил еще Добролюбов, он писал об этом в «Современнике» за 1860 год в рецензии на «Хату» П. Кулиша⁴⁴.

Но то, чего не смог сделать Кулиш — сжечь повести, частично выполнил Костомаров, скрывший от народа повести Шевченко. Костомаров вовсе не прав, когда в письме к М. И. Семевскому в декабре 1879 г. утверждал, что Шевченко не решался печатать свои русские повести «по скромности» и по недостаточному знанию русского языка, так как злая «судьба» поставила его, дескать, в такое положение, что он не имел возможности «расширить умственный свой горизонт». Костомаров этим просто хочет замазать следы своего литературного преступления — двадцатилетнего укрывательства повестей Шевченко. Поэтому-то он и запутался в противоречиях. Он говорит о всех повестях, что они «похожи на драгоценные камни в уродливой оправе». А в отношении повести «Несчастный» и «оправу» признает прекрасной. Перечисляя положительные стороны ее и с художественной стороны, он заявляет, что «все это дало бы этой повести почетное место между лучшими произведениями наших беллетристов, если бы она была напечатана».

Сохранившиеся повести впервые были опубликованы только в начале 80-х годов XIX столетия, после смерти Костомарова.

История с повестями это — один из эпизодов истории борьбы двух культур, борьбы, которая принимала то более или менее скрытый, то открыто враждебный характер.

Напрасны были все попытки украинских буржуазных националистов оторвать Шевченко от культуры великого русского народа.

* * *

Когда речь идет о силе великих традиций прошлого, о влиянии на общественно-политические воззрения Шевченко передовых идей русской общественной мысли, то, разумеется, было бы нелепо рассматривать воззрения Шевченко как простую сумму всех этих традиций и влияний. Преломляя своим творческим гением лучшие традиции прошлого и влияние передовых современников, Шевченко выступал оригинально, самобытно, как великий сын украинского народа.

Это хорошо понимали еще современники Тараса Шевченко — лучшие люди русского народа. Так, Н. П. Огарев, сподвиж-

⁴⁴ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 504—505.

ник Герцена, в «Предисловии» к сборнику «Русская потаенная литература XIX в.» в 1861 г. писал, что в лице Шевченко «Украина проснулась», «Шевченко, народный в Малороссии, с восторгом принят, как свой, в русской литературе и стал для нас родной: так много было общего в наших страданиях и так самобытность каждого становится необходимым условием общей свободы»⁴⁵.

Именно прежде всего общность «страданий» от крепостничества и царского деспотизма и определяла единство идейно-политических воззрений украинского поэта Шевченко и русских революционных демократов. И одновременно в своем творчестве Шевченко был самобытен.

Идейно насыщенная политическая поэзия Шевченко сыграла немалую роль в общем процессе освободительной борьбы народов России против социального и национального гнёта. В освободительной, революционной борьбе против общих врагов трудящихся — царя, помещиков и буржуазии росла и закалялась дружба русского и украинского народов. Это нашло свое отражение в совместной, дружной общественной деятельности передовых, великих борцов обоих братских народов.

Славную традицию ведущей роли культуры великого русского народа и ее плодотворного влияния на развитие культуры украинского народа и его передовой общественной мысли восприняла от революционных демократов партия рабочего класса — коммунистическая партия, она приумножила ее, развила, подняла на высшую ступень. Все это и явилось одной из важнейших предпосылок того, что в борьбе за социалистические преобразования в нашей стране украинский народ первым пошел по этому пути вслед за русским народом.

---

⁴⁵ Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1. Госполитиздат, 1952, стр. 466.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ДЕМОКРАТ

Революционно-демократические воззрения Шевченко сложились не сразу. Впервые они начали появляться в творчестве поэта в начале 40-х годов. Правда, еще в ранней поэме «Катерина» (1838) Шевченко не только рисует тяжкие условия быта женщины крестьянки, но и вскрывает самый корень ее страданий — общественный уклад. Главная причина несчастья крестьянки — в неволе, в закабаленности трудового народа. Социальный фон, на котором происходят все события в «Катерине», поэт выразил в следующих словах:

Есть на свете доля,
А кто ее знает?
Есть на свете воля,
Где ж она гуляет?

Именно на этом социальном фоне поэт показывает всю трагедию Катерины. Когда «сердце забьется на воле», мечтает поэт тогда всё будет хорошо. Тогда не будет трагедий для молодых девушек.

Но как этого добиться? Какими средствами, какими путями?

Затоплю недолю
Горькими слезами,
Затопчу неволю
Босыми ногами!

Борьба за «волю» «слезами» и «босыми ногами» — это только пассивное выражение и горя и протеста против него.

Сильнее, чем в «Катерине», антикрепостнический мотив звучит в произведении «Думы мои, думы мои» (1839). Это — думы о горе народном, их породила на свет народная беда. Но горе тому борцу, пишет автор, который подымет свой голос за интересы простого народа, «ад ему на этом свете».

Правда, эта печаль не является печалью безнадежности, пессимизма. Поэт сознает, что одна «тоска не поможет». И он ищет выхода из создавшегося для крепостного народа положения и видит его в «воле», в свободе. Поэт обращается к образам прошлой истории украинского народа в виде «казацкой воли».

Недаром царский цензор Тройницкий в отзыве по поводу второго издания «Кобзаря» Шевченко высказывал опасения в отношении стихотворения «Думы мои...». «...Слишком горько высказывается скорбь автора об уничтожении казачьей вольности,— писал он.— Эту песню я полагал бы за лучшее исключить из второго издания поэм Шевченко...»¹.

Но как волю добыть? Что же делать? — спрашивает поэт. Прямого ответа на этот вопрос в своих ранних произведениях Шевченко еще не дает.

В стихотворении «К Основьяненко» (1839) поэт также воспевает казацкую волю и подходит к мысли о необходимости борьбы с врагами народа:

Поборолся бы я с ними,
Если б сил хватило...

Сил пока не хватает, но это не приводит поэта к безнадежности. Он уверен, что настанет время, когда выяснится «и где — правда, и где — кривда», «наша дума... не умрет». Но, повторяем, пути борьбы поэт и здесь не определил.

К этому же времени относятся поэмы «Иван Подкова» и «Тарасова ночь». В «Тарасовой ночи», наряду с воспеванием казацкой воли и славы, наблюдаются новые социальные моменты. Здесь довольно ярко показано социальное лицо врага-угнетателя — польской «шляхты» (дворянства) во главе с Конецпольским, названным в поэме «проклятым». Значит, борьба вырисовывается не только в ее национально-освободительном аспекте, но и как народная борьба против социального закрепощения «панами», польскими помещиками; не случайно, конечно, поэт трижды называет врагов — «ляшкї — панкї».

По своему общественно-политическому содержанию «Тарасова ночь» непосредственно примыкает к «Гайдамакам», где революционный демократизм поэта виден уже совершенно ясно. Вникая в пояснение причин гайдаматчины как народной войны, Шевченко писал:

Замучені руки
Роз'язались — і кров за кров,
І муки за муки!

¹ «Начала», Пб., 1922, № 2, стр. 242, 247.

Революционный демократизм Шевченко с полной силой проявляется с 1844 г., когда он со всей присущей ему страстностью ведет борьбу против феодально-крепостнического строя, против помещиков-крепостников, против помещиц государственной власти в лице царя и прямо призывает крестьянство к революционному действию. Он выступает как идеолог крестьянской революции.

Большевистская газета «Путь правды» в 1914 г. писала о Шевченко: «С глубокой ненавистью относится он к крепостному праву и всюду выступает на защиту трудового народа»².

В поэме «Сон» («У всякого своя доля») поэт писал:

Гляди: в этом рае, что ты покидаешь,
Сермягу в заплатках с калеки снимают,
Со шкурой дерут, чтоб одеть и обувь
Княжат малолетних. А вон — распинают
Вдову за оброки; а сына берут,—
Любимого сына, последнего сына,—
В солдаты опору ее отдают,—
А вот умирает в бурьяне под тыном
Опухший, голодный ребенок! А мать
Угнали пшеницу на барщине жать.

Выражая свое возмущение против системы крепостничества, поэт гневно восклицает.

...Долго ль кровопийцам
Пановать над нами?

В стихотворении «Когда бы вы знали, барчуки» поэт едко высмеивает дворянских реакционных литераторов, которые не видят и не хотят видеть мучений, страданий и слез крепостного народа, а пишут «элегии» о прелестях и красотах жизни и называют мужичью «хату тихим раем».

Поэт глубоко скорбит о тяжелом положении народа. В поэме «Сон» он рассказывает о том, какое на него произвел впечатление памятник, поставленный в Петербурге Екатериной II Петру I. Перед его глазами ясно встала история Украины XVIII в., история закабаления ее крестьянства царизмом, помещиками-крепостниками.

Но царский деспотизм не вечен. Показывая вначале царя в образе грозного «медведя», поэт описывает затем, как в результате действий самого царя, царь превращается в одинокого «котенка». Тем самым Шевченко наводит на мысль о том, что грозность царизма только кажущаяся, что при определенных условиях она пропадает, исчезает и царь делается бессильным.

² Сб. «Дюктябрьская «Правда» об искусстве и литературе». 1937, стр. 179.

Социалисты-утописты Западной Европы (Сен-Симон, Фурье и др.) разрешение социальной проблемы пытались найти при посредстве «просвещенного монарха» или «добрého» буржуа. Известно, что царистские иллюзии в эпоху Шевченко были очень широко распространены в России; руководители восставшего крестьянства Степан Разин и Емельян Пугачев были царистами. Шевченко своей борьбой против российского самодержавия и царизма развенчивал миф о просвещенных монархах, добрых для народа царях, объективно подготавливая тем самым условия для распространения республиканских идей.

Являясь сторонником революционного развития исторического процесса, Шевченко поднялся выше западноевропейских социалистов-утопистов. Он видел классовый характер государственной власти, общность интересов царя и помещиков-крепостников. Так, в поэме «Марина», гневно выступая против помещиков, которые безнаказанно зверски относятся к крестьянам, Шевченко писал: «Законы писали палачи за вас...».

Шевченко с гневом говорит о царских прислужниках, «сатрапах» царя, управлявших Украиной. В стихотворении «Юродивый» он пишет:

Во дни фельдфебеля-царя
Капрал Гаврилович Безрукий
Да унтер пьяный Долгорукий
Украиной правили. Добра
Они изрядно натворили,—
Немало в рекруты забрали
Людей сатрапы-унтера.

«Фельдфебель-царь» — российский царь Николай I (Герцен также неоднократно называл Николая I фельдфебелем); «унтер пьяный Долгорукий» — князь М. А. Долгоруков — генерал-губернатор Харьковской, Полтавской и Черниговской губерний (в 1840—1847 гг.); «капрал Гаврилович Безрукий» — Дмитрий Гаврилович Бибиков, действительно не имевший одной руки, генерал-губернатор Киевской, Подольской и Волынской губерний (1837—1853 гг.).

В дневнике Шевченко рассказывает, как на одну из речей в Нижнем Новгороде в зале дворянского собрания по поводу подготовки реформы «освобождения» крестьян «банда своекорыстных помещиков не отозвалась ни одним звуком»... Шевченко понимал, что во главе этой «банды» стоял «фельдфебель-царь», «коронованный палач».

Шевченко глубоко возмущался солдатской неволей. «Солдаты, — писал он в дневнике, — самое бедное, самое жалкое сословие в нашем православном отечестве. У него отнято все, чем только жизнь красна: семейство, родина, свобода, — одним сло-

зом, все». Поэт понимал, что позорная, унижительная муштровка солдат заглушает в них «всякое человеческое достоинство» и превращает солдата в «бездушную машину». «И это единственный,— говорил он,— опытом дознанный способ убивать разом тысячу себе подобных. Гениальное изобретение! Делющее честь и христианству и просвещению».

Невежество, духовное убожество, крайняя нравственная распущенность, пьянство «привилегированной касты» — офицеров царской армии вызывают гнев украинского революционера. Обездоленному, забитому муштрой солдату «простительно,— говорит Шевченко,— окунуть иногда свою сирую одинокую душу в полштофе сивухи. Но офицеры,— возмущается он,— которым отдано все, все человеческие права и привилегии, чем же они разнятся от бедного солдата?.. Ничем они, бедные, не разнятся, кроме мундира».

Великий русский революционер-демократ Чернышевский считал, что крепостной режим — это главное зло, с уничтожением которого каждое другой зло.. потеряет девять десятых своей силы»³. Такого же мнения был и Шевченко. Поэт глубоко скорбит по поводу того, что закрепощенный народ еще молчит, что он еще не осознал своего рабского положения и не восстал на борьбу.

Шевченко выступал врагом либерализма. Он не мирился ни с какими полумерами, уступками, не шел на компромиссы с господствующими классами. Поэт был решительным сторонником насильственных действий, самых крайних мер, сторонником беспощадной расправы над врагами закрепощенного крестьянства. Словом, он был непримиримым крестьянским революционером.

В декабре 1845 г. в произведении «И мертвым и живым, и нерожденным землякам моим...» поэт угрожает угнетателям широким народным возмущением и беспощадной расправой:

Опомнитесь! Будьте люди,
Иль горе вам будет:
Скоро разорвут оковы
Скованные люди.
Суд настанет, грозной речью
Грянут Днепр и горы,
Детей ваших кровь польется
В далекое море
Сотней рек. Вам ниоткуда
Помощи не будет...

---

³ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. IV. 1906, стр. 53..

Весьма широкую известность приобрело «Завещание» поэта, полное огненных слов, призывающих к борьбе за волю.

Как умру, похороните
На Украине милой,
Посреди широкой степи
Выройте могилу...
. . . . .
Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.

Совершенно понятно, что этот призыв обращен прямо к крестьянству, которое было заковано в «цепи» крепостничества. Содержание этого стихотворения отражало настроения, которые тогда были характерны, в частности, для украинского крестьянства. Известно, что в декабре 1845 г. генерал-губернатор Бибииков доносил царю, что вооруженной силой он усмирив десять крестьянских выступлений против власти, но что крестьяне отказываются выполнять барщину, не боясь расстрелов⁴.

Шевченко первый среди революционных демократов России в середине 40-х годов XIX столетия обратился прямо к народу с призывом к восстанию, к революционной борьбе. Естественно поэтому, что еще при жизни Шевченко его революционная поэзия была использована как средство в практической борьбе. Когда, например, в Галиции, входившей тогда в состав Австро-Венгрии, в 1848 г. вспыхнуло вооруженное восстание, среди трудящихся распространялись произведения Шевченко⁵.

Во время пребывания в ссылке и вернувшись из ссылки, Шевченко остался на позиции непримиримого революционера. Он принадлежал к тому идейно-политическому направлению, которое возглавлял тогда Чернышевский.

В стихотворении «Молитва» (1860), являющемся пародией, Шевченко, как бы обращаясь к богу, призывает к расправе над царями-угнетателями:

Царей, кровавых шинкарей,
Ты в цепи крепкие закуй,
В глубоком склепе замуруй!

Шевченко читал «Крещёную собственность» Герцена, в которой крестьянство призывалось к топору в борьбе с крепостным гнетом. Но у Герцена, как известно, в этот период времени еще были либеральные колебания. Последовательно, без колебаний,

⁴ Д. Косарик. Життя і діяльність Т. Г. Шевченка. Київ, 1953, стр. 72.

⁵ См. там же, стр. 107.

к топору звал Русь Чернышевский. Вместе с ним в 50-х годах и Шевченко продолжал идеи своего знаменитого «Завещания».

В 1858 г., когда Александр II создал комитет по подготовке крестьянской реформы, в стихотворении «Я на здоровье не в обиде» Шевченко с глубокой прозорливостью писал:

...Добра не жди,
Не жди свободы невеселой —
Она заснула: Царь Никола
Заставил спать, Чтоб разбудить
Беднягу, надо поскорее
Всем миром обух закалить
Да наточить топор острее —
И вот тогда уже будить.

Итак, только путем революции народные массы смогут освободиться от крепостного гнета — такова точка зрения Шевченко и его друзей — русских революционных демократов.

Шевченко понимал, что многие помещики только болтают по поводу крестьянской реформы, а на деле являются противниками ее. В дневнике за 9 ноября 1857 г. поэт так характеризует тверского помещика Возницына, который спешил возвратиться в свое поместье «по случаю освобождения крепостных крестьян»: «Он хотя и либерал, но, как сам помещик, проговорил эту великолепную новость весьма не с удовольствием». Несколько позднее, в апреле 1858 г., недовольный действиями правительства, Шевченко отмечает в дневнике, что идут «бесконечные и бесплодные толки о эмансипации».

Поэт видел антинародный характер подготовляемой тогда руками помещиков-крепостников крестьянской реформы. Он понимал пагубность реформы для крестьянства. Это нашло свое выражение в одном из писем, которое он написал в родное село Кирилловку в связи с выкупом из крепостной неволи братьев и сестры Шевченко. Помещик Флиорковский, владелец крепостных родственников Шевченко, как и многие либералы того времени, не прочь бы дать «свободу» крестьянам, но без земли.

В июне 1860 г. Шевченко писал своему приемному брату Варфоломею в село Кирилловку: «...Председатель литературного общества получил письмо от Флиорковского. Он пишет, что братьев и сестру Ярину с детьми отпускает на волю без грунтовой и пахотной земли бесплатно, но они не соглашаются на такую поганую волю. И хорошо делают». И далее: «Кирилловчанам скажи, чтобы они на эту поганую безземельную волю не очень зарились».

Это было до объявления манифеста об освобождении крестьян. Шевченко, стало быть, подготовляемую крестьянскую реформу расценивал как «поганую».

Характерно, что журнал «Современник» в августовском номере за 1860 г. использовал это обстоятельство. Он опубликовал переписку Шевченко с владельцем крепостных родственников Тараса Шевченко помещиком Флиорковским, отметив, что несогласие семейства Шевченко воспользоваться свободой — правильно: что это за свобода без земли? ⁶

Шевченко поднялся до уровня Чернышевского, который называл крестьянскую реформу «мерзостью».

«Нужна была именно гениальность Чернышевского, — писал Ленин, — чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы... понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства» ⁷. По словам Ленина, Чернышевский протестовал, проклинал реформу, желал ей неудачи, рассчитывая на то, что правительство запутается в своей эквилибристике между либералами и крепостниками-помещиками, а в результате получится крах, который выведет страну на путь открытой классовой борьбы. Так же думал и Шевченко.

Когда Герцен писал царю «слащавые письма», стараясь уговорить его на «добрый подвиг» в пользу крепостного крестьянства, Шевченко гневно разоблачал пустую надежду на царскую милость в отношении крепостного люда. В произведении «Осии, Глава XIV (Подражание)» (1859 г.), используя библейскую тематику для борьбы с современным ему общественным злом, поэт призывал не верить «растленному» слову либералов, которые «своими грязными руками кумир создали», заявляя, что «царь... бог»; поэт призывал не верить ни царям, ни богам, не надеяться на «ласку царскую».

Поэт верил что настоящая «правда оживет». Правда «как гром грянет» и спасет «обокраденный народ». Это «правда» — революции, а не реформы. В ответ на насилие со стороны «господ панов, поганых» и их царя — «кроткого пьяного государя» у народа есть «правда — месть». Врага неизбежно постигнет «кара».

Обращаясь к помещикам, поэт пишет:

...Вас, бесноватых
Распнут, на части разорвут
И кровью вашей, собаки,
Собак напоят!..

⁶ «Современник», 1860, август, стр. 319—322.

⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 263.

Прислужников царизма Шевченко называет «блюдолизами», а воспевающих их поэтов — «тупорылыми стихоплетами».

В стихотворении «В былые дни, во время оно» (1860) под видом римского царя «Помпилия Нума», «сочинявшего законы» для своих подданных, Шевченко изображает русского царя Александра II, у которого одна мысль: «Как подданных сковать своих?» Такие мысли, по мнению Шевченко, обуревали русского царя, когда он подготавливал крестьянскую реформу.

Украинские паны видели в лице Шевченко своего опасного и непримиримого врага. Либерал Срезневский, например, писал, что «обличения Шевченко стали теперь безудержными; он разит и бьет; он весь пылает каким-то бешеным всеистребляющим огнем».

Украинские националисты не считают Шевченко революционером. Они умышленно замалчивают или замазывают эту сторону его творчества, заявляя, будто у Шевченко не было прямых призывов к расправе над царем и помещиками. В. Барвинский, например, в 1875 г. в речи, посвященной четырнадцатой годовщине со дня смерти Шевченко, говорил: «Не пугайтесь нас! Мы не идем к революции, мы не ищем переворотов, — мы идем законною дорогою, у нас нет ни слова неправды. Не пугайтесь, мы не изменим завещанию Тараса Шевченко... он призывает нас: «обнимитесь, братья мои, прошу, умоляю!»⁸.

Здесь — правда, и совершенно ясная, только в том, что галицийские «народовцы» действительно боятся революции и холоуьски пресмыкаются перед австрийским монархом. А в том, что относится к Шевченко, — ни слова правды, а сплошная фальсификация.

Драгоманов, которого Ленин называл «украинским мещанином», тоже считал, что Шевченко и не мог быть революционером, так как «мыслью своей опирался на церковную основу». Шевченко, уверял Драгоманов, только «временами имел мечты о восстании»⁹, но не больше. Он фальсифицировал взгляды Шевченко в соответствии со своими собственными убеждениями. Драгоманов считал себя «социалистом западноевропейской школы», противником «российских нигилистов», т. е. революционных демократов, «которые увлекались Ст. Разиным и Пугачевым». В автобиографии он писал, что «осуществление этого идеала», т. е. социализма, можно достичь «при помощи умственной пропаганды», но не «кровавых восстаний»¹⁰. Недаром один из вожаков буржуазных националистов Галиции — Е. Огоновский

⁸ Цит. по кн.: Драгоманов. Шевченко, українофіли і соціалізм. Київ, 1914, стр. 8.

⁹ Там же, стр. 84—85.

¹⁰ М. Драгоманов. Автобиография. 1917, стр. 39.

в своей вступительной статье к львовскому изданию «Кобзаря» Шевченко отрицает революционность Шевченко, считая его «библейцем» до самой смерти. В подтверждение этого он ссылается на Драгоманова.

Украинские буржуазные националисты стремятся изобразить Шевченко как борца против русских вообще, как врага «москалей», фальсифицируя его взгляды тем самым в националистическом духе. На самом же деле творчество Шевченко наполнено борьбой против всякого крепостнического гнёта, в том числе против гнёта и кабалы со стороны украинских панов-помещиков. С величайшей силой поэт разоблачает солидарность панов и гетманов с московским царем и русскими помещиками, их продажность польским панам. В «послании» «И мертвым, и живым, и нерожденным...» поэт гневно восклицает:

Рабы, холопы, грязь Москвы,
Варшавский мусор ваши паны,—
И гетманы, и атаманы!
Так чем вы чванитесь, вы!
Сыны сердечной Украины!
Что ловко ходите в ярме,
Ловчее, чем отцы ходили?!

В стихотворении «Сраженья были, распри — все бывало» (1860) поэт с гневом называет представителей трех виднейших и богатейших на Украине старшинно-дворянских родов («Галаганы, и Кисели, и Кучеbei-Ногаи») и предупреждает, что гнев народный «раздавит трон», а вместе с ним «не станет» и помещиков-магнатов.

Настанет ли долгожданное время счастливой жизни для народа, взойдет ли солнце свободы? — Шевченко до конца своей жизни верил в народ и считал, что пробуждение настанет, «правда» в конце концов восторжествует. В ноябре 1860 г., за несколько месяцев до смерти, он писал:

Когда же суд? Падет ли кара
На всех царят, на всех царей?
Придет ли правда для людей?
Должна прийти! Ведь солнце встанет,
Сожжет все зло, и день настанет.

Народ победит и по заслугам расправится со своими вековыми врагами:

...А люди тихо
Без всякого лихого лиха
Царя на плаху поведут.

Эти слова созвучны с одой Радищева:

Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает
Над гордою главою царя.
Ликуйте, склепанны народы,
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя¹¹.

Шевченко всегда с радостью приветствовал всякое проявление действий трудящихся масс, направленных против крепостнического строя. Возвращаясь в сентябре 1857 г. из ссылки на пароходе по Волге и подъезжая к Нижнему Новгороду, Шевченко каким-то путем узнал о важном происшествии в прибрежном селе Зименке, принадлежащем помещику Дадьянову.

«Прошедшего лета,— записывает Шевченко в дневнике,— когда покосили жито и пшеница, мужичков выгнали жать, а они, чтобы покончить барщину за один раз, зажгли его со всех концов при благополучном ветре. Жаль, что яровое не поспело,— разделяя их гнев, отмечает Шевченко,— а то и его бы за один раз покончили бы. Отрадное происшествие!»

На пароходе же Шевченко прочитал в газете «Русский инвалид» о тайпинском восстании китайцев против маньчжурской династии. В своем дневнике в связи с этим, он записал:

«Там говорилось о китайских инсургентах и о том, какую речь произнес Гонг (это не точно, автор речи Хун Сю-цзюань.— М. Н.), предводитель инсургентов, перед штурмом Нанкина. Речь начинается так: «Бог идет с нами; что же смогут против нас демоны? Мандарины эти — жирный убойный скот, годный только в жертву нашему небесному отцу, высочайшему владыке, единому истинному богу». И далее: «Скоро ли во всеуслышание можно будет сказать про русских бояр то же самое?»

Характерен и другой эпизод, о котором Шевченко рассказывает в своем дневнике. Он заметил, что перед домом губернатора в Нижнем Новгороде собралась большая толпа крестьян с открытыми головами. Заинтересовавшись этим явлением, Шевченко выяснил, что это, оказывается, крепостные «промотавшегося» «мерзавца» помещика Демидова, который живет в своей деревне и грабит крестьян. «Кроткие мужички, вместо того, чтобы просто повесить своего грабителя, пришли к губернатору просить управы, а губернатор, не будучи дурак, велел их по-сечь за то, чтобы они искали управы по начальству, то есть начинали со станového!»

Патриот Шевченко глубоко верил в революционные способности украинского народа. С большой любовью и настойчи-

¹¹ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений. М., 1938, стр. 5.

востью он изучает прошлое своего народа, его историю и приходит к выводу, что история народа есть история борьбы за волю.

В повести «Прогулка...» Шевченко высказывает, какие у него возникли мысли при поездке через Лысянку: «Местечко Лысянка имеет важное значение в истории Малороссии. Это родина отца знаменитого Зиновия Богдана Хмельницкого, Михаила Хмеля. И еще замечательна, если верить туземным старикам, своей вечерней..., которую сложил здесь ляхам Максим Железняк в 1768 году. Не только какая-нибудь Лысянка,—каждое село, каждый шаг земли будет замечателен в Малороссии, особенно по правую сторону Днепра. В чем другом, а в этом отношении мои покойные земляки ничуть не уступили любой европейской нации, а в 1768 году Варфоломеевскую ночь и даже первую французскую революцию перешеголяли».

Не вдаваясь в детали этого высказывания, следует подчеркнуть одну главную мысль: Шевченко с гордостью отмечает, что украинский народ способен на великую борьбу со своими врагами-угнетателями, причем по своей решительности, по своей беспощадной расправе с врагами украинские крестьяне в 1768 г., по его мнению, даже «перешеголяли» Западную Европу.

Шевченко живет интересами своего народа, из которого он вышел, чутко прислушивается к его настроениям, к его думам, к его общественным движениям. Поэт не только призывает к борьбе, но и с нетерпением ждет, когда же в действительности начнется эта решительная борьба, он чутко ловит все сведения по этому вопросу. Так, встретившись в январе 1858 г. со своим приятелем Яковым Лазаревским, недавно вернувшимся из Украины, Шевченко особенно интересуется «Екатеринославским восстанием 1856 года».

Даже в «Букваре Южнорусском», составленном Тарасом Шевченко и вышедшем из печати в 1861 г., он старается провести через преграды цензуры идею классовой борьбы — осудить пана помещика, несправедливость политического строя России.

«Букварь» предназначался для широких народных масс и, разумеется, должен был отвечать строжайшим требованиям свирепой царской цензуры. Поэтому Тарасу Шевченко приходилось маскироваться, помещать желательный для него материал среди официально дозволенного, с точки зрения царской власти, политически «благонадежного». Так, скажем, среди тринадцати различных пословиц он помещает и такие:

Казав пан:
Кожух дам —
Та и слово його тепле.
З дужим — не борись;
А с богатим — не судись.

Царская цензура нашла в «Букваре» пословицы «не совсем уместные в настоящее время по выражаемому ими чувству недоверия простого народа к высшему сословию»¹².

Всячески ухищряясь изобразить Шевченко либералом, украинские буржуазные националисты обычно используют его произведение «И мертвым, и живым, и нерожденным землякам», называя это «послание» «манифестом либерализма». Обходя молчанием революционное содержание «послания», они выхватывают следующие слова поэта: «Обнимите ж меньших братьев, как братья родные...» и «доказывают», что у Шевченко на первом месте стоит заповедь «братолубия», взятая им «из священного писания» и годная, по мнению националиста Огоновского, «для всей будущей жизни» украинского народа.

На самом же деле в своем «послании» Шевченко выступает как борец за интересы угнетенного, обездоленного народа, как враг эксплуататоров, господ-угнетателей. Он выражает свое возмущение против тех, кто «святой правдою торгуют... в ярмо запрягают человека». Поэт клеймит позором либералов, которые «кричат: ...Воли! Воли! И братства братского...» а на деле, прикрываясь именем бога, продолжают драть «с братьев-гречкосеев три шкуры...» Кто эти шкуродеры, враги трудового народа? Это не только люди другого, чужого народа, эти лютые враги — люди той же нации.

Доборолась Украина...
И за что страдает:
Хуже ляха свои дети
Ее распинают.

В «послании» Шевченко предвещает неизбежность народного восстания против угнетателей. Все попытки украинских националистов представить «послание» как «манифест либерализма» являются поэтому извращением действительности.

Что касается призыва Шевченко обнять всех «братьев» украинцев, то он объясняется тем, что в 40-х годах XIX столетия борьба между революционным демократизмом и буржуазным либерализмом еще не выявилась так резко, как это произошло позднее — в конце 50-х и в начале 60-х годов, в эпоху Чернышевского. Не случайно поэтому и революционно-демократическое направление Шевченко и либерально-буржуазное Кулиша и Костомарова в 40-х годах находились в одной тайной политической организации — в Кирилло-Мефодиевском обществе. В этих условиях в 40-х годах XIX в. мы видим попытку Шевченко использовать либеральные настроения некоторых слоев помещиков в интересах борьбы против крепостничества. Этот

¹² Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах. Київ, 1950, стр. 299.

призыв Шевченко «обнять» «меньших братьев» в условиях того времени нельзя считать «срывом» с позиций революционного демократизма, как это пытаются иногда толковать некоторые наши авторы. Шевченко обращается с призывом к либеральным кругам общественности с позиций революционного демократизма: он призывает их пойти навстречу требованиям народных масс, в противном случае угрожает им революционной расправой.

Следует отметить, что через десять дней после «послания» поэт пишет свое знаменитое «Завещание», наполненное жгучей ненавистью к врагам-крепостникам и словами призыва к восстанию.

Когда политическая обстановка в стране к концу 50-х гг. обострилась, Шевченко больше не призывает к тому, чтобы «обнять» «меньшего брата», а, наоборот, резко выступает против либерализма, разоблачает ложь «доброто» царя и его «добрых» приспешников — либералов, готовящих крестьянскую реформу.

В борьбе против царизма, так же как и против религии, Шевченко по-своему использует религиозную библейскую, христианскую тематику. Так, стихотворение «Саул» (1860), в котором фигурируют библейские лица — Саул, Самуил, Давид, направлено против царизма вообще и российского, в частности. Царь изображен самодержцем, превратившим свободный труд свободных людей в каторжную работу. Царь живет в роскоши и грабит подданных. О том, что стихотворение направлено против русского царизма, видно по ряду отдельных выражений, эпитетов, сравнений. Так, начинается стихотворение с того, что в Китае, в Египте, на берегах Инда и Евфрата жили вольные пастухи. На них напал царь, обративший их в рабство. При этом добавляется: «И у нас» такое же положение. Саул именуется «самодержцем», как и русский царь, а люди — «всеподданнейшими».

Харьковский и ахтырский архиепископ в своем донесении Синоду, требуя изъять из обращения «Кобзаря» Шевченко, писал, что «в стихотворениях «Цари» и «Саул» допущено кощунственное глумление над царственным пророком Давидом и царем Саулом и проч.»¹³.

В стихотворении «Подражание Иезекиилю. Глава 19» (1859) поэт использует библейскую тематику для борьбы против царизма. Мифический библейский пророк Иезекииль по преимуществу предрекал несчастья израильскому народу, как наказание за дела несправедливых царей и вельмож. Шевченко воспользовался этим для обвинения настоящих вельмож и царей. Поэт начинает с того, что обращается к «пророку» с просьбой «опла-

¹³ Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах, стр. 303.

кать» князей, вельмож и царей и спросить: зачем «сука» родила и множила этот «род проклятый», который пожирает праведных людей. Как-то люди подстерегли льва-царя и отправили его на каторгу. Однако злая мать спустила на людей другого сына, еще более злого, который пожирал целые города и села. Но и этот «пес на троне» был окован и посажен в тюрьму. Этим самым поэт как бы дает понять, что люди перестали молчать, начали расправляться с царями. Поэт вселяет уверенность, что придет время, когда не будет беззакония и зла и люди не услышат больше «яростного рыка самодержавного владыки». Правда, львы-цари еще растут, не хотят признавать правды, но корень у них «уже червивый и гнилой и худосочный». Недалеко то время, когда подует ветер с поля и сметет царей, они будут «тонуть в своей крови...». Путь для праведных людей будет расчищен.

* * *

Украинские буржуазные националисты идут на самые различные ухищрения для того, чтобы затемнить, замазать основную политическую революционную целеустремленность в творчестве Шевченко. Пожалуй, наиболее распространенным способом являются многочисленные попытки изобразить поэта как певца оскорбленной, обманутой, покинутой соблазнителем или насильником-помещиком украинской женщины «покрытки».

Так, Н. Ф. Сумцов, фальшиво ссылаясь на то, что «политические мотивы» в поэзии Шевченко якобы «устарели», писал в «Киевской старине», что «основные мотивы» его поэзии — это мотивы «семейно-родственные».

Позднее так же извращал творчество Шевченко журнал украинских буржуазных националистов «Українська хата».

В действительности и в тех произведениях, где в той или иной мере Шевченко говорит о «покрытке» («Екатерина», «Слепая», «Ведьма», «Марина», «Варнак»), во главу угла он ставит не проблему «семейно-родственных» отношений, а проблему общественно-политическую, проблему борьбы с крепостным строем, порождающим многочисленные бедствия для простого народа.

В целях разоблачения украинских националистов и восстановления истины рассмотрим для примера поэму «Слепая». Когда злодей помещик забирает Оксану в свои хоромы и готовит ей такую же ужасную участь, какая постигла ее мать — нищую, слепую, — возлюбленный Оксаны уходит в гайдамаки. Сама Оксана не подчиняется покорно своей несчастной судьбе; защищаясь, она убивает мучителя помещика, а его палаты сжигает. Характерно при этом, что нож принес ей ее возлюбленный, атаман гайдамаков. Это как бы символизирует, что расправа над помещиком не является делом случайной мести, а организованно

подготовлена при участии гайдамаков, вооруженных борцов с помещичьим гнетом.

Революционным демократизмом были проникнуты русские повести Шевченко, написанные им в 50-х годах во время пребывания в ссылке. В них автор глубоко и едко критикует либералов-«филантропов», разоблачая их крепостническое нутро. Шевченко разжигает классовую ненависть к феодально-крепостническому строю, к помещикам-крепостникам и дворянам-офицерам. Он показывает все их отрицательные черты: тунеядство, безжалостную эксплуатацию крепостного крестьянства, издевательское, скотское отношение к простым людям, пьянство, картежную игру, прожигательство жизни, духовное убожество, разврат и маразм, и все это — на фоне нужды, нищеты и голода крепостного крестьянства. При этом он подчеркивает, что все эти резко отрицательные качества целого общественного класса не являются случайными, а неизбежно порождаются самим укладом общественной жизни.

В прямую противоположность этому растленному сословию дворян-помещиков Шевченко изображает в повестях многочисленные положительные качества простых людей, трудового крепостного люда: трудолюбие, бескорыстие, гуманность, стремление к свободе, скромность, честность, великодушие, способность на подвиг самопожертвования ради общего блага, нравственную чистоту и стойкость. В многомиллионном простом трудовом народе скрыты великие силы, большие дарования, способности, таланты, но феодально-крепостнический строй их душит, уродует, уничтожает, не дает возможности развернуться могучим силам, таящимся в простом народе. Стало быть, такой общественный строй препятствует дальнейшему прогрессивному развитию общества. На борьбу против крепостничества должны быть направлены все передовые, культурные силы. Такой вывод логически вытекает из содержания повестей Шевченко.

В русских повестях нет непосредственно выраженной революционности. Это объясняется тем, что повести были рассчитаны, как это видно из писем Шевченко, на подцензурную печать. Но по объективному общественно-политическому смыслу они возбуждали революционный гнев. Политически наиболее заострена повесть «Варнак» (1853—1854). В ней автор показывает, как сами условия общественной жизни порождают активно действующие, враждебные крепостническому строю силы в лице вооруженных отрядов крестьянства. Не «разбойники» виноваты в своих действиях. Беглые крепостные крестьяне, «ограбленные» помещиком, были доведены до этого самими условиями крепостной жизни. Их «ожесточили» ненасытные в своей эксплуатации паны-помещики. Стало быть, в этом все зло, оно — в самом порядке общественного устройства.

Еще на первой странице своей повести писатель поставил вопрос: где причина того, что в краю, «текущем млеком и медом», существует «самая безобразная нищета», человек падает «изнеможенный под тяжестью труда и нищеты», всюду «отвратительная грязь и невежество?» И тут же Шевченко подводит читателя к ответу, что причину надо искать в «политико-экономическом» устройстве страны, иначе говоря, — в крепостнических общественных отношениях. При этом действия отряда «разбойников» не являются каким-то изолированным от крестьянской массы выступлением. В повести показан массовый характер борьбы крестьянства: многочисленность отряда повстанцев, поголовное сочувствие им со стороны крестьян.

Интересно далее отметить, что описанная в «Варнаке» борьба крестьянства против крепостнических порядков связана с традициями борьбы в прошлом. Когда один из «товарищества» «рыцарского промысла» агитировал в корчме будущего атамана присоединиться к ним, то он называл себя и своих товарищей «вольными казаками». Когда варнак рассказывает, где хранились у них оружие, порох, деньги и съестные припасы, то он упоминает погреб, вырытый, по народному преданию, гайдамаками в 1768 году.

Имеется полное основание сказать, что идея этой повести подсказана самой жизнью. Шевченко знал о крестьянском движении в Подолии, а отчасти и на Волыни. Среди крепостного крестьянства гремела слава народного героя Устима Кармалюка, наводившего ужас на помещиков. Не случайно описанные выше события по месту происшествия Шевченко относит к Подолии и Волыни.

Повесть «Варнак» кончается тем, что у атамана отряда «честного рыцарского промысла» заговорила совесть, «разбойничья жизнь» для него стала невыносимой, стали брать верх христианские настроения смирения и покорности. Он почувствовал себя большим «грешником», позвал священника, раскаялся перед ним и явился с повинной в распоряжение властей. Если в названном атамане Шевченко олицетворил революционное настроение крепостного крестьянства, то встает вопрос: такая концовка повести — с раскаянием — находится ли в соответствии с идейными установками ее автора?

Литературоведы обычно обходят этот вопрос. По нашему мнению, — безусловно нет! Шевченко до конца своей жизни оставался убежденным и непримиримым революционером. А повесть с такой концовкой имеет глубокий реалистический смысл. Дело в том, что борьба крепостного крестьянства против помещиков-крепостников имеет стихийный характер, само крестьянство без рабочего класса и его идеологов, в силу своего социального бытия, не в состоянии глубоко и до конца осмыслить историческую

закономерность и необходимость классовой борьбы, не может научно понять необходимость нового общественного строя — социализма, хотя и способно мечтать о нем. Крестьянству, поэтому, свойственны колебания, временами потеря уверенности в своей победе. Именно эта сторона идеологии крестьянства объективно (Шевченко это не осмысливал) и нашла свое отображение в «раскаянии» атамана.

Тем же самым в своей основе следует объяснить и изменение позиции «Ведьмы» в одноименной поэме, простившей помещику все надругательства и даже изъявившей готовность его лечить. Не правы те критики, которые в такой концовке видят у поэта срыв революционного демократизма. Надо учитывать, что Шевченко писал не ученый трактат о своих политических воззрениях, а — поэму, в которой реалистически отразил конкретную действительность.

Но вернемся к «Варнаку». Раскаяние атамана, как мы видим, вовсе не знаменует собою отказ от борьбы массы крестьянства. Атаман оставил «преступное братство», но его товарищи не оставили «честный рыцарский промысел». Да и сам атаман, готовясь к раскаянию, не отнесся безразлично к деятельности оставшихся в зеленой дубраве своих товарищей, он позаботился о том, чтобы «старшинство» передать «Прохору Кричатому, человеку физически сильному и не разбойничьего сердца». Это знаменует собой то, что «раскаяние», колебания являются только отдельными моментами в общем течении борьбы, а борьба в целом будет продолжаться, она является неизбежной.

Борьба крепостного крестьянства против панов-помещиков изображена в повести «Варнак» не как случайный момент, не как вспышка, а как общественное явление, порождаемое феодально-крепостническим строем, как закономерное явление. Шевченко показывает живые, действующие силы, которые выдвигаются общественным строем крепостничества и которые вооруженной рукой ведут борьбу против этого строя.

* * *

Поистине, как высоко стоял тогда Шевченко в главных вопросах понимания общественной жизни, в сравнении с господствующей в России официальной, помещичье-буржуазной историографией. Возьмем для примера такого известного историка, как С. М. Соловьев, который отстаивал «крепкую народность», «крепкую державу», т. е. абсолютизм, и рассматривал классовую борьбу крестьянства, его восстания как «разбой», «грабеж». С точки зрения этой историографии Степан Разин, Емельян Пугачев, Устим Кармелюк, Максим Железняк — просто «разбойники», «злодеи».

Позиция Шевченко прямо противоположна: Степана Разина, Устима Кармелюка и вообще руководителей революционного крестьянства он называет славными «рыцарями» и считает их борьбу за дело народа справедливой.

Шевченко живо интересуется всем, что относится к Степану Разину. Надо иметь в виду, что едва ли тогда была какая-либо литература по этому вопросу, кроме официальной помещичьей историографии. Поэтому Шевченко обращал особое внимание на народные предания о Степане Разине, на сохранившиеся материальные памятники.

Возвращаясь из ссылки, Шевченко заинтересовался холмом Стеньки Разина на правом берегу Волги, выше Камышина. Со слов лоцмана парохода Шевченко записал в дневнике, что Разин не был разбойником, а только собирал пошлину с кораблей и раздавал ее неимущим людям.

Шевченко был первым среди тех украинских общественных деятелей, которые встали на путь опровержения помещичьей российской историографии, изображавшей Разина как злодея, разбойника.

Со вниманием относился Шевченко и к Емельяну Пугачеву. Это видно из его отдельных замечаний в повести «Близнецы» (IV, 91, 99). В стихотворении «Солдатов колодець» поэт иронизирует над теми «пиитами», которые «в одах восхваляли» «усмирительницу» движения Пугачева, царицу Екатерину II и проводимую ею войну.

В большом крестьянском восстании на Украине в 1768 г. под руководством Железняка и Гонты Шевченко видит не только национально-освободительную борьбу против ига польской шляхты, но и классовую борьбу против помещичьей кабалы вообще. Борьбу гайдамаков он считал «святым делом», в которое были активно вовлечены даже женщины. Батрак Ярема Галайда пошел в гайдамаки потому, что ему стал нетерпим гнет хозяина. Заметим, что Шевченко первый в истории общественной мысли в России в поэме «Гайдамаки» отобразил в виде революционного героя простого батрака.

В гайдамацком движении Шевченко видел черты классовой борьбы. Так, в стихотворении «Холодный Яр» (1845) поэт доказывает историческую закономерность, историческую правду гайдаматчины, как борьбы угнетенных масс, классовой борьбы крестьянства против помещичьей кабалы. Поводом к написанию этого стихотворения было опубликование книги реакционного историка А. А. Скальковского «Наезды гайдамаков на Западную Украину в 1733—1768 гг.» Отвечая Скальковскому, Шевченко с негодованием разоблачает ложь официальной, реакционной, помещичьей историографии, которая считала, что «гайдамаки — не воины, разбойники, воры, пятно на нашей истории».

«Вы сами разбойники, хищные вороны», — гневно провозглашает Шевченко, обращаясь к господам-угнетателям и их блюдолизам. Не по правде, не по «святому закону», а разбойнически вы захватили землю и торгуете этой землей, торгуете народом. «Берегитесь», горе вам будет, придет час расплаты! — грозно восклицает поэт. Шевченко называет панов-помещиков «людоедами», «новыми врагами». Враги крестьянства времен гайдаматчины и современные его враги — одни и те же, по его мнению, это — помещики-крепостники.

«Холодный Яр», как известно — место, где в свое время лагерем стояли гайдамаки. Назвав так свое произведение, Шевченко заканчивает его следующими многозначительными словами:

Снова запылает пламя
Холодного Яра!

Здесь речь идет, конечно, не о борьбе против польской шляхты, а о накоплении в угнетенном народе классовой ненависти против помещиков-крепостников вообще, о назревавшем революционном движении крепостного крестьянства.

Главную силу, выступавшую против крепостной неволи, Шевченко видел в крестьянстве. В среде самого крестьянства он уже замечал дифференциацию на богатых и бедных и выступал в защиту батраков. В поэме «Гайдамаки», как было уже сказано, Шевченко отобразил геройские дела батрака Яремы, служившего у шинкаря и затем под именем «Галайды» поступившего в боевой отряд гайдамаков. В стихотворении «В воскресенье не гуляла» (1844) поэт с большим сочувствием описывает горемычную жизнь чумака, который в дороге к лиману за солью скончался. Он умер потому, что молодую его силу «богачи купили». В стихотворении «Сова» показана солдатчина — тяжелый бич для крестьянина. Между тем, «сынки богатых» оказываются негодными: «мелки, недомерки», «калеки», «кривонogi», «горбатые», а у несчастной вдовы вся ее надежда — «один лишь сын, и тот — как раз под аршин».

Итак, еще в 40-х годах в «Гайдамаках», а затем и в повести «Варнак» Шевченко отобразил массовое вооруженное восстание крестьянства против помещиков. Он считал такую борьбу справедливой, обусловленной самой жизнью («Холодный Яр», 1845 г.) и в своей поэзии, дав весьма острую и для своего времени глубокую критику крепостничества и царизма, призывал крестьянство на революционное уничтожение их. («Сон — «У всякого своя доля», 1844 г.; «И мертвым и живым... послание», 1845 г.; «Завещание», 1845 г.).

Стало быть, по глубине и остроте своих общественно-политических воззрений еще в 40-х годах Шевченко стоял очень высоко

и в этом — его гениальность, его величие. Далее, как это видно из его поэзии 50-х годов, русских повестей и дневника, революционный демократизм поэта развивался и укреплялся.

Во всем своем творчестве Шевченко продолжал традиции передовых людей русской общественной мысли, которые уже занимались проблемой крепостного права, видели его несправедливость, осуждали его порочность, выступали в защиту обездоленного крепостного люда, против царизма, против крепостничества. Таково, прежде всего, знаменитое произведение революционера Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790). В 20-х годах XIX в. на борьбу поднялись революционеры-декабристы. В 1831 г. В. Белинский пишет свою драматическую повесть «Дмитрий Калинин», в которой показывает издевательства помещиков-крепостников над крестьянами. «Кто дал это гибельное право — одним людям поработать своей власти волю других, подобных им существ, отнимать у них священное сокровище — свободу?»¹⁴. В 40-х годах XIX в. с изобличением гнета и несправедливости крепостного права выступал Герцен.

Исторический процесс Шевченко рассматривал как процесс борьбы угнетенного крепостного крестьянства против его врагов — помещиков крепостников во главе с царем. И это было замечательно глубокой и характерной чертой мировоззрения Шевченко. Правда, разделяя недостатки своего времени, он не понимал самой сущности классов и, как правило, не применял такой терминологии. Но даже и в тех отдельных случаях, когда он применяет это понятие, он не вкладывает в него какое-либо ясно выраженное политико-экономическое содержание. Однако не следует подходить к вопросу сугубо формалистически. Чернышевский также не имел научного понятия о классах и в ряде случаев отождествлял понятие класса и сословия, смешивал в одну социальную категорию и фабричного рабочего и эксплуатируемого крестьянина. Но это не помешало Ленину оценить его позицию в понимании исторического процесса, как позицию классовой борьбы.

Вот почему мы имеем достаточное основание сказать о социально-политических воззрениях Шевченко теми же словами, которые Ленин относил к Чернышевскому: «От его сочинений веет духом классовой борьбы», ему свойственно «понимание антагонистичности русских общественных классов»¹⁵. Шевченко считал, что классовую борьбу надо доводить до ее высшего этапа, до революции. И в этом, прежде всего, — его гениальность.

И все же идеология Шевченко, отражавшего революционные настроения крестьянства, имеет классовую ограниченность,

¹⁴ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. I. М., 1953, стр. 498.

¹⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 224; т. 1, стр. 263.

обусловленную эпохой крепостничества. Поэтому он не понимал и не мог понять, что без руководства революционного рабочего класса крестьянство не добьется своего освобождения от гнета и эксплуатации.

2

Для творчества и деятельности Шевченко, как видно из сказанного, характерна борьба против царизма и крепостничества. Что касается отношения к капитализму, то у Шевченко на сей счет нет непосредственных высказываний, но и по его отдельно выраженным мыслям можно прийти к выводу, что он не идеализировал капиталистическое общество Западной Европы.

Капитализм в России в эпоху Шевченко делал свои первые шаги. На Украине особенно быстро развивалась, наряду с другой, сахарозаводская промышленность; к концу 40-х годов XIX в. в одной только Киевской губернии было 72 сахарных завода.

Шевченко бывал на сахарном заводе крупнейших предпринимателей того времени Яхненко и Семеренко, а также на Млиевском сахарном заводе Городищевского уезда. Здесь он беседовал с рабочими и служащими.

Поэт подметил зарождение нового типа эксплуататора-либерала, связанного с промышленным производством. В повести «Прогулка...» он так характеризует одного из них: «Кричит, распинается за новые идеи, за цивилизацию, за человечество, а сам...

Мужичков под пресс кладет
Вместе с свекловицей».

Шевченко видел неизлечимые пороки капиталистического общества в Западной Европе: богатство, роскошь, с одной стороны, нищета и голод — с другой. В повести «Художник» Шевченко отмечает, что в Голландии, в Италии и в других странах Западной Европы, даже в их «золотое время умирали великие художники с голоду». То же делается «и в наш девятнадцатый просвещенный век...»

Когда в 1848 г. в Западной Европе происходили революции, Шевченко был в ссылке. Сведения об этих событиях все же дошли до него. Это видно, в частности, из письма к Шевченко от Александрийского в конце сентября 1848 года. Откликом на эти события было такое его произведение, как «Цари», в котором развенчивается ложная святость царей. Автор показывает их безнравственными извергами и палачами. Шевченко рассказывает, как израильский царь Давид похитил жену у своего приближенного и сделал ее своей наложницей, а мужа приказал убить; как киевский царь Владимир сделал набег на полоцкого

князя, убил его самого, а его дочь растлил и выгнал, и всё же получил наименование «святого». Обобщая эти примеры, поэт пишет:

...Вот какие
Те венценосные, святые
Князя — цари!
. . . . .
Чтоб палачи их покарали,—
Царей — проклятых палачей!

В стихотворении «Опять настало время злое» (1854), которое, надо полагать, было откликом на Крымскую войну, поэт возмущается тем, что «опять струится кровь мужичья!» Виновниками этого он считает «палачей в коронах», которые «как псы голодные, за кость грызутся снова».

Позднее, в дневнике от 16 октября 1857 г., Шевченко назвал Наполеона III, совершившего 2 декабря 1851 г. государственный переворот и объявившего себя императором Франции, «коронованным Картушем». Картуш известен как французский разбойник XVIII в.

В басне «На рожь несжатую в ночи...» (1848) Шевченко рассказывает о том, как ночью собрались сычи, чтобы рассудить...

Как бедных пташек отстоять,
Гнездо орла огню предать,
С землей сравнять,
Орла ж повесить на осине
И навсегда отныне
Республику создать!

Поскольку, по народному преданию, орел является «царем птиц», несомненно, в образе «орла» здесь представлена царская власть.

Тема борьбы за республику возникла, видимо, также как отклик на революционные события в Европе. В образе «сыча», хищной птицы, охотящейся за своими жертвами в сумрачное время, в фольклоре изображается отрицательный тип. Сычи, значит, преследовали лишь свою, выгодную для них цель, а вовсе не ту, «чтоб бедных пташек отстоять». Стало быть, в этом произведении, проявляя глубокую прозорливость, Шевченко показывает, как под флагом республики некоторые общественные группы в Западной Европе пытаются осуществить лишь своекорыстные цели и вовсе не заботятся о народных нуждах, это, с одной стороны, и с другой,— что «мужик» с этими «сычами» расправляется по-своему.

Шевченко, выходя, не идеализировал ни общественный строй Западной Европы, ни ее господствующую форму правле-

ния — республику; в общих чертах, с точки зрения интересов трудящихся, он видел пороки и того и другого.

В оценке общественной жизни Западной Европы, как видим, Шевченко приближался к оценке Белинского, хотя и уступал ему в смысле классовой четкости. Белинский писал: «...владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором... Все в нем мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости... не годится государству быть в руках капиталистов... горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят»¹⁶.

Шевченко боролся против крепостнического строя, за лучшую жизнь. Какими же представлял он себе новый государственный строй и строй общественной жизни?

Демократ, беспощадный враг царизма, Шевченко в стихотворении «Юродивый», гневно клеймя дикий произвол пьяных царских «сатрапов-унтеров», грабителей Украины, пишет:

...Когда
И мы дождемся Вашингтона
И правды нового закона?
Дождемся, верю! Будем ждать!

Вашингтон, как известно, — борец за независимость республики Соединенных Штатов Америки от английского королевства и первый президент США. Заметим, что и Радищев в борьбе против русского самодержавия также использовал республиканские идеи прогрессивных американских деятелей. В своем «Путешествии из Петербурга в Москву» он весьма похвально отзывался о революционном деятеле США — республиканце В. Франклине, «исторгшем гром с небес и скипетр из руки царей». «Вашингтон» — это несомненно образное выражение поэта-мыслителя, основное содержание которого — республиканский образ правления, чего и требует Шевченко для своей страны.

Из «Книг бытия украинского народа» и из высказываний отдельных кирилло-мефодиевцев, видно, что сторонники Шевченко признавали необходимым, чтобы каждый славянский народ имел республиканскую государственную форму организации и все эти республики объединялись на федеративных началах. Это и точка зрения Шевченко. Она естественно вытекала из всех его воззрений, изложенных в его поэзии еще до создания

---

¹⁶ В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения. М., 1946, стр. 463, 465.

«Книг бытия». Организация республики мыслилась на демократических началах: на основе равноправия наций, без царя, без пана, без холопа и крепостного.

В статье «Аграрная программа русской социал-демократии» (1902) Ленин писал о необходимости «упрочить республиканскую традицию среди всех русских революционеров и среди возможно более широких масс русских рабочих...». Он отмечал, что идея республики имеет свое начало у декабристов¹⁷.

Следует сказать, что объективно в своей политической поэзии и в своей деятельности в Кирилло-Мефодиевском обществе Шевченко так же, как и русские революционные демократы, фактически продолжал республиканские традиции декабристов. Однако, сводить представление Тараса Шевченко о будущем обществе только к буржуазно-демократической республике было бы неверным. Он шел дальше.

Рассмотрим вопрос об отношении Шевченко к социализму. В нашей печати эта проблема исследована еще очень слабо. Литературоведы обычно обходят ее молчанием.

В 70-х годах XIX в. по вопросу об отношении Шевченко к социализму возникла дискуссия между С-ко, автором статьи «Т. Г. Шевченко. Його думки про громадське життя» («Громада. Українська збірка». Женева, 1879, № 4) и М. Драгомановым, автором работы «Шевченко, українофіли і соціалізм». С-ко безоговорочно признавал Шевченко «социалистом». Но автор сам не имел ясного представления о социализме и ни слова не сказал, о каком же социализме идет речь: о научном или утопическом.

М. Драгоманов выступил против С-ко. Раболепствуя перед всем западноевропейским, Драгоманов считал, что новая общественная мысль в России с конца XVIII столетия берется из зарубежных книг. Шевченко будто бы не был знаком с западноевропейской общественной мыслью, а поэтому и не мог быть социалистом.

Несмотря, однако, на то, что Драгоманов сосредоточил на этом утверждении всю силу своей аргументации, под давлением фактического материала у него все же прорвалась мысль о том, что идеи социализма, «хотя издалека, но зацепили и Шевченко»¹⁸.

В России в 40-х годах проявлялся очень большой интерес к социалистическим (утопического характера) учениям. Книги Фурье, Сен-Симона, Луи Блана, Кабе, Прудона и других, по свидетельству современника П. В. Анненкова, «были во всех

¹⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 6, стр. 103.

¹⁸ См. М. Драгоманов. Шевченко, українофіли і соціалізм, стр. 69—77.

руках в эту эпоху, подвергались всестороннему изучению и обсуждению...»¹⁹.

Шевченко принадлежал к направлению русских революционных демократов — Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, пропагандировавших утопический социализм. Шевченко был также связан с петрашевцами, изучавшими и пропагандировавшими учение утопического социализма. Один из членов Кирилло-Мефодиевского братства — Савич был ревностным сторонником утопического социализма. По утверждениям Костомарова, «он был помешан на французском коммунизме и считал возможным, что общество человеческое дойдет до того, что все будет общим...»²⁰. Короче говоря, живо интересующийся всем новым, передовым, Шевченко, конечно, не мог пройти мимо учения о социализме.

Но более важно другое обстоятельство. Весь строй общественной жизни — закабаленность, разорение и нищета крепостного люда, с которым Шевченко был кровно, чувствами и мыслью связан; всеилие, гнет и издевательство над неимущим народом со стороны собственников земли и душ крепостных, со стороны помещиков — все это, естественно, наталкивало гениально одаренного Шевченко на мечту о социализме. Это происходило подобно тому, как, скажем, социально-экономические условия в свое время, в другой, конечно, исторической обстановке, породили утопический социализм Томаса Мора — в Англии, или Томмазо Кампанеллы — в Италии, отражавших интересы разорявшихся, угнетенных масс трудящихся.

Недаром Ленин писал: «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»²¹.

Социалистические воззрения у Шевченко появились не сразу, причем характер его высказываний о социализме является своеобразным и вовсе не похожим на западноевропейские «образцы» утопического социализма. В первые годы творчества — по 1843 год — у него нет высказываний о каких-либо чертах будущего общества.

Они появляются позже. В основном они сводятся к следующему: в будущем обществе все люди будут равны, потому, аргументирует Шевченко, что все — «адамовы дети», т. е. все равны

---

¹⁹ Цит. по кн.: А. Г. Деметьев. Очерки по истории русской журналистики. 1840—50 гг., Стр. 12.

²⁰ ЦГИА, фонд I, эк. ед. хр. 81, ч. 3 (1847 г.), л. 152 об.

²¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 8.

от природы; все люди будут жить в братском содружестве и наслаждаться «плодами общего богатства». Он писал:

Есть ли что-нибудь на свете
Радостнее братства,
Наслаждения плодами
Общего богатства?

Не случайно, надо полагать, а именно с целью пропаганды общественного строя, основанного на общности имущества, Шевченко дважды приводит эту мысль в своем небольшом «Южнорусском букваре»²².

В стихотворении «Холодный Яр», выступая против помещичьей собственности на землю, Шевченко заявляет, что земля «всем дана». В стихотворении «Молитва» поэт протестует против того, что все богатства принадлежат не народу, а богам и царям. И в интересах народа он предъявляет требования, чтобы земля принадлежала тем, кто ее обрабатывает:

Работающим умам,
Работающим рукам —
Целину поднимать,
Думать, сеять, не ждать,
Что посеяно — жать
Работающим рукам.

В новом обществе не будет царей и помещиков. Будут просто люди, будут они жить на «воспрянувшей», «обновленной земле», как братья, как мать и сын. Такую точку зрения Шевченко разделял до конца своей жизни. В сентябре 1860 г., за пять месяцев до смерти, поэт выражал уверенность:

...Будет бито
Царями сеянное жито.
А люди вырастут. Умрут
Цари и те, что не зачаты..
И на воспрянувшей земле
Врага не будет, супостата,
А будут сын и мать, и свято
Жить будут люди на земле.

В другом стихотворении поэт писал:

Когда б,— я думаю,— когда б
Таким покорным не был раб,
То оскверненных над Невою
Не возвышалось бы палат.
Была б сестра и был бы брат.
А то... Лишь слез и горя много...

²² См. «Букварь Южнорусский». СПб., 1861, стр. 5, 7.

Думается, что подобную мысль поэт выражает и в своем знаменитом «Заповіті», когда говорит о новом обществе как «семье великой», «семье вольной, новой».

Так же понимал социализм В. Г. Белинский. В письме к В. П. Боткину от 8 сентября 1841 г. он так характеризует черты социалистического общества: люди будут «братьями», «не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди...»²³.

Новое общество возникает, по мысли Шевченко, после революционного свержения царя и помещиков.

В стихотворении «Исайя. Глава 35 (Подражание)» Шевченко кратко, но образно и весьма красочно рисует громадное оживление в деятельности человека, когда «рабы» станут господами положения. Тогда, по его мнению, оживут степи и озера, «веселые села» завоюют пустыни, всюду потекут реки, озера кругом пообрастут лесами, которые «весельем птичьим оживут». Словом, все подчинится тогда воле радостного человека, ничто в природе не устоит перед дружными, совместными усилиями людей нового общества, перед усилиями труда, освобожденного от эксплуатации.

Шевченко считал, как это видно из стихотворения «Свете тихий! Свете ясный!», что в новом обществе, за которое он боролся, будет очень высокий уровень сознания людей, от религии и следа не останется, с церковных принадлежностей будет сорван ореол их святости, «чудотворными» иконами «святыми», по образному выражению Шевченко, будут печи топить.

Поэт безусловно знал, что в более передовых странах Западной Европы также нет такого общественного строя, о котором он мечтал. Он мечтал о социализме утопическом.

Украинские националисты, принадлежавшие к так называемой «украинской социал-демократической рабочей партии», явно стремились показать Шевченко социалистом. В их журнале «Дзвін», афиширующем свое якобы «марксистское направление» В. Винниченко в статье «Гений Украины» (1941 г., № 1) утверждал, что Шевченко «без сомнения принадлежит к социализму», причем об утопичности этого социализма он не сказал ни слова; понимай, значит, как научный социализм. И в то же время, тот же Винниченко писал, что у поэта имеется «логическое, последовательное развитие» идей не только социальных, политических, но и «религиозных». У «украинских» горе-марксистов, как мы видим, и марксистский социализм и «религиозность» мирно уживаются.

И вообще надо сказать, что «марксисты» типа В. Винниченко, Л. Юркевича, которых Ленин называл «украинскими национал-

²³ В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 66, 71.

социалистами», выступали с такими утверждениями: в то время, как на Западе действовал Карл Маркс,— на Востоке, на Украине творил Тарас Шевченко. Разница, по их мнению, лишь в том, что Маркс дал этому учению научное обоснование. Поэтому, говорят они, Шевченко выступает учителем на Украине, наряду с Марксом и Энгельсом.

Понятно, что такая точка зрения приводит к полному смешению двух различных идеологий: революционно-демократической, по своей классовой сути — крестьянской, и — марксистской — идеологии пролетариата. Этот, так называемый, «украинский социализм» по сути дела есть своеобразный национализм, искажение марксизма, стремление приспособить его к идеологии украинского национализма.

Шевченко не имел достаточно ясного представления о будущем общественном строе. От понятия о социализме он не отделял своих представлений о буржуазно-демократических преобразованиях или же мелкобуржуазных уравнилельных тенденциях крестьянства.

В августе 1857 г., как уже было нами отмечено, боцман рассказывал Шевченко о том, что Степан Разин не был разбойником, держал на Волге брандвахту, собирал пошлину с волжских купцов и раздавал ее неимущим людям. Записав все это в своем дневнике, поэт сделал замечание: «коммунист, выходит».

Со стороны некоторых литературоведов имеются попытки усматривать в этом высказывании только «иронию». Это выражение, по нашему мнению, не производит такого впечатления. Да исходя из общего понимания общественно-политических воззрений Шевченко, никак нельзя допустить, чтобы он «иронически» относился к коммунизму, нельзя одной ссылкой на «иронию» обходить поставленный здесь вопрос о «коммунизме». Он решается гораздо сложнее.

Как видно, принцип «уравнительности» Шевченко возводит в принцип «коммунизма». Но в то время принцип «уравнительности» выражал передовые настроения крестьянства. В 1907 г. Ленин писал: «Критикуют и справедливо критикуют «трудовое начало» и «уравнительность» как отсталый, реакционный, мелкобуржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой, революционный мелкобуржуазный демократизм, что эти теории служат знаменем самой решительной борьбы против старой, крепостнической России»²⁴.

В данном случае у Ленина речь идет об «уравнительности» в землепользовании. Но, понятно, принцип «уравнительности» имеет и более широкое общее значение в мелкобуржуазном социализме, который в сочетании с революционным демократиз-

²⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 13, стр. 214.

мом сыграл важнейшую роль в борьбе против крепостнического строя в России. Именно в духе мелкобуржуазного социализма выступал и Тарас Шевченко.

В повести «Художник» Шевченко рассказывает о том, что, когда К. Брюллов заходил в столовую, где обедали обычно бедняки студенты и чиновники, и ему предлагали отдельную комнату и какое-нибудь особенное кушанье, то «он, как истинный социалист, всегда отказывался». Стало быть, и здесь с понятием социалиста у Шевченко связывалось представление о таких положительных качествах человека, как стремление к равенству.

В стихотворении «Сон» («На барщине пшеницу жала») Шевченко рассказывает, как мать, работая на помещичьем поле, кормила своего грудного сына и задремала над ним. И вот ей снится, что сын

Уже не барский, а на воле;
И на своем веселом поле
Они свою пшеницу жнут,
А деточки обед несут!

Значит, мечтой крепостного крестьянина является свободная от крепостного гнета жизнь и веселая работа на своем поле, принадлежащем данной семье. Это — идеал общественной жизни мелкого собственника-крестьянина.

Нераздельность в понимании социалистических и буржуазно-демократических преобразований в эпоху Шевченко является типичной для крестьянского социализма, который, по выражению Ленина, «идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелкобуржуазных отношений»²⁵. Социализм Шевченко — социализм крестьянский, утопический, а не пролетарский, научный.

В литературе 30-х годов нашего века наблюдалась грубая ошибка, когда некоторые авторы пытались «подтянуть» Шевченко поближе к марксизму. В книге Шабловского, например, мы читаем, что поэт был «гениальным выразителем идеологии предпролетариата», «идеологом батрачества» («наймитства»). Но батрачество не является «предпролетариатом», а пролетариатом в сельском хозяйстве. «В России,— пишет автор,— уже существовало «буржуазное общество» и батрачество уже имело свою «социалистическую тенденцию». Причем у автора речь идет не об утопическом социализме, а о пролетарском, научном социализме: он говорит о «науке классовой борьбы пролетариата»²⁶. Все это, конечно, ошибочно.

²⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 9, стр. 282.

²⁶ О. С. Шабловський. Пролетарська революція і Шевченко. Харків—Київ, 1932, стр. 179, 180, 187.

Н. Скрипник, правильно выступая против тех, кто пытался оценить Шевченко как «идеолога буржуазного возрождения», заявлял, что «Шевченко с его социалистической идеологией может стать нашим знаменем...»²⁷. Но Скрипник забывает, что социализм Шевченко — это социализм утопический.

В отдельных повестях Шевченко наблюдаются черты идеализации хуторского хозяйства. Так, в повести «Наймычка» в явно благожелательных тонах описывается быт «богатого казака Якима Гирла» — хозяина «благодатного хутора», на которого работают чумаки.

В таком же духе в повести «Близнецы» изображается зажиточный хуторянин Н. Сокира.

Положительное отношение Шевченко к хуторскому быту вытекало из его антикрепостнической идеологии, но по сути своей идеологии крестьянской, мелкобуржуазной. Отсюда и появляются некоторые черты идеализации, как противопоставление крепостничеству. Но это вовсе не существенная черта в его воззрениях.

Итак, в условиях царской крепостной России борьба за радикальные буржуазно-демократические преобразования сама по себе была прогрессивной, передовой. Но Шевченко шел дальше. В его сознании эти преобразования, как уже было показано, переплетаются одновременно с идеями утопического социализма, с идеями общности имущества и материального равенства, с представлением о такой организации общественной жизни, когда внутри общества не будет врагов, когда труд перестанет быть «работой каторжной», когда люди станут братьями.

Борьбу за новый общественный строй Шевченко связывал с революционными преобразованиями. И в этом отношении он стоял выше западноевропейских домарксовых социалистов-реформаторов. Как высоко для своего времени поднялся Шевченко в области социально-политических воззрений, становится особенно ясным, если учесть уровень господствовавшей тогда официальной исторической науки. История России изображалась как история царей, которые господствовали «божией милостью» и творили историю по воле «господа-бога»; крепостнический строй считался незыблемым, как данный самим богом. Так, в учебнике для гимназий «Очерк русской истории для средних учебных заведений», вышедшем в 1854 г. девятым изданием, по поводу избрания на престол нового царя Романова говорилось, что земский совет избрал Михаила Романова, приняв во внимание «замогильный голос», как «голос неба», «великого мученика за веру и Отечество», патриарха Гермогена.

²⁷ Микола Скрипник. Статті і промови, т. II, ч. II. Харків, 1931, стр. 233.

Следует решительно отбросить неверное утверждение, будто Шевченко был революционером-одиночкой, лишенным сторонников и сочувствия в украинском народе, и как бы терялся среди массы либерально настроенных деятелей. А. Луначарский в своей в общем интересной работе о Шевченко, был вовсе не прав, когда писал: «Впившись корнями в чернозем Украины, вырос одинокий, но несравненный по силе и красе дуб — поэт Тарас Шевченко»²⁸.

На самом же деле Шевченко выступал не только как революционер-поэт и писатель, но и как организатор, общественный деятель, как член тайного политического Кирилло-Мефодиевского общества, как глава наиболее активного, революционного направления в этом обществе. Вокруг него группировались такие революционно-настроенные члены общества, как Гулак, Савич, Посяда, Навроцкий, Андрузский и др., составлявшие наиболее передовое и активное ядро общества. За Тарасом Шевченко шли многие лучшие, передовые люди украинской интеллигенции, самоотверженные борцы. О Шевченко знали крестьянские массы, считавшие его своим заступником, борцом и вождем.

Когда в 1850 г. в Оренбурге Шевченко был арестован за нарушение запрета «писать и рисовать», при обыске среди многих писем у него было обнаружено письмо от приятеля С. Левицкого от 6 марта 1850 г., присланное ему из Петербурга. В нем говорилось: «...Много здесь есть таких, которые вспоминают Вас, а Головки говорит, что хотя Вас не стало, но на Ваше место есть до 1000 человек, готовых стоять за все то, о чем Вы говорили...»²⁹.

Письмо это имело трагические последствия для Н. А. Головки, магистра астрономии, прибывшего в Петербург из Харьковского университета и уже находившегося за свою общественную деятельность под негласным надзором жандармерии. Последняя не замедлила арестовать и Головку и Левицкого. Когда жандармский полковник явился на квартиру к Головке для ареста и начал делать обыск, Головка выстрелил в него из пистолета, но промахнулся. А затем, запершись в соседней комнате, покончил жизнь самоубийством. Это только один из известных эпизодов. Многие другие остались скрытыми в застенках тайной царской жандармерии.

Петрашевец Момбелли также считал, что Шевченко, будучи революционером по убеждению и готовя восстания на Украине, не был одиноким, а имел в Петербурге многих приверженцев.

²⁸ А. Луначарский. Великий народный поэт Тарас Шевченко. Львів, 1912, стр. 16.

²⁹ Т. Г. Шевченко в документах і материалах, стр. 146.

По многим данным видно, что в Петербурге в середине 40-х гг. вокруг Шевченко сгруппировался довольно многочисленный кружок украинцев. Об этом Шевченко сообщал в письме к Кухаренко в конце ноября 1844 года. Он писал, что в Медицинской Академии на рождество «наши земляки» устраивают спектакль. Попросив Кухаренко прислать пьесу, Шевченко добавляет: «...если бы ты знал, что тут делается. Тут такое творится, что страшно и сказать. Казачество ожило!!!»³⁰.

Если принять во внимание, что с «казачеством» у Шевченко связаны представления о вольных людях, о решительных борцах против социального и национального гнета, то нетрудно понять, что речь идет о людях, которые примыкали к идейно-политическому направлению Тараса Шевченко.

Тот факт, что Шевченко имел своих последователей, нашел свое выражение в подпольной прокламации, вышедшей в Киеве года через полтора после смерти поэта-борца — в сентябре 1862 года. В ней говорилось: «Восставайте, добрые люди, спросите старинных людей, что делали с панами гайдамаки; как это когда-то было, как гайдамаки благодарили (говорится иронически.— М. Н.) панов... Когда все восстанете, то ничего вам никто не сделает, вас много, восставайте только все сразу... Паны не хотят давать земли, а земля — ваша, вся ваша... Так долго ли еще палачам господствовать... Подкупленные попы говорят вам, чтобы вы молчали, что это все от Бога... Неужели слава казацкая пропала... Присягайте друг другу, чтобы все восстали спасти друг друга и биться с панами за правду, за волю, за казацкую долю. Бейте неверных. Уже настал конец панам...»³¹.

Прокламация была написана на украинском языке. По стилю прокламации чувствуется влияние Шевченко.

Политическая поэзия Шевченко использовалась тайными политическими организациями. Так, в конце 50-х — начале 60-х гг. в Московском университете действовал студенческий кружок, в котором состояло несколько десятков человек. Кружок был связан с Н. Г. Чернышевским, Герценом и Огаревым. Царское правительство привлекло к суду 49 человек по обвинению в распространении запрещенной литературы — Герцена, Фейербаха, Луи-Блана и других. Кружок был связан с Украиной; в Харькове действовал участник кружка Новиков, в Чернигове — учитель гимназии Дорошенко. При обыске у Аргиропуло среди многочисленной литературы полиция нашла 59 стихотворений Шевченко³².

³⁰ Т. Шевченко. Твори. «Листування», III, 1929, стр. 21.

³¹ Цит. по кн.: А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. XVI, стр. 303.

³² См. «Голос минувшего», 1922, июнь, стр. 102—128.

Осужденный за революционную деятельность по приговору царского суда к каторжным работам полковник Красовский вел революционную агитацию среди крестьянства м. Корсуни (Киевской губернии), которое отличалось активным участием в крестьянском волнении 1855 года, а также среди солдат, присланных для «усмирения» крестьян м. Богуслава на Киевщине. При посредстве В. Синегуба, пытавшегося поднять на восстание крестьян дер. Пилипче, Киевской губернии, Красовский распространял нелегальную литературу среди населения — «Колокол», «Полярную звезду» Герцена, а также, что сейчас важно подчеркнуть, — революционные стихотворения Шевченко³³.

В 1856—1858 гг. в Харькове возник тайный политический кружок, наиболее активными участниками которого были П. Завадский, Муравский, Бекман и др., целью которых было освобождение крестьян и замена монархии республикой. Правда, другая часть кружка разделяла более умеренные взгляды. Кружок распространял нелегальную литературу, в особенности произведения Герцена, с которым была также установлена связь: ему послали материал о студенческих волнениях 1858 г. Впоследствии жандармерия обнаружила кружок. Часть участников кружка была сослана. Один из активных организаторов этого кружка — Завадский формировал свои взгляды под большим влиянием поэзии Шевченко, которого Завадский, по его словам, «с жаром читал и перечитывал». Распространенные в то время сведения о страданиях Шевченко в ссылке и о его личности, «как друге народа», возбуждали у Завадского желание идти по стопам народного поэта³⁴. Это сочеталось с влиянием нелегальной революционной русской литературы. Описанный факт влияния Шевченко на формирование общественно-политических воззрений является, конечно, одним из многих.

Известная украинская писательница Марко Вовчок, выступившая в 50-х годах XIX в., разделяла основные идейно-политические принципы Тараса Шевченко. Шевченко был очень высокого мнения о ее творчестве, дружил с ней, вдохновлял ее, посвятил ей стихотворение «Марку Вовчку» (1859), «Сон» («На барщине пшеницу жала») и «Кобзаря». В стихотворении «Марку Вовчку» он называл ее «дочерью» и одновременно «пророком», «обличителем жестоких и ненасытных» панов. Революционный демократизм в особенности проявился в повестях Марка Вовчка «Институтка» (1859) и «Кармалюк» (1862—1863). По своему содержанию последняя повесть сходна с повестью Шевченко «Варнак».

³³ См. *Історія Української РСР*, стр. 486.

³⁴ См. *Історія української РСР*, стр. 648—649; Б. Козьмин. *Харьковские заговорщики. 1856—1858*, стр. 37—38, 49.

Солдатские штыки императорских армий на границах различных государств не смогли воспрепятствовать проникновению свободолобивых идей Шевченко всюду, где жил украинский народ. Под влиянием поэзии Шевченко на Буковине, ставшей под гнетом Австро-Венгерской монархии, вырос известный поэт-демократ Юрий Федькович, выступавший в 60-х годах XIX века. Он жил в тех районах, где во время революции 1848 года происходили большие крестьянские восстания против гнета помещиков. Отражая революционные настроения простого народа своей страны, под впечатлением «Гайдамаков» Тараса Шевченко, Федькович создал ряд произведений, в которых воспевал борьбу героев повстанческого движения Буковины против социального и национального гнета. Называя себя учеником и последователем Шевченко, Федькович во всем старался подражать своему учителю. Его творчество очень высоко ценили Леся Украинка, Иван Франко. Правда в 70-х гг. Федькович отошел от острой социальной тематики и стал проповедовать религиозно-мистические идеи.

Все сказанное доказывает, что утверждение, будто Шевченко выступал одиночкой-революционером, не выдерживает критики. Шевченко был идеологом революционного крестьянства, за ним шла революционно-демократически настроенная лучшая часть передовой украинской интеллигенции.

Шевченко выступал непосредственно в массах. Сохранились воспоминания его современников и официальные донесения полиции, подтверждающие это. Так, он выступал в Киеве (на Куреневке, на Подоле), в Переяславле, в селе Марьянском, в Вьюницах и в других местах перед крестьянами, дворовыми крепостными, перед городскими жителями, тружениками с разоблачением крепостного режима, царских чиновников; на примерах патриотической борьбы казаков в прошлом, на образцах гайдамацкого движения он пропагандировал идею борьбы против крепостного строя, критиковал религию. При этом он внушал народу основную мысль о том, что вся сила в нём самом, что от него зависит его судьба.

Максимович, у которого Шевченко гостил летом 1859 г., рассказывает, что Шевченко приходил к нему только ночевать, а остальное время проводил в других местах, рисовал, беседовал с крестьянами³⁵. Именно в это время Шевченко был арестован полицией и выслан по месту жительства в Петербург.

Из жандармского донесения начальнику III отделения В. А. Долгорукову об этом происшествии в июле 1859 г. в м. Межиричи нам известно, что Шевченко пригласил к себе

³⁵ См. М. К. Ч а л ы й. Жизнь и произведения Тараса Шевченко. 1882, стр. 202.

служащих экономии и полесовщика Садового и, угощая их водкой, вел такой разговор: «...держа в руках сорванный листок с липового дерева, который показывал полесовщику, спросил его, кто создал этот листок? Полесовщик отвечал: «бог». На этот ответ Шевченко стал бранить полесовщика, произнося страшное богохульство, утверждая, что нет бога; а мать божию называл покрыткою, признавая только верование в Иисуса Христа и то не как в бога, а как в человека...». В рапорте черкасского земского исправника киевскому губернатору мы читаем также, что Шевченко, кроме того, говорил бывшим около него лицам: «не нужно ни царя, ни панов, ни попов»³⁶.

При допросе Шевченко не отрицал, что был разговор о религии, но по понятным причинам отрицал обвинение в богохульстве и высказываниях политического порядка.

Зная характер Шевченко, его революционные убеждения и атеистические воззрения, можно не сомневаться в том, что описанный выше разговор в основном действительно имел место.

Заслуживают также внимания воспоминания о Шевченко упомянутого нами ранее П. Мартоса. Он лично знал Тараса Шевченко с 1839 г., познакомившись с ним на квартире у известного украинского писателя Е. П. Гребёнки. К рассказу Мартоса надо отнестись с большой осторожностью. Он явно выступает как помещик-крепостник, злобно шипит на Шевченко за то, что тот «проповедовал возмущение». При всем этом, к его рассказу об одном эпизоде наглядной агитации Шевченко следует отнестись внимательно. По словам Мартоса, Шевченко сидел в трактире, распивая водку. Затем Шевченко вынул из кармана несколько горстей ржаного зерна и высыпал их на стол в одну большую кучу, потом из нее отделил другую меньшую, а затем — третью, еще меньшую. Когда один из присутствующих спросил его, что он делает, Шевченко ответил так: вот эта большая кучка — это мы, мужики, меньшая — это паны, а эта — малюсенькая — цари. Теперь смотри: взявши в горсть всю большую кучу, он засыпал ею две меньшие. Теперь, сказал он, нет ни панов, ни царей — только мы³⁷.

Был ли такой эпизод в действительности? Сам Мартос говорит, что он передает описанный выше эпизод как «ходячий по этому случаю анекдот». И. Франко заинтересовался этим вопросом и написал специальную статью «Шевченко — герой польской революционной легенды»³⁸. Мы не имеем точных сведений, чтобы определить, эпизод это из жизни или легенда, но во всяком

³⁶ Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах, стр. 225—226, 221.

³⁷ См. «Вестник Юго-Западной и Западной России». 1863, апрель, т. IV. Киев, стр. 38—42.

³⁸ Іван Франко. Твори в двадцяти томах, т. XVII. Київ, 1955, стр. 31—34.

случае можно сказать, что вовсе не случайно, по-видимому, различные люди относят этот эпизод к личности Шевченко, ибо он так соответствует и его убеждениям непримиримого революционера и борца против царей и панов, о которых идет речь в рассказе с зернами, и его тесной связи с простым народом.

Известно и о таком факте агитации Шевченко среди народных масс. «В Качановском парке,— сообщается в журнале «Киевская старина»,— есть площадка возле старого дуба, где сходились крепостные артисты и прислуга в свободные вечерние минуты. Участником этих собраний был всегда Шевченко. Там, на этих сходках рабов, он говорил по душам и плакал»³⁹.

Сам Тарас Шевченко в своей поэзии пояснял, что он посеет слезы, а взойдут и вырастут «ножи обоюдоострые».

Исследовав большой фактический материал, В. Беренштам писал: «Но всего охотнее сближался Шевченко с дворовыми и крестьянами в Марьянском; почти всех он знал по имени, очень сошелся со многими из них... он много рассказал о прошлом Украины, о подвигах казаков, о борьбе их с турками и панами»⁴⁰.

Будучи на Украине в апреле—мае 1843 г., Шевченко встречается и беседует с крепостными крестьянами, с панскими дворовыми людьми в Качановке, Власовке, Иржавце, Ичне, Батурине и других окрестных селах.

Один из современников рассказывает о связях Шевченко с крепостными людьми, которые находились в столице при своих господах. Крепостные, оказывается, знали поэта по его книге «Кобзарь», «которая переходила из рук в руки, безжалостно трепалась, путешествовала из кухни в переднюю; стихи выучивались наизусть...»⁴¹.

Киевский столяр Киселевский, шестидесятилетний старик, рассказывает, что Шевченко не раз посещал его и других жителей Киевского предместья Куреневки. Когда к кому-либо приходил «дядько Тарас», говорил Киселевский, то обычно, по праздникам, сюда собирались приятели и знакомые хозяина квартиры. Шевченко читал свои стихи и много рассказывал о крепостном праве, о жизни украинского народа. «Он все говорит,— передает рассказчик,— а мы слушаем, а иногда плачем»⁴².

В 1846 г. в Киеве Шевченко встречался с прогрессивной частью студенчества и читал им свои революционные произведения: «Сон», «Кавказ», «И мертвым и живым... послание».

³⁹ «Киевская старина», 1886, т. II, стр. 403.

⁴⁰ В. Беренштам. Т. Г. Шевченко и простолудины, его знакомцы, стр. 8.

⁴¹ См. Д. Косарик. Життя і діяльність Т. Г. Шевченка. Київ, 1955, стр. 47, 79, 242—243.

⁴² «Киевская старина», 1900, февраль, стр. 260.

Тот факт, что еще при жизни Шевченко были распространены сведения о его антиправительственных и антирелигиозных выступлениях, нашел свое отражение в воспоминаниях его брата Варфоломея и в одном из его писем. «Раз ходили мы с Тарасом по саду,— пишет В. Шевченко,— он начал декламировать «За горами гори хмарами повиті». (Речь идет о нецензурном произведении Шевченко «Кавказ».— М. Н.). Я слушал, притаив дыхание, волосы у меня поднялись дыбом! Я стал советовать ему, чтоб он не слишком забирался за «хмары-то»⁴³.

В другом случае, будучи обеспокоен распространением слухов об антиправительственных и антирелигиозных выступлениях Тараса, Варфоломей в письме к нему в июле 1846 г. советовал Тарасу, чтобы реабилитировать себя, написать «молитву или оду и напечатать во всех журналах. Потому, что каждый божий день я такое о тебе слышу...»⁴⁴.

О тесной связи Шевченко с прогрессивным общественным движением своего времени свидетельствует и то, что он принимал активное участие в организации воскресных школ. Из его писем А. Болдину (5 ноября 1860 г.), М. К. Чалому (6 ноября 1860 г. и 4 января 1861 г.), В. В. Тарновскому (10 февраля 1861 г.) и других видно, как активно Тарас Григорьевич распространял для вечерних школ свой «Южнорусский букварь», причем с условием, чтобы вырученные от продажи деньги были переданы на организацию воскресных школ. Шевченко намеревался написать для воскресных школ также учебные пособия по арифметике, этнографии, географии, истории, но смерть помешала этому.

После своей смерти Шевченко оставил не только богатое литературное наследство, но и живых продолжателей его дела, агитаторов, выходцев из простого народа. В. Беренштам рассказывает, что в 1864 г. он жил на даче в Китаеве, в окрестностях Киева. 6-го августа здесь был храмовой праздник. Собралось много народа. В одной группе людей киевский мещанин Чапыга громко и внятно рассказывал о прошлом Украины, о вольном казачестве, о Запорожье, с глубоким сочувствием отзывался о крестьянстве и с ненавистью о его врагах. Свою речь он часто пересыпал народными пословицами, отрывками из песен, чаще всего из произведений Тараса Шевченко, причем, характерно, что он сам ссылаясь на личное знакомство с поэтом. В. Беренштам утверждает, что агитаторов, подобных Чапыге, он сам встречал неоднократно⁴⁵.

Все это свидетельствует о разносторонней революционной деятельности, о тесной связи Шевченко с народными массами;

⁴³ Древняя и новая Россия», 1876, т. II, стр. 85.

⁴⁴ Т. Шевченко. Листування, т. III, 1929, стр. 341.

⁴⁵ «Киевская старина», 1900, февраль, стр. 257—259.

о том, что на творчестве Шевченко воспитывались живые носители его идей, агитаторы, которые шли в народ и несли в массы его боевое слово, направленное против общественного строя гнёта и нищеты.

* * *

Шевченко, как мы уже отмечали, общался с петрашевцами Н. А. Момбелли, Р. Р. Шtrandманом, А. Н. Плещеевым, Н. Спешневым, А. В. Ханыковым. Этот вопрос до последнего времени был мало исследован. Встречаются даже утверждения, отрицающие связь Шевченко с петрашевцами.

В нашей литературе имеет хождение неправильная оценка политической деятельности общества петрашевцев как организации только пропагандистской, мирной, не ставившей перед собой революционных задач. Некоторые исследователи называют эту организацию «фурьеристской». Такова, например, точка зрения автора предисловия (фамилия не указана) к I тому «Дела петрашевцев» (издание Академии наук СССР, 1937, под общей редакцией В. А. Десницкого). «Путь, избранный петрашевцами,— читаем мы в названном предисловии,— не был революционным»⁴⁶. Такая оценка дана также в предисловии ко II тому (1941) В. Р. Лейкиной. Отмечая, что петрашевцы были «страшно далеки от народа», она пишет, что это «заставило петрашевцев искать систем общественного устройства, не связанных с революционной политической борьбой. Такой системой, горячо уважаемой и покорявшей петрашевцев, и была система Фурье». Затем, организацию петрашевцев она попросту называет «русским фурьеризмом»⁴⁷.

Важно подчеркнуть то, что главная, руководящая группа петрашевцев (Буташевич-Петрашевский, Спешнев, Момбелли, Львов и другие) выступала революционно. Она организовала строго конспиративное политическое общество, имеющее своей целью подготовить восстание в общероссийском масштабе. С участником именно этой группы — Момбелли Шевченко имел общение.

Н. А. Момбелли — один из числа более активных петрашевцев, принадлежавших к группе революционеров. За свою деятельность он был приговорен, вместе с другими, царским судом к смертной казни, впоследствии замененной каторжными работами на 15 лет.

В 40-х годах XIX в. в течение нескольких лет по пятницам на квартире известного украинского писателя Гребёнки собирався кружок русской и украинской интеллигенции. В нем при-

⁴⁶ «Дело петрашевцев», т. I. Изд-во АН СССР, 1937, стр. X.

⁴⁷ «Дело петрашевцев», т. II, 1941, стр. 9, 10.

нимал участие и петрашевец Момбелли. Тарас Шевченко был также хорошо знаком с Гребёнкою, бывал у него на квартире. Здесь он и встречался с Момбелли. Как видно из записки Момбелли в его дневнике, встречи эти происходили приблизительно в 1844—1845 годах⁴⁸. О посещении Тарасом Шевченко вечеров Гребёнки говорит также И. И. Панаев в своих литературных воспоминаниях⁴⁹.

Шевченко произвел на Момбелли очень сильное положительное впечатление. «Приемы и общее выражение физиономии высказывали отвагу,—отмечал Момбелли,—небольшие глаза блестя энергией». Естественно, это, в свою очередь, также побуждало Момбелли к более тесному общению с Шевченко. Он очень высоко ценил украинского поэта и отмечал его большой авторитет среди передовой украинской интеллигенции.

В связи с разгромом царским правительством Кирилло-Мефодиевского общества Момбелли записал в «Дневнике»: «В настоящее время в Петербурге все шепчутся и говорят об открытии и схваченном правительством обществе будто бы славянофилов... Все рассказы согласны только об одном: несколько человек умных, истинно благородных, образованных и ученых привезено в Петербург и брошено в тайные темницы, ни для кого недоступные. Все повторяют согласно, что Шевченко... (и другие.— М. Н.) находятся в числе несчастных...».

Далее Момбелли продолжает свою запись о Шевченко: «Малороссияне считали его в числе своих любимых поэтов, которых так немного. Он написал поэму «Гайдамаки» и много других стихов, которых названий не помню... Малороссияне же говорят, что Шевченко истинный поэт, поэт с чувством, поэт с воодушевлением. Года два тому назад я встречал Шевченко у Гребёнки. Шевченко всегда высказывал сильную привязанность к своей родине — Малороссии....». «Этот Шевченко, говорят, написал на малороссийском языке, в стихах, воззвание к малороссиянам...» (Речь, очевидно, идет об известном «послании» Шевченко «К землякам».— М. Н.). «Никто не знал,—пишет далее Момбелли,—плана малороссийских патриотов, какую они имели цель; но говорят об этом различно. Одни говорят, что будто бы они хотели возбудить Малороссию к восстанию... Приверженцы деспотизма (т. е. николаевского крепостнического режима.— М. Н.),—продолжает Момбелли,—называют поступок Шевченко «безрассудным», «несбыточным», «просто нелепым».

Революционер по своим убеждениям, Момбелли развивает цельную аргументацию в защиту восстания. «Малороссияне более знакомые с условиями местности...—говорит он,—признают

⁴⁸ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 310.

⁴⁹ И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1950, стр. 103—105.

его план (т. е. план Шевченко.— М. Н.) не так нелепым, как может казаться с первого взгляда».

Здесь следует отметить, что в лице Момбелли, связанного с украинской интеллигенцией и знающего об ее настроениях, мы имеем еще одно подтверждение того, что Шевченко как революционер имел своих многих приверженцев в Петербурге среди украинской интеллигенции.

Возражая своим противникам и продолжая свою аргументацию в пользу восстания, Момбелли писал далее: «Но господа, таким образом рассуждающие, забывают, что Малороссия была страной воинственной и сильно воинственной, что она отличалась деятельностью, что всё в ней кипело и шумело». Затем он ссылается на живучесть в украинском народе традиций прошлой борьбы за свободу против угнетателей и заявляет: «С восстанием Малороссии зашевелился бы и Дон, давно уже недовольный мерами правительства. Поляки также воспользовались бы случаем. Следовательно, весь юг и запад России взялся бы за оружие»⁵⁰.

Это по сути дела был план вооруженного восстания во все-русском масштабе, важнейшая роль в котором отводилась Украине.

Из следственного материала в III отделении, по донесению шпиона Антонелли, видно также, что Петрашевский, будучи сторонником восстания, придавал немалое значение революционной поэзии Шевченко в подготовке восстания на Украине. Петрашевскому был задан следующий вопрос: «Антонелли показал, что вы, рассказывая ему об открытии бывшего в Киевском университете заговора, в котором замешан некто Шевченко, сказали, что несмотря на неуспех этого предприятия, оно все-таки пустило корни в Малороссии, чему много способствовали сочинения Шевченко, которые разошлись во множестве и были причиной сильного волнения умов, так что и теперь Малороссия находится в брожении»⁵¹.

Чтобы не разоблачать себя и других, Петрашевский на допросе не подтвердил этих слов Антонелли. Но из только что изложенной записи в «Дневнике» очень близкого к Петрашевскому человека — Момбелли, видно, что обсуждение вопросов восстания в таком духе действительно имело место.

Все сказанное дает основание сделать вывод о том, что группа петрашевцев, обсуждая планы всероссийского восстания, важное место и важную роль в нем отводила Украине. Что же касается подготовки народных масс к восстанию, то петрашевцы рассчитывали на общественную, революционную деятельность,

⁵⁰ «Дневник» Момбелли. См. «Дело петрашевцев», т. I, стр. 309—312.

⁵¹ «Дело петрашевцев», т. I, стр. 161—162

исполненную Тарасом Шевченко. Так переплетались планы революционной борьбы петрашевцев и членов революционного крыла Кирилло-Мефодиевского общества.

Активный деятель, революционер по убеждениям, Н. А. Спешнев, вернувшись из ссылки, ищет при помощи петрашевца же А. Н. Плещеева связи с руководителями журнала «Современник» — Чернышевским и Добролюбовым. Плещеев в письме 12 февраля 1860 г. сообщил Добролюбову о скором приезде в Петербург Н. А. Спешнева и о его желании познакомиться с Чернышевским⁵².

Шевченко, в свою очередь, искал встречи со Спешневым. Когда Шевченко узнает, что Спешнев в начале 1860 г. вернулся из ссылки, он старается познакомиться с ним. Это ясно видно из письма И. С. Тургенева к Шевченко: «Любезнейший Тарас Григорьевич! Вы желали познакомиться с Спешневым: он у меня завтра обедает — приходите. Мы все (и он разумеется) будем очень рады видеть вас»⁵³.

Настойчивое стремление Шевченко познакомиться, сдружиться со Спешневым не случайно. Чем мог Спешнев привлечь внимание Шевченко? Тем, что он был активным политическим деятелем в организации петрашевцев. Спешнев был приговорен царским судом за революционную деятельность к смертной казни, замененной затем каторжными работами на десять лет⁵⁴.

Таким образом, общность идейно-политических взглядов, стремлений, — вот что тянуло украинского поэта-борца к его русским товарищам, петрашевцам, борцам против крепостничества и царизма⁵⁵.

При изучении революционной деятельности Шевченко немалый интерес представляет также исследование связей между революционным демократом Белинский, с одной стороны, и петрашевцами и Тарасом Шевченко, с другой. У нас нет прямых сведений об организационной связи Белинского с петрашевцами, но не может быть никаких сомнений, что их связывали общие идейные узы. Характерно, что знаменитое письмо Белинского к Гоголю от 3 июля 1847 г. читалось, переписывалось, обсуждалось и распространялось в организации петрашевцев. В. И. Ленин говорил, что в нем нашли свое отражение революционные настроения крепостных крестьянских масс. Не случайно поэтому самый факт чтения и распространения этого письма

⁵² «Русская мысль», 1913, 1, стр. 142.

⁵³ Т. Шевченко. Твори. Листування, т. III, стр. 338.

⁵⁴ «Петрашевцы», т. III. М., 1928, стр. 70—72, 334.

⁵⁵ Мы не останавливаемся здесь на связях Шевченко с другими петрашевцами. Об этом, а также о революционности петрашевцев см.: М. І. Новік о в. Шевченко і петрашевці (в кн.: «Збірник праць першої і другої наукових шевченковських конференцій». Вид. Ак. наук Укр. РСР, Київ, 1954).

царское правительство считало тягчайшим антигосударственным преступлением. Петрашевцам — Головинскому, Достоевскому и Пальме, приговоренным царским судом к смертной казни, одним из важнейших обвинений инкриминировалось «недонесение о распространении письма Белинского».

О громадном интересе петрашевцев к письму Белинского имеются многие сведения. Так, Львов, один из наиболее активных петрашевцев, при допросе его в III отделении показал: «Ф. Достоевский прочел переписку Гоголя с Белинским, и многие хотели ее переписать. Я был в том числе, но она мне в руки не попала». О чтении этого письма говорил также петрашевец Кузьмин. Момбелли имел письмо Белинского. Он отдал его для переписки писарю 3-й гвардейской пехотной бригады, у которого жандармерия и захватила его. В своих показаниях на следствии по этому поводу Момбелли говорил: «В собрании 15 апреля читал письмо Белинского к Гоголю, в котором Белинский разбирает положение России и народа, сперва говорит в неприличных и ругательных выражениях о православной религии, а потом о судеустройстве, законах и властях. Письмо это произвело всеобщий восторг. Потом говорено о переменах судеустройства и освобождении крестьян; причем Петрашевский между прочим сказал, что нельзя предпринимать никакого восстания без уверенности в совершенном успехе»⁵⁶.

Стало быть, революционный характер письма Белинского, произведшего «всеобщий восторг», вполне соответствовал точке зрения петрашевцев. Как далеко пошли петрашевцы в своих революционных убеждениях, видно из того, что в связи с названным письмом они обсуждали вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости и даже ставили вопрос о восстании.

Шевченко, как мы уже говорили, имел личные встречи с Белинским на квартире у поэта Струговщикова. Шевченко также лично общался на квартире у Гребёнки с одним из наиболее революционно настроенных петрашевцев — Момбелли. Следовательно, может быть и личные связи и во всяком случае идейные узы связывали революционную деятельность Белинского, петрашевцев и Шевченко, возглавлявшего революционное направление в Кирилло-Мефодиевском обществе.

Украинские буржуазные националисты всячески пытались изображать деятельность Шевченко в отрыве от общерусского освободительного движения. Конкретные факты истории опровергают эту фальсификацию, рассчитанную на то, чтобы разжигать вражду между трудящимися разных наций.

Как показывает историческая действительность, лучшие усилия, стремления угнетенных масс трудящихся русского и украин-

⁵⁶ «Дело петрашевцев», т. II, стр. 425, 275; т. I, стр. 331.

ского народов, в лице их идеологов — передовых, революционных деятелей, под руководством русских, сливались в единый процесс общей борьбы против главного врага — помещиков-крепостников и царизма. Все это выступает живым свидетельством той дружбы трудящихся обоих братских народов, которая исторически, в совместной борьбе складывалась в эпоху революционной демократии⁵⁷.

4

В эпоху Шевченко Украина оставалась на полукOLONIALном положении и подвергалась всяческому национальному гнету, который, естественно, вызывал сопротивление, борьбу угнетенных.

Известно, что национальная вражда в условиях капитализма отражает борьбу буржуазных классов между собой за рынки сбыта. Но борьба против национального гнета не безразлична

---

⁵⁷ Близость Шевченко к Чернышевскому, являющемуся, как известно из нашей литературы, руководителем тайной революционной организации, подготовлявшей вооруженное восстание, близость Шевченко к соратнику Чернышевского — С. Сераковскому, ко многим русским революционным демократам и польским революционерам (о всем этом у нас уже была речь) безусловно дает основание поставить вопрос об участии Шевченко в подпольной революционной организации.

В своей работе «Мировоззрение Чернышевского» В. Г. Баскаков решает этот вопрос положительно. По крайней мере в главе, посвященной революционной деятельности Чернышевского, в трех местах он прямо говорит об этом.

Во-первых, он пишет: «Спешнев установил тесный контакт с Т. Г. Шевченко, который все свои силы устремил на подготовку вооруженного восстания на Украине». И далее приводится цитированное нами ранее место из дневника петрашевца Спешнева: «С восстанием Малороссии зашевелился бы и Дон...» и т. д. Таким образом, на первый взгляд создается положительное впечатление. В действительности же цитата эта из дневника Спешнева относится к середине 40-х гг. и, следовательно, не имеет никакого отношения к деятельности Чернышевского в конце 50 — в начале 60-х гг. О связи Шевченко со Спешневым после возвращения и того и другого из ссылки известен только один факт, нами ранее освещенный: речь идет о записке И. С. Тургенева с приглашением Шевченко прийти к нему на обед, где должен был присутствовать Спешнев. Других сведений в опубликованной литературе нет и тов. Баскаков их не приводит. Только из факта знакомства Шевченко со Спешневым никак нельзя делать вывод об организационном участии Шевченко в подпольной работе.

В другом месте В. Г. Баскаков говорит о том, что в деятельности «тайной революционной организации» Чернышевский «опирался на ядро революционно-демократического подполья» в составе ряда лиц, в том числе и на «Шевченко, только возвратившегося из ссылки». Перечисляя далее «видных деятелей революционного подполья», В. Г. Баскаков снова упоминает Шевченко. (В. Г. Баскаков. Мировоззрение Чернышевского, М., 1956, см. стр. 96, 126, 151).

Тов. Баскаков, как мы видим, ограничивается тем, что организационное участие Шевченко в революционном подполье считает само собой разумеющимся, в то время как это надо доказать, чего он, однако, не делает.

для трудящихся масс, для крестьянства, которое вовлекается в национальное движение. Само содержание национального движения не везде одинаково, оно в общем определяется различными требованиями. В конкретных условиях России основой освободительного движения был не национальный вопрос, а борьба за землю. Поэтому разрешение национального вопроса в России прежде всего зависело от решения аграрного вопроса, т. е. от уничтожения крепостничества, от демократизации страны.

Отражая интересы закрепощенного украинского крестьянства, Шевченко выступал борцом не только против социального, но и против национального гнета. Поскольку объективно, исторически социальные отношения в России сложились так, что осью освободительного движения являлся аграрный вопрос, т. е. борьба против крепостничества, выступления Шевченко против национального гнета, естественно, своим острием были направлены против крепостнического гнета и царизма. А поскольку крепостнический и политический гнет царизма были общими для украинского и русского и других народов, объективно это обусловило выступления Шевченко так же, как и русских революционных демократов, за дружбу трудящихся разных национальностей против общего врага — царизма и помещиков-крепостников.

Понимание истории народов как истории борьбы закабаленных масс со своими угнетателями, а по существу своему как классовой борьбы, у Шевченко было связано с глубокими для его времени соображениями о том, как надо разрешать задачу по национальному вопросу. Борьбу за освобождение от национального гнета он рассматривал в неразрывной связи с требованиями социального раскрепощения, хотя это не всегда ясно и четко у него выявлялось.

Вокруг великого имени Шевченко, в частности в связи с национальным вопросом, ведется большая идеологическая борьба. Самые различные враги революционно-демократического направления, каждый по-своему, стараются сфальсифицировать творчество великого революционера, исказить его применительно к своим классовым интересам.

Украинские буржуазные националисты царской России, например Н. Костомаров, П. Кулиш и др., пытались представить Шевченко как националиста, враждебно настроенного к русским, как либерала. Они «устраняли» из его творчества революционный демократизм, изображали как врага поляков. Н. Костомаров систематически в своих работах, в особенности в «Двух русских народностях», силится доказать противоположность, враждебность двух различных «душ» русского и украинского народов и певцом «души» украинской нации считает Шевченко.

Такую же националистическую политику проводил журнал «Основа», руководимый П. Кулишем и Н. Костомаровым. В статье, опубликованной в мартовском номере этого журнала за 1862 г., П. Житецкий вполне солидаризировался с содержанием националистической работы Костомарова «Две русские народности» и признавал, что Шевченко «неотразимо доказал» то же самое в своей поэзии⁵⁸.

Идейное наследие Тараса Шевченко фальсифицировали также буржуазные националисты Галиции — «народовцы». Они продолжали и «развивали» националистические установки своих друзей — П. Кулиша, Н. Костомарова и других, приспособляя их к потребностям своей антинародной, австро-польской реакционной политики. Сущность ее заключалась в том, что австрийцы давали привилегии полякам, чтобы они помогли правящим классам австрийцев укрепить свои позиции в Польше, а за это они предоставляли полякам возможность душить Галицию. «Народовцы» же, вместо того, чтобы разоблачать эту политику угнетения, приспособлялись к интересам австрийских и польских националистов. Выступая на отчетном собрании «Наукового товариства ім. Шевченка», один из вожаков «народовцев» — Барвинский прямо заявлял, что царская Россия пыталась убить «дух украинского народа», а «он нашел свою защиту под крыльями австрийского орла...»⁵⁹. В соответствии с этой установкой и фальсифицировалось литературное наследие Т. Шевченко. Поэтому-то «народовцы» пытались представить Шевченко врагом «московщины», но, в отличие от националистов из России, — другом польской нации вообще.

«Народовское» издательство «Т-ва ім Шевченка» во Львове в 1893 г. напечатало «Кобзаря» Шевченко. Во вступительной статье к нему один из вожаков «народовцев» в Галиции проф. Е. Огоновский дает явно националистическую установку о том, как надо понимать направленность творчества Шевченко. По его мнению, Шевченко рассматривал украинскую нацию в виде единого потока и призывал не к революционному свержению социального и национального гнета, а к тому, «чтобы все украинцы — паны и хлеборобы, просвещенные и темные обнялись, как братья, да и поднимали общее благосостояние и правдивое просвещение...»⁶⁰. Украинские буржуазные националисты Галиции использовали Шевченко как ширму, чтобы под именем прославленного народного поэта скрывать свои реакционные взгляды.

Даже либерал Драгоманов и тот замечал, что «народовцы» делают из Шевченко только «апостола языка», они «скрываются

⁵⁸ «Основа», 1862, март, стр. 15—17.

⁵⁹ «Записки Наук. Т-ва ім. Шевченка», 1893, т. II, стр. 176.

⁶⁰ Тарас Шевченко. Кобзарь. Частина перша. Вид. т-ва ім. Шевченко у Львові, 1893, ст. СІ.

от правдивого Шевченко», «для них нужно „цензурного Кобзаря“, даже больше обрезанного, чем в России». Чудовищная фальсификация творчества Шевченко дошла до того, что «народовцы», эти продажные холоуи австрийского монарха, стали изображать украинского крестьянского революционера как «австрийско-униатского легалиста»⁶¹. Это поистине рекорд подлости. Но и сам Драгоманов недалеко ушел от «народовцев». Он писал о Шевченко: «Недоверие и нерасположенность к чужим соседям Украины, что называют «исключительностью», осталось у Шевченко навсегда...»⁶². Иначе говоря, Шевченко, по Драгоманову, был националистом. Недаром Драгоманов ставит Шевченко на один уровень с националистами Костомаровым и Кулишем. То, что Шевченко отражал в поэзии, то Кулиш и Костомаров, по его мнению, продолжали своими «учеными» трудами и публицистическими статьями⁶³. Так рассуждал Драгоманов, которого Ленин называл «националистическим мещанином», «украинским мещанином», выразившим «точку зрения крестьянина... дикого, сонного, приросшего к своей куче навоза...»⁶⁴.

По адресу Драгоманова, прикинувшегося защитником Шевченко от «народовцев», поистине можно сказать мудрыми словами украинского поэта, что более опасны «не так тії вороги, як добрі люди».

Интересно отметить, что если «народовцы» силились изобразить Шевченко другом всей польской нации, то польская реакционная помещичья пресса, напуганная «Гайдамаками» Шевченко, наоборот, считала его «кровожадным» врагом поляков.

Реакционные помещичьи круги царской России объявляли Шевченко врагом Москвы, связывали с его именем «сепаратистское» движение на Украине, но, проводя политику разжигания национальной вражды, были вполне довольны тем, что Шевченко изображается врагом поляков.

Лучшие люди русского и украинского народа видели в Шевченко борца за дружбу народов. Так, более пятидесяти лет тому назад украинский поэт-революционер П. Грабовский указывал, что «гуманная поэзия Шевченко» оказала большое влияние на борьбу против «племенного антагонизма и национальной нетерпимости».

Украинские буржуазные националисты, стараясь разжечь вражду между русским и украинским народами, пытаются изобразить дело так, будто Шевченко был противником воссоединения Украины с Россией и поэтому, дескать, осуждал деятель-

⁶¹ См. М. Драгоманов. Листи до І. Франка та ін. Львів, 1906, стр. 217, 240, 241, 161, 87.

⁶² М. Драгоманов. Шевченко, українофіли і соціалізм, стр. 64.

⁶³ См. М. Драгоманов. Политические сочинения, т. I, стр. 82.

⁶⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 29, 403.

ность Богдана Хмельницкого. Упомянутый ранее «народовец» Огоновский писал, например, об этом во вступительной статье к львовскому изданию «Кобзаря» 1893 года.

Очевидно, под влиянием националистов в нашей печати до сего времени наблюдаются иногда неправильные утверждения в части, касающейся отношения Шевченко к Богдану Хмельницкому. Говорят о том, что в жизни Шевченко было, якобы, два периода, что в первый период он, будто бы, ошибаясь, отрицательно оценивал деятельность Богдана Хмельницкого, находился под влиянием украинских националистов, а затем в 50-х годах исправил эту «ошибку».

Сторонники «концепции» «двух периодов» очевидно недооценивают всей ее ложности и вредности. Ведь из нее логически вытекает признание национальной ограниченности Шевченко. Если в 40-х годах XIX в., т. е. в первый период, по определению этих авторов, Шевченко находился под влиянием националистической идеологии, то он не мог быть борцом за дружбу русского и украинского народов. А это явно противоречит действительности.

Красной нитью через творчество Шевченко проходит ведущая мысль о том, что все внимание, все усилия закрепощенных масс трудящихся России, независимо от их национальных различий, надо направить на борьбу против главного, злейшего врага свободы и воли — против палача-царя и «банды своекорыстных помещиков». Одновременно Шевченко ведет непримиримую борьбу против национального гнета — за свободную Украину.

Шевченко выступает горячим борцом за дружбу угнетенных масс русского и украинского народов, борцом за единство трудящихся славянских народов и, безусловно, на демократических началах, в духе присущего ему мировоззрения. Еще в первых своих выступлениях, скажем, в предисловии к «Гайдамакам» (1841) он пропагандировал эту мысль. В поэме «Еретик» (1845) поэт в разных вариантах проводит ту же идею единства братских славянских народов.

Идея дружбы русских и украинских угнетенных масс, как ее понимал Шевченко, находится у него в полном соответствии с положительной оценкой факта воссоединения Украины с Россией. Недаром, читая сочинения Костомарова «Богдан Хмельницкий», в своем дневнике (1857 г.) Шевченко назвал Хмельницкого «гениальным бунтовщиком» (V, 141). Стало быть, самый факт воссоединения Украины с Россией, совершившийся по воле народа, под водительством славного полководца Богдана Хмельницкого, Шевченко расценивал как великое историческое событие.

Шевченко неоднократно, в разной связи положительно отзывался об исторической деятельности Хмельницкого. Еще в

«Гайдамаках», до прочтения названной выше книги Костомарова, Шевченко высказывал правильное понимание патриотической деятельности этого великого полководца и мудрого государственного деятеля. Кобзарь Волох, который, по словам Шевченко в его поэме, ходил вместе с гайдамаками, воодушевляя борцов своими песнями, пел им про подвиги их славных предков, в том числе про Богдана Хмельницкого (I, 186). Устами кобзаря Шевченко высказывал народные мысли и чувства о Богдане Хмельницком, как борце за дело народное.

И далее, там же, в «Гайдамаках», в уста священника («благочинного») Шевченко вложил очень сильную патриотическую речь, как бы подчеркнув тем самым, что все сказанное им есть святая правда. Показав страшные бедствия, которые терпит Украина от палачей — польской шляхты, священник призывает к беспощадной борьбе с врагами и при этом, с целью воодушевить примерами славного исторического прошлого, ссылается на борьбу украинского народа под руководством его боевых гетманов, а в числе их и под водительством Богдана Хмельницкого (I, 191—192).

В отрывке из драмы «Никита Гайдан» (1842) Шевченко называет Хмельницкого «благородным».

Будучи в 1843 г. на Украине, Шевченко интересуется памятниками, связанными с именем Богдана Хмельницкого, и делает, например, такие зарисовки, как «Богданова церква в Суботіві», «Богданові руїни в Суботіві».

В произведении «Подземелье» (1845) в разделе «Три лирника» Шевченко снова рассказывает о том, как лирники шли в народ петь песни о Богдане Хмельницком. В поэме «Сон» («Гори мої высокі!») (1847) Шевченко называет Богдана Хмельницкого «батькой».

В повести «Близнецы» Шевченко с уважением отзывается об историческом памятнике в «городе П». (Речь идет о Переяславе.— М. Н.). «Это Успенская церковь,— говорит он,— прославленная в 1654 году принятием присяги на верность московскому царю Алексею Михайловичу гетманом Зиновием Богданом Хмельницким со старшинами и с депутатами всех сословий народа украинского» (IV, 15). В другой своей повести «Прогулка...» (1858) Шевченко называет Хмельницкого «знаменитым», отмечая этим историческое значение его деятельности для Украины.

Положительное отношение к воссоединению Украины с Россией Шевченко выражает в своей работе «Дари в Чигирині 1649 року» (1844). «Із Царєграда, Варшави і Москви прибували послы з великими дарами єднать Богдана і народ український уже вольний і сильний,— сделал надпись Шевченко.— Султан, окремо великого скарбу прислав Богданові... Одначе, рада... при-

судила еднать цареві Московського» (Музей Шевченко в г. Києве). В печати, по нашему мнению, правильно отмечалось, что симпатии Шевченко-художника на стороне московского посла: он изображен на первом плане, с уверенным спокойствием, в чертах же турецкого и польского послов чувствуется состояние тревоги.

В положительной оценке деятельности Хмельницкого наблюдается полное единодушие Шевченко с русской революционной демократией. В своей рецензии на «Историю Малороссии Николая Маркевича» (1842) Белинский, как уже раньше было отмечено, всецело одобрял деятельность Богдана Хмельницкого по воссоединению Украины с Россией и предсказывал Украине вместе с Россией великую будущность.

Поэзия Шевченко и русской революционной демократии — борцов за дружбу русского и украинского народов — находится в прямой противоположности с точкой зрения украинских помещичье-буржуазных националистов. П. Кулиш, например, в своей бешеной злобе против освободительной борьбы украинского народа всячески чернил деятельность Богдана Хмельницкого.

Сказанного нами о положительной оценке Тарасом Шевченко исторической роли Хмельницкого ни в коей мере не может поколебать то обстоятельство, что у Шевченко имеются и несколько иные высказывания о Хмельницком. Дело в том, что Шевченко был недоволен тем положением, в котором находилось украинское крестьянство в XVIII—XIX вв., его угнетённым, рабским состоянием. Это иногда отображалось в высказываниях Шевченко по адресу Богдана Хмельницкого. В стихотворении «Розрита могила» (1843) поэт писал:

Світе тихий, краю милий,
Моя Україно!
За що тебе сплюндровано,
За що, мамо, гинеш?

.....Ой Богдане!
Нерозумний сину!
Подивись тепер на матір,
На свою Вкраїну.....

.....
Сини мої на чужині
На чужій роботі⁶⁵.

Шевченко выступает не как историк, описывающий ход событий, а как поэт. Чтобы правильно понять его творчество, надо

⁶⁵ Т. Шевченко. ПЗТ, т. I. Київ, 1951, стр. 225. Слово «тепер» подчеркнуто нами. Стихотворение дано по-украински, ввиду извращения его при переводе на русский язык переводчиком националистом М. Славинским.

правдиво раскрывать применяемые им художественные образы. В данном случае, например, Шевченко прибегает к такому приему, допустимому в поэзии, как обращение к умершему Богдану Хмельницкому, и предлагает ему посмотреть, что теперь стало с его родиной — Украиной. Она гибнет: ее сыны — на чужбине и выполняют чужую работу. Это вовсе не значит, что повинен в этом Богдан Хмельницкий.

И далее поэт говорит, что из среды самих украинцев вышли изменники народу, «перевертні», «недолюдки». Он имеет в виду украинских помещиков, которые помогают царю и русским помещикам «матір катувати» — свою родину Украину.

На вопрос: что же там в «могиле» закопано, в стихотворении дается многозначительный ответ: то, что отцами похоронено. Хорошо бы найти это! Иначе говоря, — свободу, волю, за которую билось казачество. Тогда бы, говорит поэт, мать (Украина) «не тужила» и «не плакали б дети» (сыны Украины).

Словом, общий смысл стихотворения «Разрытая могила» таков: это протест против гнета русского царизма. И именно в этом плане, повторяем, поэт упрекает Богдана Хмельницкого за то, что его борьба не принесла той свободы, какую ожидал народ, свободы от гнета, ибо народ остался закрепощенным.

Через несколько месяцев, обращаясь к городу Чигирину, бывшему резиденцией Хмельницкого, Шевченко писал:

Чигрине, Чигрине,
Все на свете минет!
И святая твоя слава,
Как пылинка, сгинет...
За что же мы панів рубили?
Орду бесчисленную били
И ребра пикой боронили
Царевым слугам?..
Что ж мы сжали, что скосили??!
Злые травы... злые травы...
Воли горькую отраву (I, 304).

И в данном случае речь идет о том, что вся предшествующая борьба украинского народа с внешними врагами — с панской Польшей, с татарскими ханами, а также с панами-помещиками вообще — не дала ожидаемых результатов: угнетенный народ не добился «воли», свободы. Шевченко, значит, не осуждает эту борьбу в прошлом, в том числе и борьбу украинского народа против панской Польши под водительством Богдана Хмельницкого, он только, как патриот своей страны, скорбит о том, что не достигнута победа, что простой народ не добился раскрепощения от гнета. В этом — главный смысл его речи.

Не случайно стихотворение заканчивается таким скорбным и в то же время теплым обращением к Богдану Хмельницкому:

Гетман, спи, пока не встанет
Истина на свете (I, 306).

Здесь звучит одновременно и надежда на светлое будущее. Не случайным надо считать и то обстоятельство, что в это же время — в 1845 г. — Шевченко еще раз прямо выразил свое отношение к Богдану Хмельницкому. Он писал:

За що ми любимо Богдана?
За те, що москалі його забули,
У дурні німчики обули
Великомудрого гетмана⁶⁶.

«Москалі», то есть царь и русские помещики «забыли» Хмельницкого не за то, конечно, что он многое сделал для воссоединения Украины с Россией, в этом, проводя колониальную политику, они были заинтересованы. Они «забыли» Хмельницкого в той части, что относится к его борьбе за освобождение народа от гнета. И именно за это, выходит по словам поэта, «мы любим Богдана».

Точка зрения сторонников «концепции» «двух периодов» несостоятельна, она легко может быть опровергнута указанием на то, что с упреками по адресу Хмельницкого, подобно указанным выше, Шевченко выступает не только в 40-х, но и в 50-х годах, например, в произведениях «Когда бы ты, Богдан наш пьяный...» (1859), в «Оси. Глава XIV. (Подражание)» (1859).

Первое из выше названных стихотворений написано в г. Переяславе, где был заключен договор о воссоединении Украины с Россией. И вот, под впечатлением невыносимо тяжелой жизни крепостного крестьянства, за интересы которого Шевченко болел, он выразил свои мысли, ассоциируя воссоединение Украины с Россией с личностью Хмельницкого, и именно в таком аспекте поэт и возложил «вину» за крепостное состояние на Хмельницкого: жаль, дескать, что его деятельность не привела к освобождению от гнета.

Если учитывать всю систему взглядов Шевченко, то именно так, нам думается, следует понимать рассматриваемое стихотворение.

Именно в этой связи надо со всей силой подчеркнуть, что главное здесь для поэта не в осуждении деятельности Хмельницкого, а в том, каковы результаты Переяславской Рады по воссоединению Украины с Россией. Поэтому-то, обращаясь к Бог-

⁶⁶ Т. Шевченко. ПЗТ, т. I, 292 (В русском издании этого стихотворения нет).

дану Хмельницкому, Шевченко говорит, что если бы он «теперь на Переяслав глянул»⁶⁷.

И здесь для понимания основного смысла произведения Шевченко решающее значение имеет слово «теперь», на котором чувствуется и логическое ударение. Поэт в образной форме выражает свой гнев по поводу того, что теперь стало с «Переяславом», имея при этом в виду, конечно, народ. Украинский народ не добился желанной цели, т. е. социального и национального раскрепощения, и это правомерно вызывает скорбь и гнев у Шевченко. В этом — главный смысл.

Таков же в основном смысл и произведения «Осии. Глава XIV (Подражание)». Здесь вначале Шевченко говорит, что Украина страдает по вине «Богдана», «безумного Петра» — русского царя и «господ, панов поганых». А затем, забывая о Богдане и Петре I, всю силу своего гнева поэт направляет против либералов, против тех, кто верит в «растленное ветхое слово», кто надеется на «ласку царскую», на «доброе царя», «кроткого пьяного государя», кто из царя создал «кумир» и кричит, что царь — «бог», «надежда», «утешене».

И именно в этом — главный смысл «Осии. Глава XIV», а не в упреках по адресу «Богдана» и «Петра»; эти упреки были как бы предлогом для начала. Тем более, если учесть, что написано это произведение в 1859 г., когда Шевченко (вместе с Чернышевским) боролся против либералов, подготовлявших крестьянскую реформу вместе с «добрым царем» в интересах помещиков-крепостников, но против народа; оно написано, когда готовилась реформа, какую Шевченко называл «поганой безземельной волей».

В нашей литературе обычно воздерживаются от разъяснения основного смысла «Подземелья» — этого аллегорического по своему характеру произведения. В первом разделе «Три души» под именем «душ» выступают две девицы и девочка-младенец. Все они родились и жили на Украине: первая в Субботове, вторая — в Батурине и третья — в Каневе. Поэтому, а возможно еще и по их общей участи, поэт называет их «сестричками». Все они пострадали — умерли за свои неправильные поступки.

Первая «душа» (при жизни по имени «Прися»), когда Хмельницкий вместе со старшиною ехал в Переяслав заключать договор о воссоединении Украины с Россией, поступила так:

Вижу: гетман и старшины.

Я воды набрала,

С полными прошла пред ними...

⁶⁷ Тарас Шевченко. Собрание сочинений в пяти томах, т. II. М., ОГИЗ, 1948, стр. 305. (Подчеркнуто нами.— М. Н.).

По народному поверию это означало, что она пожелала счастья, успеха. За эти свои действия «Прися» потерпела тяжелую кару: вода оказалась отравленной, и она отравила себя, мать, отца и брата.

Можно ли сказать, что этим эпизодом с отравлением Тарас Шевченко принципиально осуждал деятельность Богдана Хмельницкого по воссоединению Украины с Россией?— Мы думаем, что нет.

Обратимся в этой связи к рассмотрению третьего раздела, именуемого «Три лирника». В нем совершенно ясно выражена мысль о том, что лирники шли в Субботово (родину Хмельницкого) воспевать славного гетмана. За это лирники были избиты полицейским — «исправником». В лице лирников, а они выражают, по мысли поэта, народное мнение, Шевченко, значит, прославляет Хмельницкого. Никак нельзя полагать, чтобы в 1845 г., когда Шевченко был поэтом уже вполне сложившихся убеждений и солидного опыта, в одном и том же произведении он допускал два исключаящих друг друга утверждения: и осуждение Хмельницкого и прославление его.

Чтобы правильно понять точку зрения автора, надо раскрыть символический эпизод с отравленной водой. Думается, что в нем выражена следующая мысль. Украинский народ ожидал, что воссоединение Украины с Россией не только укрепит его дружбу с русским народом (задача эта выполнялась), но и принесет ему также освобождение от тяжкого гнета. Но одно дело — русский народ, другое — царизм. Оказалось, что выполнения этой второй задачи народ не добился, украинский народ оставался под гнетом крепостничества и царизма. Эту последнюю мысль Шевченко и выразил символически в приведенном выше эпизоде с отравленной водой. При таком понимании нет противоречия с тем, что лирники прославляли Хмельницкого за его борьбу против чужеземных врагов, за присоединение к России. Это совпадает со всей изложенной выше концепцией Шевченко.

Вернемся к первому разделу. Вторая «душа» пострадала за то, что «московскому царю» Петру I «коня напоила», когда после полтавской битвы он возвращался в Москву.

Третья «душа» потерпела кару за то, что приветливо отнеслась к царице Екатерине II, когда она с вельможами проезжала по Днепру. Будучи тогда ребенком, она не знала, что царица «лютый ворог Украины, алчная волчица».

Из сказанного ранее ясно, с какой ненавистью Шевченко относится к царизму вообще и, в частности, к Петру I и Екатерине II. Поэтому в описанных эпизодах со второй и третьей «душой», как мы видим, непримиримо резко (с угрозой смертью) осуждается доброжелательное отношение к царям, являющимся врагами украинского народа.

Во втором разделе «Подземелья» действующими «лицами» выступают «три вороны». «Ворона» в фольклоре — отрицательный образ. По нашему мнению, в образе трех «ворон» Шевченко изобразил беду, несчастье, страдания всех трех народов: украинского, польского и русского. Поэтому-то они и выступают как «сестрицы» по несчастью. Наибольшую активность проявляет «первая ворона», олицетворяющая страдания украинского народа; недаром все более насыщенные содержанием диалоги принадлежат именно ей.

Обратим внимание кратко на главное содержание их разговора. «Украинская ворона» (так будем называть условно) в беседе с «польской вороной» хвалится больше всего тем, что она «вытворяла» страшные дела «с вольными казаками»: она их и «выдавала» и «продавала», «казаками Финляндию засеяла», «сыпала буграми на Орел», «выгоняла» «толпами» «на Ладогу, царю там болота мостила». (Имеется в виду использование казацких отрядов при Петре I на строительстве, где происходила их массовая гибель). Словом, всего этого «пекло испугалось».

«Украинская ворона» в разговоре с «русской вороной» касается двух вопросов. Во-первых, говорит о русских делах: она заявляет своей собеседнице, что та «славно начудила», «народ свой закрепила», «в рабство» «сдала», «немцы так им занялись» (речь идет о гнете царского бюрократического, полицейского аппарата), «дворян» и «вельможных щенят» расплодила. А затем «украинская ворона» упрекает «русскую» в том, что «москали»⁶⁸ «тоже греть умеют руки», что «на Украине с казаками» делают? — объявляют указ «милостию божьей, и вы — наши, и все — наше».

Из цитированного совершенно понятно, что поэта возмущает то угнетенное состояние, в котором оказались и русские и «казаки» (украинцы). Одновременно он едко иронизирует и изливает свой гнев по адресу угнетателей: Екатерины II, отличавшейся указами о крепостничестве, помещиков-крепостников и всех приспешников царицы, которых он и тут именуется «дворянами», «москалями» и «немцами». Здесь же указывается на национальный гнет над украинцами («казаками») со стороны царской помещичьей власти, которая издает указы и «милостию божьей», иронизирует Шевченко, украинцев и все их имущество объявляет своей собственностью.

Важно далее то, что этим поэт не ограничивается, он видит выход из беды, который высказывает (в форме опасения) опять-таки «украинская ворона». Она заявляет, что на Украине родятся близнецы: один как Гонта, будет «с панством расправляться», а другой, наоборот, будет «с этим панством знаться».

⁶⁸ Это слово мы берем из украинского текста.

Тот, что будет «с панством расправляться»,—

Даст он правду и свободу
По всей Украине!

Иначе, говоря, неизбежно будет обостряться борьба закрепощенного крестьянства с панами-помещиками, т. е. классовая борьба.

Словом, в «Подземелье» Шевченко борется и против национального, и против социального гнета; причем характерно, что протест против социального гнета относится не только к украинскому, но и к русскому народу, поэт не страдает национальной ограниченностью.

В стихотворении «И мертвым, и живым...» поэт с особой силой подчеркивает социальное закрепощение, в котором оказалось украинское крестьянство после его борьбы с панской Польшей.

Доборолась Украина...
И за что страдает:
Хуже ляха свои дети
Ее распинают...

Украину «распинают» «ясновельможные» гетманы и «банда своекорыстных помещиков», которые продались чужой «немецкой», помещичье-царской культуре и изменили своему народу. Стало быть русские, украинские и польские помещики — вот кто враги закрепощенного люда.

Изучая историю страны, Шевченко знал, что указы Екатерины II в особенности усилили национальный и крепостнический гнет. Отсюда вполне естественно то негодование, которое изливает поэт по адресу русской царицы. В стихотворении «Стоит в селе Суботове» (1845) Шевченко, положительно оценивая факт воссоединения Украины с Россией под водительством гетмана Богдана Хмельницкого, писал:

Это церковь Богданова:
Там-то он молился,
Чтоб москаль добром и лихом
С казаком делился.
Мир душе твоей, Богдане!
Не так оно сталося:
Царских слуг объяла зависть,
Всё поразорjali,—

Вот ту Украину,
Что в былые дни с тобою
Шляхту задавила,—
Байстрюки Екатерины
Саранчай покрыли.

В первом случае, когда говорится, что «москаль» с казаком делился «добром и лихом», под словом «москаль» Шевченко понимает русского человека вообще. И такое понимание этого слова, правда, редко, но встречается в произведениях Шевченко. Выражение «добром и лихом» делиться, очевидно, навеяно решением Переяславской Рады о воссоединении Украины с Россией.

Стало быть, Богдан Хмельницкий добивался равенства русских и «казаков» — украинцев. А вышло не так — «не так оно стало». Оказалось, что приближенные Екатерины II, которым она раздавала землю в Украине, «байстрюки Екатерины» и вообще царские чиновники «саранчей» засели как порабитители. Иначе говоря, Богдан Хмельницкий вел борьбу против угнетения Украины панской Польшей, за воссоединение Украины с Россией ради народа, а царское правительство повернуло дело против народа.

О том же Шевченко говорит в своей поэме «Слепой (Невольник)».

Шляхта была и всё взяла,
Кровь повыпивала,
А царица ⁶⁹ даже воздух
В цепи заковала.

Еще в начале 40-х годов XIX в. Шевченко воспевал славную деятельность гайдамаков, борьбу казачества против гнета, за волю и далее всю свою жизнь всегда только положительно оценивал освободительную борьбу казачества и гайдамаков, воспевал деятельность гетманов, которые во главе народа боролись против угнетателей украинского народа. Поэтому, может ли автор «Гайдамаков» и «Холодного Яра» осуждать славную деятельность гетмана Богдана Хмельницкого, его борьбу против польских магнатов и польской шляхты — угнетателей украинского народа?! Стоит только так поставить вопрос, чтобы стало ясно: нет, это никак не вытекает из всей системы его взглядов, это прямо противоречит его революционному демократизму.

Но все же наряду с прославлением деятельности Хмельницкого, наряду с этим главным для Шевченко, он, как было показано, иногда и осуждал Хмельницкого. Шевченко был недоволен тем, что вся деятельность Хмельницкого не дала ожидаемого народом освобождения от социального и национального гнета.

⁶⁹ Переводчик на русский язык неправильно вместо слова «москалі», как это значит у Шевченко, без всякой надобности поставил слово «царица». Переводчик в ущерб правильному смыслу сузил мысль Шевченко. Под «москалями» Шевченко понимает не только «царицу», но и весь царско-полицейский аппарат власти, угнетавший украинское крепостное крестьянство. Это слово имеет у Шевченко свой смысл и не может быть так вольно заменено.

Надо иметь в виду, что народ в ту эпоху всякую удачу или неудачу в истории связывал с деятельностью той или иной личности. Эту традицию Шевченко и отразил в поэзии. Для поэта Хмельницкий — это образ борца за освобождение; с этим образом у него ассоциируются и славная борьба за освобождение, и успехи, и, с другой стороны, — то тяжелое состояние, в котором оказался украинский народ после Хмельницкого. Именно в силу этого Шевченко и воспевает Хмельницкого и временами осуждает его. Поэтому-то мы и считаем, что нельзя приписывать Шевченко «национальную ограниченность». Рассуждать так, это значит читать и толковать Шевченко формально, вместо того, чтобы раскрывать образы его поэтического творчества и понимать отдельное, исходя из общего, из всей его системы взглядов.

В Кирилло-Мефодиевском обществе Шевченко имел большое влияние на Андрусского, который, восхищаясь поэзией Шевченко, и сам писал стихи. Характерно, что в одном из стихотворений Андрусский пишет, как Богдан Хмельницкий «за украинскую свободу с казаками пил»⁷⁰. В этом нельзя не видеть влияния Шевченко.

Что касается часто применяемого поэтом слова «москаль», то он понимает под ним не только солдата, военного человека. Это понятие Шевченко в печати часто толкуется неправильно, узко. В действительности же в это слово поэт вкладывает более широкое содержание. Как видно из приведенной выше цитаты, «москаль» — это те, кто издают «указы», которыми закрепощают казаков, т. е. царско-помещичья власть, господствующее в стране сословие русских помещиков. То же самое в поэме «Слепой», когда поэт пишет, что «москаль» «даже воздух в цепи заковали», под словом «москаль» он понимает не солдата, военного человека, а русских помещиков во главе с царем.

Буржуазные украинские националисты слово «москаль» используют для того, чтобы толковать творчество Шевченко в националистическом духе, приписать поэту враждебное отношение к русскому народу. Но это — извращение действительности. Шевченко — певец братского единения всех славянских народов. Под словом «москаль» Шевченко разумеет, как правило, и угнетавшего крепостной народ царского чиновника, и русского помещика, и полицейского, и царского солдата, как орудие того же угнетения. Но кроме реакционной России, Шевченко знал и другую Россию — революционную. Шевченко знал Москву и Петербург как большие центры передовой культуры великого русского народа, которую он любил, считал своей, родной, воспитывался на ее традициях.

⁷⁰ См. «Збірник праць п'ятої наукової Шевченківської конференції». Київ, 1957 (статья З. М. Кузьмина «Шевченко і Андрусський»).

Шевченко возмущается тем, что Россия является тюрьмой народов. В поэме «Кавказ» (1845) он разоблачает политику царизма как политику угнетения наций.

Присоединение Кавказа к России сыграло прогрессивную роль для народов Кавказа. Экономические связи с Россией, влияние передовой, революционной русской общественной мысли, совместная с русским народом борьба против самодержавия — все это содействовало росту материальной и духовной культуры народов Кавказа, развитию среди них революционно-го движения.

Но это присоединение Кавказа сопровождалось произволом и жестокостью царских колонизаторов. И именно на это Шевченко и направлял свой революционный гнев. Он зло иронизирует по поводу попыток царского правительства прикрыть свою завоевательную политику мотивами «окультуривования» «диких» народов.

В поэме «Кавказ» Шевченко едко высмеивает крепостнический строй России, который несет за собою царизм для угнетенных народов под прикрытием христианства и «культуры». Здесь дана глубокая критика язв крепостничества. Поэт метко иронизирует по поводу «злодейской» святости религии с ее лицемерным учением о рае. Здесь показывается «культура» крепостного строя, страны дикой солдатчины, страны тюрем, страны бесправия, страны, где торгуют людьми, где все народы принуждены «молчать» под гнетом царской полицейщины.

Шевченко гневно восклицает:

...И легло костями
Людей муштрованных немало.
А слез! А крови! Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц! А слез девичьих,
Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез!
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки — море разлилось!
Пылающее море...

В поэме «Сон» («У всякого своя доля») Шевченко не называя имени российского царя, но явно на него намекая, также разоблачает захватническую, грабительскую политику царизма: царь ненасытным оком озирает землю — нет ли где на свете края, чтобы овладеть им.

Так Шевченко систематически показывает российский царизм как врага трудящихся, врага угнетенных наций. Он скорбит по поводу страшно бедственного положения трудящихся

масс Белоруссии, называя ее страной «сетования и плача», «страной постоянно голодной» (III, 280).

Писатель бросает обвинение российскому царизму, который довел Белоруссию до такого состояния.

Царская власть вместе с великодержавными русскими шовинистами свысока относилась к другим народам России, презрительно называла их «инородцами», в особенности издевательство, нищету и гнет терпели так называемые «малые» народы и народы «окраин» — киргизы, чувашаи, казахи и другие.

Шевченко поднял свой голос в защиту этих угнетенных народов. В его произведениях чувствуется глубокая боль за судьбу трудящихся угнетенных национальностей.

Видя ужасную нищету и грязь, в которой жило население г. Астрахани, Шевченко записал в дневнике: «Где же причина этой нищеты (наружной) и отвратительной грязи (тоже наружной) и, вероятно, внутренней? Где эта причина? В армяно-татарско-калмыцком народонаселении или в другой какой политико-экономической пружине? Последнее вероятнее...» (VI, 98, см. также: II 7, 26, V, 131, 271).

Украинский писатель-революционер Иван Франко в статье «Темное царство» (1887) правильно писал о Шевченко: «он желал свободы и вольного слова не только для Украины, но также для всех народов, придавленных царским произволом»⁷¹.

Так в условиях усилившегося процесса формирования украинской нации, способствуя формированию национальной сознательности украинского народа, Шевченко направлял ее в русло укрепления дружбы трудящихся разных народов.

* * *

Ведя непримиримую борьбу против национального гнета, за свободную Украину, воспевая героическую борьбу украинского народа против иноземных захватчиков — польских магнатов и шляхты, крымских ханов и турецкого султана, Шевченко выступал за дружбу трудящихся масс украинского и польского народов.

Либерал Драгоманов уверял, что в воззрениях Шевченко в тот период был перевес «антипольского направления над анти-московским»⁷². Подобно всем националистам, Драгоманов борьбу Шевченко против польских помещиков-крепостников расценивал как националистическую, антипольскую.

Осью гайдамацкого восстания была антикрепостническая борьба, но одновременно это была и борьба за национальное

⁷¹ Иван Франко. Літературно-критичні статті. Київ, 1950, стр. 87.

⁷² М. Драгоманов. Политические сочинения, стр. 254—255.

освобождение от гнета польских помещиков. Шевченко отобразил переплетение этих двух сторон народного движения. Воспевая борьбу против «ляхов», т. е. магнатов и польской шляхты, он одновременно пропагандировал дружбу польских и украинских трудящихся масс.

Пытаясь изобразить Шевченко националистом, фальсификаторы утверждают, что врагами украинского народа поэт считал «ляхов», т. е. поляков вообще.

Конечно, в условиях борьбы, когда главным врагом украинского угнетенного крестьянства выступали польские помещики — магнаты и шляхта, слова — «поляк», «шляхтич», «пан» у Шевченко зачастую выступают как равнозначущие. Но даже и при этом положении поэт нередко говорит не о поляках вообще, а о шляхте, о панах. Так, например, еще в таком относительно раннем произведении, как «Тарасова ночь», он прямо указывает врага, против которого боролось казачество — «проклятого Коцеупольского», который «собрал шляхту воедино». Когда казачество под начальством Тараса Трясило разгромило польское войско, то убитых врагов поэт называет: «ляшкй — панкй». Именно паны (господа-помещики) — враги украинского народа. В поэме «Гайдамаки» поэт показывает, как гайдамаки по всей Украине поднялись против врага под лозунгом: «Смерть шляхетству».

Народный поэт не считал гайдамаков кровожадными по натуре, какими пытаются их изобразить идеологи польских помещиков. Шевченко скорбел о том, что между трудящимися славянских народов нет дружбы, но считал, что не они — простые люди — в этом виноваты, а — ксендзы, иезуиты.

Идею дружбы трудящихся славянских национальностей Шевченко снова подчеркнул в предисловии к «Гайдамакам»: «Слава богу, что миновало, — писал он, — а особенно когда вспомнишь, что мы одной матери дети, что все мы славяне. Сердце болит, а рассказывать надо: пусть знают сыновья и внуки, что отцы их ошибались... Пусть житом, пшеницей, как золотом покрыта, неразмежевана останется навеки от моря и до моря славянская земля».

В чем же «ошибались» отцы? В том, что не видели, как враги трудящихся — польские помещики магнаты, шляхта, ксендзы, иезуиты в своих интересах натравливали один народ на другой. Между трудящимися, говорил Шевченко, не может быть вражды. Этого не видали отцы, но должны видеть их сыновья и внуки.

В целях разоблачения фальсификации «Гайдамаков» польскими и украинскими националистами стоит также посмотреть, как понимали эту поэму современники — лучшие люди 50—60-х годов XIX в. Демократически настроенные поляки, борцы за

интересы трудящихся, в 1861 г. опубликовали «Гайдамаки» Шевченко в г. Вильно на польском языке. В этом же году в Петербурге вышли «Гайдамаки» отдельной книжкой на украинском языке и в февральском номере «Современника» опубликованы на русском языке в переводе П. Гайдебурова. Этот заслуживающий серьезного внимания факт опубликования «Гайдамаков» в одном и том же году в условиях революционной ситуации в России на трех языках свидетельствует о том, что лучшие люди русского, украинского и польского народов основное содержание этого произведения видели в призыве к беспощадной борьбе против угнетателей и палачей трудового народа всех национальностей, против шляхты, дворянства, панов, господ, помещиков, магнатов всех национальностей.

Как видно из поэмы «Гайдамаки», а также из 13-го примечания к ней, Шевченко несколько преувеличивал значение церковной унии, роль религиозных противоречий в этой борьбе, борьбе между православными христианами-украинцами и поляками-католиками, хотя по общему смыслу поэмы понятно, что главными врагами выступают польские помещики, шляхта, а ксендзы, иезуиты играют лишь роль их прислужников. Это преувеличение в поэме у Шевченко произошло потому, что и в действительности антикрепостнический в своей основе характер борьбы украинцев обострялся не только национальным гнетом, но и всяческими религиозными притеснениями, которые чинили прислужники польских магнатов — ксендзы, эти жандармы от католической религии, прикрывающие крепостнический гнет польских помещиков.

Позднее, в стихотворении «Когда мы были казаками» (1847, 1858 гг.) Шевченко более четко выражает свою мысль. Пропагандируя снова дружбу между трудящимися украинцами и поляками, виновниками вражды он считает не только ксендзов, иезуитов, но и магнатов, польских помещиков, о чем здесь он уже прямо заявляет. Вспоминая старую дружбу казаков с «вольными ляхами» и несколько идеализируя эту дружбу прошлого, он пишет:

Вот так, поляк, и друг и брат мой!
Несытые ксендзы, магнаты
Нас разлучили, развели,—
Мы до сих пор бы рядом шли,
Дай казаку ты руку снова
И сердце чистое отдай!

Заветная мечта певца дружбы украинского и польского народов сбылась. Польские трудящиеся массы вслед за всем советским народом и при помощи его прогнали своих магнатов, помещиков, шляхту, свергли господство всех эксплуататоров и,

образовавши свободную Польшу новой демократии, крепко связали свою судьбу путем договора о дружбе и взаимопомощи с русским, украинским и другими народами Советской страны.

Не чем иным, как симпатией Шевченко к польскому народу и идейной близостью в борьбе против царизма нельзя объяснить ту любовь, которую питал украинский поэт к польскому поэту-революционеру Адаму Мицкевичу, другу декабристов-революционеров Рылеева и Бестужева. И Шевченко и Мицкевич — оба ратовали за дружбу славянских народов. Интересно также отметить: через члена Кирилло-Мефодиевского общества П. И. Савича Шевченко направил в Париж Адаму Мицкевичу свое произведение «Кавказ», которое и было передано по назначению.

Ф. М. Лазаревский в своих воспоминаниях рассказывает, что, будучи в ссылке — в Оренбурге, Шевченко сблизился с поляками, которых тогда в Оренбурге была целая колония. Со многими из них он был в дружественных отношениях, в особенности с Залесским, Сераковским, Мостовским, Станевичем, Турно, Венгрижиновским и другими.

Шевченко был сторонником борьбы Польши за ее независимость. Это свидетельствует о глубоком проникновении Шевченко в смысл исторических событий. Таковую же демократическую позицию по польскому вопросу занимал и Н. Г. Чернышевский.

В Оренбурге Шевченко познакомился, например, с Сигизмундом Сераковским, впоследствии единомышленником и соратником Н. Г. Чернышевского, был с ним в очень близких, дружественных отношениях. Когда Сераковский выбыл из ссылки, Шевченко вел с ним переписку, а после возвращения самого Шевченко в Петербург, где Сераковский служил офицером в Академии Генерального штаба, неоднократно с ним встречался на вторниках у Костомарова, на квартире у Белозерского и у себя.

Сераковский — видный революционер. Он входил в Центральный национальный комитет, руководивший польским восстанием 1863 года. Сераковский в этом комитете принадлежал к лагерю «красных», т. е. партии, взявшей курс на вооруженное восстание. Названный Комитет имел связь с Герценом, который ставил задачу объединения польского восстания с крестьянским восстанием в России. Герцен писал о Сераковском: «...он с любовью останавливался на мечте о независимой Польше и дружественной с ней вольной Россией»⁷³.

---

⁷³ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, Т. XVI, Под редакцией М. К. Лемке. 1920, стр. 408.

Чернышевский очень высоко ценил Сераковского и, будучи во главе подпольного революционного центра в России, при посредстве Сераковского принимал участие в подготовке польского восстания.

Когда началось в Польше восстание, Сераковский руководил им в Литве. После разгрома восстания трагически погиб — был повешен⁷⁴.

Оценивая по совокупности все имеющиеся материалы о связи Шевченко с польскими революционерами, с передовыми общественными деятелями, можно сделать вывод, что это была не простая личная, бытовая дружба. Здесь сказывалась прежде всего общность идейно-политических интересов.

Борьбу против национального и социального гнета смело ведет Шевченко и в своей поэме «Еретик» (1845), посвященной освободительному движению чешского народа против немецких угнетателей и продавшихся им чешских феодалов. Борьба эта в первой половине XV в. под руководством Яна Гуса, а затем, после его сожжения католической церковью, под руководством Яна Жижки происходила в форме религиозной реформации, но истинным содержанием ее было стремление чешских трудящихся масс освободиться от немецких захватчиков и феодального гнёта. Главной движущей силой выступало закрепощённое крестьянство и городские ремесленники. Шевченко выступает на стороне угнетенного чешского народа против социального и национального гнета:

Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит...

.....
Земля скованная плачет,
Словно мать по детям:
Кто собьет оковы эти,
Встанет в лихолетье
За евангелие правды,
За народ забитый!

Шевченко видел, что восстание поднял «народ забитый», «простые люди»⁷⁵. В лице Яна Гуса Шевченко вывел образ революционного борца. Поэт глубоко для своего времени понимал сущность исторических событий. Он беспощадно разоблачал бо-

⁷⁴ О Сераковском см. «История Польши», т. II, 1955, стр. 114—136.

⁷⁵ При переводе поэмы «Еретик» на русский язык допущена неточность, извращающая смысл. Устами Гуса в форме молитвы Шевченко выражает протест против общественного зла («язв мира») от имени «простых людей» (Т. Шевченко, ПЭТ, т. I. Київ, 1951, стр. 267). А переводчик слова «простые люди» перевел как «смирненные люди» (Т. Шевченко. Соч., т. I. М., 1955, стр. 344). Тем самым он изображает людей неспособными к протесту, к действию.

гатые слои общества, которые под предлогом религиозной борьбы преследовали свои корыстные интересы.

Собирались кардиналы,
Как быки в загоне,
И румяны и дородны;
Прелатов орава,
Трое пап, князья, баронство,
Венчанные главы...

Яркими красками поэт изображает историческую правду о том, как лицемерные монахи из Ватикана, под флагом религии, дерутся за земные блага — «гадюками вьются вокруг тиары» (папской короны) и грызутся между собой «как коты за мышь».

Эта меткая и едкая характеристика злобствующих реакционных католических попов из Ватикана, кровавых врагов трудящихся, не лишена своей злободневности и по настоящее время. И сейчас эти потомки палачей, уничтожившие на костре Яна Гуса, готовы на то, чтобы вкупе и влюбле с венценосными главами и баронами монополистического капитала при помощи атомной бомбы сжечь полмира, чтобы спасти гниющий капитализм и свои собственные многочисленные земные блага.

Поэт вкладывает в уста Яна Гуса призыв к борцам за волю беспощадно бороться против врагов-угнетателей:

Прозрейте, люди, день настал!
Глаза раскройте, шире груди!
Проснитесь, чехи! Вы же люди,
А не потеха чернецам!
Злодеи, палачи в тиарах
Все обратили в прах и дым...

Погубив на костре народного борца Гуса, враги и день и ночь пировали. Но, продолжает Шевченко, «взмахнул булавою» «старый Жижко из Табора». Так заканчивается поэма. Этим самым поэт показывает, что вместо одного погибшего борца народ выдвигает нового. Борьба продолжается...

Поэма Шевченко «Еретик» имеет общеполитическое значение как гневный протест против всякого гнета и кабалы, как призыв простого народа к революционной борьбе против угнетателей. Недаром арестованные в 1861 г. петербургские студенты, когда их жандармы сопровождали в тюрьму, пели: «Кругом неправда и неволя, народ замученный молчит...»

Одной из важнейших идей поэмы «Еретик» является идея единения, братства славянских народов против немецких пора-

ботителей. Шевченко с болью в душе отмечает, что «Неметчина» «семью славян разъединила», что в «оковах выростали славянские дети» и он борется за то, чтобы...

И слились в едином море
Славянские реки!

. . . . .
Чтобы стали все славяне
Братьями-друзьями.

Свою поэму Шевченко посвятил и по выходе ее в свет послал чешскому ученому, профессору Пражского университета П. Шафарику, который также выступал борцом за освобождение чехов от немецкого господства и был сторонником единения славян.

Благодаря своей демократичности поэма «Еретик» приобрела широкую известность в современной народной Чехословакии.

Поэму «Кавказ», как было уже отмечено, Шевченко также направил за границу польскому поэту-революционеру Адаму Мицкевичу. Поэт имел общение с передовыми польскими общественными деятелями. Значит, он старался завязать широкие связи с передовыми деятелями различных славянских народов.

Шевченко продолжал традиции декабристов «Общества соединенных славян». Идея политического и культурного единения славянских народов порождена самой жизнью, освободительной борьбой угнетенных славянских народов Польши, Чехии, Болгарии, Сербии против агрессии прежде всего со стороны правящих слоев немецкого государства и султанской Турции. Это нашло свое отражение у А. Мицкевича (Польша), В. Караджича (Сербия), П. Шафарика, Я. Колара, Ф. Челаковского (Чехия и Словакия), Ю. Венелина (Болгария).

Идея объединения славян у Шевченко не имеет ничего общего с реакционным официальным панславизмом, она прямо противоположна ему. Это понимал еще украинский поэт-революционер П. А. Грабовский. В своей статье «Т. Г. Шевченко» (1901) он возражал против тех «историков литературы», которые «причисляли Шевченко... к поэтам панславистского направления» и определенно заявлял, что таковым он никогда не был⁷⁶.

Панславизм предполагает сохранение и русского царизма и крепостничества. Цель панславизма — колониальная эксплуатация других славянских народов русскими реакционными господствующими классами во главе с царем. Идея объединения славян, как ее понимал Шевченко, предполагает уничтожение царизма и крепостничества в России и свободное, на добровольных началах, объединение трудящихся масс славянских народов в одну федерацию республик на равных правах.

⁷⁶ Павло Грабовський. Вибрані твори. Київ, 1949, стр. 310.

Внимательно изучая историю русского, украинского, польского, чешского и других славянских народов, Шевченко, таким образом, делал гениальную догадку о необходимости дружбы славянских народов в борьбе против агрессии со стороны немецких правящих реакционных классов.

Эта идея дружбы славянских народов, пропагандируемая Тарасом Шевченко, как показала история, в дальнейшем вполне себя оправдала.

Своим творчеством и всей своей общественно-политической деятельностью Шевченко закреплял дружбу украинского и русского народов и других народов России. Это способствовало тому, что объективно складывались благоприятные условия для расцвета той дружбы трудящихся разных национальностей, за которую боролась затем Коммунистическая партия рабочего класса. Ленин учил: «При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина возможна, без такого единства о ней не может быть и речи»⁷⁷. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и окончательное построение социализма в нашей стране на основе дружбы народов целиком подтвердили правильность учения Коммунистической партии.

Идеи Шевченко о дружбе народов советские люди берут на свое идейное вооружение в борьбе против безумных поджигателей мировой войны. В поэме «Еретик», воспевая борьбу Яна Гуса за интересы «простых людей», Шевченко в образе «еретика» показал беззаветного борца за дело народное. Такие бои, говорил он

Принесут они навеки
Мир миру и славу!

Эти призывы Шевченко за дружбу народов, за «мир мюв» свежо звучат и сегодня.

* * *

Непримиримый борец против крепостничества, страстный неукротимый изобличитель помещиков, неустрашимый революционер, беспощадный враг царизма, гневный разоблачитель религии, лицемерия и ханжества служителей церкви — таков Шевченко в своем творчестве и в своей общественно-политической деятельности. И во всем этом проявляется его беспредельная любовь к Родине.

Украинские буржуазные националисты лживо — в духе национализма и либерализма — истолковывают патриотизм Шевченко. Они исключают из этого понятия революционность, пы-

⁷⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 14.

таясь изобразить патриотизм лишь как любовь к белым украинским хатам, вишневому садику возле хаты, как любовь к Днепру, к широким украинским степям, к курганам-могилам в степи.

Шевченко, конечно, любил красоту природы родной ему Украины и в своей поэзии часто мастерски воспевал ее, в особенности славный Днепр. Но это не было простым натуралистическим любованием природы самой по себе, вне связи с общественной жизнью родного ему народа. Любовь патриота к красотам природы родной ему страны имела тесную связь с жизнью народа, со всей его историей, с его борьбой против всяческого гнета, с беззаветной революционной борьбой.

В поэме «Тризна», имеющей в некоторой мере автобиографический характер, Шевченко со всей силой раскрывает свои патриотические чувства и показывает всю глубину понимания подлинного патриотизма.

И кроткой мыслию следил
Дела минувшие народов,
Дела страны своей родной,
И горько плакал...— О святая!
Святая родина моя!
Чем помогу тебе, рыдая?
И ты закована и я.

Шевченко неоднократно показывает, что не может быть ничего большего для человека, чем любовь к родине, ничего более высокого, чем патриотический долг. Словами героя Никиты Гайдай в одноименной драме Шевченко клеймит позором тех, у кого нет любви к родине.

В ком нет любви к стране родной,
Те сердцем нищие калеки,
Ничтожные в своих делах
И суетны в ничтожной славе.

В поэме «Гайдамаки» Шевченко показал, как один из вождей народного движения — Гонта, дав клятву беспощадно уничтожать врагов украинского крепостного крестьянства — польскую шляхту, не пощадил своих двух детей потому, что мать сделала их «католиками»; всенародно на площади он зарезал их «освященным ножом». (Факт неисторический). Он сделал так потому, что превращение их в «католиков» считал изменой родине.

Реакционная пресса использует этот случай для того, чтобы еще раз показать «кровожадность» гайдамаков. В действительности же у Шевченко проведена здесь очень глубокая мысль. На примере этого эпизода в ярких образах он показал

беспредельную высоту патриотического долга, который ставится выше отцовского чувства к родным детям.

В поэме «Кавказ» поэт разоблачал шкурные интересы лицемерных патриотов — помещиков.

Возлюбили вы не душу,—
Шкуре братней рады,
И дерёте по закону...

В поэме «Сон» Шевченко вскрывает лживый патриотизм всяких эксплуататоров, которые под флагом любви к отечеству совершают свои корыстные дела:

А тот, щедрый, храмы строит.
Тысяч не жалеет,
А уж родину так любит,
Так душой болеет
За нее, так из сердешной
Кровь, что воду точит!..

Эту традицию разоблачения лицемерного патриотизма эксплуататорских классов продолжают идеологи рабочего класса.

В 1918 г. Ленин писал: «...Когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости... когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами... Таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах»⁷⁸.

Шевченко выступает против антинародного немецкого застоя в Академии наук, в университетах.

Как известно, вместе с честными иностранцами в Россию пробралось немало проходимцев, авантюристов, которые не питали никакого уважения к чужой для них стране, не стремились принести ей пользу, а преследовали только свои личные, корыстные карьеристские цели. В «Дружеском послании» «И мертвым, и живым, и ненарожденным землякам...» Шевченко бросает упрек славянофилам, которые иностранные языки изучают, а своего родного не знают, которые изучение истории своего народа доверили чужим людям.

Реакционные правящие слои помещиков, во главе с царским двором, подстрекаемые иностранцами, прививали в России раболепие перед всем иностранным. Потому-то со стороны передовых русских людей возник вполне здоровый патриотический про-

⁷⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 9.

тест против засилья иностранщины (Ломоносов, Грибоедов, Лермонтов, Герцен, Белинский, Чернышевский и другие).

Но в выступлении Шевченко против засилья «немцев» нет и тени вражды по отношению к немецкой нации вообще. Поэт тепло и похвально отзывался о немцах в повестях «Музыкант» и «Художник».

Патриот Шевченко понимал, что нет народа вообще, что каждая исторически сложившаяся нация имеет свои, ей присущие, самобытные признаки. «...Нация без своей собственной, ей только принадлежащей, характеризующей черты,— писал он,— похожа просто на кисель, и самый безвкусный кисель» (IV, 7).

Вместе с русскими революционерами-демократами боролся Шевченко против космополитов, которых Белинский называл «беспачпортными бродягами в человечестве». Когда внешний враг, захватчик и грабитель угрожал порабощением, Шевченко считал патриотическим долгом всех народов России выступить на защиту. В повести «Близнецы» писатель с гордостью отмечает патриотический подвиг украинского народа, выступившего вместе с русским и другими народами против грабительского нападения армии Наполеона.

Патриотические традиции революционных демократов, в том числе и Шевченко, не пропали бесследно. Коммунистическая партия в новых условиях восприняла эти славные традиции и подняла патриотизм на новый, высший этап. Развитый с невиданной доселе силой беззаветный патриотизм нашел свое яркое проявление в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов, с беспредельной силой и мощью проявляется он в повседневном строительстве коммунизма в нашей стране.

ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ

1

Шевченко жил и творил в условиях феодально-крепостнической России, когда религия и ее «учреждение» — церковь, являясь частью надстройки, весьма активно служили господствовавшему классу помещиков. Религия, по выражению Ленина, была «идейной палкой, духовной палкой», дополнявшей кнут крепостничества. Именем бога она освящала самодержавие, которое, в свою очередь, всеми имеющимися в его распоряжении средствами, в том числе судом, тюрьмой, охраняло и защищало «авторитет» религии.

Открытая пропаганда материалистической философии была запретной. Всякое выступление против религии квалифицировалось как «кошунство и богохульство», как подрыв общественных порядков, и преследовалось полицейскими мерами. Когда известный руководитель тайного политического общества — «петрашевец» Буташевич-Петрашевский в 1849 г. был приговорен к расстрелу, наряду с обвинением в подготовке восстания, на первом месте среди инкриминируемых ему преступлений значилось «богохульство»¹. Петрашевцы Достоевский, Головинский и Пальма были приговорены царским судом к смертной казни за распространение и недонесение о распространении «преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского».

Не только революционные, но и антирелигиозные стихотворения декабристов, Пушкина, Лермонтова, а позднее и других авторов были тогда широко распространены в списках. Проникали также в Россию и заграничные издания с революционными и атеистическими произведениями.

И вот тогда, в 40-х гг., наряду с другими произведениями, в подполье ходило по рукам гневное письмо Белинского к Гого-

---

¹ См. «Политические процессы николаевской эпохи. Петрашевцы». М., 1907 г., стр. 71.

лю от 3 июля 1847 года, направленное против проповедничества политики кнута, невежества, обскурантизма и мракобесия. Письмо это имело революционное значение.

Тогда же и несколькими годами раньше, также в подполье, в рукописной форме, в России, а в особенности на Украине, широко распространялись нелегальные стихотворения Тараса Шевченко «Сон», «Кавказ», «И мертвым и живым... послание», «Завещание» и другие, в которых народный поэт и мыслитель громил не только самодержавие, но и православие, выступал как революционер и атеист.

О том, что стихотворения Шевченко на Украине разошлись во множестве и были причиной сильного волнения «умов», говорится, в частности, в жандармских материалах по делу петрашевцев². Кирилло-мефодиевцы Н. Костомаров и Н. Посяда рассказывают, что на Украине подпольные стихи Тараса Шевченко, ввиду их широкого распространения, назывались «бродячими стихами».

И не только на Украине. Близкий знакомый поэта по Петербургу, известный художник Микешин, имея в виду уже 50-е гг., в своих воспоминаниях, приложенных к пражскому изданию «Кобзаря» Шевченко (1876 г.) также утверждает, что поэт имел «огромное влияние» на молодежь, личность поэта вызывала «неподдельный восторг» «в кругу тогдашней молодежи», и его произведения в списках ходили по рукам.

Назревание в конце 50-х годов революционной ситуации в России нашло свое выражение в обострении борьбы между двумя лагерями в философии: материалистического и революционного направления журнала «Современник» во главе с Чернышевским, с одной стороны, и реакционных слоев — поборников самодержавия и православия, группировавшихся вокруг журналов «Русский вестник», «Отечественные записки» — с другой. В борьбе против материализма эти журналы печатали большие выдержки из «труда» поповствующего теоретика профессора Киевской духовной академии Юркевича, против которого и выступал Н. Г. Чернышевский.

Боевые выступления материалиста Чернышевского, говорил Д. И. Писарев, «взволновали журнальный мир; никакое научное открытие, никакое серьезное исследование не обращало на себя так внезапно всеобщего внимания г. г. серьезных литераторов»³. Школа Чернышевского нанесла удар по лагерю реакции с такой силой, что у противников почувствовалась явная растерянность. В одном из писем Юркевич признавал, что «многие из наших духовных смешались, сконфузились, не могли

² «Дело петрашевцев», т. I, стр. 161—162.

³ Д. И. Писарев. Сочинения в четырех томах. т. I. Гослитиздат, 1955, стр. 136.

найтись при встрече с новыми, неизвестными для них идеями и вопросами... Отсюда недостаток твердого и мужественного голоса в нашей духовной литературе»⁴. Юркевич выступал как сознательный, решительный враг материализма и атеизма, как организатор духовных сил лагеря православия и самодержавия.

Ярый идеалист, украинский буржуазный националист Д. Чижевский в своей фальсифицированной в идеалистическом духе книжонке «Нариси з історії філософії на Україні» всячески восхваляет философские взгляды Юркевича и показывает его как решительного борца против материализма. Но и Чижевский должен был признать, что материалисты во главе с Чернышевским разгромили Юркевича и его направление: «у Юркевича не было сил, — заявил Чижевский, — и он замолк на долгие годы»⁵.

Лагерь реакции не погнушался тем, чтобы в помощь себе привлечь полицейские силы. Московский митрополит Филарет, выступив в защиту Юркевича и во спасение «самодержавия и православия», доносил московскому губернатору, что журнал «Современник» распространяет в обществе «противохристианские, противуправительственные» учения. Выполняя на «святой исповеди» грязные шпионские дела, митрополит в мае 1860 г. доносил царю, что один подпоручик в отставке признался ему, что «в московском университете литографируются и в большом числе распространяются антирелигиозные и вредные политические сочинения». Представив в доказательство четыре литографированные брошюры, Филарет сообщал, что, как видно из исповеди подпоручика, то же происходит в Харьковском, Киевском и Казанском университетах. Из архивных документов известно, что при обыске жандармерией у студента Аргиропуло действительно было среди многих других обнаруженных литографированных изданий, запрещенных цензурой сочинений, 59 стихотворений Шевченко.

В 40-х годах, а также и позже, лагерь революции и атеизма на Украине возглавлял Тарас Шевченко, хотя он и находился по преимуществу в Петербурге. В такой обстановке обостренной идейно-политической борьбы двух враждебных лагерей Шевченко был вместе с Чернышевским. Его революционная и атеистическая поэзия была грозным оружием в классовой борьбе. Не случайно при отъезде в 1859 г. Шевченко из Петербурга на Украину за ним была организована слежка со стороны III отделения, а затем он был арестован за «богохульство» и за агитацию против царя, панов и попов.

Общественно-политические и философские воззрения Шевченко формировались и крепились также в борьбе с враждебной

⁴ «Киевская Старина», 1891, ноябрь, стр. 305—307.

⁵ Д. Чижевский. Нариси з історії філософії на Україні. Прага, 1931, стр. 137—138.

украинской помещичье-буржуазной националистической идеологией, наиболее типичными представителями которой были П. Кулиш и Н. Костомаров, проповедовавшие православие и примирение с самодержавием. Будучи соратником русских революционных демократов, Шевченко в вопросах философии выступал как материалист и атеист.

Передовая русская общественность в 40—60-х годах XIX столетия уделяла много внимания вопросам философии, в особенности критически изучаемому Гегелю. Это видно из печатных работ Белинского, Герцена, Чернышевского. В «Былом и думах» Герцен отмечает, что каждый параграф гегелевской логики, энциклопедии, эстетики был предметом «отчаянных споров». Передовой русской интеллигенции хорошо была известна вышедшая в 1841 г. книга Л. Фейербаха «Сущность христианства», читались и переводились книги по философии французских энциклопедистов-материалистов. Все это не могло пройти бесследно и для любознательного Шевченко, имеющего очень широкий круг знакомых в среде русской интеллигенции.

При изучении философских взглядов Шевченко нас не должно смущать то обстоятельство, что он был поэтом. В России, в том числе и на Украине, в XIX в. философия развивалась в иных условиях, чем, скажем, буржуазная идеалистическая философия в Германии в XVIII—XIX вв. Там философия была оторвана от реальной жизни трудовых масс и витала в области сугубо абстрактных построений. Русские революционные демократы поставили философию на службу трудящемуся классу — крестьянству; философия была идейным оружием в освободительной борьбе против крепостничества и царизма. Она сочеталась с поэзией, литературной критикой и публицистикой.

В. Белинский писал: «Было время, когда общее мнение, оставляя за поэтом пламенное сердце, а за философом холодный ум, отнимало у первого ум, а у второго сердце». «Поэт нашего времени,— продолжал он,— есть в то же время и мыслитель... Поэзия и философия уже не только не чуждаются друг друга, но беспрестанно подают друг другу руку, чтоб взаимно поддерживать себя, и даже часто до того смешиваются друг с другом, что иное философское сочинение прежде всего назовете вы поэтическим, а поэтическое — философским»⁶.

Это очень важное и глубокое высказывание Белинского целиком относится к Шевченко, у которого, поистине, философская мысль и поэзия, тесно переплетаясь между собой, составляют единство, являются орудием борьбы за лучшую, счастливую жизнь крепостного народа.

---

⁶ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. М., т. VII, стр. 49—50.

Вышедший прямо из народа, не испорченный измышлениями идеалистической философии, гениально одаренный, Шевченко воспринимал мир таким, как он есть. Природа, живая конкретная деятельность, реальный человек со всеми его чувствами и мыслями — вот что было основой мирозерцания и творчества поэта.

Шевченко не писал специальных философских трактатов, он — поэт-мыслитель, и поэтому, чтобы понять его философские взгляды, надо раскрыть философское содержание его поэтических образов.

Свою большую поэму «Гайдамаки» поэт начинает небольшим философским рассуждением. Непосредственно воспринимая мир, он рассматривает его как совокупность явлений природы. Шевченко считает, что в природе все находится в процессе движения, изменения, «все идет, проходит — без меры, без края»... «живет, умирает... Одно расцвело, другое завяло, навеки завяло...»⁷ старое умирает, а новое зарождается... но мир в целом бесконечен и вечен. Шевченко, стало быть, разделял материалистические взгляды о бесконечности, вечности материи. В поэме «Сон» он также говорит, что миру нет

.....начала,
Нет конца и края!
Никто того не изменит
И не уничтожит⁸.

В повести «Художник» Шевченко называет природу «бессмертной».

Во вступлении к «Гайдамакам» Шевченко ставит философский вопрос о бессмертии души, но при решении его допускает некоторое противоречие. Сравнивая душу с бесконечным небом, поэт заявляет, что «душа рожденья и смерти не знает». Но в то же время на прямо поставленный вопрос о бессмертии души: «А де вона буде» после смерти? — Шевченко отвечает: «Химерні слова...»⁹.

⁷ Тарас Шевченко. Собрание сочинений в пяти томах, т. I. М., 1949, стр. 116. В русском издании (Гослитиздат, т. I, 1955, стр. 162) перевод не точен: мысль о бесконечности мира опущена, но она имеется в подлиннике; см. Тарас Шевченко. ПЭТ, т. I, стр. 75.

⁸ Там же, стр. 230. В указанном выше русском издании (т. I, стр. 319) неправильно передана мысль Шевченко: поэт говорит о мире вообще, а перевод сделан так, как будто речь идет об Украине. См. Тарас Шевченко. Повне зібр. творів десяти томах, т. I, стр. 242.

⁹ В переводе на русский язык здесь допущено явное извращение. «А де вона буде? химерні слова!» (Т. Г. Шевченко. ПЭТ, т. I, 1951, стр. 75). «А где исчезает? Пустые слова» (Т. Шевченко. Собр. соч., в пяти томах, т. I. М., 1949, стр. 117).

В подлиннике ставится вопрос: где будет душа после смерти? И дается ответ: пустые слова. Иначе говоря, напрасно думать о бессмертии души, нигде

Пустое, значит, дело верить в потустороннее, загробное существование. Мыслитель тем самым осуждает лживость поповских утверждений о бессмертии души, выявляет материалистическую точку зрения в понимании сущности человека.

Вопрос о «том свете», потустороннем, загробном мире, о «рае небесном», что равнозначно постановке вопроса о бессмертии души, не мог, конечно, пройти мимо внимания Шевченко. По существу своему такая постановка вопроса имеет прямую связь с основным вопросом философии — вопросом об отношении между природой, материей, с одной стороны, и духом, мышлением — с другой. Шевченко выступает против мистики, он отрицает потусторонний мир, божественный рай.

В поэме «Сон» («У всякого своя доля») поэт решительно заявляет: «Нет на небе бога!», «нет за гробом рая!». Он с болью в сердце говорит о том, что простой народ, из которого богачи пьют кровь, верит в бога и в рай «на том свете». В стихотворении «Не завидуй богатому (1845) Шевченко прямо утверждает:

На земле не видно рая
И на небе нету!

Нет необходимости останавливаться на других случаях, когда в своих художественных произведениях Шевченко устами отдельных представителей простого народа, скажем, варнака, выражает веру в «рай небесный». Здесь он реалистически в художественной форме воспроизводит картину быта; когда он говорит о рае в смысле счастливой жизни на земле, или же, например, когда применяет образное выражение: отправиться на «тот свет» — в смысле смерти. Все эти факты, как не имеющие прямого отношения к поставленному нами философскому вопросу, мы оставляем без дальнейшего рассмотрения.

В одной из своих повестей Шевченко не признает «врожденных» «страстей», «способностей» (IV, 267). Это значит, что не существует какой-то сверхъестественной, божественной силы, как утверждают идеалисты, которая от рождения дает человеку «душу» со всеми ее чувствами, мыслями, страстями и способностями. Из рассуждений Шевченко видно, что все эти способности порождаются средой, обстановкой, в которой человек живет и действует. Таким образом, некоторая противоречивость в разрешении вопроса о бессмертии души, имеющаяся

ее не будет после смерти человека. Короче говоря, бессмертие отрицается. Переводчик же ставит прямо противоположный вопрос: исчезает ли душа после смерти? — и отвечает: «пустые слова». Выходит, что пустое, напрасное дело думать о ее исчезновении, она не исчезает, а остается вечной, обладает бессмертием. Но это прямо противоположно тому, о чем говорит Шевченко. В издании 1955 г. это место переведено точнее (см. т. I, с. 163).

в «Гайдамаках», еще в 40-х годах мыслителем устраняется. Шевченко трактует этот вопрос с материалистической позиции.

В том же вступлении к «Гайдамакам» Шевченко, говоря о бесконечном движении мира, ставит вопрос о том, откуда все это взялось и куда исчезает, и отвечает: «Ни глупый ни умный об этом не знает».

Украинские буржуазные националисты пытаются толковать эти слова поэта в каком-то пессимистически-трагическом духе. Так, декадент Евшан, придерживающийся философии Шопенгауэра и Ницше, усердно «доказывал», что Шевченко находился в «трагическом раздвоении» и потому утверждал, что ни глупый, ни умный не может найти цели жизни.

Но из текста поэмы ясно видно, что никакой проблемы «цели жизни» Шевченко в данном случае не ставил. Поэт говорит о бесконечном мире, о невозможности исчерпывающе познать бесконечный мир. Не только «глупый», но и «умный» человек, заявляет Шевченко, не знает о том, как начался бесконечный мир. Это изречение поэта объективно направлено против религиозно-мистических представлений о сотворении мира богом и возможности конца мира.

Уже к концу 40-х годов Шевченко начал отрицательно относиться к философии идеализма. В 1839 г. он осудил мюнхенскую школу «немецких идеалистов-живописцев» (V, 60). В своем «послании» «И мертвым, и живым, и нерожденным землякам» поэт также выступает против немецкой идеалистической философии.

Иван Франко говорил, что Шевченко с «горячей ненавистью» осуждал «всех ренегатов», всех тех, «кто мать забывает», т. е. родину, кто раболепно преклоняется перед «немецкой идеалистической философией Шеллинга и Гегеля», перед «наукой», оторванной от жизни и потопленной в абстрактных представлениях»¹⁰. Шевченко, подчеркивает Франко, требовал чтобы все внимание было отдано не небу, а простому закабаленному люду — «рабам, незрячим-гречкосеям», чтобы, по выражению Шевченко, «мудрость была бы своя», а не немецкая, чтобы философия была своя.

Украинские буржуазные националисты пытаются изобразить взгляды Шевченко на процесс познания в духе мистицизма. Так, неокантианец Степан Балея причисляет Шевченко «к ряду религиозных людей» и считает, что в области познания ему свойственна «мистическая интуиция»¹¹. А. Рычицкий в книге «Тарас

¹⁰ См. рукописный фонд Ив. Франко в Институте истории литературы АН УССР. Статья Франко о Шевченко (неоконченная). Автограф 426/9, стр. 7—8.

¹¹ Степан Балея. З психології творчости Шевченка. Львів, 1916, стр. 82—85.

Шевченко в світлі епохи» (1925) «находить» у Шевченко какулю-то «мужицкую интуицию». Но все эти разговоры о «мистическом интуитивизме» Шевченко лишены всяких оснований.

Шевченко не писал статей, специально посвященных теории познания, но в его произведениях имеются высказывания, прямо противоположные писаниям Балея и Рычицкого. В поэме «Тризна», имеющей автобиографическое значение, поэт сам говорит о том, что познание ему досталось не путем какой-то вымышленной, по Балею, таинственной интуиции, а в процессе практики, тяжелой жизненной борьбы, что он прошел «мытарства трудной жизни» и «ужасною ценою уму познания купил» (1, 293).

Но, конечно, поэт не имел научного понятия практики как практики общественного человека, как практики класса в условиях антагонистического общества.

Непосредственное материалистическое восприятие мира таким, как он есть, впоследствии, с расширением кругозора Шевченко, осмысливалось более глубоко. Мыслитель уже непосредственно ведет борьбу с идеализмом, с религией, становится на позиции атеизма. Этому способствовало освоение достижений русской философской мысли — работ Герцена, Белинского, позднее Чернышевского.

Из ряда отдельных замечаний Шевченко видно, что он был знаком в какой-то мере с произведениями античных мыслителей, Галилея, Канта, Бэкона, Вольтера, французских материалистов-энциклопедистов.

Шевченко общался с петрашевцами, которые читали и обсуждали сочинения Вольтера, французских материалистов и атеистов — Гельвеция, Гольбаха, Дидро, признавали ненужность и вредность религии¹². С философией французских материалистов Шевченко мог познакомиться также при посредстве кирилло-мефодиевца Н. И. Савича. У отца Н. И. Савича, полтавского помещика, была довольно большая библиотека по преимуществу из произведений французских авторов XVIII в., в частности, французских энциклопедистов. Читением этой литературы молодой Н. И. Савич очень увлекался. О нем говорили, что он был воспитан энциклопедистами и Вольтером, а его друзья называли Савича «последним вольтерянцем»¹³. В Кирилло-Мефодиевском обществе Савич принадлежал к направлению Шевченко и неоднократно встречался и беседовал с ним.

Из повести «Близнецы» известно, что Шевченко знал о французской энциклопедии, издаваемой Дидро и его соратниками. Он весьма одобрительно отзывался о материалистической философии французских энциклопедистов XVIII века. Это видно по

¹² См. «Дело петрашевцев», т. I, стр. 212, 331, 408.

¹³ «Киевская старина», 1904, февраль, стр. 229—235.

его записи в дневнике 27 августа 1857 г. по поводу роли французских энциклопедистов и роли техники (паровой машины) в развитии общественной жизни. Материалистическая философия, по его мнению, имеет прогрессивное, революционное значение в истории общественной жизни.

Участие Шевченко в экспедиции по исследованию Аральского моря способствовало развитию и укреплению его материалистического мировоззрения. Руководитель экспедиции А. И. Бутаков за исследовательскую работу был избран почетным членом Берлинского географического общества, а затем получил медаль от лондонского «Королевского географического общества». Экспедиция провела исследования в области географии, геологии, ботаники, зоологии. Бутаков и его помощник А. И. Макшеев, бывший близкий знакомый петрашевца Момбелли (а с Момбелли, как было сказано, Шевченко встречался), сочувственно относились к политическому ссыльному Шевченко.

Солдат Шевченко, взятый в экспедицию как художник для зарисовок, принимал активное участие в ее работах. Если иметь в виду огромную любознательность Шевченко и его способность быстро ориентироваться в сложных вопросах, то безошибочно можно сказать, что Аральская экспедиция во многом способствовала более глубокому оформлению воззрений Шевченко в области естествознания, укрепила его материалистическое мировоззрение. В своей работе о Шевченко Мариэтта Шагинян хорошо осветила эти вопросы.

В 40-х годах, когда формировалось мировоззрение Шевченко, естествознание вызывало большой интерес среди передовой русской интеллигенции, начало которому было положено гениальным ученым М. В. Ломоносовым, оказавшим влияние на формирование мировоззрения революционных демократов. Выражая мнение своих единомышленников, Добролюбов говорил: «Ломоносов много сделал для успехов науки в России: он положил основание русскому естествоведению...»¹⁴. Этот интерес передовой общественности к естествознанию был отражен в знаменитых статьях Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письмах об изучении природы» (1842—1846 гг.), весьма высоко, как известно, оцененных В. И. Лениным.

В соответствии с этим духом времени и Шевченко проявлял большой интерес к естествознанию. Он изучал анатомию, зоологию, физику, геологию, астрономию. В повести «Художник», в той части, где она имеет автобиографическое значение, Шевченко пишет: «Два раза в неделю, по вечерам, я хожу в зал

---

¹⁴ Н. А. Добролюбов. Избранные философские сочинения, т. I. 1945, стр. 106.

Вольного экономического общества слушать лекции физики профессора... (Речь идет о профессоре Петербургского университета Э. Х. Ленце.—М. Н.). Хожу еще, вместе с Демским, раз в неделю слушать лекции зоологии профессора Куторги» (IV, 197). Куторга, как известно, являлся крупным ученым, сторонником эволюционного учения в биологии. В другом месте Шевченко отмечает: «Я начал посещать анатомические лекции профессора Буяльского» (IV, 176) И. Я. Буяльский — профессор Медико-хирургической академии.

Живой интерес Тараса Григорьевича к естествознанию может быть подтвержден еще одним очень характерным обстоятельством. Из ссылки он возвратился в Петербург вечером 27 марта 1858 г., а через день — 29 марта он уже слушает лекцию по геологии. «Вечером отправились мы в цирк-театр, — записывает он в дневнике, — смотреть и слушать живописную лекцию геологии профессора Роде. Лекция мироздания прекрасна...» Лекции, сопровождаемые картинками, возбудили большой интерес у публики. Это напугало петербургского митрополита Григория, «блюстителя» православия и нравственности, и он послал властям донос, в котором писал, что «представление» Роде, «явно колеблющее основания христианства», «вредно» для нравственности и православной веры¹⁵.

Из отдельного замечания Шевченко в повести «Близнецы» видно, что он был знаком с трудами по геологии известного тогда английского ученого Родерика Мурчисона, автора работы «Геология Европейской России и Урала», вышедшей в 1845 г. (IV, 114).

В письме из Нижнего Новгорода 10 февраля 1857 г. к своему другу Б. Залесскому Шевченко пишет: «О, как бы мне хотелось теперь поговорить с тобою о космосе...» (V, 355). И вскоре же по приезде в Петербург 23 апреля 1858 г. он читает работу на эту тему. «Мы просидели весь день дома, — пишет он в дневнике, — читали Гумбольдта «Космос» (V, 229—230). Гумбольдт, Александр Фридрих Вильгельм (1769—1859 гг.) — автор книги «Космос или физическое описание мира» (1847—1851), выдающийся немецкий естествоиспытатель и путешественник, труды которого ценили прогрессивные деятели России. В частности, в «Критике философских предубеждений» Чернышевский в положительном смысле ссылается на «Космос» Гумбольдта. По своим воззрениям Гумбольдт был стихийным материалистом. С названной книгой Гумбольдта Шевченко возможно был знаком еще в 40-х годах по «Отечественным запискам», где она тогда печаталась.

¹⁵ См. А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. IX. Пб., 1919, стр. 344.

Будучи в ссылке, Шевченко интересовался «физикой Писаревского» (V, 303). Речь идет, очевидно, о книге «Общепонятная физика, составленная Н. Писаревским» (СПб., 1852), которую Шевченко имел у себя.

Тарас Григорьевич находился в дружественных отношениях с знаменитым математиком М. В. Остроградским, сторонником материалистического мировоззрения, которого он называл «гениальным», «великим» математиком.

Таковы только некоторые сведения, характеризующие отношение Шевченко к естествознанию. Они, конечно, не полно отражают действительное положение дела (других сведений у нас не имеется), но дают достаточный материал для того, чтобы убедиться, с каким вниманием и интересом относился Шевченко к естествознанию. Несомненно одно, что изучение естествознания наложило свой положительный отпечаток на формирование материалистического мирозерцания Шевченко.

Естественно, что Шевченко боролся против идеализма. Будучи в ссылке, он достал «Эстетику» Либельта. Еще раньше Шевченко читал некоторые другие сочинения Либельта. «С Либельтом я немного знаком по его «Деве Орлеанской», — записывает он в дневнике, — и по его критике и философии. На первый взгляд он мне показался мистиком и непрактиком в искусствах. Посмотрим, что дальше будет». Выражая затем свое отношение к философии и эстетике, имея в виду книгу Либельта, Шевченко пишет: «Чтение, правда, не совсем по моему вкусу, но что делать: на безрыбье и рак рыба. Я, несмотря на мою искреннюю любовь к прекрасному в искусстве и в природе, чувствую непреодолимую антипатию к филолософиям и эстетикам, и этим чувством я обязан сначала Галичу и окончательно почтеннейшему Василию Ивановичу Григоровичу, читавшему нам когда-то лекции о теории изящных искусств...» (V, 53, 52).

Как видно, Шевченко был недоволен лекциями «О теории изящных искусств», читанными в Академии художеств А. И. Галичем — профессором философии Петербургского университета и В. И. Григоровичем — конференц-секретарем и преподавателем теории искусства Академии художеств. Он выражает здесь антипатию «к философиям и эстетикам» именно потому, что читались они с идеалистических позиций. Так, А. Галич в своей работе «Опыт науки изящного» (1825) всю историю «изящного» делит на три периода и последний из них, по его мнению, наиболее возвышенный — «период полного владычества разума, открытый Платоном»; этот период, как уверяет Галич, восстановлен и продолжается¹⁶. Стало быть, непревзойденным авторитетом в эстетике для Галича является античный идеалист Платон.

---

¹⁶ «Опыт науки изящного, начертанный А. Галичем». СПб., 1825, стр. 8.

Говоря об общем направлении этих лекций, Шевченко сопоставляет их с философией Платона, о котором отзывается отрицательно. Не случайно также и то обстоятельство, что вслед за этим Шевченко критикует Либельта за мистицизм.

Шевченко, таким образом, выступает против идеалистического понимания философии и эстетики, а не принципиально против них. Как видно из дальнейших записей в дневнике, он вполне оценивал положительное значение эстетики и очень резко отзывался о тех, кто «всякую теорию прекрасного» считал лишь «пустой болтовней». Совсем по-другому, по мнению Шевченко, относится к эстетике разумный человек, одаренный чувством прекрасного. Но и для него идеалистическая эстетика, из которой «хирурги прекрасного» типа Либельта удаляют все действительно жизненное, хуже пустой болтовни, она просто — «шарлатанство».

Критически Шевченко относился и к эстетическим воззрениям известного русского поэта-романтика В. А. Жуковского и мюнхенской школы немцев-живописцев, которые увлекались стариной. В дневнике Шевченко записывает: «В 1839 году Жуковский, возвратившись из Германии с огромною портфелею, начиненною произведениями Корнелиуса, Гессе и других светил мюнхенской школы живописи... предложил зайти к нему полюбоваться и поучиться от великих учителей Германии. Мы не преминули воспользоваться сим счастливым случаем... Но, боже! Что мы увидели... Длинных безжизненных мадонн, окруженных готическими тощими херувимами, и прочих настоящих мучеников и мучеников живого улыбающегося искусства... До какой степени, однакож, помешались эти немецкие идеалисты живописцы!» (V, 60).

Запись сделана Шевченко 10 июля 1857 г., но само-то событие происходило в 1839 году. Значит, еще тогда поэт был противником идеализма в эстетике.

При первом же чтении книги «Эстетика» Шевченко со всей резкостью осудил идеализм, мистику Либельта¹⁷. «Либельт, он

¹⁷ Либельт в своей «Эстетике...» прямо ссылается на немецкую философию и, как видно по содержанию, следует за Гегелем. Он также считает, что философию «необходимо начать с логики», которую Гегель называет «царством чистой мысли», где происходит «изображение бога, каков он есть в своей вечной сущности до сотворения природы».

В «Лекциях по эстетике» Гегель писал: «Философия не имеет другого предмета, помимо бога». В том же духе рассуждает Либельт, утверждая, что содержанием философии является «познание бога во всех явлениях его мудрости и мысли».

В царстве абсолютного духа, по Гегелю, находят свое осуществление искусство, религия, философия. Искусство, говорил он, находится в той же области, в которой находятся религия и философия. То же самое утверждает и Либельт: «Искусство в отношении к духу стоит затем наравне с религией и философией» (продолжение сноски на стр. 162).

только пишет по-польски, а чувствует... и думает по-немецки или по крайней мере пропитан немецким идеализмом,— замечает Шевченко. (Бывшим,— не знаю, как теперь?)» (V, 60).

Эта последняя приписка в скобках снова свидетельствует о том, что о немецком идеализме Шевченко имел представление еще в 40-х годах, до своей ссылки.

Шевченко все более убеждался в том, что в «Эстетике...» Либельта не меньше мистики, чем в Библии. Мы с Фиалковским, записывает он в дневнике, «прочитали несколько мест Либельта и нашли, что подобные книги пишутся для арестантов, которым даже Библии не дают читать. Замечание довольно резкое и почти верное...» (V, 82). Шевченко далее отмечает в дневнике, что в компании своих товарищей они читали отдельные места из книги Либельта и называли автора «просто дурнем за то, что он написал такую книгу...» (V, 84).

Все эти высказывания при чтении книги Либельта еще раз свидетельствуют о том, как резко отрицательно относился Шевченко к немецкому идеализму, к мистике Либельта. Шевченко одобряет Либельта только в тех случаях, когда у последнего прорываются отдельные рассуждения, которые хотя бы несколько клонятся к материализму. «Сегодня,— отмечает Шевченко,— и Либельт мне показался умеренным идеалистом и более похожим на человека с телом, нежели на бесплотного немца. В одном месте он (разумеется, осторожно) доказывает, что воля и сила духа не может проявиться без материи. Либельт решительно похорошел в моих глазах...» В этой связи Шевченко неоднократно положительно отзывается о Либельте. Но вместе с тем Шевченко замечает: «...но он все-таки школяр. Он пренаивно доказывает присутствие всемогущего творца вселенной во всем видимом и невидимом нами мире и так хлопочет об этой старой, как свет, истине, как будто бы это его собственное открытие» (V, 62—63).

Шевченко, как видим, осуждает гегельянщину, согласно которой «дух» живет и действует самостоятельно и независимо от тела.

Материализм является теоретической основой реализма в эстетических взглядах Шевченко. Вопрос о том, что первично —

Гегель принимал «за основу» учение античного философа идеалиста Платона с его вечно существующими идеями «добра, красоты, истины». Либельт исходит из той же позиции.

Короче говоря, Либельт действительно «пропитан немецким идеализмом», и в этом Шевченко был совершенно прав. Он, следовательно, был достаточно подготовлен для того, чтобы самостоятельно разобраться в основном вопросе философии — об отношении бытия и мышления — и правильно оценил философскую позицию Либельта (Цит. по кн.: *Estetyka szyli umniactwo piqkne przez Karola Libelta*; t. I. Petersburg, 1854. стр. 9, 80—81, 19. Гегель. Соч., т. V. 1937, стр. 28, т. XII, 1938, стр. 105, 98, 23).

«прекрасное вообще», «идея» прекрасного, как об этом говорят идеалисты, или прекрасное в природе,— является одним из выражений основного вопроса философии: об отношении природы, материи к духу, мышлению.

Шевченко решительно выступает против идеалистической точки зрения Либельта, который исходил из философии идеалиста Платона о вечном существовании совершенных, высших идей. «Красота, добро, истина, находящиеся на небесах,— пишет Либельт,— от веков просвещают человечество...»¹⁸. Искусство, по мнению Либельта, есть не что иное, как выражение в материальном виде «божьей мысли».

В противоположность идеалисту Либельту Шевченко основной вопрос эстетики решает как материалист: исходным для него является прекрасное в природе. Свободный художник, по мнению Шевченко, не может выйти за рамки окружающей его природы, всякие попытки отступить «от вечной красавицы-природы» делают художника «нравственным уродом».

Шевченко критикует идеалиста Либельта за то, что он «...человека-творца в деле изящных искусств вообще, в том числе и в живописи, ставит выше природы, потому, дескать, что природа действует в указанных ей неизменных пределах, а человек-творец ничем не ограничен в своем создании. Так ли это?» — ставит вопрос Шевченко и отвечает: «Мне кажется, что свободный художник настолько же ограничен окружающей его природой, насколько природа ограничена своими вечными, неизменными законами. А попробуй этот свободный творец на волос отступить от вечной красавицы природы, он делается богоотступником, нравственным уродом, подобным Корнелиусу и Бруни» (V, 66). А эти два последние, по мнению Шевченко, идеалисты в живописи. Значит, отступления от изображения природы, реальной действительности приводят к идеализму.

Когда Шевченко говорит, что в природе существуют вечные и неизменные законы, он этим хочет отметить, что в природе нет хаоса, а есть определенная закономерность, являющаяся не случайным моментом в истории природы, а ее постоянным, вечным атрибутом. И вот творец-поэт или художник не может подняться выше этой закономерности природы, он ею ограничен, его творчество есть в той или иной форме отображение предметов природы, ее проявлений.

Это явно выраженная философская позиция материализма в эстетике.

Отмечая реалистический и по сути материалистический характер эстетики Шевченко, Иван Франко говорил: «наш поэт сознательно или несознательно придержался той мысли, что

¹⁸ «Estetyka...», т. I, стр. 80—81.

поэзия — это «сгущенная, сконцентрированная, скристаллизованная действительность»¹⁹.

Что касается выражения Шевченко «богоотступник», то это, как будет показано дальше, во второй части, означает, что художник отступает от правды. Шевченко нередко понятие «бог» и «правда» применяет как равнозначные понятия.

В том же направлении, что и Либельта, Шевченко критикует также В. А. Жуковского за его «германофильское» отношение к немецкому «безжизненному» искусству, за его идеалистическую эстетику. Либельт «смахивает на нашего В. А. Жуковского в прозе,— пишет Шевченко.— Он также верит в безжизненную прелесть немецкого тощего, длинного идеала, как и покойный В. А. Жуковский» (V, 60).

«Безжизненный», «тощий» немецкий «идеал», «безжизненные мадонны» — таково содержание немецкого искусства, оторванного от конкретной жизни, изображающего не живую действительность, а «мучеников» искусства. Шевченко видит, что философской основой такого искусства является идеализм. Он борется за высокохудожественное отображение живой конкретной действительности, за «живое, улыбающееся искусство», за художественное отображение «красавицы-природы». Теоретической основой такого искусства Шевченко считает философию материализма.

В повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» Шевченко также красоту человека ставит выше красоты художественной статуи. «Долго я не мог глаз отвести от этого типа совершенной красоты,— пишет он об одной девушке.— И чем внимательнее и хладнокровнее смотрел я на нее, тем более видел прелесть и гармонию в чертах ее удивительного лица. Божественному Рафаэлю и во сне не снилась подобная красота и гармония линий. А знаменитый Канова (итальянский скульптор.— М. Н.) вдребезги разбил бы свою сахарную «Психею», если бы увидел это божество... Это была самобытная, одушевленная красота. Это был тип моей землячки, в высшей степени совершенный» (IV, 311). В повести «Художник» Шевченко восклицает: «...торжество и венец бессмертной красоты — это оживленное счастьем лицо человека. Возвышеннее, прекраснее в природе я ничего не знаю» (IV, 173).

Эти высказывания блестяще доказывают реализм его эстетики, ее материалистические философские основы.

Обе названные повести написаны еще во время ссылки. В них чувствуется влияние на Шевченко реалистической эстетики Белинского, который еще в 1842 г. писал: «Поэзия прежде

¹⁹ Иван Франко. Твори в двадцяти томах, т. XVII. Київ, 1955, стр. 110.

всего есть жизнь, а потом уже искусство». Здесь видно влияние и Чернышевского, который писал, что «прекрасное есть — жизнь»; «красота статуи не может быть выше красоты живого индивидуального человека, потому что снимок не может быть прекраснее оригинала»²⁰.

Здесь нет необходимости подробно говорить о том, что материализм Шевченко страдал ограниченностями, которые присущи и философии русских революционных демократов. Важно отметить, что в философских воззрениях поэта имеются и свои, свойственные ему недостатки. Так, Шевченко нигде не называет свои философские взгляды материализмом, и даже тогда, например, когда своих идейных противников он прямо называет идеалистами. В одном случае Шевченко критикует «человека-материалиста» (V, 85).

Но под материализмом Шевченко, однако, не имеет в виду «общее мировоззрение, вытекающее из известного взгляда на взаимное отношение материи и духа» (Ф. Энгельс); Шевченко выступает против «опошленного, вульгарного вида» материализма. Под «человеком-материалистом» он понимает того, кто не имеет никаких возвышенных целей и идеалов, никаких стремлений, кроме погони за материальными благами и плотскими наслаждениями.

Шевченко не поднялся до уровня своих русских собратьев — Герцена, Чернышевского, которые непосредственно называли свою философию материализмом.

Итак, Шевченко — материалист, выступает против идеализма как своего идейного врага.

В свете этих данных следует отметить, что Мариэтта Шагинян в своей в общем интересной работе «Тарас Шевченко», сравнивая Шевченко с Чернышевским, неправда, считая украинского поэта в конечном счете стихийным материалистом. Она пишет: «Такое совпадение не случайно. Оно произошло потому, что оба они были материалистами, — Чернышевский убежденно, а Шевченко стихийно»²¹. Эту же мысль — о стихийном характере материализма Шевченко — высказывали и некоторые другие авторы.

Такая оценка принижает философскую позицию украинского мыслителя. Шевченко совершенно осмысленно боролся против философии идеализма. Его позиция воинствующего атеизма также служит доказательством того, что он не «стихийно», а вполне осмысленно выступал как материалист.

²⁰ Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения. 1938, стр. 377, 340.

²¹ Мариэтта Шагинян. Тарас Шевченко. М., Гослитиздат. 1946, стр. 112.

Философия материализма определила отношение Шевченко к религии. Атеизм мыслителя проявляется как одна из сторон его философии материализма. Изучение атеизма Шевченко — сложный вопрос. В советской литературе он освещен еще слабо. Литературоведы в своих критико-биографических очерках обычно обходят его или же касаются в самых общих чертах, не раскрывая особенностей атеизма Шевченко, не пытаясь объяснить его социальные корни, его сильные и слабые стороны.

Украинские буржуазные националисты, церковники и другие враги материалистического мировоззрения всячески замазывают атеизм Шевченко. Явно извращая действительность, они пытались и пытаются изобразить поэта правоверным христианином.

Восприятие Тарасом Шевченко природы такой, какая она есть, без всяких посторонних прибавлений, логически ведет к отрицанию всяких сверхъестественных, божественных сил. Это одна сторона вопроса, когда речь идет о формировании атеистических убеждений мыслителя. Но есть и другая сторона этого же вопроса, не менее важная, тесно связанная с первой. Разные мыслители к атеизму приходят по-разному. Голландский философ XVII в. Бенедикт Спиноза, например, пришел к атеизму, как это видно из его сочинения «Этика», путем сугубо абстрактных философских рассуждений. Французский материалист XVIII в. Гольбах в своей книге «Система природы» доказывает правильность атеистического мирозерцания, исходя из явлений природы, опираясь на естествознание.

Шевченко, как мыслитель, шел к атеистическому мировоззрению своим путем. Он обобщал антирелигиозные настроения, порождающиеся у эксплуатируемого и угнетенного крестьянства, из которого он и сам вышел, настроения, зарождающиеся в крестьянстве под тяжестью невыносимого положения в условиях крепостничества. Дело в том, что сами условия жизни страдающих, угнетенных, обездоленных народных масс порождают сомнение в «высшей справедливости», исходящей, якобы от бога, сомнение в «доброте» и «милосердии» самого бога. Роскошь небольшой кучки богачей, с одной стороны, нестерпимые страдания и нищета народных масс — с другой, порождают сомнение в справедливости данного порядка общественной жизни, изображаемого религией исходящим от самого бога.

Когда Ленин говорит, что демократическая и социалистическая (утопическая по своему характеру) идеология неизбежно порождается самими условиями жизни угнетенных трудящихся масс, то надо учесть также, что эта идеология всегда и естественно связана в большей или меньшей мере с атеистической тенденцией. И, как будет показано дальше, тесно и кровно связанный

с народом Шевченко видел это и неоднократно отображал в своем творчестве. Но стихийное в народных массах стало осмысленным, переработанным в голове их идеолога. Антирелигиозная тенденция превратилась в атеизм.

Неслучайно современник Шевченко В. Г. Белинский в письме к Гоголю 3 июля 1847 г. так говорил об антицерковных настроениях в народе: «Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Не есть ли поп на Руси для всех русских, представитель обжорства, скудости, низкопоклонничества, бесстыдства?» Русский человек «говорит об образе: годится — молиться, не годится — горшки покрывать»²². А. Герцен в одном из писем утверждал: «...Монахи и высшее духовенство, исключительно занятые жизнью заgrabной, ни мало не заботится об народе. Попы же утратили всякое влияние (на народ.— М. Н.), вследствие жадности, пьянства и близких сношений с полицией»²³.

Все сказанное о наличии антиклерикальных настроений в русском народе целиком относится и к украинскому народу, который жил и развивался в основном в таких же исторических условиях, как и русский народ. Не случайно ведь то обстоятельство, что запорожские казаки в своих войсках чуждались духовенства, считая, что присутствие попа в походе накличет несчастье на все войско. Еще в XVIII в. в различных местностях России ходила по рукам в рукописной форме разного рода подпольная изобличительная литература. Царское правительство вело с этим решительную борьбу. Так, 24 января 1765 г. был издан указ Сената, в котором говорилось о предании сожжению публично, на площади, через палача, «рассеянных в Москве... ругательных сочинений... пасквилей... чтению недостойных». Изобличения эти были направлены не только против взяточничества, различных общественных не порядков, но были направлены и против служителей церкви. В стихотворении неизвестного автора, называющего себя учителем, и изобличающего главным образом властей г. Зенькова на Украине, разоблачались лицемерие, корыстолюбие, алчность попов:

Кадит, молитву дает, мает взор набожный;
А мыслит, как бы вынести карман не порожний.

Там же по поводу монастырского духовенства писалось:

Як велит раздеть чернець бедного с кожуха,
Во имя Отца и Сына, говорит, и Духа!²⁴

²² В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 215.

²³ А. И. Герцен. Избранные философские произведения, т. II, 1946, стр. 140.

²⁴ «Киевская старина», 1882, март, стр. 545—547, 557.

В стихотворениях-сатирах высмеивались различные религиозные легенды. Так, по поводу библейской легенды о том, что бог выгнал Адама и Еву из рая за то, что они, вопреки его запрещению, попробовали яблоко с «дерева познания добра и зла», говорилось:

Пішов же вон, Адаме, з раю!
Обівся яблук, аж сопеш!
Це так ти доглядаеш гаю?
Без попиту, що хоч, і рвеш!
І ти іди, небого, прясти!
Адам тебе щоб наглядав,
А щоб не сміла яблук красти,
Адаму я нагайку дав.

Подобные антиклерикальные настроения отражали мнение передовых слоев народной массы. Объективно эти настроения открывали возможность и для более глубоких размышлений по пути к атеизму.

Антиклерикальные настроения проявлялись также во второй половине XVIII в. в творчестве Г. С. Сковороды. Он высмеивал различные библейские и евангельские чудеса, называя их «нелепым вздором». В произведении «Кольцо» (1773) он писал: «Очень нам смешным кажется сотворение мира, отдых после трудов божий... вылепение из глины Адама, вдуновение жизненного духа, изгнание из рая... всемирный потоп, столпотворение, путешествие через море... Возможно-ль, чтоб Енох с Ильею залетали будто в небо? Сносно ли натуре, чтоб остановил Навин солнце? Чтоб возвратился Иордан, чтоб плавало железо? Чтоб дева по рождестве осталась? Чтоб человек воскрес?... Верь сему грубая древность, наш век просвещенный»²⁵.

Отвергая неестественность всех библейских чудес, Сковорода ссылается на присущую природе («натуре») закономерность: «Детское есть сие мудрование, обличающее наглость и непостоянность блаженные природы, будь то она когда-то и где-то делала то, чего теперь нигде не делает и впредь не станет». «Такие нелепые мысли пушай место имеют в детских и подлых умах»²⁶.

Несомненно, что эти антиклерикальные настроения у Сковороды были выражением духа своего времени и в конечном счете свои питательные корни имели в фольклоре.

Отчасти антиклерикальные мотивы наблюдаются в творчестве непосредственного предшественника Шевченко — украинского писателя И. П. Котляревского. В «Энеиде», например,

²⁵ Г. С. Сковорода. Кольцо. Рукописный фонд. Фотокопии Инст. философии АН УССР, л. 19, об.

²⁶ Г. С. Сковорода. Израильский змий. Рукописный фонд Инст. философии АН УССР, л. 24, об.

рассказывается, что когда Эней попал в ад, то он увидел, как там мучились «в огне» попы, монахи и ксендзы за свою алчность и распутный образ жизни.

Таким образом, к началу выступления Шевченко на литературном поприще в фольклоре и в произведениях у некоторых украинских писателей явно были видны антиклерикальные настроения и мотивы. В условиях обострения классовой борьбы в середине XIX в. в творчестве революционного демократа Шевченко эти настроения усиливаются, заостряются и поднимаются на более высокий этап, этап атеизма.

Из некоторых мемуаров («Киевская старина», 1882, март, стр. 527) и из фактов описания истории видно, как народные массы выступали против церквей и церковнослужителей. О страшном возмущении народных масс против римско-католической церкви и ее служителей, приспешников шляхетской Польши, рассказывает, например (с сожалением, так как он является религиозным человеком), Костомаров в своей работе «Богдан Хмельницкий»: «Римско-католическая святыня предавалась поруганию: костелы грабили и сжигали; образа католических святых простреливали, рубили, уродовали, ксендзы и монахи были обречены на муки без милосердия и исключения... топтали ногами святыню...»²⁷.

Борьба украинского народа против гнета панской Польши свидетельствовала о том, что происходило стихийное возмущение не только против ляхов-панов и их прислужников-ксендзов, но и против всего «святого» в религиозном смысле этого слова, была бунтом против бога. Но было бы ошибочно считать восставших крестьян атеистами. Здесь речь идет о стихийно проявляющейся тенденции к атеизму, порожденной самими условиями жизни угнетенных народных масс.

И в то же время в поэме «Гайдамаки» Шевченко рассказывает, что перед походом гайдамаки провели большое молебствие и освятили ножи, которыми готовились резать панов-угнетателей. Как же это вяжется с «бунтом» против бога? Думается, что это естественное противоречие самой жизни. В том-то и дело, что речь идет о стихийном проявлении антирелигиозных настроений. А там, где стихийность,— никак нельзя ожидать последовательности, выдержанности. Естественно поэтому, что в широких народных массах, замученных нуждой, нищетой, издевательствами со стороны зверя-помещика, то проявляется надежда на выход из отчаянного положения при помощи какой-либо сверхъестественной силы, т. е. бога, то, наоборот, блеснет на время мысль о том, что под именем бога скрывают свои интересы враги, мучители народа. В стихотворении «Когда б вы знали, барчуки»

²⁷ Н. И. Костомаров. Собр. соч., тт. IX—XI, стр. 183.

Шевченко показывает именно это последнее, как простой народ проклинает бога, потому что он выступает в роли советчика панов-помещиков.

Антирелигиозные настроения, стихийно проявлявшиеся в народных массах, находили свое осмысленное и более зрелое выражение в творчестве Шевченко.

Шевченко в своей поэзии приводит многочисленные примеры того, как антирелигиозные настроения, тенденция к атеизму зарождаются и проявляются в народе. В стихотворении «И вырос я в краю чужом» он показывает ужасную нужду крепостного люда: «село как будто погорело», «панство запрягло людей в ярмо», «земли чернее... блуждают люди...» «и гибнут, гибнут в неволе». И это не в одном селе, а везде на Украине. Безысходная нужда народная страшно волнует поэта. Находясь в ссылке, он принужден «все видеть, плакать и молчать!» А совершить что-либо положительное в пользу обездоленного люда поэт не имеет возможности. Обращаясь к умершей матери, он говорит:

...Славно, мама,
Что ты так рано спать легла,
А то б ты бога прокляла
За мой удел.

(II, 114).

Показывая нищету, гнет, адские страдания и слезы крепостного народа в стихотворении «Когда б вы знали, барчуки», Шевченко ставит вопрос: стоит ли за это кого хвалить — бога благодарить? — и отвечает:

...Хвалы не слышно,
Лишь кровь, да слезы, да хула —
Здесь только это мог узнать я...
Святого нет, хула всему...
Мне кажется, уже проклятья
Шлют люди богу самому!

В поэме «Катерина» (1838), изображая тяжелую долю женщины-«покрытки», соблазненной и брошенной офицером паничем, показывая ее трагическую кончину, Шевченко еще не ставит вопроса о боге. Поэма «Слепая» (1842 г.) написана в ином плане. Когда пьяный помещик пытается изнасиловать красавицу Оксану, она убивает его ножом и поджигает панские хоромы. Оксана верила в бога, молилась ему, но бог отверг ее молитвы. Она, ни в чем неповинная, претерпела в своей жизни страшные издевательства помещика и доведенная до крайней степени отчаяния, потеряла веру в бога.

Таким образом, атеистические воззрения Шевченко начали выявляться в его творчестве еще в 1842 году. В поэме «Сон»

(«У всякого своя доля»), написанной в 1845 г., поэт уже прямо заявляет, что нет ни бога, ни рая на «том свете». Неправы поэтому те авторы, которые утверждают, что будто атеистом Шевченко стал только по возвращении из ссылки.

В поэме «Ведьма» Шевченко, описывая жизнь женщины, доведенной несчастьем до отчаяния, в еще более резкой форме выражает атеистические настроения. В беседе с цыганами, к которым она пристала, женщина говорит о подлеце, развратнике помещике, который отобрал у нее дочку:

...А перед тем
Посылает в Киев
Меня, видишь, помолиться.
Сдуру я ходила
И молилась. Только бога,
Знать, не умолила.
Есть ли бог у вас, цыгане?
У нас его нету...
Господà его в шкатулку
Спрятали от света²⁸.

Значит, нет бога! Причем это отрицание бога происходит по социальным, классовым мотивам: бога украли паны-угнетатели.

Правда, в поэме «Ведьма» Шевченко не выдерживает до конца атеистического настроения несчастной женщины. Впоследствии она, оказывается, встала на путь христианского смирения, всепрощения врагам, любви к ним. Она молилась богу за помещика, своего развратителя, и даже пыталась лечить его, больного. Упрекать Шевченко в данном случае в невыдержанности атеистического мировоззрения нельзя: поэма «Ведьма» — не научный трактат, в котором излагаются свои взгляды. Это — поэтическое произведение. В поэме правильно отображена конкретная действительность. В самом деле, атеизм простой крепостной женщины не является глубоким убеждением. Это только настроение, возникшее под влиянием невыносимо тяжелых обстоятельств жизни. Естественно, поэтому, что оно не выдерживается до конца. Господствующая христианская, по сути дела, помещичья идеология еще очень сильна, она все же берет верх. Здесь важна главная мысль поэта: атеистические настроения порождаются в условиях непомерной тяжести крестьянского быта.

В небольшом стихотворении «Маленькой Марьяне» (1845) Шевченко, обращаясь к девочке, говорит, что она — красавица

²⁸ Т. Шевченко. Соч., т. I, стр. 450. Переводчик неправильно передает мысль украинского стиха Шевченко. Поэт пишет: «Ні, цигане, я марно молилась». (Т. Шевченко. ПЗТ, т. I, стр. 370). Это значит: напрасно молилась. Здесь устами «Ведьмы» Шевченко выражает потерю веры в бога. А у переводчика выходит, что «Ведьма» лишь жалеет, что «не умолила» бога.

цветет, как маковый цветочек. Образно выражаясь, поэт советует ей тихо завянуть, пока «сердце не разбито». Он заранее видит, какая участь ожидает красивую молодую девушку-крепостную. Найдутся люди, которые ее «погубят» и «кинут в омут». Поэт предвидит атеистическое настроение у обездоленной, поруганной женщины крепостной, он говорит: «...и погибнешь, бога проклиная!»

Если в поэмах «Слепая» и «Ведьма» Шевченко выражает атеистические настроения устами своих героев, то в «Маленькой Марьяне» уже от своего имени высказывает убеждение в том, что социальные условия крепостного строя неизбежно порождают в народе атеистические настроения.

В поэме «Слепой (Невольник)» (1845) он, как бы обобщая, говорит:

Всюду горе, всюду стонут,
Бога проклиняют.

Так поэт творчески перерабатывает идейное наследие народа и выступает уже как убежденный атеист.

В небольшом стихотворении «Тогда мне лет тринадцать было», имеющем автобиографическое значение, Шевченко рассказывает о том, как условия жизни его самого толкали к тому, чтобы проклинать бога.

В стихотворении «Иржавец» (1847) он проклинает бога не только за несчастную долю отдельного человека, но и за адские мучения, которые переживает его родина — Украина, распинаемая царем-палачом и помещиками.

Что это за «милосердный» бог, которому любо Украину истязать? Какое отношение людей к себе может вызвать такой бог? На этот вопрос Шевченко дает ответ в своем произведении «Сон» («Горы мои высокие»), написанном в том же 1847 году:

Я так, я так ее люблю,
Украину, мой край убогий,
Что проклян у святого бога
И душу за нее сгублю!

Едва ли нужно доказывать, что проклятый бог — это уже не бог. Человека, проклинаящего бога, уж никак нельзя признать религиозным человеком.

Выступления Шевченко против бога принимают нередко форму иронии, насмешки. Так, возвращаясь из ссылки пароходом по Волге, он слушал замечательную, глубоко волнующую его игру на скрипке высоко одаренного музыканта крепостного и под этим впечатлением записал в дневнике: «...благодарю тебя, мой случайный, мой благородный! Из твоей бедной скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души и сливаются в один протяж-

ный, мрачный, глубокий стон миллионов крепостных душ. Скоро ли долетят эти пронзительные вопли до твоего свинцового уха, наш праведный, неумолимый, неублажимый боже?» (V, 111—112).

В стихотворении «Цари» Шевченко развенчивает ложную святость царей, иронически называя их «помазанниками божьими», «святопомазанниками», «венценосными святыми» и одновременно показывая их как злейших извергов и палачей народа. Понятно поэтому, что последняя строчка стихотворения: «будем... святого господа хвалить» звучит явно иронически. На самом деле: за что же хвалить господа-бога, если он «освящает», оправдывает действия извергов и палачей?! К такому богу следует относиться так же, как и к царям-палачам. Недаром Герцен однажды глубоко и остроумно заметил: если осмеять бога Аписа, то это значит — растричь его из священного сана в простые быки.

Подобных примеров в произведениях Шевченко немало. Описывая, например, в поэме «Сон» ужасные страдания народа, Шевченко ставит вопрос: «видит ли господь» слезы и горе народовские? И отвечает, что бог видит и «помогает, как вон эти горы». В поэме «Кавказ» Шевченко излагает такой эпизод: «Святой чернец» читает «святую библию» и рассказывает о том, как некогда царь забрал жену приятеля, а приятеля убил и за это попал в божий «рай». Такова-то «святость» по закону божьему!

В поэме «Княжна» поэт говорит о страшных мучениях украинского народа, об ужасном голоде, о гибели голодных людей тысячами и о том, как, спекулируя на росте цен, помещики наживаются на голоде.

И бог это знает? Ведь было бы диво —
И слышать, и видеть, и не покарать.
Да видно, он слишком долготерпеливый...

В поэме «Сон» («У всякого своя доля») поэт восклицает:

Молчат люди, как ягнята,
Вытаращив очи!
Пускай: «Может, так и надо?» —
Скажет люд убогий.
Так и надо! Потому что
Нет на небе бога!
Под ярмом вы падаете,
Ждете, умирая,
Райских радостей за гробом —
Нет за гробом рая!
Образумьтесь!

В стихотворении «Юродивый» (1857) Шевченко описывает «безбожные» дела «фельдфебеля-царя», жестокого гонителя правды, натворившего столько зла на земле. Где же правда, где же бог? В христианской религии богу приписывают целый ряд эпитетов в превосходной степени: всемогущий, вездесущий, все-слышащий, всевидящий и т. п. Именно в этой связи, как бы обращаясь к богу, этому «всевидящему оку», поэт гневно восклицает:

А ты, всевидящее око!
Знать, проглядел твой взор высокий,
Как сотнями в оковах гнали
В Сибирь невольников святых?
Как истязали, распинали
И вешали?! А ты не знало?
Ты видело мученья их
И не ослепло?! Око, око!
Не очень видишь, ты глубоко!
Ты спишь в кюте, а цари...
Да чур проклятым тем неронам!

До конца своей жизни Шевченко остался убежденным атеистом. В 1860 г. в одном из небольших стихотворений, за несколько месяцев до смерти, он скорбит по поводу того, что «раб» (речь идет о крепостном народе) остается покорным царю, в результате «слез и горя много»; значит нет справедливости, «нет ни бога, ни полбога» (II, 356).

В своем поэтическом творчестве Шевченко выступал, таким образом, как смелый, воинствующий атеист. Идею отрицания бога он нес в народные массы вместе с идеей революции. Еще в 40-х годах XIX столетия в таком произведении, как «Завещание», поэт прямо обращался к народу.

Критику основ религии Шевченко связывал с разоблачением церкви и ее служителей.

В дневнике Шевченко записывает, как он однажды зашел в церковь послушать певчих. Церковная служба произвела на него впечатление «кукольной комедии». «В архиерейской службе,— пишет он,— с ее обстановкою и вообще в декорации мне показалось что-то тибетское или японское». Организованный попами крестный ход он называет «японской комедией» (V, 199, 214).

Высказывая свои мысли в связи с христианским праздником Петра и Павла, Шевченко разоблачает церковную ложь, изуверство церковнослужителей. Празднование, говорит он, фактически превратилось в «колоссальнейшее пьянство», «...так называемые учителя вселенские подрались, как пьяные мужики, на Никейском вселенском соборе». Попов он называет «пьяными косматыми жрецами». (V, 143). Идею добра можно скорее най-

ти в кабаке, нежели в церкви, отмечает Шевченко в своем дневнике. (V, 143). В стихотворении «Гимн черниц» поэт разоблачает лживую святость монахинь, их лицемерие.

Когда в 1860 г. умер крайний реакционер и мракобес петербургский митрополит Григорий, Шевченко написал по этому поводу сатирическое стихотворение «Умре муж велий в власнице», в котором отмечал, что простой народ не будет оплакивать эту смерть. Пусть ее оплакивают журналисты из реакционного славянофильского журнала «Русская беседа», славянофил А. С. Хомяков и реакционный журналист Аскоченский.

Шевченко разоблачал не только православную религию. В поэме «Гайдамаки» он выступал против католической религии и ее церкви, против ксендзов и римского папы. В стихотворении «Бывает в неволе мечтать начинаю» (1850) поэт с возмущением говорит о том, как «проклятые» ксендзы издевались над народом, ездили на людях, как они пьяные врывались в крестьянские хаты и насиловали детей. Возмущенный народ убивал ксендзов или сжигал их живьем. Поэт не осуждает этих действий народа, а, наоборот, дает понять, что ксендзы, эти «служители бога», заслужили эту месть от народа, выведенного из терпения их злодейским издевательством.

В поэме «Еретик» поэт со всей силой разоблачает продажность, корыстолюбие, нравственную мерзость служителей католической церкви, строящих свое благополучие на крови угнетенного народа. Разящий гнев поэта направлен, прежде всего, против главы церкви — папы римского.

Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит,
А на апостольском престоле
Монах раскормленный сидит,
Он кровью, как в шинке, торгует,
Твой светлый рай сдает внаем!

Эта гневная характеристика злодейских действий папы римского и его приспешников не утратила своей злободневности и по сегодняшний день.

Шевченко понимал, что религия защищает интересы богачей-эксплуататоров. В стихотворении «Когда б вы знали, барчуки» поэт, рассказав об адских мучениях угнетенного, обездоленного народа, спрашивает: делается ли все это «по божьей воле», видит ли все это бог? И отвечает:

Ты, может, сам на небеси
Смеешься, господи, над нами
Да совещаешься с панами,
Как править миром?

И в другом стихотворении, образно выражаясь, Шевченко пишет, что совсем немного просит у бога простой человек из народа: только «хату» да «горемычную» «Оксаночку». Но он и этого не получает. Бог обижает бедный люд, но он очень щедр в отношении богатых панов, им он дает все (II, 222—223).

Так поэт разоблачает классовый характер религии, которая отвечает интересам господ помещиков. А «бездомные и бедняги» — «...они самим забыты богом!» — говорит Шевченко в другом своем стихотворении (II, 231).

В поэме «Марина» Шевченко гневно писал, что паны-помещики, прикрываясь законами, которые писаны для них, зверски издеваясь над крепостными крестьянами, называют себя «просвещенными христианами» и каждый год ездят в Киев исповедываться перед попом. Церковь, стало быть, именем бога прикрывает зверства помещиков в отношении крепостных крестьян. Такова социальная сущность религии и ее служителей.

Еще великий русский революционер А. Н. Радищев понимал, что союз самодержавия с церковью направлен против закабаленного народа. В своей оде «Вольность» он писал:

Власть царска веру сохраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут;
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую,— рекут²⁹.

Белинский в своем письме к Гоголю отмечал, что церковь «всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма»³⁰.

Добролюбов в стихотворении «Годовщина» писал:

Религия прощать врагов нас учит —
Молчать, когда нас царь гнетет и мучит.

Его же стихотворение «На смерть помещика Оленина» (убитого крестьянами за жестокое обращение с ними) было напечатано за границей в свободной от цензуры прессе. Разоблачая лицемерие помещиков-крепостников, Добролюбов писал:

Сыны любимые христовы,
Они евангелие чтут
И одновременно родного
Позорно в рабство продают.

²⁹ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. I. Изд-во АН СССР, 1938, стр. 5.

³⁰ В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, стр. 469.

Шевченко видел, что помещичий общественный порядок опирается не только на самодержавие, но и на православие. Религию он называл орудием политики. Так, в дневнике он записывает:

«Главный узел московской старой внутренней политики — православие» (V, 131), разумеется, с ее проповедью рабской покорности царю — «помазаннику божьему».

Работать до изнеможения на помещика, писал Шевченко в поэме «Варнак», молиться богу и слушаться попов, угрожающих муками ада непкорным «слугам» царя небесного и царя земного, — такова участь «невольников» по учению церкви.

Шевченко приветствовал всякий «свободный луч света, могущий проникнуть в сдавленную попами невольничью голлову».

Поэт понимал, что религия не вечна. Эту мысль он замечательно выразил в стихотворении «Свете тихий!» «Свете ясный!» Народ, говорил Шевченко, «придавлен», «опутан», «скован» и «добит» «распятием», т. е. одурманен христианской религией, оправдывающей и крепостничество и царизм. Но народ «встрепенется», «засветится» новая жизнь, настанет время, когда будет окончательно развенчано, лишено «святости» все давящее, гнетущее, сковывающее. ореол «святости» будет сорван с церкви, от кадила будут тогда, по образному выражению Шевченко, трубки закуривать, кропилом — подметать хату, а «чудотворными» иконами — топить печи.

Обобщая сказанное об атеизме Шевченко, надо отметить, что при рассмотрении его мировоззрения иногда пытаются ограничиться характеристикой его позиции как антиклерикализма. Но это слишком общо. Шевченко был материалистом и воинствующим атеистом.

Следует особо подчеркнуть — Шевченко воинствующий атеист. Философы XVII в., например, Спиноза — в Голландии, Гоббс — в Англии, будучи атеистами, отражая своеобразные условия положения своего класса — буржуазии, не отличались воинственностью. Спиноза пришел к атеизму путем сугубо абстрактных философских рассуждений, вовсе не рассчитанных на понимание народа. Гоббс же попросту говорил, что религия нужна для народа.

Французские материалисты — Гольбах, Дидро, Гельвеций были боевыми атеистами, а не революционерами.

Тарас Шевченко, вышедший из крепостных, великий народный поэт и мыслитель, пришел к атеизму своим путем, отражая передовые настроения крестьянства, исходя прежде всего из понимания им общественной жизни. Поэт писал ради народа и для народа, языком понятным для трудящихся масс, его поэзия имела широкое распространение в подполье, она была призывом к

борьбе. Атеизм Шевченко переплетался с революционным демократизмом.

* * *

Самобытный характер атеизма Шевченко определялся тем, что поэт был кровно связан с народом, весьма широко использовал фольклор. Очень часто поэт применяет такие выражения, как «бог», «святой», «молитва» и т. п. Но он вовсе не вкладывал в них обычного религиозного содержания. Иван Франко писал, что «слова «бог», «божий» и т. п. являются у Шевченко скорее поэтической фразой, образным выражением, а не имеют никакого догматического, религиозного значения»³¹. Под словом «бог» Шевченко понимает, как правило, правду, социальную справедливость, как ее представляет себе передовая часть крестьянства.

Поэт отрицает бога в его прямом, религиозном смысле слова и призывает не молиться ему. Поэт одновременно обращается к «богу», понимая под этим правду, социальную справедливость, по разумению простого народа, и в форме молитвы требует этой справедливости:

«...Агут все боги,
Все идолы в чужих чертогах!»

(II, 321),

воскликает поэт в стихотворении «Осии глава IV. Подражание».

Поэт призывает не верить попам и царям. В стихотворении «Ликерии», посвященном крепостной девушке, на которой Шевченко хотел жениться, говорится:

...Друг мой милый,
Моя голубка! Не крестись,
И не клянись, и не молись
Ты никому! Солгут все люди,
И византийский саваоф обманет!..³²

Продолжая далее, поэт пишет:

...Не обманет бог,—
Карать и миловать не будет:
Мы не рабы его — мы люди!

Поэт призывает «молиться» «богу»-правде. В поэме «Неофиты» он пишет:

Молитесь господу святому,
Молитесь правде на земле —

³¹ Иван Франко. Избранные сочинения, т. V., М., 1951, стр. 182.

³² В «Кобзаре» пражского издания (1876) эти строки, выражающие антирелигиозные утверждения, пропущены (см. стр. 356—357). Это один из многих примеров извращения творчества Шевченко.

Ей только! Никому другому
Не должно кланяться! Все ложь —
Попы, цари...³³

Мысль Шевченко о «боге» как социальной правде народа имеет глубокую связь с фольклором. В «Записках о Южной Руси» П. Кулиш приводит очень интересную в этом отношении «думу», записанную со слов бандуриста. В ней говорится:

Нема в світі правди, правди не зискати!
Що тепер неправда стала правдувати.
.....
Уже теперь правда сидит в темниці,
А тая неправда — с панами в світлиці.
.....
Хто по правді судить, то того карають,
А хто не по правді, того поважають.
Ой хто буде в світі правду ісполняти,
Тому зошлеть Господь що-дня благодаті;
Бо сам Господь — правда і смирить гордыню,
Сокрушить неправду, вознесе святиню!³⁴

Итак, на свете нет правды, за правду карают, господствует неправда, носителем которой выступают пань-помещики. «Дума» призывает к борьбе с неправдой. Понятие «бога» и правды — понятия равнозначущие.

О широком распространении этой песни среди лирников, кобзарей говорят различные источники. Так, современник Шевченко и его друг Л. М. Жемчужников записал эту песню от бандуриста в Роменском уезде, Волынской губернии³⁵. В статье «К изучению украинского мировоззрения» Фаддеем Рыльским также писал, что «песню о правде» часто поют лирники и что он это слышал сам³⁶.

³³ Цит. по кн.: Тарас Шевченко. Собрание сочинений в пяти томах, т. II. М., ОГИЗ, 1948, стр. 278, так как в русском издании (М., 1955, т. II, стр. 268) перевод неудачен. Здесь не подчеркнуто, что есть только один «бог», это — правда, как это пишется в подлиннике (см. Тарас Шевченко. ПЗТ, т. II, стр. 272). Еще хуже это место дано в русском переводе «Кобзаря» Шевченко (Гослитиздат, 1947, стр. 562):

Молитесь господу святому,
Молитесь правде на земле —
Им только! Никому другому
Не должно кланяться! Все ложь —
Попы, цари...

Выходит, что Шевченко призывает молиться не одному «богу» — правде, а двум богам: «правде на земле» и «господу святому».

³⁴ П. Кулиш. Записки о Южной Руси. СПб., 1857, стр. 101—102.

³⁵ «Киевская старина», 1883, август, стр. 769—770.

³⁶ «Киевская старина», 1883, ноябрь, стр. 285.

Сравнивая эту «песню о правде» с поэзией Шевченко, нельзя не прийти к выводу, что и по общему смыслу, а местами и по форме выражений, она совпадает с одним из распространенных мотивов поэзии Шевченко. Так, лирник, как говорит Ф. Рыльский, пел о том, что «тая неправда пьет вино з панями». Шевченко несколько в иной форме, но в основном передает тот же образ, когда пишет, что:

Кат издевается над нами,
А правде — спать и пьяной быть

(I, 405).

Ф. Рыльский отмечает, что у украинского народа имеется сильно выраженная склонность к юмору, она находит свое проявление и в фольклоре и в произведениях талантливых украинских писателей. Причем, этот юмор распространяется и на такие «высокие» предметы, как «бог» и его «святые». «Встречаются, впрочем,— говорит Ф. Рыльский,— и в народной среде в тесном смысле слова разговоры... о том, не забыл ли Господь нашу землю, не посылая ей дождя... о святых, которые «десь загуляли», не обращая внимания на просьбы людские и т. п.»³⁷. Такие же мотивы, как было показано, во многих случаях имеются и в поэзии Тараса Шевченко, что еще раз свидетельствует о тесной связи фольклорных мотивов с творчеством поэта.

Мысль о «боге» как социальной справедливости Шевченко проводит в произведении «Давидовы псалмы». Поэт решительно выступает на стороне угнетенного, обездоленного простого народа, с гневным протестом против угнетателей, людей богатых, борется за правду, за социальную справедливость:

Враг нагрязнул новый:
Нас крадут и пожирают,
Как овец!.. Без платы,
Не за что ты отдал, боже,
Нас врагам проклятым.
...Встань же, боже,
Долго ль спать ты будешь,
Отвернув лицо, не видя,
Как страдают люди?
Мы устали, мы смирились —
С тяжкими цепями.
Помогай вставать нам, боже,
На бой с палачами.

Здесь важно снова отметить, что «бог» выступает как «правда» угнетенного народа. Псалмы кончаются уверенностью в том, что правда все же восторжествует. Под видом бога-правды про-

³⁷ «Киевская старина», 1888, ноябрь, стр. 292.

водится идея протеста против гнета, призыв к народному восстанию.

Не случайно и в своем «Букваре» Шевченко помещает отдельные строфы из подражания «Давидовым псалмам», в которых незаметно для цензуры проводит ту же идею: «бог — правда по понятиям крестьянства, правда в конце концов восторжествует, и злые люди «за діла їх кроваві, лукаві» получат возмездие, они погибнут. Для всякого читающего крепостного крестьянина было понятным, что речь идет о кровавых и лукавых делах помещиков-крепостников³⁸.

В таких поэмах, как «Мария» и «Неофиты», в которых Шевченко по-своему использует некоторые элементы фабулы евангельских легенд, довольно ярко проявляется атеизм поэта. В образе Иисуса Христа и «божьей матери» Марии поэт показывает простых людей — борцов за социальную справедливость, за правду, как ее понимает угнетенный народ.

Поэму «Мария» Шевченко начинает «молитвой» к «божьей матери». Используя церковные выражения, он просит «божью мать» помочь «обделенным и слепым рабам».

Зачатие девы Марии и рождение Христа Шевченко изображает не по-евангельски, в виде чуда от «духа святого», а естественным путем.

Сын Марии — Иисус — это носитель правды, правды «рабов», всех угнетенных, борющихся против царей и всех угнетателей, поработителей. Его распяли за «святую правду», «за волюшку, святую волю».

В творчестве Шевченко нет никаких данных, которые давали бы основание утверждать, что Шевченко признавал Христа за реальную историческую личность. «Христос» у него — образ борца за правду народную.

Характерной особенностью поэмы «Мария» является также то, что Мария — это активная женщина, которая всюду пошла за сыном и несла в народ слово правды. Таким образом, ничего святого (в религиозном смысле этого слова) от евангельской легенды, использованной Шевченко в поэме «Мария» не остается.

Царская цензура заметила антирелигиозный характер и свободололюбивые идеи поэмы «Мария». Цензор писал, что поэма представляет собой кощунственные извращения евангельских сказаний, что «Иисус Христос» и «пресвятая дева» изображены в ней обыкновенными людьми и что Шевченко пропагандирует свободу и равенство между людьми. Харьковский и ахтырский архиепископ Арсений доносил в синод в декабре 1910 г., что в книге «Кобзарь» имеются «совершенно антирелигиозные» стихотворения и, в частности, поэма «Мария», «в которой в опи-

³⁸ Букварь Южнорусский, стр. 5—6.

сании священных событий, как-то: благовещение пресвятые богородицы и рождества Христова — допущены автором циничные выражения, уничтожающие достоинство богоматери и ее непорочность и извращающие истинный смысл христианского понимания означенных событий»³⁹.

У нас нет прямых сведений, читал ли Шевченко пушкинскую «Гаврилиаду», написанную в 1821 году. «Гаврилиада» является атеистической пародией на евангельский рассказ о непорочном зачатии девы Марии от «духа святого». Атеизм Пушкина нашел в ней свое философское обобщение в тех строках, где он говорит о том, что влюбленный в деву Марию бог бросил думать о всем мире, а мир и без него продолжал свое существование «своим порядком».

...Всевышний между тем
На небесах сидел в уныньи сладком,
Весь мир забыл, не правил он ничем,
И без него все шло своим порядком⁴⁰.

Мир, стало быть, и без бога обходится, в нем вовсе нет необходимости.

«Мария» Шевченко написана в ином аспекте, но в «Марии» Шевченко и в «Гаврилиаде» Пушкина есть одна общая основная идея — развенчание святости всей евангельской легенды о непорочном зачатии девы Марии.

В «Неофитах» в образах последователей Христа «неофитов» (первых христиан) Шевченко показывает борцов за раскрепощение угнетенного народа. Когда-то давно, пишет он, «звезда все-светная взошла» и «правды слово, священной правды и любви» принес на землю сын Марии — Иисус Христос. Но «фарисеи» его истязали и распяли на Голгофе среди злодеев:

За что? Но упорно
Молчит старый верховорец
И его святые —
Помощники, поборники,
Кастраты немые!⁴¹

По тону цитируемых выше строк не трудно понять, что у поэта совершенно отсутствует не только какое-либо уважение к «старому верховорцу» и его святым... кастратам немым», но и просто отрицается всякая их святость.

³⁹ Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах, стр. 303.

⁴⁰ А. С. Пушкин. Соч., т. IV, 1949, стр. 42.

⁴¹ Тарас Шевченко. Собр. сочин. в пяти томах, т. II, М., 1948, ст. 271—272. Цитируем по этому, а не по принятому нами изданию, потому что в нем слова подлинника «сивий верховорец» переведены «всевышний наш создатель» (II, 262). В результате утеряна ирония.

Носителя правды и любви распяли, но слово его не погибло. Как бы обращаясь к нему, поэт говорит:

И слово правды понесли
По стогнам страждущей земли
Твои апостолы святые.

Действие происходит, иронически говорит Шевченко, «не в нашем краю, богу милом», а в чужой языческой земле во времена царя Нерона, который зверски преследовал христиан. Фактически же под именем «языческой земли» поэт понимает царскую Россию; а в образе римского царя «Нерона» — русского царя Николая I. Об этом автор довольно ясно дает понять в одном месте поэмы, где, как будто по ошибке, вместо «Скифии» (древнего названия места на южном берегу Черного моря, куда римское государство ссылало обычно политических преступников) он называет Сибирь — место ссылки борцов за волю в царской России. Поэт не впервые под именем «Нерона» показывает Николая I. Еще в стихотворении «Холодный яр» он писал:

Не зовите преподобным
Николу — Нерона!

Поэт говорит далее, что кесаря, т. е. царя, его приспешники («вся знать») объявили «богом». И Шевченко зло издевается над таким «богом» и над его холоушествующей «знатью»:

Перед Нероном,
Перед этим новым божеством,
Вчера молитвенно склонялась
Вся знать — и щедро изливалась
Вчера господня благодать.
Тем — деньги, тот — повышен в чине,
Тому — аренда в Палестине,
Подручным кое-что; тому —
Благоволили лично дать
Свою наложницу в супруги.
Подержанную? Что ж такого!
Зато от кесаря! Другого
Сестру благоволили взять
К себе в гарем. И тут дурного
Нет ничего: должны без слова
Себя под бога подстилать,
Не только близких...

Вся эта убийственная оценка царя прямо относится и к богу, потому что царь выступает как бог, действует именем бога.

И вот тысячи матерей обращаются с молитвой к «кесарю и богу» о спасении их сыновей, преследуемых царем за правду. Этих

несчастных людей Шевченко называет «плебеями-гречкосеями», давая тем самым понять, что речь идет о бедном простом народе. о «рабах», причем в такой стране, где бедняки сеют гречку, т. е. в царской России.

Поэт призывает не верить лжецам-попам и царям, не молиться их богу, а молиться только одному «богу» — «правде на земле». «Бог», это — правда, по разумению простого народа. В уста неопита Алкида Шевченко вкладывает молитву-псалом, в которой он выражает надежду на победу правды:

В их руках мечи стальные
Остры обоюду —
На отмщение языкам
И в науку людям...

Поэт уверен, что «закуют царей насытых (ненасытных.— М. Н.) в железные путы»⁴².

И далее, как бы делая вывод, уже от своего имени поэт пророчески провозглашает затем восход свободы и неизбежную кровавую расправу гневного народа над царем-угнетателем:

...Гнусный, злой,
Развратный старец, наслаждайся
В своих гаремах! Из-за моря
Уже встает звезда и вскоре
Не громом праведным, святым
Тебя сразит — ножом тупым
Тебя зарежут, как собаку,
Иль обухом убьют!

(II, 272).

Когда неопита Алкида отвели в Колизей и бросили на растерзание зверям, поэт, обращаясь к его матери, как и в поэме «Мария», призывает в ее лице и женскую половину человечества к активным действиям — к расправе над кесарем «Нероном-богом». Это свидетельствует о революционно-демократическом характере поэзии Шевченко.

В письме к Кухаренко Шевченко пишет: «Еще сочинял я тут... поэму «Неофиты», будто бы из римской истории» (V, 398). Именно — «будто бы».

А вот Драгоманов и по поводу «Неофитов» продолжает утверждать, что здесь «Шевченко стоит на почве христианства⁴³...» «Социалист» Драгоманов оказался большим защитником религии, чем националист П. Кулиш, идейный противник Шевченко и

⁴² Тарас Шевченко. Собрание сочинений в пяти томах, т. II. ОГИЗ, М., 1948, стр. 280—281.

⁴³ М. Драгоманов. Шевченко, українофіли і соціалізм, стр. 51.

его современник. Ведь и тот должен был признать в письме к Шевченко 20 января 1858 г., что «Неофиты» поэма не религиозного, а политического содержания.

Говоря о «боге», Шевченко использует иногда воспринятую по традиции от народа форму выражения, как поговорку, без всякого религиозного содержания. Замечательной иллюстрацией для понимания этого может служить такая поэма Шевченко, как «Сон». По существу своему это — острый политический памфлет против «самодержавия и православия», этих двух китов на которых держалась Россия крепостнического строя. Атеист Шевченко в этой поэме прямо заявляет: «нет на небе бога» (I, 317). И одновременно в этом же произведении воинствующего атеизма мы встречаем такие высказывания:

Пошлем думу прямо к богу;
Там, за облаками,
Спросим: долго ль кровопийцам
Пановать над нами?

(I, 320)

Ясно, что обращение к «богу» здесь есть не больше, как форма народного выражения, в которой нет никакого религиозного содержания.

И такой пример у Шевченко не единичен. Так, в стихотворении «Считаю в ссылке дни и ночи», написанном в 1850 г., подчеркивая тяжесть одиночества, поэт выражает явно атеистическое настроение: «Даже бога вокруг тебя нету!» И в то же время, мечтая вернуться из ссылки, чтобы погулять «на Днепром», как бы обращаясь к богу, поэт восклицает:

Дай дожить, дай посмотреть мне,
О боже мой милый...

(II, 217)

Ясно, что выражение «О боже мой милый» здесь не имеет религиозного смысла, а применяется в виде простой поговорки, принятой в народной разговорной речи.

В ряде случаев поэт говорит о боге в смысле судьбы, «доли», как это принято в народной речи:

Иль на то господня воля?
Иль такая ее доля?
Росла внаймах, век трудилась,
Сиротину полюбила

(II, 42),

— пишет Шевченко о крестьянской девушке в стихотворении «Платок». Аналогичное высказывание имеется в одном из самых ранних произведений Шевченко — «Порченная» (1837).

О том, что Шевченко — атеист и революционер, вынуждены иногда признать и такие оголтелые враги атеизма и революции, как церковники. Типичным в этом отношении является следующий эпизод, происходивший в Галиции. В 1903 г. в газете «Галичанин» (№ 239) была напечатана корреспонденция о состоявшемся в Тарнове съезде духовенства «Добромыльского деканата», который выразил протест против издания собрания сочинений Шевченко по тем мотивам, что некоторые стихотворения Шевченко являются антирелигиозными и безнравственными, а «люди злой воли» распространяют это издание среди простого народа. Поэтому, говорилось в заявлении съезда, «деятельность душепастьей сильно затрудняется». Съезд обратился к полиции с просьбой: подвергнуть «опале... издания Шевченко с нерелигиозными и безнравственными стихотворениями»⁴⁴.

Не менее характерен и другой случай, Киевская городская Дума, состоявшая из либерально настроенных гласных, 15 марта 1911 г. вынесла решение об изыскании средств на постановку в Киеве памятника Тарасу Шевченко в связи с пятидесятилетием со дня смерти поэта. Блюститель религиозной нравственности, помощник наместника Киево-Печерской лавры, архимандрит Антоний возмутился этим решением и направил Киевскому губернатору Трепову свой решительный протест. В нем он так писал о творчестве Шевченко: «проведены в тех сочинениях красноречиво и крайне дерзко злокозненные мысли и чувства; а именно: безбожие, кощунство, отрицание власти и закона, ненависть к церкви православной... царскому самодержавию... подстрекательство... к кровавой междуусобице и к многим другим революционным проявлениям»⁴⁵.

Таково мнение служителей церкви и защитников царя об идейном содержании творчества народного поэта.

Своеобразного применения некоторых традиционных библейских, евангельских выражений и образов, к сожалению, не смогли понять некоторые авторы статей о Шевченко. Так, Мариэтта Шагинян в своей работе «Тарас Шевченко» говорит о какой-то «религиозности»⁴⁶ Шевченко. Хотя эту религиозность она берет в кавычки и утверждает, что эта «религиозность» не вредила материализму Шевченко, что в поэзию Шевченко вошел как воинствующий антирелигиозник. Это вносит некоторую путаницу в понимание воззрений Шевченко.

В статье «Шевченко і організація Кирило-Методіївського товарищества» Бортников, говоря, правда, мимоходом об отношении Шевченко к религии, занимает неправильную позицию.

⁴⁴ «Киевская старина», 1903, февраль, стр. 87.

⁴⁵ «Наукові записки», кн. IV, Київ, 1939, стр. 156—157.

⁴⁶ См. М. Шагинян. Тарас Шевченко, стр. 112.

когда пытается такие слова, как «бог», «молитва» и тому подобные, встречающиеся в произведениях Шевченко толковать в религиозном смысле слова, как проявление «бессилия и отчаяния»⁴⁷. Хотя далее Бортников и говорит о том, что в общем борьба вела Шевченко к атеизму. Настроения «бессилия и отчаяния» чужды революционному демократизму Шевченко. Он твердо верил в светлое будущее и непреклонно боролся за него.

Украинские буржуазные националисты без зазрения совести прямо объявляют поэта человеком-христианином. Так, проф. К. Ф. Сумцов в статье «О мотивах поэзии Т. Г. Шевченко» писал: «Теплое религиозное чувство и страх Божий проникают весь «Кобзарь... Как человек весьма религиозный, Шевченко... постоянно выдвигает христианский принцип добра, в особенности прощение врагам»⁴⁸. Но лживость этого утверждения ясно видна из приведенного нами большого материала, свидетельствующего об атеизме Шевченко.

Украинский либерал Драгоманов в работе «Шевченко, українофіли і соціалізм» писал, что даже в 1845 г., когда Шевченко создал поэму «Кавказ», он, якобы, оставался «истинным христианином и даже православным». И это утверждается, не взирая на то, что Шевченко в этой поэме прямо выступает против христианской религии. Драгоманов явно замалчивает также то обстоятельство, что в поэме «Сон» («У всякого своя доля»), написанной еще раньше — в июле 1844 г., Шевченко прямо отрицает бога. Но Драгоманов вынужден все же признать, что и в этот период у поэта были «смелые покушения» на религию, «и даже безбожные слова и картины», но это, мол, не больше, как «только или выкрики досады горячего человека, или вольнодумное кощунство»⁴⁹.

В одном из писем к И. Франко в 80-х годах Драгоманов пишет, что Шевченко «скорее деист, чем христианин»⁵⁰, но не материалист. Так запутался Драгоманов в угоду церковникам и украинским буржуазным националистам.

Известный националист Евшан опубликовал статью «Релігія Шевченка». По его словам, Шевченко хотел дать людям «живого бога братолюбия и тихой голубиной кротости, какого носил в своем сердце»⁵¹. Так революционера, многократно призывавшего крестьян окропить волю «злую вражескою кровью» помещиков

⁴⁷ Т. Г. Шевченко. Збірник статей до 125-ліття з дня народження. Київ. Держ. Університет, 1939, стр. 282.

⁴⁸ «Киевская старина», 1898, (январь, февраль, март), стр. 221—222.

⁴⁹ См. М. Драгоманов. Шевченко, українофіли і соціалізм, стр. 48—52.

⁵⁰ М. Драгоманов. Листи до Ів. Франка. 1881—1886 г. Львів, 1906, стр. 189.

⁵¹ «Українська хата», 1910, № 4, стр. 254—250.

и царя, призывавшего «к топору», изображают смиренным христианином с голубиной кротостью.

То новое, передовое, что внес Шевченко в дело борьбы с религией — это отрицание бога, атеизм, в этом — главное, одна из важнейших сторон содержания его творчества. Остатки неизжитого прошлого, исторически обусловленная ограниченность взглядов Шевченко заключаются в том, что он заимствовал старые библейские, евангельские формы выражения, в которые, однако, вовсе не вкладывал обычного религиозного содержания.

Понятно, в нашу эпоху, когда богостроители и богоискатели, вроде Луначарского, пытались в слово «бог» вложить какой-то «комплекс идей», которые, якобы, «будят и организуют социальные чувства», то это, как со всей решительностью отметил Ленин в своих письмах к А. М. Горькому, есть наиболее тонкая, самая опасная проповедь реакционных идей, это есть не что иное, как попытка подкрасить, подсахарить, по выражению Ленина, идею клерикалов. Богостроительство и богоискательство означали переход от материализма и атеизма — к клерикализму, к реакционной поповщине.

Но ведь были и другие времена. «Было время в истории,— говорит Ленин,— когда, несмотря на такое происхождение и такое действительное значение идеи бога, борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы одной религиозной идеи против другой»⁵². Эта борьба имела прогрессивное значение.

У Шевченко еще более высокая форма борьбы крестьянской революционной демократии: он вовсе не проповедует никаких новых религиозных идей, он только использует религиозные формы выражений с целью антирелигиозной пропаганды.

Прямая пропаганда безбожия в условиях крепостничества, когда, по выражению Энгельса, «Чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей», могла бы отпугнуть эти массы. Поэтому выступления Шевченко, когда он нес в массы революционные идеи и одновременно развенчивал христианского бога, используя старую «религиозную одежду» для новых идей атеизма, следует признать, безусловно, прогрессивным явлением.

Из истории общественной мысли мы знаем много подобных примеров. «...Кромвель и английский народ,— писал Маркс,— воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета»⁵³. Виднейший французский утопист-социалист Сен-Симон называл свое учение «новым христианством». Голландский философ Спиноза в своей «Этике» природу называл «богом», прибегал к таким выражениям, как «божественная природа»⁵⁴. И это не ме-

⁵² В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 93.

⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, стр. 324.

⁵⁴ См. Спиноза. Этика. 1932, стр. 14, 15, 39, 140.

шает все же нам с полнейшим основанием считать его материалистом.

Для пропаганды атеизма Шевченко по традиции заимствовал от простого народа библейскую, евангельскую форму выражений.

Этим объясняется, также и то обстоятельство, что эпитафией к целому ряду своих произведений, таких, как «Сон» («У всякого своя доля»), «Еретик», «Подземелье», «Кавказ», «Неофиты», «Мария», Шевченко берет то или иное библейское или евангельское изречение. Характерно, что это относится как раз к его произведениям, политически наиболее острым и наиболее резким в антирелигиозном отношении.

В нашей литературе применение Шевченко названных эпитафий пытаются иногда объяснить тем, что Шевченко хотел ими замаскировать от царской цензуры подлинный смысл своих произведений. Такое толкование следует признать несостоятельным. Шевченко и не мог рассчитывать на опубликование в печати таких произведений, как «Сон», «Кавказ», «Неофиты», ввиду их весьма острого политического и атеистического содержания. Как видно из письма к М. С. Щепкину 17 января 1858 г., он и сам это прекрасно понимал.

Если в слова «правда» и «бог» Шевченко вкладывал одинаковое содержание, то, естественно, что он не называл свои взгляды атеистическими. Из записи в дневнике за 27 июня 1857 г. видно, что Шевченко рвется из ссылки в любимый им Петербург, чтобы увидеть Академию художеств, Эрмитаж, услышать оперу. Мечтая об этом, поэт пишет: «...как невыразимо сладко веровать в это прекрасное будущее. Я был бы равнодушный, холодный атеист, если бы не верил в этого прекрасного бога, в эту очаровательную надежду» (V, 33). В данном случае под словом «атеист» Шевченко понимает, как это было принято в буржуазной литературе, человека бездушного, без возвышенных целей и идеалов, без любви к прекрасному, без веры в счастливое будущее, словом, грубого материалиста в дурном смысле этого слова. Такому «атеисту» Шевченко, естественно, противопоставляет веру в «бога», а «бог» у него выступает символом любви к человеку, символом веры и надежды на счастливое будущее для трудового народа. Следовательно, в приведенных выше словах Шевченко нет осуждения того, что мы понимаем под атеизмом.

В некоторых случаях Шевченко как бы положительно отзывался о Христе. Так, в повести «Прогулка..» поэт, например, пишет, что если бы красота имела благотворное влияние хотя на половину человечества, «...тогда бы мы быстро приблизились к совершенству и, наконец, олицетворили бы собой божественную заповедь нашего божественного учителя» (IV, 312). Но в этих словах также не содержится религиозного смысла. У Шевченко, как

показано выше, кроме прямого отрицания бога вообще, в поэме «Мария» имеется также прямое отрицание божественного происхождения Иисуса Христа. Словами об исполнении «заповеди» Шевченко снова, применяя традиционное библейское выражение, дает, собственно говоря, характеристику будущему общественному строю, в котором не останется социальной несправедливости, врагов, а все люди будут как братья, наступит равенство.

В поэме «Неофиты» Шевченко также отмечает, что апостол Петр проповедывал «братолюбие» (II, 264). В поэме «Мария» он вновь говорит, что сын Марии, т. е. Христос, учил «людей любить, за правду стать» (II, 313).

Вот эта евангельская проповедь любви к людям и привлекала внимание Шевченко. Именно поэтому у него встречаются положительные высказывания о Христе, как о «человеколюбце», о его «заповеди» человеколюбия.

Никакого сомнения не может быть в том, что не божественность, не мистика интересовали Шевченко в христианстве, не поповский обман трудящихся обещанием блаженной жизни «на том свете», а социальная сторона учения, проповедь «грядущего избавления» «от рабства и нищеты», требование «братолюбия». Именно это отвечало социальным идеалам Шевченко.

В некоторых письмах Шевченко к его друзьям и знакомым также иногда можно видеть религиозную форму выражения. Сам Шевченко это объясняет тем, что ему приходилось прибегать к «ложной вежливости» выражаться в общепринятом духе. Это особенно относится к письмам Шевченко к религиозно настроенной графине А. И. Толстой, жене вице-президента Академии художеств, которая принимала активное участие в попытках освободить Шевченко из ссылки, или хотя бы облегчить его положение. То же следует сказать о его письмах к мистически настроенной княжне Варваре Репниной.

На этих письмах поэта тем более надо остановиться, что, спекулируя на них, украинские буржуазные националисты и их американские хозяева пытаются сделать вывод о религиозности Шевченко. Так делает, например, профессор Колумбийского университета США К. Меннинг в своей вступительной статье к сборнику переведенных им стихотворений Шевченко. Меннинг утверждает, что в письме к Репниной Шевченко разделял «христианскую философию», дававшую ему утешение в его безнадежном положении в ссылке⁵⁵.

Сам Шевченко, как это видно из его слов, иначе рассматривал употреблявшиеся им в письмах религиозные выражения. Так, будучи проездом из ссылки в Нижнем Новгороде, Шевчен-

⁵⁵ Taras Shevchenko. The Poet of Ukraine. Selected poems. Translated with an Introduction by Clarence A. Manning. 1945, стр. 56.

ко зашел в гости к известному языковеду В. И. Далю. В беседе В. Даль предложил Шевченко прочитать Апокалипсис в его — В. И. Даля — переводе и с его толкованиями. Шевченко считал Апокалипсис «боговдохновенной галиматьей» и потому в дневнике отметил, что автор Апокалипсиса написал эту книгу с целью обмануть своих «приставов», державших его в тюрьме, «...чтобы они (пристава) подумали, что старик рехнулся, порет дичь и скорее освободили бы его из заточения». «С какою же целью такой умный человек, как Владимир Иванович, — пишет Шевченко о В. И. Дале, — переводил и толковал эту аллегорическую чепуху? Не понимаю... Не думает ли он открыть в Нижнем кафедру теологии и сделать меня своим неофитом? Едва ли. Какое же мнение я ему скажу на его безобразное творение? Приходится врать, и из-за чего? Так, просто из вежливости. Какая ложная вежливость» (V, 175, 176).

Но и в среде людей, настроенных подобно В. И. Далю, Шевченко не всегда прибегал к «ложной вежливости».

Шевченко не был марксистом и, естественно, он не мог до конца последовательно решить вопросы, связанные с религией. Так, резко критикуя в дневнике идеализм Либельта, Шевченко вдруг соглашается с ним, «что религия и древних и новых народов всегда была источником и двигателем изящных искусств» (V, 66).

В данном случае Шевченко, конечно, не прав. Религия и искусство являются формами общественного сознания и определяются в конечном счете общественными материальными условиями бытия. Религия действительно влияла (но не больше) на искусство, в особенности в условиях феодального общества, когда не только философия была, по выражению К. Маркса, «служанкой религии», ею же было и искусство. Назвав религию «двигателем» искусства, Шевченко преувеличил это влияние, он дал идеалистическое толкование этому вопросу.

Восхищаясь стихотворением Лермонтова «Молитва» («Выхожу один я на дорогу»), Шевченко записывает в дневнике, что он прочитал ее «несколько раз, как лучшую молитву создателю этой невыразимой гармонии в своем бесконечном мироздании» (V, 92). В другом месте можно прочитать и такие слова: «Без разумного понимания красоты человеку не увидеть всемогущего бога в мелком листочке малейшего растения» (V, 354). Если взять эти высказывания изолированно, то может создаться впечатление о некотором налете пантеизма в мировоззрении Шевченко (бог растворен в природе, во всем мире)⁵⁶.

⁵⁶ Ф. Энгельс учил, что пантеизм вообще является своеобразной формой перехода к атеизму (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, стр. 137—138; т. II, стр. 345).

Но если исходить из общего содержания философских взглядов Шевченко, если учесть все своеобразие использования старой традиционной формы выражений поэтом-мыслителем, то и эти высказывания никак не могут поколебать главного положения: Шевченко убежденный атеист.

Атеизм Шевченко так же, как и русских революционных демократов, не является, конечно, атеизмом пролетарским, научно обоснованным. Поэт не понимал до конца социальной сущности религии, ее связи с экономическим базисом, ее классовых корней в антагонистическом обществе и условий ее гибели.

В работах о Шевченко, вышедших в нашей стране, если и говорится о философских, атеистических воззрениях Шевченко, то делается это в весьма общих выражениях, своеобразие взглядов поэта-мыслителя не раскрывается. В некоторых философских работах имеются также попытки подтянуть мировоззрение Шевченко под диалектический материализм, но при этом вовсе умалчивается о том, что Шевченко нигде ни одним словом о диалектике не говорил. В этом плане некоторые авторы пытаются также подвести под такое понимание мировоззрения Шевченко и соответствующую социальную базу. Так, в недавно вышедшей в Киеве брошюре утверждается, что Шевченко «верил» «в великое будущее пролетариата» и «связывал» «веру в пролетариат» «с революционным сломом старых общественных отношений»⁵⁷. По общему смыслу авторы имеют в виду пролетарскую революцию.

Шевченко не называл свои философские взгляды материализмом, но мы имеем полное основание считать его и материалистом и атеистом, осмысленно борющимся против идеализма и религии. Людвиг Фейербах, как известно, также не называл свою философию материализмом. В его философских взглядах были некоторые религиозные наслоения. Он даже пытался создать какую-то новую религию, религию без бога. И однако классики марксизма считают его материалистом. Разумеется, исторические условия формирования взглядов Фейербаха и Шевченко различны; понятно, что этот пример не является доказательством, но он, нам думается, все же помогает выяснению истины.

Ограниченности и недостатки материализма и атеизма Шевченко, конечно, не могут заслонить собою его величия как поэта-мыслителя, но они, несомненно, требуют своего исторического объяснения. Это тем более необходимо потому, что враги материализма и революции в своих фальсификаторских «изысканиях» паразитируют на этих ограниченностях.

---

⁵⁷ Д. Ф. Красицкий, Б. О. Лобовик, Т. Г. Шевченко — борец против религии. Київ, 1956, стр. 25.

При правильном, научном методе исследования истории общественной мысли нельзя фиксировать главное внимание на том, чего не смог дать тот или иной мыслитель. Задача заключается в том, чтобы выяснить, что *нового* он дал в сравнении со своими предшественниками, в условиях современной ему общественной жизни. Так учил В. И. Ленин.

В 40-х годах XIX столетия, когда в России господствовала мистика, религия, Шевченко вместе с Герценом и Белинским, а затем позднее — с Чернышевским, Добролюбовым и другими революционными демократами вел борьбу против православия и религии вообще, этой идеологической опоры крепостничества и царизма.

Разоблачение антинародного союза церкви и самодержавия, антицерковная традиция в России в ее сочетании с идеей революции ведет свое начало от великого русского революционера А. Н. Радищева. Его продолжатели декабристы-революционеры, в частности, Пестель, Якушкин, братья Борисовы и другие были материалистами и атеистами. Не всегда можно установить непосредственное влияние предшественников. Но во всяком случае можно сказать, что объективно Шевченко продолжал их традиции.

Будучи революционным демократом, Шевченко и в вопросе об отношении к религии поднялся выше своих предшественников — борцов первого поколения в великой освободительной борьбе. Дело в том, что декабристы, как указывал Ленин, были очень далеки от народа. Готовя свержение царизма и преобразование общественного строя, они делали ставку главным образом не на народ, а на войска, подчиненные революционно настроенным офицерам-дворянам.

Эта оторванность декабристов от народа наложила свой отпечаток и на их атеистические воззрения.

Пестель, например, будучи атеистом, не считал возможным распространять атеистические взгляды в простом народе. В программном документе декабристов о будущем устройстве России — «Русской Правде» он оставляет место для религии, подчиняя ее интересам управления государством. Церковнослужителей он ставит в положение чиновников государственной власти. Эта двойственность Пестеля в отношении к религии, думается, нашла также свое выражение и в одном из высказываний Пестеля, как это видно из «Дневника» Пушкина. «Сердцем я — материалист, но разум мой отказывается следовать за ним»⁵⁸, — сказал Пестель. В этом сказалась ограниченность декабристов как дворянских революционеров.

---

⁵⁸ А. С. Пушкин. Сочинения, т. VIII, 1949, стр. 17.

Шевченко, как было уже показано, нес атеизм в массы вместе с идеей революции. Подрыв религии, этого идейного оправдания и прикрытия царизма и крепостничества, естественно, был одной из форм идейной подготовки революционности в народе. В этом одно из важных положительных отличий атеизма Шевченко от воззрений предшествующего поколения борцов-революционеров.

Одна из замечательных исторических заслуг Шевченко заключается в том, что он, вместе с русскими революционными демократами, внес свой вклад в дело создания той солидной материалистической традиции в истории философской мысли России, о которой говорил Ленин и которая имела большое значение в дальнейшем, так как была одним из условий, благоприятствующих распространению диалектического материализма — теоретической основы идеологии революционного пролетариата.

И поныне антирелигиозная поэзия Шевченко не утратила своего воспитательного значения. В Советском Союзе господствует научная идеология — марксизм-ленинизм; социалистические труженники города и деревни в своем громадном, подавляющем большинстве окончательно порвали с религиозными предрассудками. Но, как учит марксизм-ленинизм, сознание всех людей не изменяется тотчас же и механически вслед за изменением общественных условий материального бытия. Пережитки старой идеологии эксплуататорского строя, в том числе и религиозные, в некоторой мере еще сохраняются в сознании отсталых слоев населения. Они поддерживаются и питаются отчасти господствующей буржуазной идеологией стран капитализма, так или иначе влияющей на общественное сознание в нашей стране. Атеистическая поэзия Шевченко, сыгравшая свою исторически прогрессивную роль в борьбе против православия, как идейного оплота самодержавия, и сегодня принимается нами на вооружение в борьбе против некоторых пережитков религиозных предрассудков, в борьбе за атеистическое воспитание труженников социалистического общества.

3

В противоположность господствовавшей феодально-христианской морали Шевченко обосновывал и пропандировал атеистическую, революционно-демократическую мораль. Он не писал специальных работ по этике, но на основании всего его творчества можно составить довольно ясное представление о его этических воззрениях, можно проследить, как складывалась и развивалась в условиях феодально-крепостнического строя новая мораль подымавшегося к социальной борьбе крестьянства.

Враги революционного демократизма, в особенности украинские буржуазные националисты, успели оболгать Шевченко и в вопросах этики. Они приписывают ему феодально-христианскую

мораль с ее принципами смирения, покорности, незлобия к врагам и всепрощения им. Например, «народовец» Е. Огоновский, в своей вступительной статье ко львовскому изданию «Кобзаря», изображает Шевченко смиренным христианином. Иногда этические взгляды Шевченко изображаются в каком-то космополитическом духе вселюдской, внеклассовой морали. Так, в сборнике памяти Шевченко, изданом украинскими буржуазными националистами под редакцией М. Грушевского, Н. Сумцов в статье под названием «Гуманизм Шевченко» писал: «Искренняя любовь обнимает весь божий мир, всех людей, все славянство, Украину, народ, детей, девушек, обесчещенных женщин». «Он простил своих притеснителей и ярко выразил, что прощение должно лежать в основе добра»⁵⁹.

Но это явная фальсификация. Крестьянский революционер, непримиримый враг крепостничества и царизма не мог принять и не принял вселюдскую мораль христианского смирения, кротости и всепрощения врагам. Христианская мораль отражала интересы класса помещиков, оправдывала деспотизм царя, как «помазанника божия».

Разоблачая лицемерный характер христианской морали «братолюбия», проповедуемой церковью, поэт в поэме «Кавказ» показывает, что под именем религии помещики скрывают свои шкурные интересы. Он пишет:

По апостольским заветам
Любите вы брата,
Суесловы, лицемеры...
Возлюбили вы не душу,—
Шкуре братней рады.
И дерете по закону...

Здесь же Шевченко пишет, что волею императоров и князей на войне льется кровь, грабится чужое добро и все это лицемерно прикрывается «неутомимыми поклонами» в храмах перед иконами. Такова сущность христианской морали.

Согласно христианской этике, ее нормы признаются чем-то постоянным, нерушимым, данным свыше — самим «богом». Шевченко же признавал, что принципы морали порождаются тем или иным общественным строем, а потому они не могут быть неизменными, раз навсегда данными. В повести «Прогулка...», например, Шевченко отрицает врожденный характер страстей. «Врожденных таких отвратительных способностей я не признаю... — пишет он. — У нас говорят про пьяницу, вора и тому подобного художника, что он, бедненький, уж с этим и родился. Пренаивное понятие!

⁵⁹ «Збірник памяти Тараса Шевченка» (1814—1914). Київ, 1915, стр. 24, 25.

И если бы спросить и у знаменитого череповеда Лафатера, то и он, положив руку на сердце, сказал бы:— «Пренаивное понятие!» (IV, 267).

Так рассуждал идеолог революционного крестьянства почти сто лет тому назад, а идеологи буржуазии эпохи гниющего капитализма и сегодня с «ученым» видом продолжают «разрабатывать» и пропагандировать «расовую теорию» — прямую наследницу «череповедения» Лафатера.

В русских повестях Шевченко показал нравственный маразм и все духовное убожество и культурную нищету помещиков дворян-офицеров, этой «привилегированной касты» бездельников, расточителей, феодалов-собачников, пьяниц, картежников, развратников. Причина этого маразма — в общественном строе, в той конкретной обстановке, в которой живут и воспитываются люди. Так, страсть к картежной игре, говорит Шевченко, порождена теми общественными условиями, в которых находится человек, бытом паразитирующего класса помещиков-крепостников, она выросла «из болота бездействия и из тины нравственной пустоты».

В повести «Близнецы» Шевченко показал бездельника, мота, картежника и пьяницу Зосима, который учился в кадетском корпусе, а затем находился в кругу офицеров. Офицерская среда, говорит Шевченко, — это «омут», «нравственное безобразие» (V, 21). Когда Шевченко говорил: «Проклятие вам, человекоубийцы — кадетские корпуса!» (V, 156), то он понимал и политическую сторону воспитания: царизм нуждался в нравственно растленными кадрах, готовых на все, а значит — и на кровавую расправу с «неспокойным» народом.

Но в результате изменения среды, говорит Шевченко, возможно изменение нравственных черт человека. В повести «Прогулка...» он рассказывает о том, как помещик Курнатовский под большим влиянием нравственно очень сильных личностей — своей бывшей крепостной девушки, на которой он женился, ее прекрасного брата и их друзей существенно изменился: из бездельника, распутного пьяницы и картежника он становится деловым и культурным человеком, «из гусара делается человеком». Отсюда Шевченко делает обобщающий вывод: «Как обстановка изменяет человека!» (IV, 391, 392).

Однако было бы большим заблуждением полагать, будто Шевченко считает, что таким путем можно перевоспитать все сословие помещиков и превратить их в честных тружеников. Помещик все же остался помещиком. Уничтожение феодально-крепостнического строя, возможно, по мнению Шевченко, только путем революционных преобразований. Застарелые болезни, говорил он, «если и излечиваются, то только героическими средствами» (V, 35), т. е. путем революционного переворота.

Из многих произведений Шевченко видно, что он прекрасно понимал противоположность между нравственными воззрениями господствующего сословия помещиков-крепостников и эксплуатируемого ими крестьянства. В одном из стихотворений он прямо заявлял, что нельзя «правду разделять с врагом» (II, 344).

В русских повестях Шевченко показывает, к чему сводится мораль помещиков. Для них крестьянин — раб, лишенный всякого человеческого достоинства; по отношению к нему не существует никаких нравственных норм. На крестьянине лежит одна обязанность — безмерно работать на помещика. Характеризуя отношение помещиков к крестьянам, Шевченко в поэме «Марина» говорит о «собачьих обычаях» и показывает, как, скрываясь за классовым характером законов, написанных царями в интересах крепостников, помещик зверски относится к крестьянам.

Носителя высокой нравственности Шевченко видел в крестьянстве. «О мои милые, непорочные земляки мои! — писал он в повести «Прогулка...». — Если бы и материальным добром вы были так богаты, как нравственной сердечной прелестью, вы были бы счастливейший народ в мире!» (V, 321). Даже в поэме «Гайдамаки», которых реакционная пресса называет «кровожадными», в лице восставших крестьян Шевченко видит «добрых» людей. Он очень сожалеет, что произошло такое ужасное, кровавое событие, но он не винит в нем восставших крестьян, он признает их действия обусловленными самой жизнью, сложившейся обстановкой того времени. Не гайдамаки виноваты в том, что они проливали кровь, их довели до этого польские магнаты, шляхта, ксендзы, иезуиты.

Борьбу гайдамаков с польскими помещиками, их решительную расправу с врагами Шевченко называет «святым делом». Народ, на крови которого помещики-крепостники строили свое благополучие, свою роскошную жизнь, вправе ответить кровавой расправой над врагами:

...И рабские руки
Развязались — и кровь за кровь,
И муки за муки!⁶⁰

Если реакционная пресса, обвиняла гайдамаков в «кровожадности», то Шевченко это вовсе не ставит в вину повстанцам. Исходя из анализа конкретных условий жизни крепостного крестьянства, из истории освободительной борьбы угнетенных, мыслитель объясняет происхождение такой этики и доказывает, что исторически она закономерна.

В связи с этим следует вспомнить один эпизод из истории французской революции XVIII века. Когда реакционеры-

⁶⁰ Т. Шевченко. Собрание сочинений в пяти томах, т. I, 1949, стр. 157.

аристократы бросали упреки левому революционному деятелю Марату в кровожадности, один французский писатель очень остроумно и правдиво ответил на это: у Марата «очень нежное сердце». Эту кажущуюся парадоксальность прекрасно понял Белинский. В письме к В. П. Боткину он говорил о себе: «Я начинаю любить человечество маратовски». В другом письме он разъяснил, что это значит, каким путем надо идти в борьбе за счастливое будущее человечества. «Но смешно и думать, что это может сделаться само собой, временем, без насильственных переворотов, без крови...», — писал Белинский. — Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов»⁶¹.

Беззаветная любовь к миллионам народных масс, к униженным, страдающим, гибнущим, и сознание исторической необходимости ради счастья их пренебречь интересами небольшой кучки богачей-угнетателей и не дрогнуть перед пролитием крови, — в этом проявляется подлинный гуманизм революционных демократов — и Белинского, и Шевченко, в противоположность абстрактному буржуазному гуманизму, толкующему о любви вообще к человеку вообще, за которой скрываются: кабала, угнетение трудящихся и гибель их в результате нужды и нищеты. Вот почему в ответ на обвинение помещичьими писаками Тараса Шевченко в «кровожадности», имеется полнейшее основание сказать: у автора «Гайдамаков» было очень нежное сердце.

Гуманизм революционного демократа это — беззаветная любовь к человеку труда и ненависть к эксплуататору, к угнетателю.

Следовательно, мораль революционного крестьянства прямо противоположна церковно-христианской морали — смирения, покорности и всепрощения врагам, отвечающей интересам помещиков-крепостников. Так, в процессе освободительной борьбы крестьянства складывалась новая этика, этика революционной борьбы.

На прямо противоположной позиции в области этики стоял идейный противник Шевченко националист Костомаров. Последовательно проводя в «Книгах бытия» (1846) религиозный принцип, ссылаясь на Христа, он выступал против «бунтов и несогласий». В 60-х годах XIX в., когда классовая борьба обострилась, Костомаров ополчился против «нигилистов», против «всякого модного либерализма», против революционных демократов. Он считал, что все это является результатом материализма, «отвержением нравственного закона, вложенного в сердце человека высочайшим вечным разумом, управляющим по неведомым нам путям всею судьбою истории человечества»⁶². «Высочай-

⁶¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. XII. М., 1956, стр. 52, 71.

⁶² Автобиография Н. И. Костомарова. М., 1922, стр. 300, 310.

ший, вечный разум», по Костомарову, это тот же бог, стоящий на вершине феодальной идеологии, всегда «охраняющий» помещиков-крепостников и их царя.

К вопросам этики революционной борьбы Шевченко возвращается неоднократно в повести «Варнак» и в одноименной поэме. Этику он прямо не выводит из социально-экономического положения класса, но такой вывод подсказывается всем содержанием повести. Повстанцы с оружием в руках занимаются «с товариществом честным лыцарским промыслом, то есть разбоем». Не случайно понятие «честного лыцарского промысла» и «разбоя» Шевченко соединяет словом «то есть». Этим он подчеркивает, что в моральной оценке одного и того же действия существуют две различные, классово-противоположные точки зрения. Помещик грабит беззащитного крепостного крестьянина в своих личных, корыстных интересах, ради роскоши, пьянства, прожигательства жизни; крестьянин-мститель отбирает у злодея-помещика награбленное, причем не ради только своих личных интересов, ибо добытое у богачей он раздает беднякам-крестьянам и таким образом возвращает добро по принадлежности, т. е. крестьянам. Деятельность отряда находила одобрение у крестьянской массы. «Рыцарскими подвигами своими,—говорил атаман отряда,—я снискал благорасположение крестьян... (III, 179, 180). Повстанческая деятельность в сознании крестьянства поднималась, таким образом, до степени благородного рыцарского подвига, до степени героизма.

И здесь так же, как в поэме «Гайдамаки», Шевченко говорит о том, что ненависть крепостного крестьянства, восставшего против злодейства помещиков, дошла до крайней степени. Характерно, эта мораль, оправдывающая расправу над помещиком, свойственна не только повстанцам из отряда, но и крестьянству вообще. Шевченко продемонстрировал это на следующем эпизоде. Когда повстанцы жгли панские палаты и уничтожали помещиков, никто из собравшихся крестьян «пальцем не пошевелил», чтобы помочь помещикам. «Грубые, жестокосердые люди»,—говорит писатель в повести «Варнак», но это жестокосердие вовсе не является прирожденным свойством «мужицкой» природы, оно порождено социальной обстановкой. «А кто их огрубил? Кто ожесточил?—ставит вопрос мыслитель и отвечает: Вы сами, жестокие несытые (ненасытные.—М. Н.) паны!» (III, 188).

В ряде своих произведений («Слепая», «Марина») Шевченко показывает, как, благодаря условиям общественной жизни, в сознании женщин «покрыток», ставших жертвой издевательства помещиков, вместе с потерей веры в бога, утрачивают свое значение в сознании человека и такие христианские принципы морали как смирение, покорность и всепрощение врагам.

В результате «покрытки» становятся на путь мщения своим мучителям, они убивают помещиков и сжигают их хоромы.

В поэме «Марина», как и в повести «Варнак», мораль мщения врагу имеет массовый характер. Такое же положение Шевченко изображает и в поэме «Княжна».

Это — революционно-демократическая мораль, содержащая в себе черты морали мести, имеет несомненно прогрессивное значение, как одна из форм сознания подымавшегося на революционную борьбу класса крестьянства.

Историческая заслуга Тараса Шевченко заключается в том, что он первый среди украинских интеллигентов подметил происходящие в передовой части крестьянства процессы формирования принципов новой морали и отобразил их в своем творчестве. Тем самым он способствовал укреплению и развитию морали революционного крестьянства, необходимой ему в классовой борьбе против ига помещиков-крепостников.

Как было уже сказано, украинские буржуазные националисты изображают Шевченко смиренным христианином, проповедником любви к врагам и всепрощения. Так, украинский националист С. Ефремов утверждает, что у Шевченко имеется решительный «протест против всякой кривды», что ради «наименьшего брата» Шевченко даже «поднимает бунт против социального строя, против государственных форм, против религиозных учреждений — против самого бога...» Но оказывается, «правда-мать» появляется у Шевченко, уверяет Ефремов, только «во время наибольшего возмущения», она для поэта не характерна. «...Большой частью не с мезтью, по Ефремову, а с милосердием соединяется правда у Шевченко, не грозной карательницей с мечом в руке является, а мирным существом, с масляничной веткой всепрощения». У поэта «чистое, незлобивое сердце». Главное для него то, что он умел «прощать», — подчеркивает Ефремов⁶³.

Чтобы доказать, что мораль Шевченко, — это мораль христианская, Ефремов обходит все то, что ему невыгодно, и ссылается всего только на три места в произведениях Шевченко: «Меж скалами, подобно вору», «Ведьма», «Неофиты». В первом из них рассказывается о том, как жена казака сблизилась с паном и довела до того, что мужа ее, бедняка казака, насильно отдали в солдаты. И вот, когда под старость он, искалеченный, вернулся домой и увидел, что жена его тоже нищенствует, он ее простил.

Шевченко заканчивает стихотворение такой моралью: «Так прощать учитесь, люди».

---

⁶³ Сергей Ефремов. История украинского письменства. Київ, 1910, стр. 250, 255, 265.

Не трудно понять, что этот вывод касается лишь взаимоотношений мужа и жены. Вопрос о мести пану не мог и возникнуть, так как пана к этому времени уже не было в живых. Следовательно, нет никаких оснований толковать это прощение в широком социально-политическом плане, а тем более относить его и к врагам бедняков, к классовым угнетателям.

Что касается прощения злодея пана «ведьмой» в одноименной повести, то Шевченко здесь лишь реалистически показал неустойчивость морали у пострадавшей бедной женщины в условиях господства христианской морали всепрощения.

Не прав также Ефремов и в отношении поэмы «Неофиты». Здесь он выхватывает несколько последних строк из пятой главы, где речь идет о том, что «вокруг смертного одра» Нерона, этого «людоеда», «собаки», «деспота скаженного» (украинский текст) соберутся «мученики» «в оковах», «дети святой свободы» и осудят его. Но как осудят? — Они, как христиане, «простят» ему. Здесь Шевченко отобразил мораль христианства, а не свою точку зрения. Но Ефремов скрывает от читателя, во-первых, что неопит Алкид поет «псалом», в котором речь идет о борьбе за правое дело при помощи острых мечей, и, во-вторых, основную мысль самого Шевченко, изложенную им в качестве вывода в конце XI главы, о том, что Нерона убьют и что всходит из-за моря «звезда» освобождения. Все это уж очень далеко от христианского смирения и всепрощения.

Традиции революционной морали идут от русских революционеров второй половины XVIII в., наиболее ярким представителем которых является А. Н. Радищев. Революционная мораль ярче и глубже выявилась у революционных демократов, идеологов крестьянства. Если первое «поколение» борцов было еще далеким от народа, то второе уже более приблизилось к нему. Это в частности видно в творчестве Шевченко. Носителями новой морали революционного действия поэт считает самые широкие народные массы.

Но в то же время эта мораль имеет исторически обусловленный характер. Борьба крестьян направлена против того, что обречено на гибель, но она лишена ясной перспективы, борцы не видят того нового, что должно заменить старое, идеалы их будущего им еще неясны.

Крестьянство самостоятельно, без рабочего класса, не в состоянии правильно понять идеалы будущего. Оно и не может без руководства рабочего класса осуществить новый общественный строй, где не будет эксплуатации и гнета. Правда, на более высоком этапе развития освободительной борьбы сознание передовых крестьянских масс, в лице их лучших идеологов, может подняться до утопического социализма, что, скажем, и нашло свое определенное и более яркое выражение в мировоззрении

Н. Чернышевского. Общественно-политические воззрения Шевченко развивались в этом же направлении.

В русских повестях Шевченко клеймит позором праздную, роскошную, распутную жизнь растленного сословия помещиков и восхваляет честный труд простых людей, их бескорыстие, трудолюбие и скромную жизнь. Счастье, по его мнению — в труде, но не на пана, этот труд — проклятье, а в труде на самого себя, на всех тружеников. «Человек трудолюбивый, по-моему, самый счастливый человек на свете...», — восклицает поэт. — Завидую и всегда буду завидовать тебе, счастливый благородный труженик!» (III, 387).

О бескорыстии простого человека писатель говорит и в повести «Прогулка...». Когда герою обороны Севастополя матросу Обеременко в награду за увечье предложили обратиться с любой просьбой к Комитету раненых, он отказался от денег и просил, чтобы освободили его сестру из крепостной неволи.

В очень теплых тонах Шевченко пишет в поэме «Солдатов колодец» о крестьянине Максиме. Этот «работающий» человек выкопал колодец для общего пользования. Люди добрым словом вспоминают Максима.

Счастье — в труде, но этот труд должен быть свободным трудом; там, где крепостная зависимость, не может быть счастья. И этот «проклятый вопрос» крепостного права, говорит Шевченко в повести «Музыкант», не дает ему возможности испытывать счастье. Роскошный, многолюдный бал у богатейшего помещика за счет труда нищих, оборванных крестьян Шевченко называет «каким-то нечеловеческим весельем».

Не завидуй богатому:
Богатый не знает
Ни любви, ни уваженья,—
Ох их покупает

(I, 337)

Там, где богатство, нажитое эксплуатацией простого народа, там нет ни искренней дружбы, ни истинной любви, там все измеряется на деньги, подчиняется корыстному расчету.

Если ты с деньгами, говорит Шевченко в повести «Несчастный», то на тебя «будут смотреть, как на бога, и молиться и кланяться тебе, как самому щедрому богу» (III, 338). Деньги — вот бог.

В повести «Художник» Шевченко рассказывает, что, когда художник Венецианов завел беседу с помещиком, владельцем крепостного талантливого художника, с целью выкупить его из крепостной неволи, и стал намекать ему на необходимость содействовать просвещению, то помещик этот попросту заявил: «Какая тут филантропия! Деньги и больше ничего!» Таков нравственный облик помещиков-крепостников.

В «Подражании 11 псалму» Шевченко так вскрывает это лицемерие крепостнического общества:

Друг другу тайно цепь куют
В потемках сердце, а словами,
Медоточивыми устами
Целуются и часа ждут,
Не скоро ль брата под холстиной
От них на кладбище свезут?...

Настоящее счастье — у простых людей, у тружеников; оно там, где человек свободен и независим и руководствуется не корыстными соображениями, а своими симпатиями, желаниями, стремлениями.

Назар Стодоля в драме того же названия так беседует со своей возлюбленной Галей, которую отец, против ее воли, намеревается просватать за чигиринского полковника. Назар — казак гордый, независимый по характеру, свободолюбивый человек. «Я тот, — говорит он о себе, — кто и самому гетману не позволю над собой смеяться!...» (III, 25). Он так представляет себе счастье: «Мы поедем туда, где нет и не будет ни полковника, ни твоего отца, где одна только воля. Одна воля да счастье...» (III, 55—56). Действие происходит в XVI в. в казачьей слободе. Мечты о воле в тех условиях связывались с уходом в Запорожскую Сечь, иной перспективы крестьянство тогда еще не видело. Счастье без воли невысказано. Таков принцип крестьянской морали о счастье, пропагандируемый Тарасом Шевченко, Целеустремленность его направлена против крепостничества.

В противоположность грубейшему эгоизму «барских» сынков Шевченко показывает благородство простых людей, их героические, самоотверженные поступки. В стихотворении «Если бы тебе досталась» поэт рассказывает, как крестьянский парень, не побоявшись угрожающей ему судебной расправы, приколол вилами панича, пытавшегося изнасиловать крестьянскую девушку. Через некоторое время эта девушка ехала как невеста в свадебной процессии. Увидев своего спасителя закованным в кандалы, она так была тронута, что бросила все и пошла вместе с ним в Сибирь.

Шевченко клеймит позором пороки класса помещиков: продажность, лицемерие, зависть, пошлость.

Правду Шевченко понимает как правду народную, отвечающую стремлениям крестьянства. Правдивость, честность до конца в служении народу и в личных отношениях между друзьями, — так решается вопрос. «Хлеб — соль ешь, а правду режь, — говорит пословица, и пословица говорит благородно, — пишет он в повести «Прогулка...» — Если бы мы, не только сочинители, но

вообще люди честные, не смотрели ни на родство, ни на покровительство, а указывали пальцем прямо, благородно на шута — родственника и на грабителя-покровителя, то эти твари по крайней мере днем бы не грабили и не паясничали» (IV, 269).

В каждом человеке Тараса Шевченко интересовали способности, одаренность, общественная полезность. Так, очень высоко ценя знаменитого русского актера М. С. Щепкина как актера, Шевченко писал о нем в дневнике: «Но ярче и лучезарнее великого артиста стоит великий человек...» (IV, 179).

Говоря о безнравственности дворян-офицеров, поэт нередко отмечает, что они потеряли всякое «человеческое достоинство». «...Он только гусар, но никак не человек», — говорит Шевченко об одном помещике-офицере (V, 161).

В условиях крепостничества, где людей разделяют на господ и крепостных, этот подход, когда в личности видят прежде всего человека, является новым этапом, свидетельствующим о гуманизме, классовой, политической основой которого у Шевченко является революционный демократизм.

Гуманизм Шевченко так же, как и русских революционных демократов, принципиально отличается от гуманизма эпохи так называемого Возрождения в Западной Европе.

Борьба революционных демократов за счастье человека, как мы уже отмечали, связана не с реформами, а с революционными преобразованиями. Человек, говорил Шевченко, рождается в буре революции.

Шевченко разоблачает растленную мораль крепостнического общества и в области семейных отношений. В помещицкой среде нет настоящих чистых отношений между мужчиной и женщиной. Пан сотник Хома Кичатый в драме Шевченко «Назар Стодоля» говорит: «Женись не на черных бровях, не на карих очах, а на хуторах да мельницах — вот тогда и будешь человек, а не дурень». (III, 17). «Чтобы я свою единственную дочь отдала за хуторянина, за гречкосия! Нет, лучше я ее в гроб положу...» — говорит помещица, мать единственной дочери. В женихи дочери ей обязательно нужен князь или генерал. «Добула, выторговала, купила себе князя, продавши свою дочь», — пишет Шевченко в повести «Княгиня».

Семейная жизнь в помещицкой среде построена, по мнению Шевченко, на лживой основе — на корыстном расчете, на интересе сословного положения. Вся грязь семейных отношений там скрывается за внешней завесой «приличия». «...Приличие, да приличие, — говорит Шевченко, — и вся жизнь основана на взаимном обмане, то есть приличии» (III, 377).

Шевченко пропагандирует мораль трудовых масс крестьянства. Любовь бескорыстная, чистая, по влечению сердца — вот

«что должно лежать в основе брачных отношений. В поэме «Петрусь» поэт так ясно, образно и глубоко выразил эту мысль:

Молите господа, дивчата,
Чтоб не могли вас так просватать,
Чтоб замуж мать не отдала
За генерала, за палаты
Насильно вас не продала.
Влюбляйтесь, милые, весною!
На свете есть кого любить
И без корысти. Молодою,
Пренепорочною святою
И в тесной хате будет жить
Любовь простая ваша...

Проводя революционный демократизм во всем творчестве, Шевченко стремился быть последовательным демократом и в личной жизни. Вернувшись из ссылки, он задумал жениться. Но выбор жены оказался для Шевченко делом не легким. Ему, художнику по натуре, страстному поклоннику всего красивого, как он сам говорил о себе, конечно, могла нравиться женщина, не лишенная красоты и с необходимыми нравственными достоинствами. Что касается культурности, то Шевченко, вышедший сам из крепостных, понимал, что это дело наживное, лишь бы были необходимые к тому предпосылки. Свое внимание Тарас Григорьевич останавливал на простых крестьянских девушках. Знакомые советовали ему, как художнику, искать себе подругу жизни среди «образованных» людей, что фактически означало — из помещичьей среды. В письме к своему приемному брату Варфоломею, со свойственной ему прямоотой и образностью, Шевченко писал по этому поводу: «Твой совет хорош, спасибо тебе. Ты одно забыл, а это знаешь: я по плоти и духу сын и родной брат нашего бесталанного народа, да и как же соединиться с собачьей панской кровью. И кроме того, что эта панночка воспитанная будет делать в моей мужицкой хате?» (V, 427).

Морально разложившиеся помещичьи сынки, вроде Зосима Сокиры из повести «Близнецы», или Ипполитушки Хлюпина из повести «Несчастный», списаны Тарасом Шевченко с натуры. С подобными типами он встречался неоднократно, будучи в солдатской неволе.

Изобличая растленные нравы крепостничества, Шевченко борется за счастливую семью, построенную на основе любви, дружбы. Он требует от родителей большого и постоянного внимания к воспитанию своих детей.

В повести «Наймичка» испорченному, развращенному гуляке, молодому корнету из дворян, у которого абсолютно отсутствует настоящее благородное чувство отцовства и сознание

своих родительских обязанностей, писатель противопоставляет простую крестьянскую девушку, обманутую этим корнетом. Женщина стала на путь «подлинной благородной, возвышенной любви матери» и всю себя отдала на воспитание сына. Дворянин офицер, «подлый, лукавый человек», ради «мгновенного скотского наслаждения» разбил жизнь девушки. Простая честная крестьянская девушка не могла понять, как можно клясться, а затем обмануть. «А между людьми более или менее цивилизованными,— иронизирует Шевченко,— это вещь самая простая» (III, 102).

Как бы обобщая, Шевченко пишет в своей повести: «Молодому корнету, как кажется, вино (а может быть, и воспитание) помешало быть честным (потому что он по породе — благородный)» (III, 116). Так писатель разоблачает лицемерную мораль помещиков и противопоставляет ей честность, правдивость и подлинное благородство простых людей.

Сама короткая, но многострадальная жизнь Тараса Григорьевича является блестящим примером высоких моральных качеств: неустрашимость борца-революционера, мужество, стойкость в борьбе за раскрепощение угнетенного крестьянства, самопожертвование ради блага народа, пламенный патриотизм, упорство и настойчивость в труде, в науке. Эти моральные качества украинского поэта-борца были образцом поведения для его современников и стали примером поведения для его последователей, для следующих поколений. Это хорошо выразил Н. Старов, человек — близкий к направлению Белинского, в своей речи 12 апреля 1858 г., произнесенной в честь возвращения Шевченко из ссылки в Петербург: «Мы скажем, что нам отраднее видеть Шевченко, который среди ужасных, убийственных обстоятельств, в мрачных стенах казармы смердячей, не ослабел духом, не отдался отчаянию, но сохранил любовь к своей тяжелой доле потому, что она благородна. Здесь великий пример всем современным нашим художникам и поэтам, и уже это достойно обессмертить его!...» (V, 227).

Как видно из всего сказанного, Шевченко признавал, что формирование нравственных черт личности определяется в конечном счете той конкретной общественной средой, в которой находится и действует человек. Причем эту среду Шевченко не рассматривал как сплошную, однообразную, он видел в ней внутренние различия, противоположности, объяснимые наличием прежде всего двух враждебных групп — помещиков и угнетенного, закабаленного ими крестьянства (понятие «класс» Шевченко почти не применял и во всяком случае оно не выступало у него осмысленной социально-экономической категорией). В таком обществе он видел две непримиримо враждебные друг другу морали: феодально-христианскую мораль помещиков-крепост-

ников, мораль смирения, кротости, всепрощения врагам, проповедываемую для крестьян, что отвечало классовым интересам помещиков,— и мораль революционного крестьянства, мораль революционной борьбы против общественного строя, гнета и кабалы. Такой подход к пониманию этики, несомненно, содержит в себе в некоторой мере материалистическую тенденцию в толковании исторического процесса.

Но это не более, как только тенденция. Самый метод Шевченко так же, как и утверждаемая и пропагандируемая им этика, был исторически ограничен, определялся в конечном счете условиями той эпохи, в которую жил и творил поэт. Шевченко не смог вскрыть законов развития общественной жизни, не мог понять материалистическое происхождение этических воззрений, оставаясь в понимании общественной жизни, как и все домарксистские мыслители, на позиции идеализма. Этика Шевченко, являясь для своего времени передовой, сыгравшей животворную роль в истории общественной жизни, была все же этикой второго поколения борцов — революционных демократов, отражавших воззрения передового крестьянства.

В последующем развитии общественной жизни России, в связи с ростом капитализма и возникновением пролетариата, формируется и развивается идеология нового, революционного рабочего класса на основе учения К. Маркса и Ф. Энгельса, сделавших революционный переворот в учении об обществе. Новая этика — этика революционного пролетариата — является следующим, более высоким этапом в развитии этических воззрений.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало строительству социализма, и гигантский размах в построении коммунистического общества в нашей стране создали условия для дальнейшего, высшего этапа развития этики тружеников социалистического общества — коммунистической этики, развивающейся в нашей стране. Этические принципы русских революционеров-демократов, в том числе и украинского поэта-мыслителя Тараса Шевченко, выполняя в свое время прогрессивную роль в общественной борьбе классов, создавали одновременно благоприятные условия для возникновения и развития этики революционного пролетариата.

Целый ряд таких этических принципов Шевченко, как неприемлимое отношение к классовому врагу, решительная борьба против язв всякого эксплуататорского общества, нетерпимое отношение к паразитическим, растленным слоям общества, любовь и уважение к общественно-полезному труду на благо самих трудящихся, осуждение идейной пустоты, требование сочетать внешнюю красоту человека с идейным богатством и красотой его внутреннего содержания и некоторые другие, — утратили своего значения и в наши дни.

Для понимания общественно-политических воззрений Шевченко недостаточно осветить его взгляды относительно отдельных явлений общественной жизни. Необходимо показать, как поэт-мыслитель рассматривал исторический процесс в целом.

Шевченко уничтожающе критиковал официальную помещичью историографию, всю лживость изображения истории России казенными профессорами. Во вступительной статье к первому тому «Кобзаря» (1893) «народовец» Огоновский рассказывает (на сей раз правдиво), что в 1846 г. в г. Переяславле, на квартире врача Духовной семинарии Козачковского Шевченко, отвечая на вопросы собеседников, высказал такое суждение по поводу истории: «Посмотрите, на что похожа ваша история, что в ней написано: «Был такой-то царь, поправил государство, финансы, администрацию и умер, завещавши государство своему наследнику. Новый государь застал государство в крайне расстроенном состоянии; но стараниями и непрестанными заботами поправил дела государства, обогатил казну, учредил суд правый и умер, благославляемый народом... Новый государь застал государство в крайне бедственном положении» и т. д.»⁶⁴.

Тот факт, что Шевченко интересовался освещением истории русского народа в книгах, рекомендуемых царским правительством, подтверждается следующим обстоятельством. Из письма Шевченко Ф. М. Лазаревскому 22 апреля 1848 г. видно, что Шевченко была известна книга профессора Петербургского университета Н. Устрялова «Очерк русской истории для средних учебных заведений» (учебник для гимназий, одобренный министерством). В 1854 г. учебник вышел девятым изданием. Неударом Шевченко иронически назвал книгу «живучей».

Жизнь общества Тарас Григорьевич представлял себе в движении, в изменении. Так, в стихотворении «Саул» он говорит об общественной жизни в далеком прошлом, когда не было рабства; затем он показывает, как это рабство возникло. По его представлению, была некогда эпоха, когда в Китае, в Египте, в районе Инда и Ефрата и в нашей стране жили вольные пастухи, пасли свой скот на вольных полях, пели свои песни и жили как в раю. Но вот налетел на них «царь» с мечом, с палачами, с князьями, с темными рабами, со своими законами. Враги, как разбойники, подкрались ночью и все добро забрали, все осквернили, людей обратили в рабство, а труд превратили в «работу-каторжную».

Переход от общественного строя, при котором не было частной собственности, к рабовладельческому Шевченко рассматривает, таким образом, упрощенно — путем голого насилия, путем

⁶⁴ «Кобзарь» Тараса Шевченка, стр. XXXVI—XXXVII.

завоевания. Но здесь важно отметить то, что, наперекор господствовавшим тогда представлениям, общественный строй он не считал неизменным, неизблемым. Не всегда было рабство. Было время, когда люди жили и вольной жизнью, без насилия, без палачей, князей, без рабов. Тогда труд не был трудом на господина-рабовладельца.

Возвращаясь из ссылки на волжском пароходе в 1857 г., Шевченко записывает в дневнике: «... пароход, в ночном погребальном покое, мне представляется каким-то огромным, глухо ревушим чудовищем с раскрытой огромной пастью, готовую проглотить помещиков-инквизиторов. Великий Фультон! И великий Уатт! Ваше молодое, не по дням, а по часам растущее дитя в скором времени пожрет кнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит... То, что начали во Франции энциклопедисты, то довершит на всей нашей планете ваше колоссальное, гениальное дитя. Мое пророчество несомненно» (V, 112).

Здесь мыслитель высказывает глубокую убежденность в том, что гибель феодального общества во Франции закономерна, что феодальный строй с его «кнутами, престолами и коронами» погибнет всюду. Революционизирующую роль в этом перевороте сыграет паровая машина — техника. С большой прозорливостью Шевченко отмечает, что идеологическая борьба во Франции, связанная с именем энциклопедистов-материалистов, была только началом, подготовкой великого переворота. Словом, здесь явно видна гениальная догадка из области материалистического понимания истории, свидетельствующая также о понимании связи философских взглядов с историей общества.

В повести «Наймичка», говоря о тяжелой работе жниц, Шевченко восклицает: «О агрономы-филантропы! Выдумайте вы вместо серпа какую-нибудь другую машину. Вы этим окажете величайшую услугу обреченному на тяжкий труд человечеству» (III, 85—86). Слова эти снова свидетельствуют о том, что поэт, будучи сторонником прогресса, обращал внимание на ту большую роль, которую должна сыграть техника в облегчении труда простых людей.

Не случайными также являются утверждения Шевченко во вступительном разделе поэмы «Гайдамаки» о былой силе шляхетской Польши, воевавшей с Россией, с татарской ордой, с турецким султаном и о том, что все в истории меняется.

В «Гайдамаках» Шевченко делает некоторое обобщение по вопросу о классовой «кровавой» борьбе закабаленного народа со своими угнетателями. Применяя легендарный образ «Трои», поэт утверждает, что и в далеком прошлом происходила борьба. Так будет до тех пор, пока существует угнетенный народ и его враги — угнетатели.

И взгляды, идеи человека мыслитель не считал «врожденными», неизменным свойством человека, независимым от условий общественной жизни. Как видно из рассмотренных ранее вопросов этики, Шевченко утверждал, что принципы морали определяются социальным строем жизни и изменяются вместе с ней.

Революционер и мыслитель был твердо убежден в неизбежной гибели царизма и феодально-крепостнического строя в России и замене его новым обществом.

Шевченко понимал, что российский царь есть не что иное, как «фельдфебель» на троне, стоящий во главе «банды своекорыстных помещиков». В поэме «Марина» он разоблачал классовый характер законов царской власти.

Что касается путей и методов разрешения главной задачи, для своего времени Шевченко определял их правильно. Он видел современное ему общество разделенным на два большие непримиримо враждебные класса, хотя этого последнего понятия почти не применял, что не имеет существенного значения. Борьба угнетенных масс крепостного крестьянства против царя и помещиков — таков путь борьбы за новую, лучшую жизнь.

Шевченко пропагандировал дружбу, братское единение всех народов царской России, независимо от национальной или расовой принадлежности, против общего для всех угнетенных народов врага — против царизма и помещиков-крепостников.

В современных ему условиях Шевченко правильно определял, что решающей силой в борьбе за преобразование общества является крепостное крестьянство, которое действительно было единственно революционным классом в крепостной России 40—60-х годов XIX века.

Самый переход от крепостничества к новой, вольной жизни, по мнению Шевченко, будет совершаться не тихо, мирно, плавно и гладко, а в борьбе, доходящей до самых крайних мер — до беспощадной расправы над сопротивляющимися врагами, до революции. Если к этому дополнить сказанное в первой части этой главы о том, что и природу Шевченко рассматривал бесконечной, вечной и бессмертной, находящейся в процессе постоянного движения, изменения, где всегда что-то зарождается и расцветает и что-то отмирает, — то станет понятным, что в мировоззрении мыслителя имеются элементы диалектики.

В порядке сравнения с русскими революционными демократами следует отметить, что Герцен в своих «Письмах об изучении природы», опубликованных в 1845—1846 гг. в «Отечественных записках», по выражению Ленина, вплотную подошел к диалектическому материализму. Такому же позиции занял и Чернышевский, он совершенно определено пытался поставить критически рассматриваемую им диалектику Гегеля на службу интересам крестьянства; пытался при ее помощи обосновать свои

социалистические утопического характера убеждения; применяя диалектику в литературно-критических статьях. (См., например, опубликованные в «Современнике» «Очерки гоголевского периода русской литературы», 1856, № 9 и 10; «Критика философских предубеждений против общинного владения», 1958, № 12).

Шевченко несомненно читал эту литературу. Но он сам непосредственно о диалектике ни в отношении явлений природы, ни общества нигде не говорит. Возможно, это объясняется характером его деятельности как поэта. Скорее всего здесь имеется иное положение. Уже было сказано, что, будучи материалистом и атеистом, Шевченко не применяет этих обоих понятий для оценки своей философской позиции. Возможно и в отношении диалектики он недооценивал содержание и значение этого понятия. Поэтому есть основания сказать о наличии у Шевченко только элементов диалектики, не больше. Нельзя и здесь по вопросам материализма и диалектики «улучшать» историю; нельзя огульно во всем отождествлять взгляды Шевченко с воззрениями русских революционных демократов, как это делается иногда в нашей философской литературе.

Шевченко говорил, что не цари творят историю, а народ. Он отрицал мистическое и субъективно-идеалистическое толкование общественной жизни.

Все это свидетельствует о том, что в условиях крепостнической России в 40—50-х годах XIX в. в понимании различных сторон сложного исторического процесса общественной жизни Шевченко поднялся очень высоко.

По таким основным вопросам общественной жизни в 50-х годах XIX в., как отношение к феодально-крепостническому строю, к царизму, к революции, к реформе 1861 года, к буржуазному либерализму, национальный вопрос, вопросы эстетики и этики, Шевченко был единомышленником Чернышевского.

Но как и русские революционные демократы, Шевченко не распространил материализм на понимание истории общественной жизни. Он исходил из того, что старый феодально-крепостнический строй погибнет, потому что он несправедливый и противоречащий интересам трудящихся масс. Признавая необходимость перехода от феодально-крепостнического строя к новому общественному строю и активно борясь за новое общество, Шевченко все же не видел объективной закономерности этого перехода, не видел вызревания в недрах старого общества новых общественных производственных отношений. Материалистическое понимание истории впервые создали и обосновали идеологи революционного пролетариата — Маркс и Энгельс.

ВОПРОСЫ ЭСТЕТИКИ
В ТВОРЧЕСТВЕ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

В области эстетики в сороковых — шестидесятых годах XIX столетия в России происходила острая борьба двух враждебных по своему классовому содержанию направлений. В условиях господства религии, мистики консервативные и либеральствующие слои общества находились под влиянием реакционной стороны немецкой идеалистической философии. В области эстетики это находило свое выражение в теории так называемого «чистого искусства». Основной вопрос в ней: что является источником красоты — прекрасное в самой жизни, или «идея» прекрасного — решался в пользу последней. Идеальное принималось за первичное, предшествующее реальному, материальному; эстетические «ценности» и «формы» рассматривались оторванно от общественной жизни и природы.

В своей докторской диссертации «Историческое развитие теории прозы и поэзии» магистр Харьковского университета Метлинский всячески восхвалял идеалиста Платона за его учение о «вечных мыслях, врожденных нашему разуму, вечных образцах всего истинного, доброго, изящного», превозносил мистиков-идеалистов средневековья (Плотина, «блаженного Августина»), немецких философов-идеалистов (Канта, Шеллинга, Гегеля) и делал вывод: «Назначение искусства — воссоздать красоту возможно чистою, полною, светлою, как отблеск божественного совершенства. Художник не находит на земле такой красоты...»¹.

Такою же позицию занимал украинский буржуазный националист, идейный противник Шевченко, Н. Костомаров, кстати говоря, друг А. Метлинского. Он выступал против материализма французских энциклопедистов XVIII в. и русских революционных демократов — Белинского и Чернышевского. «Религиозность» и «поэтичность», по Костомарову, совпадают. Он лгал на

---

¹ См. «Историческое развитие теории прозы и поэзии». Рассуждение магистра Амвросия Метлинского. Харьков, 1850, стр. 10, 54.

украинский народ, заявляя, что «его поэзия религиозна», что представление о прекрасном зиждется на религиозной вере и недоступно анализу, так как «вера убивает анализ»². Ясно, что такое понимание принципов красоты влекло за собой полнейшее отрицание классовой сущности эстетики.

В таком же духе продолжали украинские буржуазные националисты и позже. М. Евшан утверждал, например, что «...действительно, всякое искусство делается религией, вытекает из религиозных ощущений». «В эстетике его (Шевченко.— М. Н.) таким образом основным элементом делается религиозный элемент», — писал он же в другом месте.

Воспитанный на литературе сороковых годов и прекрасно разбиравшийся в идейно-политической обстановке того времени, Чернышевский был совершенно прав, когда считал, что во главе нового идейного направления в 40-х гг. стоял Виссарион Белинский. Тогда составилось, говорил Чернышевский, «...одно большое литературное общество, главным органом которого в литературе, до начала нашего журнала («Современника».— М. Н.), были «Отечественные записки» (с 1840, особенно 1841 года по 1846 год); главным действователем в «Отечественных записках» того времени был Белинский»³. По свидетельству Чернышевского, к этому направлению примыкали все передовые, даровитые люди того времени (Грановский, Огарев, Станкевич, Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Тургенев, Гончаров и др.).

Шевченко также не мог не увлечься передовыми эстетическими воззрениями Белинского, а затем Чернышевского. И в то же время он выступал самобытно и оригинально.

Великий Чернышевский правильно понимал связь между философией и эстетикой. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1856) он писал, что действительное несогласие в эстетических убеждениях было только следствием несогласия в области коренных основ философского мышления.

Эта мысль нашла свое отражение и в произведениях Шевченко. Поэт, писатель, живописец, скульптор, композитор, по мнению Шевченко, черпают материал для своего творчества из жизни, природы. Философский материализм, естественно, является теоретической основой реализма в искусстве.

Исходя из принципов реализма, Шевченко вел решительную борьбу против идеализма в эстетике. На позиции идеализма, как мы уже отмечали, находился раскритикованный Тарасом Шевченко К. Либельт, автор книги «Estetyka...». Подчеркивая точку зрения сторонника «чистого искусства», Либельт так

² Исторические монографии и исследования Николая Костомарова, т. I, стр. 275—276.

³ Н. Г. Чернышевский. Избр. философ. сочинения. 1938, стр. 470.

назвал один из разделов этой книги: «Искусство как самоцель»⁴. Либельт решительно воюет против «французских материалистических философов», отрицает «практическое», общественное значение искусства, его связь с реальной жизнью. Прочтя эту книгу Либельта, Шевченко записал в дневнике, что он выступит против «безжизненных ученых эстетики, этих хирургов прекрасного», выкидывающих из искусства его реальность, жизненность и пытающихся оставить красоту в ее «чистой», «вечной» форме.

В своем художественном творчестве Шевченко блестяще превратил этот метод реализма. Шевченко прежде всего поэт, писатель. Именно в этой области нашли свое наиболее яркое проявление основные черты его эстетических воззрений, которые и являются предметом исследования в этой главе (эстетические взгляды, высказанные им в области живописи, гравюры и музыки, могут быть предметом специального исследования).

Эстетические воззрения Шевченко сложились не сразу. В конце 30-х — в 40-х гг. они находили свое выражение непосредственно в поэзии. Но судя по его отдельным высказываниям, например, в предисловии к предполагаемому изданию «Кобзаря» 1847 г., в дневниковой записи за 10 июля 1857 г., в которой излагаются утверждения, относящиеся к 40-м гг., можно сделать вывод, что уже тогда его мысли развивались в направлении глубоких теоретических обобщений, которые он более или менее полно изложил в своем дневнике позднее, в 50-х годах.

Направленность творчества Шевченко прекрасно понимал украинский поэт-революционер П. Грабовский. В статье «Кое-что о поэтическом творчестве» он писал: о Шевченко не скажешь, «что он был поэтом «искусства для искусства», потому что вся его творческая деятельность находилась в полном противоречии с этой бессмысленностью. Шевченко был поэтом-борцом, самым лучшим общественным деятелем; он всегда знал, куда идет и зачем. В своем поэтическом творчестве он имел в виду только человека и его счастье...»⁵.

Шевченко иногда применяет такое выражение, как «божественное» искусство. Но подобные слова не имеют у него религиозного смысла, как это пытаются изобразить буржуазные националисты; в данном случае слово «божественное» выражает высшее проявление любви, уважения к искусству, преклонения перед его ролью, его громадным значением в жизни общества.

Природа, жизнь людей, говорил Шевченко, находят свое отображение в искусстве в виде индивидуализированных образов, картин и т. п. В подтверждение своей мысли Шевченко ссылает-

⁴ Estetyka... Karola Libelta, т. I, 1854, стр. 51—55.

⁵ Павло Грабовский. Вибрані твори, Київ, 1949, стр. 319—320.

ся на Брюллова. «Великий Брюллов,— пишет он,— черты одной не позволяя себе провести без модели, а ему как исполненному силою творчества казалось бы это позволительным» (V, 66).

Шевченко крепко усвоил этот принцип и придерживался его в своем творчестве. Будучи в ссылке, он задумал написать серию картин под названием «Притча о блудном сыне», в которых имел в виду изобразить нравы современного ему «купеческого сословия». «Для исполнения задуманного мною сюжета,— пишет он в письме к Бр. Залесскому 8 ноября 1856 г.,— необходимы живые, а не воображаемые типы. А где я их возьму в этом вороньем гнезде» (V, 350).

Уже первая поэма Шевченко — «Катерина» по своему содержанию является реалистической. Поэт не только отображает в ней конкретные тяжелые условия жизни крестьянской девушки в эпоху крепостничества, но и осуждает крепостнический общественный строй.

При подготовке к созданию своей поэмы «Гайдамаки» Шевченко, как известно, добросовестно собирал материал (предания, рассказы стариков и т. д.). Н. Добролюбов был совершенно прав, когда отмечал реалистичность, историческую правдивость «Гайдамаков». В рецензии на «Кобзаря» Добролюбов писал: «Поэт совершенно проникается настроением эпохи, и только в лирических отступлениях виден современный рассказчик»⁶.

Так же тщательно Шевченко подбирал материал для поэмы «Еретик». Чужбинский рассказывает, что Шевченко перечитал все возможные источники, относящиеся к гуссистскому движению и к той эпохе, обошел весь Киев в поисках чехов для того, чтобы в личной беседе с ними лучше выяснить общественно-бытовые условия жизни чешского народа, великую борьбу которого он отобразил в своей поэме⁷.

В поэме «Гайдамаки» Шевченко правдиво показал социальные причины народной войны: гнет магнатов, польской шляхты, закрепостивших украинское крестьянство; показал одновременно переплетение этого гнета с дикими религиозными притеснениями украинского крестьянства, связанными с проведением католической церковью так называемой унии. Поэт верно отобразил главную движущую силу войны — крепостное крестьянство, роль Запорожской Сечи.

Все творчество Шевченко является результатом глубокого изучения конкретной действительности.

Критический реализм не тождествен с простым фотографированием, с эмпирическим, подражательским описанием явлений и

⁶ Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений в шести томах, т. II, стр. 566.

⁷ «Русская старина», 1880, январь — апрель, стр. 594.

событий. Точка зрения эмпиризма исключает творческий момент в искусстве. И это прекрасно понимал Шевченко. Он предостерегал от упрощенческого понимания проблем эстетики. «Я не говорю,— писал он,— о дагеротипном (фотографическом.— М. Н.) подражании природе: тогда бы не было искусства, не было бы творчества, не было бы истинных художников...» (V, 66).

Настоящее творчество художника действительно заключается в умении подметить в природе, в жизни типичное, характерное, растущее, новое, незаметное на первый взгляд; показать старое, отживающее, умирающее, пути его гибели, его губительные силы, может быть незаметные, невидимые другим людям; показать развитие, пути движения вперед, раскрыть все это в образах, на живых конкретных примерах, в индивидуализированной форме.

Тарас Шевченко в основном шел к пониманию этих сторон эстетики. Замечательная способность Шевченко как художника заключалась в том, что он умел подмечать типичное. Это — закон прогрессивной эстетики, без этого не может быть подлинного художественного произведения, живущего в веках.

Энгельс писал: «На мой взгляд, реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивость в воспроизведении типичных характеров в типичных обстоятельствах»⁸. Задачи писателя, говорил Гоголь, заключаются в том, чтобы «...вызвать наружу все, что ежеминутно перед очами, и чего не зрят равнодушные очи... и крепкою силою неумолимого резца... выставить их выпукло и ярко на всенародные очи»⁹.

Эпоха Шевченко характеризуется обострением кризиса феодально-крепостнического общества и вызреванием революционной ситуации. В этом прежде всего выявляется типичность всех событий. И именно отображение этого мы видим прежде всего в творчестве Шевченко.

Поэт далек был от поверхностного, рабского подражания природе, жизни. Он всегда отстаивал естественно-правдивое, реалистическое искусство, в котором художник активно вмешивается в жизнь.

В письме к Залесскому Шевченко верно отметил значение творческой мысли в реализме: «Великий Брюллов говаривал бывало: «не копируй, а всматривайся», и я совершенно верю бесмертному Брюллову» (V, 306). Людей, не умеющих «всматриваться» и подмечать характерное, Брюллов называл «кропуна-

---

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 405.

⁹ Н. Гоголь. Избранные произведения. Изд-во «Моск. рабочий», 1948, стр. 750.

ми». «А кропанье, по словам великого Брюллова,— подчеркивает Шевченко,— верный признак бездарности...» (V, 89)¹⁰.

В предисловии к предполагаемому изданию «Кобзаря» (1847) Шевченко подверг резкой критике такой поверхностный подход писателя к явлениям общественной жизни: писатель, говорил он, должен смотреть на народ не панскими глазами, а глазами самого народа. Только тогда можно подняться выше эмпирического описательства и правильно оценить отдельные явления общественной жизни.

Поскольку творчество поэта и писателя не является простым описательством предмета или явления, оно, по мнению Шевченко, не исключает, а наоборот, предполагает необходимость фантазии. Но фантазия эта не должна быть чем-то беспочвенным, лишенным основания, а «опираться на положительное» (V, 355).

Этот принцип допущения в творчестве фантазии, идущей в направлении правильного, типичного отображения конкретной исторической действительности, Тарас Шевченко весьма успешно применял к своей поэзии. Так, например: в поэме «Гайдамаки» один из важнейших персонажей — Галайда, по выражению Шевченко в предисловии,— «наполовину выдуман». Такое дофантазирование образа Галайды ни в коей мере не снижает реальности исторического отображения целой эпопеи великой борьбы украинского народа.

С позиции реалистического понимания фантазии Шевченко резко критикует идеалиста Либельта за его мистическое понимание «вдохновения». Либельт серьезно верит в то, замечает Шевченко, что «...будто бы Иосиф Вернет (французский художник Клод Жозеф Верне.— М. Н.) велел себя во время бури привязывать на марсах к мачте для получения вдохновения». И это пишет человек, говорит Шевченко, «так важно трактующий о вдохновении... Какое мужицкое понятие об этом неизреченно божественном чувстве! И этому верит человек, пишущий эстетику, трактующий об идеальном, возвышенно-прекрасном в духовной природе человека» (V, 60).

Сказано совершенно ясно. Это прямо бьет по измышлениям украинских буржуазных националистов. Так, искажая истину, националист Евшан писал, будто поэзия Шевченко вытекает из «религиозного духа» и что поэт творит «в момент ясновидения, экстаза, самозабвения»¹¹.

---

¹⁰ Приводя эти высказывания Брюллова, мы вовсе не утверждаем, что он целиком встал на реалистические позиции в своем творчестве. Так, Шевченко отмечает, что Брюллов «строжайше запретил брать сюжеты из чего бы то ни было, кроме библии, древней греческой и римской истории (IV, 177). Шевченко видел, таким образом, и слабые стороны Брюллова.

¹¹ «Українська хата», 1910, № 4, стр. 250, 252.

Источником творчества Шевченко считал, как было уже сказано, природу, жизнь людскую. Но значит ли это, что красота реальной действительности сильнее действует на человека, нежели произведения художественного творчества? Нет, это не всегда так бывает. Если бы это всегда было так, то не было бы необходимости в художественном творчестве. «Высокое искусство (как я думаю), — писал Шевченко, — сильнее действует на душу человека, сильнее, нежели самая природа. Какая же непостижимая божественная тайна сокрыта в этом деле руки человека, в этом божественном искусстве? Творчеством называется эта великая божественная тайна...» (IV, 271).

Шевченко не раскрыл сущность этого творчества. Но это хорошо сделал его современник и единомышленник Н. Г. Чернышевский. В работе «Эстетические отношения искусства к действительности» он писал: «...в них (произведениях искусства. — М. Н.) все выставлено на показ, объяснено самим автором, между тем как природу и жизнь надобно разгадывать собственными силами»¹².

Сторонники теории «чистого искусства» пытаются скрыть свои классовые позиции и изобразить искусство чем-то надклассовым. Шевченко со всей решительностью выступал против подобной маскировки. Он демонстративно называл себя «мужицким» поэтом. Еще в первые годы своего творчества, выпуская отдельным изданием поэму «Гайдамаки», поэт в обращении к подписчикам называл свою книгу «мужицкой» и упрекал «паничів» в том, что они стыдятся видеть свою «благородную фамилию» в «мужицкой книжке». Шевченко нисколько не смущало то, что аристократы называли его «мужицким» поэтом. В письме к Тарновскому 25 января 1843 г. он писал: «...пусть я буду и мужицкий поэт, лишь бы — поэт; мне больше ничего и не надо» (V, 255).

Известно, что когда М. И. Глинка написал свою знаменитую оперу «Иван Сусанин», великосветская аристократия высокомерно осудила композитора за его «мужицкий сюжет» и за «грубость» простонародной музыки; кое-кто презрительно назвал оперу «кучерской музыкой». Глинка же на это едко ответил: «Это хорошо и даже верно, ибо кучера, по-моему, дельнее господ...».

Позднее, в 1847 г., в предисловии к предполагаемому изданию «Кобзаря», характеризуя свою позицию в литературном творчестве, Шевченко применяет такое выражение: «Наші мужицькі очі». Здесь он довольно подробно раскрывает всю глубину своего понимания народности. Он упрекает Квитку-Основьяненко в том, что в его произведениях отсутствует под-

¹² Н. Г. Чернышевский. Избр. философ. соч., стр. 360.

линая народность, критикует за недостаточную народность произведений философа и поэта Сковороду. Особенно резко он отзывается о Гулаке-Артемовском, который «в паны постригся»¹³.

Шевченко выступал против «теории» «единого потока» в искусстве. Искусство он рассматривал как одну из форм многосторонней классовой борьбы, хотя непосредственно такого выражения мы у него не встречаем.

Без классового в конечном счете отношения к окружающей действительности (хотя художник не всегда это осознает), без защиты художником вольно или невольно идей того или иного класса в борьбе с идеями другого класса невозможна типизация явлений действительности, невозможен отбор существенно-го. В этом проявляется один из законов эстетики.

Отображение борьбы против крепостнического строя отвечало объективному ходу развития общества, пропаганда таких идей мобилизовала и развивала силы, ведущие к гибели феодализма. В творчестве Шевченко так же, как и в творчестве других революционных демократов, ставились коренные проблемы развития общества, от решения которых зависела судьба народа, судьба родины. И в этом заключается громадная познавательная ценность и воспитательное значение художественного творчества Шевченко.

Правдивость в отображении действительности — решающий принцип прогрессивной эстетики. Он и является, естественно, главным принципом присущего Шевченко художественного метода реализма.

Реализм органически сочетается в творчестве Шевченко с революционным романтизмом. Это ясно видно из таких его произведений, как «Гайдамаки», «Вернак» и других, где изображается героика революционной борьбы крестьянства.

Реализм творчества Шевченко заключался в художественном отображении народной правды, справедливой борьбы крестьянства против крепостнического и национального гнета. Но было бы совершенно неправильно народность его творчества сводить к простонародности в смысле приспособленчества к отсталым слоям трудящихся, как пытался сделать, например, И. Иванов в своей публичной лекции в г. Екатеринославе (1905 г.), заявив, что Шевченко в своей поэзии «не имеет в виду интеллигентного читателя»¹⁴.

Это грубое искажение. Шевченко отражал интересы простого народа, обращался прежде всего к нему, стараясь поднять уровень его культуры, степень его сознательности, но вовсе не подлаживался под народ. Когда реакционная пресса, в частности,

¹³ Тарас Шевченко. ПЗТ, т. I, стр. 375.

¹⁴ «Киевская старина», 1905, май, стр. 172—173.

журнал «Библиотека для чтения», пыталась в извращенном виде изобразить народность поэзии, Шевченко в своем предисловии к предполагаемому изданию «Кобзаря» так едко ответил: «Наша книжка как попадетя в их руки, то они аж вопят да хвалят то, что наихудшее... Преочаровательно в чарах тех вот что: ...шинки, свиньи и пьяные бабы. Может быть это по их утонченной натуре и правда хорошо. А с нашей мужицкой точки зрения это очень плохо»¹⁵. Лучшим доказательством глубокой народности творчества Шевченко является само содержание его поэзии, его русских повестей.

Шевченко не считал художественное творчество забавой праздных аристократов. Искусство, по его мнению, должно быть поставлено на службу простого народа, ибо оно есть средство борьбы за насущные нужды трудящихся. В этом поэт был единоклубен с Белинским, который писал: «Отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит — лишать его самой живой силы, т. е. мысли, делать его предметом какого-то самаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев»¹⁶.

Идея народности пронизывает как литературное творчество, так и творчество Шевченко в области живописи. Оно заслуживает специального большого исследования. Здесь мы приведем только несколько примеров, чтобы показать проявление народности в творчестве, глубокий социальный смысл ряда его произведений, отвечающий его общему революционно-демократическому мировоззрению.

Художник И. Е. Репин как-то говорил, передавая слова своего учителя И. Н. Крамского, что «художник есть критик общественных явлений: какую бы картину он не представил, в ней ясно отразится его мирозерцание...»¹⁷. И это мы видим в творениях Шевченко. В 1844 г. он изготовил офорт «Солдат и смерть», изобразив сидящего солдата и стоящую перед ним смерть в виде скелета человека с косою в руке. Политическая идея была выражена в самой доходчивой форме. В своей картине «Наказание шпицрутенами» художник осудил палочный режим в царской армии.

Возвращаясь из солдатской неволи, Шевченко решил заняться такой областью искусства, как гравюра. «Быть хорошим гравером, — писал он в дневнике, — значит быть распространителем прекрасного и поучительного в обществе. Значит быть распространителем света истины. Значит быть полезным людям... Прекраснейшее, благороднейшее призвание гравера. Сколько изящ-

¹⁵ Тарас Шевченко. ПЗТ, т. I, стр. 374.

¹⁶ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. X, стр. 311.

¹⁷ Книга для чтения по истории русского искусства, вып. IV. М.—Л., 1948, стр. 147.

ных произведений, доступных только богачам, копились бы в мрачных галереях без твоего чудотворного резца?» (V, 34). И в этой области Шевченко достиг громадных успехов. За свои прекрасные работы он в 1860 г. был избран в Академию Художеств академиком гравирования.

Где бы Шевченко ни был, он всегда был связан с народом, жил для народа, боролся за его интересы.

Для народности Шевченко характерна тесная органическая связь с фольклором. Эта тема может быть предметом специального исследования. В гл. I уже было сказано о значении фольклора для творчества Шевченко. На интересующую нас тему великий русский композитор М. И. Глинка высказал в свое время фразу, ставшую теперь крылатой: «Музыку создает народ; мы, композиторы, ее лишь аранжируем...». Если перефразировать эту мысль применительно к поэзии, то безошибочно можно сказать: ни к кому другому из поэтов это так не относится как к Тарасу Шевченко. Народное творчество и творчество поэта Шевченко так тесно переплетаются между собой, что некоторые исследователи затруднялись иногда определить, где кончается одно и начинается другое.

Шевченко, однако, не выступает в роли простого подражателя. Беря идейное наследие народа, он творчески перерабатывает его и поднимает на новую, высшую ступень как в смысле идейного содержания и политической остроты, так и в отношении красоты художественной формы.

Мало сказать о народности Шевченко. Надо подчеркнуть его самобытность, он украинский национальный поэт-патриот.

Шевченко выступал тогда, когда украинский народ, наряду с социальным гнетом, терпел национальный гнет со стороны великодержавных шовинистов — русских помещиков-крепостников — во главе с царем. Украинский язык и в общем украинская национальная культура всячески притеснялись. Естественно, что перед демократической и либерально настроенной украинской интеллигенцией стояла также задача борьбы за право на родной национальный язык.

Первые шаги в области дальнейшего развития украинского национального языка сделали предшественники Шевченко: Котляревский, Квитка-Основьяненко, Гребёнка. Но решительный поворот здесь связан с именем Шевченко, который глубоко понимал значение родной речи для украинского народа. Он решительно выступал против попыток великодержавных шовинистов, пытавшихся сбить его с позиций национального народного поэта, прельщая его и славой и богатством, которые могли бы ожидать его, как поэта, в русской литературе. В письме к Кухаренко он писал по этому поводу: «Что нам делать, брат-атаман: пойти против рожна, или закопаться заживо в землю.»

И украинский поэт принял твердое решение: бороться против русских реакционных шовинистов.

В поэме «Гайдамаки» Шевченко объявил себя украинским национальным народным поэтом и заявил, что вовсе не рассчитывает на понимание и сочувствие реакционных слоев общества.

Вот спасибо умным людям,
Рассудили важно!
Только жаль, что кожух теплый —
На другого шитый.
Очень умны ваши речи,
Да брежней подбиты.
Не прогневайтесь, а слушать
Я вас не желаю.

В предисловии к предполагаемому изданию «Кобзаря» Шевченко называл себя не только «мужицким», т. е. народным, но и национальным украинским поэтом. Эпиграфом к названному предисловию Шевченко приводит слова А. Грибоедова:

Воскреснем ли когда от чужевластья мод.
Чтоб умный, добрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.

Пока существуют нации, литература и искусство будут сохранять свой язык, свои национальные особенности, свою, по выражению Шевченко, «национальную физиономию». С этой позиции писатель критиковал космополитические ухищрения реакционных русских слоев общества, выступающих под прикрытием пресловутой формулы «самодержавия, православия и народности», разоблачал лживый характер этой «народности». Он видел, что, прикрываясь криками о «единой славянской литературе», великодержавные шовинисты душат подлинную народность, национальный язык и культуру угнетаемых царизмом народов, всячески грязнят их литературу. «Кричат о единой славянской литературе,— говорит Шевченко,— а не хотят и заглянуть, что делается у славян! Рассмотрели ли они хотя одну книжку польскую, чешскую, сербскую или хотя б и нашу...»¹⁸.

В произведении «И мертвым и живым... послание» поэт осуждает слепое, рабское преклонение перед иностранщиной и призывает развивать родную национальную украинскую культуру в интересах трудящихся. Поэт, однако, не впадает в другую крайность: он не отрицает огульно всего иностранного, а говорит, что и «чужому» хорошему, полезному надо учиться. Ему чужда была национальная ограниченность, замкнутость. Характерно, что когда буржуазные националисты стали упрекать украин-

¹⁸ Т. Шевченко. ПЗТ, т. I, стр. 374.

скую писательницу Марко Вовчок в том, что она выступила с повестью на русском языке, Шевченко ответил на это: «Да пусть Марко Вовчок пишет хоть по-самоедски, лишь бы в его (писателя.— М. Н.) писаниях была правда»¹⁹.

Украинские же буржуазные националисты стремление Шевченко быть национальным поэтом пытались толковать как враждебное отношение к русской культуре вообще. Борьбу Шевченко против великодержавной шовинистической политики угнетения, исходящей от царя и русских помещиков, они живо изображали как вражду ко всей русской культуре.

Формирование и развитие мировоззрения Шевченко происходило под влиянием передовой культуры великого русского народа. Сам Шевченко любил эту русскую культуру, считал ее ведущей, близкой для себя, родной. Он писал и на русском языке. Поэт отражал лучшие стремления, надежды всего крестьянства царской России, независимо от национальности. Такие его произведения, как повесть «Варнак», написанная на русском языке, «Завещание», «Я на здоровье не в обиде» и ряд других, являются обращением ко всему крепостному крестьянству с призывом к революционным действиям.

Поэт выступал борцом за единение, за дружбу всех угнетенных царизмом народов, за единение славянских народов в их борьбе против чужеземных захватчиков и поработителей. Все это дает основание сказать, что выступление Шевченко как национального украинского поэта было одной из форм проявления общедемократической, революционной борьбы против феодально-крепостнического гнета в России в целом.

В тезисах, посвященных трехсотлетию воссоединения Украины с Россией, одобренных ЦК КПСС, говорится, что Шевченко «сыграл громадную роль в развитии национального и социального самосознания украинского народа»²⁰. Содействие развитию национального самосознания происходило, как мы видим, на демократической основе. Поэтому-то поэзия Шевченко доходчива по своему содержанию, близка трудящимся всех национальностей.

Страстно любя искусство — живопись, музыку, литературу, в особенности поэзию, Шевченко писал о себе в повести «Художник»: «...я самый неистовый поклонник прекрасного, как в самой природе, так и в божественном искусстве» (IV, 236). Искусство было для него безусловной жизненной необходимостью, одним из способов борьбы за дело народное.

А. М. Горький говорил, что Пушкин «первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности. что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он

¹⁹ «Основа», 1861, июнь, стр. 6.

²⁰ «Правда», 12 января 1954 г.

первый поднял звание литератора на высоту до него недостижимую: в его глазах поэт — выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни»²¹. Среди украинской интеллигенции это первым понял Шевченко. Звание народного национального поэта он поднял на громадную высоту. Шевченко требовал, чтобы искусство служило «громаді у сіряках», т. е. антикрепостническому движению крестьянства. Сам он всю свою жизнь отдал этому служению.

В стихотворении «Муза» Шевченко говорил, что муза, понимая под этим призвание поэта, никогда его не покидала. Без поэзии он не мыслил жизни. Еще в 1845 г. Шевченко предчувствовал, какая жестокая судьба ожидает поэта-борца, но он не мог изменить своему призванию:

Страшно быть в оковах, страшно
Умирать в неволе,
Но страшней, куда страшнее
Спать на вольной воле...

(1, 429)

Критерием, с которым подходил Шевченко к оценке того или иного произведения, всегда была жизненная правдивость, высокая идейность. Эти принципы лежат в основе всего его творчества. И эти славные традиции революционного демократизма восприняла пролетарская литература, марксистско-ленинская эстетика и литературная критика.

Шевченко критикует пустоту, безыдейность в искусстве. Так, аполитичного поэта в тридцатых годах Бенедиктова он называет «певцом кудрей и прочего тому подобного». Заметим, Белинский в свое время также отмечал пустоту поэзии Бенедиктова, «риторическую шумиху, набор общих фраз». Герцен заявлял также, что в «истерических образах» Бенедиктова «не было ничего жизненного, реального». Когда же в пятидесятых годах в творчестве Бенедиктова появились социальные народные мотивы, Шевченко радостно приветствовал это явление: «Неужели, — говорил он, — со смертью этого огромного нашего Тормоза, как выразился Искандер (речь идет о царе Николае I. — М. Н.), поэты воскресли, обновились?» (V, 117).

С первых лет своего творчества, еще в своих знаменитых «Думах» (1839), Шевченко выступил борцом за «щиру правду», правду украинского простого народа. Эту же мысль и в дальнейшем он неоднократно выражал в своей поэзии. В стихотворении «Муза» он просил музу учить его «вещать лишь правду».

²¹ М. Горький. История русской литературы. М., 1939, стр. 94

И этой правде поэт не изменил на всем своем жизненном пути. В стихотворении «Доля» (1858) он с гордостью восклицает:

Но не хитрили мы с тобою,
Шли прямо, нету ни зерна
У нас неправды за собою.

Социальная правда, отображавшая интересы крестьянства, выступала в творчестве Шевченко по преимуществу не в форме непосредственно социологических понятий, а в форме поэзии. Не случайно в одной из своих повестей он применяет такое выражение как «правда опозитизированная» (IV, 389).

Страстный поборник жизненной правды в искусстве, Шевченко изобличает «вралей». «Бессовестны, вредны и подлы, наконец, такие писатели», — делает он заметку у себя в дневнике. В стихотворении «Когда б вы знали, барчуки», как было уже отмечено, поэт негодует на дворянских писателей за то, что они изображают крестьянскую хату «божьем раем», когда там фактически ад. В поэме «Сон» со всей силой он обрушивается на «верноподданнейших» писателей, воспевающих царизм, называя их «тупорылыми стихоплетами».

Правда, за которую борется Шевченко, является правдой закрепощенного украинского крестьянства, борющегося за свое социальное и национальное освобождение. Она является классовой правдой, исторически объективной, так как в ней отражается поступательный ход истории. Именно эта идейно-политическая целеустремленность характеризует поэзию Шевченко и все его творчество.

В своем творчестве Шевченко показал ряд положительных героев. Например, в поэме «Гайдамаки», кроме исторически реальных личностей — Гонты и Железняка, поэт выводит образ Яремы, «сироты убогого», который работал батраком у корчмаря, а затем, когда началось повстанческое движение и у него «выросли крылья», он почувствовал силу и под именем Галайды сражался в отрядах Железняка и Гонты. В этой же поэме важно и другое — героем здесь выступает весь народ, который поголовно поднялся на восстание, пошел «в гайдамаки». Образно выражаясь, поэт писал: «Зазвонили по всей Украине». В поэме «Варнак» и в одноименной повести Шевченко также изображает положительного героя в образе атамана отряда повстанцев. Таким образом, на примере творчества Шевченко следует еще раз опровергнуть клеветническое утверждение «исследователей» типа Гурвича, которые отрицают наличие положительных героев в нашей дооктябрьской литературе.

Правда, герои произведений Шевченко не представляют себе той новой жизни, которая должна наступить после уничто-

жения крепостничества. Дальше общей мечты о «воле» они не поднимаются. Объясняется это, как уже говорилось, уровнем развития общественных отношений того времени и крестьянским характером идеологии революционных борцов. Хотя в некоторых высказываниях и в поэтических произведениях Шевченко, как об этом также было сказано, идеал будущего общества вырисовывается перед народным поэтом в самых общих чертах в виде крестьянского, утопического социализма.

Не взирая на отсутствие у героев названных произведений положительного решения вопроса о будущем обществе, они тем не менее идейно-политически явно тенденциозны. Что касается принципиально вопроса о тенденциозности, Энгельс писал: «Я ни в коем случае не против тенденциозной поэзии, как таковой... Современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, все сплошь тенденциозны. Но, я думаю, что тенденция должна сама по себе вытекать из положения и действия, без того, чтобы на это особо указывалось, и что писатель не обязан подносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов»²².

Творчеству Шевченко и, в частности, таким его произведениям, как «Гайдамаки», поэма и повесть «Варнак», присуще именно такое положение, когда писатель не дает представления о том, как будут, в смысле замены новым строем, разрешены существующие общественные конфликты. Но Шевченко, если применить выражение Энгельса, «расшатывал оптимизм», «вселяя сомнения» по поводу неизменности основ существующего порядка. Больше того, он показывал те реальные силы, которые должны привести к уничтожению устаревшего общественного строя — отряды повстанцев, восставший народ. Именно в таком плане поэт и давал образы положительных героев в литературе.

Украинские буржуазные националисты и иные политические противники Шевченко, извращая идейное наследие поэта, пытаются выхолостить классовый, политический смысл из его творчества. Немало в этом направлении постаралась редакция журнала «Киевская старина». Так, некий А. Русов в своей статье о живописи Шевченко изображает его как «поэта глубокой мировой печали», «мировой скорби»²³, пытаюсь оторвать поэта от родного ему народа, скрыть его революционность.

Н. Ф. Сумцов в статье «О мотивах поэзии Т. Г. Шевченко» отрицает «политические мотивы» поэзии Шевченко по тем соображениям, что они будто бы «устарели». Он пытается доказать, будто Шевченко воспекает кладбище, найдя в нем «харак-

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 505.

²³ «Киевская старина», 1894, февраль, стр. 190.

терные» украинские национальные черты. Главное содержание в поэзии Шевченко Сумцов видит в воспевании обездоленных «покрыток» и в борьбе за сохранение традиций «семейно-родственных отношений», а также в воспевании красот природы²⁴.

О первых двух вопросах мы уже говорили. Что касается воспевания красот природы, то Шевченко действительно выступает здесь непревзойденным мастером в украинской демократической поэзии. Но у него нет приторно слащавого любования природой самой по себе, как это пытаются представить фальсификаторы его творчества. В произведениях поэта на первый план выступают социальные мотивы. Он показывает контрасты: красоту, великолепие, богатство в природе и нищету, убожество, страдания трудящихся. Тем самым он толкает мысль в том направлении, что этот контраст надо разрешить путем борьбы за переустройство общественной жизни («И вырос я в краю чужом», «Когда б вы знали, барчуки»).

Шевченко был непримирим в борьбе с беспринципностью в художественном творчестве, безыдейностью, пошлостью. Он, например, назвал Аркадия Родзянко «сальным стихоплетом». Шевченко резко критикует пустоту и пошлость драмы Потехина «Суд людской — не божий» и водевиль «Коломенский нахлебник». «Драма — дрянь с подробностями», — записывает он в дневнике, — а «водевиль балаганный и исполнен был соответственно своему назначению».

Шевченко видел, что на идейно-политическое содержание искусства и на его форму накладывает свой отпечаток политический режим в стране. С убийственной иронией говорит он, например, об «искусстве» времен Николая I: «Дочь второго полка», — отмечает он, — глупейшее произведение Доницетти... Покойному нашему Тормозу (царю Николаю I. — М. Н.), надо думать, очень нравилось это топорное произведение. Да не по его ли заказу оно родилось на свет божий? При нем, я помню, когда-то в Петербурге оперетка эта исполнялась с большей дисциплиной. Теперь она и это существенное свое достоинство утратила. Что бы сказал на это Тормоз? Он бы Гедеонова (директора государственных театров. — М. Н.) на месяц на гауптвахту упрятал» (V, 59, 146, 188).

Побывав в одном нижегородском институте, Шевченко записал в дневнике: «В залах института, кроме скамеек и грозного лубочного изображения самодержца, ни одной картины, ни одной гравюры. Чисто, гладко, как в любом манеже. Где же эстетическое воспитание женщины? А оно для нее, как освежающий дыхание воздух, необходимо. Душегубцы!» (V, 194). Замеча-

²⁴ «Киевская старина», 1899, февраль, стр. 223—224.

тельная мысль Шевченко о большом значении эстетического воспитания и сейчас не утратила своей свежести.

Шевченко умел находить связь между большими, общими политическими вопросами и отдельными явлениями в области искусства. Так, он прекрасно понимал все политическое значение изобличительной литературы. Он с величайшим восторгом, как уже было отмечено, отзывался о «бессмертном Гоголе» и его гениальном ученике — Салтыкове-Щедрине. Одной из важных форм художественного творчества, отвечающей духу того времени, Шевченко считал сатиру и сам использовал ее. Нам «необходима,— писал он в дневнике,— сатира, только сатира умная, благородная. Такая, например, как «Жених» («Сватовство майора». — М. Н.) Федотова или «Свои люди — сочтемся» Островского и «Ревизор» Гоголя» (V, 35). В повести «Прогулка...» он писал по адресу помещиков: «...их следует и должно печатно казнить и позорить...» (IV, 367).

Шевченко поэтому приветствовал выступление в печати украинской революционно-демократической писательницы Марка Вовчка как «обличителя жестоких и ненасытных» помещиков-крепостников (II, 287).

Эта славная традиция революционной демократии, когда печать используется как одно из могучих средств в борьбе с язвами и пороками общественного строя, прочно вошла в сокровищницу идей марксизма-ленинизма.

Изобличительный характер литературного творчества Шевченко наиболее ярко проявляется в середине 40-х годов и затем после ссылки, в 50-х годах, в особенности в таких поэтических произведениях, как «Сон» («У всякого своя доля»), «Кавказ», «Юродивый», «Я на здоровье не в обиде», «Когда бы знали, барчуки» и других, а также в русских повестях.

Будучи сторонником сатиры, Шевченко и в живописи намеревался еще более развернуть свое творчество в том же направлении. Он строил планы создания серии картин под названием «Притча о блудном сыне» применительно к нравам и обычаям русского купечества, и очень сожалел, что покойный «Федотов не наткнулся на эту богатую идею, он бы из нее выработал изящнейшую сатиру в лицах для нашего темного полутатарского купечества» (V, 34—35).

Считая литературу великим средством общественной борьбы, Шевченко очень высоко ставил слово поэта, его громадное воздействие на народные массы.

Возвеличу
Рабов и малых и немых!
Я стражем верным возле них
Поставлю слово...

(II, 285).

Слово поэта — это не плач смирения или безнадежного отчаяния, а призыв к действию, к борьбе. Оно должно «людское сердце пробивать...». Поэзия, по мнению Шевченко, должна быть боевой, такой...

Чтоб огненно заговорила,
Чтоб слово пламенем зажглось,
Чтоб людям сердце растопило...

Посеянные «слова-слезы» превратятся, по мнению поэта, в «ножи» — в оружие беспощадной расправы над врагами. «Слова-слезы» поэта, посеянные в массы, вырастут; они, по образному выражению поэта, превратятся в огонь и сожгут врагов народа (см. II, 99, 260, 262; I, 305—306).

Возвращаясь из ссылки на волжском пароходе, Шевченко слушал, как мы уже говорили, замечательную игру талантливо-го скрипача, бывшего крепостного Алексея Панова. Шевченко записал в дневнике, что он услышал, как «из... бедной скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души и сливаются в один протяжный, мрачный глубокий стон миллионов крепостных душ». Под влиянием этих «скорбных, вопиющих звуков» поэт перешел к размышлениям о неизбежной гибели всего крепостного строя (V, 111—112). В повести «Музыкант» Шевченко рассказывает, как талантливый крепостной виолончелист излил перед ним свою душу в прекрасной музыке, в которой отразились «стоны рыдающего непорочного сердца» его.

Таковую же мысль о единстве внешней красоты и внутреннего содержания проводит Шевченко в русских повестях. Он клеймит позором внешне красивых женщин из помещичьей среды, но бездельниц, нравственно пустых, неспособных даже и быть матерью-воспитательницей своих детей. Такая женщина не является красивой в подлинном смысле этого слова, «пустая» красота не есть красота. Такая женщина, по мнению Шевченко, «деревянная красавица», «бездушный автомат».

Подобное положение встречается у Шевченко неоднократно. В повести «Варнак», как было уже сказано в разделе об этике, писатель морально оправдывает повстанческую деятельность отряда беглых крепостных крестьян, промышлявших в «зеленой дубраве» за счет проезжих богачей, их действия словами положительного героя он называет «честным лыцарским промыслом». Руководителей народных восстаний — Степана Разина, Устима Кармелюка он также называет «славными рыцарями» (см. гл. III). Выходит, действия повстанцев не только честны, но они поднимают до степени благородного рыцарского подвига, приобретают характер красоты самой борьбы. Следовательно, нравственные и эстетические принципы показаны писателем в единстве. Прекрасное в прогрессивной эстетике не может быть

правильно понято иначе, как только в органической связи с передовой общественной борьбой. Такова закономерность.

Сама красота не выступает у Шевченко абстрактно, как красота линий и красок, вне связи с общественными явлениями. Счастье, по его мнению, — в труде, но в труде, освобожденном от крепостной неволи. Только в таком труде может быть прелесть и красота. В повести «Художник» он говорит, что «торжество и венец бессмертной красоты — это оживленное счастьем лицо человека. Возвышеннее, прекраснее в природе я ничего не знаю» (IV, 173). И это счастье выражалось в том, что талантливый художник был освобожден от крепостной зависимости. Красота лица, озаренного счастьем, и счастье в свободной жизни, в свободном труде выражены здесь в неразрывном единстве.

Так, в противоположность идеалистической эстетике с ее формалистическим понятием красоты, Шевченко, как и русские революционные демократы, рассматривает красоту в конкретных исторических условиях, в связи с социальными классовыми отношениями.

Требование глубины идейно-политического содержания в произведении писателя, художника сочеталось у Шевченко с требованием высокой художественной формы. Великий русский художник И. Е. Репин верно сказал: «Глубокая идея становится внушительной только в совершенной форме»²⁵. Сама поэзия Шевченко целиком отвечает этим требованиям. Глубокая, насыщенная, идейно целеустремленная по содержанию, она блестяща и по форме. Этого не смеют отрицать даже многие идейные противники Шевченко.

Выступая сторонником критического направления в литературе, сочетаемого с революционным демократизмом, Шевченко требовал одновременно, чтобы сатира была «не суздальской лубочной», а «умной», «благородной, изящной и меткой сатирой» (V, 35).

В поэзии не только идея должна быть верной, но и самый стих, по мнению Шевченко, должен органически сочетаться с содержанием, создавать красоту и доходчивость.

Шевченко остался недоволен, например, тем, как перевел Плещеев на русский язык одно стихотворение польского поэта Софы (Желиговского). «...П[лещеева] перевод, хотя и передает идею верно, — пишет Шевченко, — но хотелось бы изящнее стиха, хотелось бы, чтобы стих легче и глубже ложился в сердце...» (V, 316).

Задумываясь над эстетическим воспитанием народных масс, Шевченко заботится не только о том, чтобы картины были доступны по цене, но чтобы они были подлинно красивы, изящны

²⁵ «Мастера искусства об искусстве», т. IV, 1937, стр. 396.

и могли заменить лишённые изящества грубые «суздальские» изделия. Художественные произведения должны, по мнению Шевченко, отображать «сочность и свежесть жизни».

Это требование высокой художественной формы Шевченко предъявлял ко всем видам искусства. Так, просмотрев драму Коцебу «Сын любви», он отметил очень низкую форму исполнения пьесы многими актёрами и назвал их игру «лубочной».

Блестящие художественные произведения вызывали у Шевченко величайшую радость. В апреле 1858 г., после долгих лет ссылки, он прослушал оперу Глинки «Иван Сусанин» и сделал в дневнике такую восторженную запись: «Гениальное произведение! Бессмертный М. И. Глинка!»

Страстную любовь к искусству Шевченко противопоставляет духовному убожеству помещиков-крепостников. Эту мысль он образно показал в повести «Художник». Домашний оркестр, блестяще выполнивший музыкальное произведение, вызвал большой восторг у Шевченко, у помещика же в это время Шевченко увидел... «воловы глаза».

Тарасу Шевченко, отличавшемуся глубокой пронизательностью взглядов на явления общественной жизни, чуждо было слепое преклонение перед иностранщиной. Он знал, что не только ему в царской России пришлось начинать свое «артистическое поприще» «растиранием охры и мумии в жерновах и крашением полов, крыш и заборов», но и прославленным художникам за границей жилось не лучше. В повести «Художник» он отмечает, что и в Голландии и в Италии в их «золотое» время «умирали великие художники с голоду» (IV, 139). В письме к Б. Залескому в январе 1854 года Шевченко в том же плане советовал художнику Гороновичу не ехать за границу. «Гороновичу скажи,— писал он,— что в Бельгии и прославленным художникам делать нечего...» (V, 308).

Шевченко, стало быть, понимал, что богатые, господствующие слои общества не только в России (он делал более широкое обобщение), но и в странах Западной Европы не ценят искусство, не заботятся о том, чтобы довести его до простого народа, поставить ему на службу.

Эти глубокие мысли Тараса Шевченко и его единомышленников остаются во многом верными и сегодня. Реакционные слои империалистической буржуазии вовсе не беспокоятся об эстетическом воспитании трудящихся. Растрёпанное, так называемое, искусство империалистической буржуазии, в особенности американской, служит антинародным, грязным целям морального разложения трудящихся, целям пропаганды против социализма, сохранения любой ценой гниющего, умирающего капитализма, целям подготовки войны против Советского Союза и стран народной демократии.

Итак, пользуясь методом реализма в искусстве, Шевченко дал непревзойденные в украинской демократической литературе образцы поэтического творчества. Его поэзия и все его литературное наследие отличаются высокой идейно-политической целеустремленностью революционного демократа. Его художественное творчество блещет замечательнейшими образами и красками. Материалистические воззрения Шевченко органически сочетались у него с его методом реализма в литературе и искусстве, что способствовало проявлению его художественной одаренности.

Наша партия устами Ленина и других выдающихся ее деятелей неоднократно отмечала огромное значение борьбы великих русских революционных демократических писателей и критиков — Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина против так называемого «чистого искусства», «искусства ради искусства», признавала их борцами за искусство для народа, за его высокую идейность и общественное значение.

Марксистская эстетика и литературная критика восприняли лучшие традиции революционных демократов, подвергнув их критической переработке.

В эту сокровищницу великих традиций, как мы видим, свою долю внес и Тарас Шевченко. Борьба Шевченко против теоретиков «чистого искусства» не утратила своего значения и поныне. И в области теории, а главное — в своей пламенной поэзии Шевченко выступал живым подтверждением того принципиального положения в эстетике, о котором говорил А. А. Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград»: «Искусство не может отделить себя от судьбы народа».

Некоторые положения революционно-демократической эстетики Шевченко, так же как и русских революционных демократов и материалистов, сохраняют свое значение и сегодня.

Реализм Шевченко, как и русских революционеров-демократов, был предшественником социалистического реализма в искусстве, родоначальником которого в нашей стране является А. М. Горький. Социалистический реализм, развивающийся на основе марксизма-ленинизма, является выражением идеологии революционного рабочего класса, единственно последовательного борца за коммунизм.

Эстетические воззрения Шевченко и русских революционных демократов страдали ограниченностью, объясняемой условиями, в которых жили и творили революционные демократы. Только идеологи революционного пролетариата — Маркс и Энгельс, на основе метода диалектического материализма, впервые создали научные принципы эстетики, развиваемые далее Лениным.

Глава шестая

Т. Г. ШЕВЧЕНКО И КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО. БОРЬБА ЗА НАСЛЕДИЕ ШЕВЧЕНКО ПОСЛЕ СМЕРТИ ПОЭТА

1

Мировоззрение Т. Г. Шевченко, как уже отмечалось выше, формировалось и крепло в борьбе с враждебной идеологией — помещичье-буржуазным либерализмом, национализмом.

Тема борьбы двух направлений — большая и сложная, она, несомненно, может быть предметом специального исследования. А пока, в этой части советскими авторами, нам думается, сделано еще немного. Не случайно в нашей литературе даже в послевоенное время появились такие высказывания, в которых среди лучших людей России и Украины, наряду с Чернышевским, Добролюбовым и Шевченко, называются... П. Кулиш и Н. Костомаров — украинские буржуазные националисты. Так писал А. Дорошкевич в своей вступительной статье в книге «Вибрані твори» Марка Вовчка, вышедшей в 1946 году (см. стр. 12)¹.

Борьба двух направлений резко выявилась в конце 50 и в 60-х годах, но начала проявляться еще в 40-х годах XIX в., в частности, в Кирилло-Мефодиевском обществе.

Украинские буржуазные националисты — М. Грушевский и его «школа» — пытаются изобразить Кирилло-Мефодиевское общество как нечто цельное, без внутренних противоречий. Идеальным вождем общества они считают Н. Костомарова, маскируя его бур-

---

¹ В статье Е. П. Кирилюка «Шевченко — непримиренный борец проти українського буржуазного націоналізму...» (Збірник праць третьої наукової шевченківської конференції, Київ, 1955) показаны демократизм и революционность Шевченко, в противоположность либерализму и национализму Костомарова и Кулиша, на примерах художественной литературы 40-х гг. Автор не касается других общественно-политических выступлений Кулиша и Костомарова и остального периода времени, не касается борьбы в Кирилло-Мефодиевском обществе, борьбы Кулиша и Костомарова против шевченковских идей революционного демократизма после смерти поэта. Таким образом, Е. П. Кирилюк пытается внести некоторый вклад в отдельной ограниченной области (и, думается, успешно), в исследование той же проблемы, которая рассматривается в данной главе.

жуазный либерализм под демократизм или даже под революционный демократизм. Эта «концепция» Грушевского о едином потоке нации разгромлена нашей советской наукой как антинаучная, реакционная, буржуазно-националистическая.

Но в нашей литературе о Кирилло-Мефодиевском обществе имеются еще грубые извращения. Это относится, в частности, к сборнику статей Киевского университета, к статье А. Бортникова «Шевченко и организация Кирилло-Мефодиевского общества». А. Бортников отрицает утверждение украинских националистов о единой либерально-буржуазной идеологии общества, но пытается доказать наличие в нем «единого потока» демократического направления. Следует также отметить, что автор примечаний к I тому полного собрания сочинений Шевченко (Київ, 1939) неверно характеризует Кирилло-Мефодиевское общество как «кружок панславистского направления» (стр. 415).

В обстановке 40-х годов, когда деятельность кирилло-мефодиевцев была направлена против главного зла — крепостничества и царизма, общество сыграло свою прогрессивную роль. В нем образовалось левое, революционно-демократическое направление, которое толкало всю деятельность общества к более решительным действиям.

Как видно из заключительного доклада шефа жандармов графа Орлова царю от 28 мая 1847 г., царскому правительству не удалось раскрыть сущность деятельности Кирилло-Мефодиевского общества, его идеологию и пребывание в нем многих его членов. В названном докладе сообщалось, что это общество — «не более как ученый бред трех молодых людей» — Гулака, Белозерского, Костомарова³, поскольку они были изобличены тем, что собственноручно написали программный документ общества, так называемый «Закон божий»⁴, устав общества и два воззвания, в чем они сами признались. Другие лица были осуждены за разные «вредные» для царского правительства мысли и настроения. При изучении подлинного положения дела мы, естественно, не можем быть связаны этим «докладом» графа Орлова и должны показать настоящее политическое лицо организации Кирилло-Мефодиевского общества.

Правда, Костомаров, отрицая наличие определенной организации, все же проговорился на следствии. Он, например, дал такое показание: «Студенты, как Маркович, Посяденко (он же Посяда.— М. Н.), Навроцкий, впершись в мой дом, действительно разглашали, что они были в обществе.., за что я им дал отказ»⁵.

Кирилло-Мефодиевское общество организовалось в начале 1846 г. при активном участии Костомарова. Такие революцион-

³ ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 1 (1847 г.), лл. 176 об., 177.

⁴ Это — «Книги бытия украинского народа».

⁵ ЦГИА, фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 3 (1847), л. 150 об.

но-настроенные люди, как Гулак, Савич, Навроцкий и другие, вступили в общество под воздействием революционной поэзии Шевченко. В статье «Памяти Т. Г. Шевченко» (1901) украинский поэт-революционер П. А. Грабовский писал: «Произведения Шевченко, приобретая все большее и большее влияние на украинскую интеллигенцию, привели к организации в Киеве так называемого «Кирилло-Мефодиевского братства», ставившего главной задачей своей деятельности уничтожение крепостного права и просвещение народа»⁶.

Иван Франко в статье «Тарас Шевченко» также утверждает, что молодежь, участвовавшая в Кирилло-Мефодиевском обществе, вошла в организацию отчасти под влиянием произведений Шевченко.

Распространение нелегальных произведений Шевченко в списках среди членов Кирилло-Мефодиевского общества подтверждает следственное дело III отделения. Например, в деле Белозерского имеется часть под названием «Бумаги Белозерского на 93 листах», среди которых находятся такие стихотворения Шевченко, как «И мертвым и живым», «Сон», «Разрытая могила», «Холодный яр» и др. У Костомарова жандармерия нашла стихотворение Шевченко «Сон».

Естественно, что, вступив в общество весной 1846 г., Шевченко нашел в нем немало участников, настроенных в его духе, и возглавил революционно-демократическое направление.

Тогда же он познакомился с Костомаровым. По словам Костомарова, приведенным им в автобиографии, он сблизился с Шевченко, часто с ним встречался, восхищался его поэтическими произведениями, распространяемыми в списках, и нередко прожигивал с ним вечера до глубокой ночи⁷.

На допросе в III отделении по делу общества Шевченко признал своего участия в обществе, и следствием это формально доказано не было. Да, собственно, жандармов это и не особенно интересовало. Они решили расправиться с Шевченко за обнаруженные при нем во время ареста революционные стихи. Но Шевченко в обществе состоял⁸. Это видно из воспоминаний Костомарова и Кулиша и из письма, написанного самим Шевченко 1 февраля 1847 г. Н. И. Костомарову из Борзни, о состоянии дела в Кирилло-Мефодиевском обществе. «О братстве не пишу, — отмечал Шевченко, — нечего писать. Как сойдемся, так и поплачем. Кулиш блаженствует, а Василь Белозер поехал в Полтаву отказываться от учительства» (V, 268).

Кирилло-Мефодиевское общество имело свой программный документ. Во всех трех экземплярах, имеющих в следственном

⁶ Павло Грабовський. Вибрані твори. Київ, 1949, стр. 308.

⁷ Автобиография Н. И. Костомарова, стр. 189.

⁸ См. «Історія української РСР», т. I, стр. 428.

деле III отделения, этот документ не имеет своего названия. Костомаров, чтобы повести следствие по ложному пути и оправдать себя, иногда называл его «Поднестриянской», но это лишено оснований. В большинстве случаев документ этот называется «Закон божий». Так он впервые был назван провокатором Петровым в его доносе⁹, очевидно, потому, что начинается этот документ словами о том, как бог сотворил мир, что вообще вся рукопись наполнена религиозными выражениями.

В своих «Воспоминаниях о Н. И. Костомарове» Кулиш писал: «Но Костомаров не признался мне, что в мое отсутствие он написал по-украински так называемую «Книгу бытия украинского народа», в подражание известному и столь же несостоятельному произведению Мицкевича»¹⁰. Кулиш, как это видно из ряда его выступлений, в легальной печати всячески пытался отмежеваться от Кирилло-Мефодиевского общества, как от греха своей молодости. Но сейчас для нас важно отметить то, что Кулиш впервые в 1885 г. (до опубликования в печати следственных материалов) программный документ общества называл «Книгой бытия украинского народа» и при этом высказывал мысль о том, что написан он «в подражание» Мицкевичу. Значит, Кулишу это могло быть известно только из бесед внутри самого общества.

Как видно из следственного дела, Костомаров в одной из своих версий по вопросу об авторстве рукописи «Закон божий» показывал, что он сам сравнивал эту рукопись с «Пилигримкою» Мицкевича¹¹.

Шеф жандармов граф Орлов в своем докладе царю 26 марта 1847 г. писал: «Действительно, рукопись «Закон божий» есть не что иное, как переделка книги Мицкевича; переделка же в том состоит, что в «Пилигримке» Мицкевича все приноврено к Польше, а в «Законе божием» — к Малороссии»¹².

В третьем номере журнала «Русское богатство» за 1911 г. В. Семевский в статье «Кирилло-Мефодиевское общество 1846—47 гг.» доказывает, что рукопись, называемая «Закон божий», составлена Н. Костомаровым под влиянием произведения известного польского поэта Адама Мицкевича «Книги народа польского»¹³. В журнале «Наше минуле» (1918, № 1) П. Зайцев опубликовал рукопись «Закон божий» под названием «Книги бития украинского народа». Указав автором рукописи Н. Косто-

⁹ См. ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 1 (1847), л. 65 об.

¹⁰ «Новь», 1885, т. IV, № 13, стр. 67.

¹¹ См. ЦГИА, фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 3 (1847), лл. 10—10 об., 109, 130, 132, 136. «Пилигримка» — это книга Адама Мицкевича «Книги народа польского и польского пилигримства» (Перевод А. Виноградова, М., 1917). Впервые она издана в Париже, в 1832 г.

¹² ЦГИА, ф. № 109, ед. хр. 81, ч. 1 (1847), л. 171.

¹³ «Русское богатство», 1911, № 5, стр. 98—127.

марова, П. Зайцев согласился в основном с аргументацией Семевского по поводу влияния Мицкевича¹⁴. В 1922 г. в издании «Новітня бібліотека» (Львів — Київ) этот документ был опубликован отдельной брошюрой по тексту Зайцева с предисловием Возняка, но без указания, что автором «Книг бытия» является Костомаров.

Так за рукописью, называемой по следственному делу «Закон божий», укрепилось название «Книги бытия украинского народа».

В результате сравнения «Книг народа польского» Адама Мицкевича и «Книг бытия украинского народа» следует прийти к выводу, что схема построения и стиль изложения у Костомарова таковы же, что и у Мицкевича. Местами имеется очень большое сходство и в форме выражений. Приведем тексты некоторых совпадающих мест:

*Книги бытия народа польского»*¹⁵

Вначале была вера в единого бога, и существовала в мире свобода. И не было законов, но была только воля божия; и не было ни господ, ни рабов — были только патриархи и дети их (стр. 9).

Но с течением времени люди отреклись от единого бога и сотворили себе кумиров и поклонялись им, принося кровавые жертвы и ведя войны во славу кумиров своих (9).

И за это бог ниспослал идолопоклонникам тягчайшую кару — порабощение (9).

*«Книги бытия украинского народа»*¹⁶

§ 1. Бог сотворил мир: небо и землю и населил всяким творением, и назначил над всей земною тварью господином человека... дабы каждое поколение и племя искало бога... и так поклонялись бы ему все люди и веровали в него и любили бы его и все были бы счастливы.

§ 2. Но род человеческий забыл бога и отдался диаволу, и каждое племя выдумало себе богов, и стали биться за этих богов, и начала земля поливаться кровью и усеваться пеплом и костями, и во всем свете стало горе, нищета, болезнь, бедствие и несогласие.

§ 3. Так наказал людей справедливый господь потопом, войнами, мором и, что всего хуже, — порабощением.

¹⁴ «Наше минуле», 1918, № 1, стр. 7—21.

¹⁵ Адам Мицкевич. Книги народа польского и польского пилигримства. М., 1917.

¹⁶ ЦГИА, фонд № 109 (1847 г.), ед. хр. 81, ч. 1, лл. 74—99. Имеется там же, ф. 1 эк., ед. хр. 81, ч. 2 (1847 г.) под обозначением: Оригинал, написанный рукой Гулака, на 12 листах. О сотворении мира, под № 8.

Император римский назвал себя богом и провозгласил, что нет в мире иного закона, кроме его воли... (10).

И в те дни пришел в мир сын божий Иисус Христос, научая людей и возвещая, что все они братья, дети единого бога... И еще сказал Христос: кто пойдет за мною, спасен будет, ибо я истина и справедливость (10, 11).

И был предан пыткам польский народ и положен в гробницу.

Ибо не умер польский народ: тело его лежит во гробе, а душа его покинула землю...

И на третий день душа вернется в тело свое, и народ восстанет из мертвых и все народы выведет из неволи.

И как с воскресением христовым прекратились на всей земле кровавые жертвы, так прекратятся войны во всем христианстве по воскресении народа польского (22, 23).

Конечно, Мицкевич утверждает, что он имеет в виду историю польского народа, а Костомаров — историю украинского народа. Но что касается мессианской роли польского или украинского народа, то она, как видно из последних выдержек, приписывается авторами соответственно обоим народам.

Итак, следует считать установленным, во-первых, что программный документ общества, именуемый в следственном деле «Законом божьим», есть основание называть «Книгами бытия украинского народа», и, во-вторых, то, что он написан под влиянием Мицкевича.

Авторство «Книг бытия», как видно из следственного дела, после отказа в первое время, брали на себя, каждый в отдельности, Костомаров, Гулак, Белозерский, чтобы выгородить других. По нашему мнению, автором этого документа в основном является Костомаров, его рукой был написан русский и украинский тексты, фигурирующие в следственном деле. По своему идейно-

§ 19. Итак наказал господь род человеческий, большая часть его, самая образованная, попала в неволю, в руки римского императора.

§ 22. В то время жалился господь отец небесный над родом человеческим, и послал на землю сына своего, дабы показать людям бога, царя и господя.

§ 23. И пришел сын божий на землю, чтоб открыть истину, дабы истина освободила род человеческий.

§ 108. Ибо голос Украины не умолкнул, встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям-славянам, и услышат воззвание ее и восстанет славянщина... И Украина сделается независимую Речью Посполитою в союзе Славянском. Тогда скажут все народы, указывая на то место, где на карте будет нарисована Украина: вот камень, его же не брегоша зиждущий; той бысть по главу угла.

политическому содержанию этот программный документ общества в основном отражает идеологию его правого крыла — Костомарова и Кулиша.

«Книги бытия» направлены против крепостничества и царизма. В этом их исторически-прогрессивное значение. В «Книгах бытия» принципиально осуждается самодержавие. Русский («Московский») царь изображается «идолом», «мучителем» и «деспотом-палачом» (§§ 89, 106, 107)¹⁷; проводится идея организации славянских республик на федеративных началах, идея единения славянских народов на демократической основе — без царя, без пана, без холопа и крепостного, но на основе частной собственности; формально объявлена идея равноправия наций (§§ 108, 109). Однако здесь следует оговориться. В нашей литературе обычно не замечают того, что проповедь мессианской роли украинской нации, о чем речь будет дальше, не совсем вяжется с принципом равноправия наций.

В «Книгах бытия» формулируется идея сплошной демократичности, одноклассовости украинского народа, как его прирожденное свойство. Казачество изображается как организация, свойственная только духу украинского народа, как «истинное братство», где существует полное равенство, выборность старшин, которые должны «служить всем по слову христову» (§§ 76, 98). Так было положено начало националистической «теории» развития украинского народа в виде «единого потока», без внутренней классовой борьбы. Эту точку зрения Костомаров проводит во всех своих последующих писаниях.

Следует, правда, отметить, что эта идея иногда распространяется на все славянство. Славянщина, говорится в «Книгах бытия», хотя терпела неволю, но не сама ее создала, так как и царь и панство не славянским духом созданы, а немецким или татар-

---

¹⁷ В дальнейшем мы будем указывать параграфы «Книг бытия». В следственном деле имеется текст, изложенный по-русски, подлинник которого написан рукой Гулака [ЦГИА, копия — фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 1, лл. 74—99] и подлинник [фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 2 (1847 г.), см. лл. 8—11]. Имеется также рукопись, написанная по-украински Белозерским (фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 5 (1847), см. в разд. «Бумаги Кулиша», л. 15]. Кроме того, в деле Гулака [ЦГИА, ф. 1 эк., ед. хр. 81, ч. 2 (1847 г.), лл. 70—80] имеется текст, написанный рукой Костомарова. Страницы разделены на две части: на левой стороне — русский текст, на правой — украинский, иногда — наоборот. Для ссылок нами взят текст, написанный рукой Гулака, потому что он имеет номера §§, чего нет полностью в костомаровском написании. На эти номера §§ мы в дальнейшем и делаем ссылки. Заметим, номера §§ текста Гулака и номера §§ названного ранее издания «Новітня бібліотека» «Книг бытия» не совпадают, так как в этом последнем некоторые §§ объединены под одним номером, а кое-что пропущено.

В тексте Гулака и в тексте Костомарова нами не обнаружено таких различий, какие бы влияли на смысл того или иного вопроса.

ским (§ 99). Украинскому народу приписываются сплошная демократичность.

Последняя идея развивается Костомаровым и в других работах, например: «Две русские народности» (1861), «Задачи украинофильства» (1882). Впоследствии она была подхвачена и «обосновывалась» многими украинскими буржуазными националистами, в особенности М. Грушевским.

Национализм в «Книгах бытия» нашел свое наиболее яркое проявление в том, что украинскому народу отводилась в истории роль мессии. Украинский народ рассматривался как избранный самим богом, чтоб объединить славянские народы и стать во главе их (§§ 100, 101, 105, 108, 109).

Как видно по основному содержанию и по стилю, «Книги бытия» написаны Н. Костомаровым. Религия в «Книгах бытия» последовательно рассматривается как движущий принцип человеческого развития. В первом же параграфе говорится о том, что бог сотворил мир. Возникновение рабства объясняется «божьим наказанием» за грехи народов. Затем указывается, что «сжалился господь... и послал на землю сына своего» для спасения человечества (§ 22). И далее в §§ 23 и 26 говорится, что только после того, как бог послал на землю своего сына, «стал народ прозревать истину... а за истиной будет свобода». «Нет свободы без Христовой веры» (§ 57). История казачества изображается как борьба «за веру святую» (§ 77). То же самое можно прочесть у Костомарова во всех его работах, где он пишет о казачестве.

Тот факт, что славянские народы попали под иго других народов, объясняется как «наказание господне» (§ 67). Спасательное слово христианства принесли славянским народам посланцы бога — братья Константин¹⁸ и Мефодий (§ 62). По этим соображениям обществу, несомненно по инициативе Костомарова, и присвоено название «Кирилло-Мефодиевское». Общество имело свою эмблему — кольцо с именем «святых» Кирилла и Мефодия, что и записано в § 1 «Главных правил общества». Некоторые члены общества, например Костомаров, Гулак, носили это кольцо. Общество имело свою печать с текстом из Евангелия: «И разумеете истину, и истина освободит вы»¹⁹. Эти слова были девизом общества.

Далее Костомаров впадает в крайнюю мистику, когда пишет в «Книгах бытия», что объединение трех народов — украинского, русского и польского должно было бы совершиться по образу «Троицы Божьей» (§ 91). Вообще эту мысль о том, что религия является движущим принципом исторического процесса, Косто-

¹⁸ Его монашеское имя — Кирилл.

¹⁹ ЦГИА, ф. 1 эк., ед. хр. 81, ч. 2 (1847), лл. 68, 69; ф. № 109, ед. хр. 81, ч. 1 (1847), лл. 3—3 об.; ф. 1 эк., ед. хр. 81, ч. 3 (1847), лл. 7, 120, 128 об., 129, 147, 184, 187.

маров проводит во всех своих исторических и публицистических писаниях.

Украинский народ изображается в «Книгах бытия» глубоко религиозным. «Ни в одной стране на свете,— написано здесь,— так искренне не молятся богу», как на Украине (§ 81). Решительно осуждается французский материализм и атеизм и подчеркивается, что свобода и равенство по Франции погибли именно потому, что «на них (на французах.— *М. Н.*) господь хотел показать всем языкам, что нет свободы без христианской веры» (№№ 52, 53, 55, 57, 58). Эти же идеи Костомаров пропагандирует в своем произведении «Две русские народности» (1861).

Русскому народу в «Книгах бытия» живо приписываются рабские свойства, позаимствованные якобы от татарского или немецкого духа, и все это националистически противопоставляется свободолюбию украинского народа (§§ 72, 99, 100). В сочинении «Две русские народности» Костомаров излагает ту же националистическую точку зрения. В работе «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Костомаров, говоря о русском князе Александре Невском, развивает свою мысль в том же направлении.

В § 72 Новгород восхваляется как город с республиканским устройством в соответствии с духом украинского народа; указывается затем на его падение и на подчинение Московскому царю, а само происхождение царской власти приписывается влиянию татар. Точно так же Костомаров изображает историю в «Двух русских народностях» (см. т. I, 1863, стр. 243—252) и в ряде других произведений.

В § 73 говорится о том, что московский (т. е. русский) народ назвал царя своего богом. В «Двух русских народностях» Костомаров пишет то же самое (т. I, стр. 258).

Украинский народ, согласно §§ 81, 82 «Книг бытия», отличается полной терпимостью в отношении других религий, среди него вовсе нет ересей. Буквально то же самое можно прочитать в «Двух русских народностях» (т. I, стр. 262, 272—273).

Продолжение этих параллелей излишне. И приведенного вполне достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, что «Книги бытия украинского народа» написаны Костомаровым, в них совершенно ясно нашли свое выражение основные принципы религиозно-идеалистического, националистического понимания исторического процесса, которые Костомаров излагал и во многих других своих работах.

В «Книгах бытия» положительно говорится о деятельности декабристов, хотя опять-таки в сугубо националистическом духе, так как это движение в конечном счете приписывается влиянию «вольного духа» украинского народа (§ 105). Но революционная деятельность декабристов здесь вовсе не одобряется. На-

оборот, из ряда других параграфов довольно ясно видно отрицательное отношение к принципу революционного действия. «Христос не хотел, чтобы были бунты и несогласия,— читаем мы в § 40,— а хотел, чтобы мирно и любовно распространилась вера и свобода». По этим же соображениям осуждается и французская революция (§§ 52—57). И вообще делается вывод, что свобода может прийти только в результате прозрения христианской истины (§§ 23, 26). Заметим, что в «Книгах народа польского» нет отрицательного отношения к французской революции. Костомаров в автобиографии подчеркнул, что общество и не мыслило «покушаться на что-нибудь, имеющее хотя бы тень возмущения против существующего общественного порядка и установленных предрержащих властей»²⁰. Он всю свою жизнь придерживался этого мнения.

При аресте членов общества в их бумагах были обнаружены устав общества и воззвания «Братья украинцы» и «Братья великороссияне и поляки»²¹.

Устав общества и обе прокламации не вносят никаких существенных изменений в идейно-политические установки общества. Устав написан Костомаровым, надо полагать, при более активном участии Белозерского, которого в своих «Воспоминаниях о Николае Ивановиче Костомарове» («Новь», 1885, т. IV, № 13) Кулиш называл «секретарем и докладчиком Костомаровского сената». На следствии по делу Кирилло-Мефодиевского общества Белозерский показывал, что «Устав славянского общества, найденный в бумагах Гулака, действительно написан моею рукою...»²².

В уставе проводится тот же религиозный принцип организации общественной жизни. В § 4 говорится: «Принимаем, что правление, законодательство, право собственности и просвещение у всех славян должно основываться на религии Господа нашего Иисуса Христа»²³. Христианская религия признается единственной государственной религией; ни в «Книгах бытия», ни в уставе ничего не говорится о свободе исповедания других религий. Это — костомаровская точка зрения, согласно которой христианская религиозная «истина» является руководящим принципом исторического процесса.

В уставе так же, как и в «Книгах бытия», отрицается необходимость классовой борьбы и утверждается принцип христиан-

²⁰ Автобиография Н. И. Костомарова, стр. 189.

²¹ См. ЦГИА, фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 2 (1847), лл. 68—80; фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 1 (1847), лл. 3—4, 99 об.—100; фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 5 (1847), из разд. «Бумаги Кулиша 1—19 экз.», фонд № 102, ед. хр. 81, ч. 4 (1847). См. «Бумаги Белозерского» на 93 лл.

²² ЦГИА, фонд № 102, ед. хр. 81, ч. 4 (1847), л. 40.

²³ ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 1 (1847), л. 3; ф. 1 эк., ед. хр. 81, ч. 2 (1847), лл. 68, 69.

ства. Так, в § 9 «Главных правил общества» написано: «Как все общество в совокупности, так и каждый член должны свои действия соотносить с евангельскими правилами любви, кротости и терпения...»²⁴.

Из устава ясно видно, что общество было тайной политической организацией, построенной на принципе строгой конспирации. «...И ежели бы какой член претерпел гонение и даже мучения за принятые обществом идеи,— говорится в § 2 «Главных правил общества»,— то, по данной присяге, он не выдает никого из членов своих братьей»²⁵.

Как видно, в «Книгах бытия» отражена в основном идеология украинского буржуазного либерализма и содержатся значительные элементы национализма. Наряду с прогрессивными требованиями уничтожения самодержавия и организации республики, в них содержится требование ликвидации крепостничества, установления равенства для всех граждан, но отрицается необходимость классовой борьбы и революционных преобразований. Разрешение поставленных задач имеется в виду осуществить путем просвещения и проповеди христианской «истины».

Но украинские буржуазные националисты, наперекор фактам, пытаются изобразить всех членов общества революционными демократами и, в частности, Костомарова. Так, П. Зайцев, издавая в 1918 г. «Книги бытия», называл «кирилло-мефодиевских братчиков» «нашими первыми революционерами-демократами», но при этом не приводил, конечно, никаких доказательств²⁶.

Буржуазный националист М. Грушевский в 1928 г. также пытался, вопреки действительности, изобразить Костомарова революционером. Во вступительной статье к его сочинениям он писал: «...все позднейшие исторические труды Костомарова достаточно последовательно развивали те революционные идеи, которые были заложены в его «Книгах бытия украинского народа» времени его молодости...»²⁷. Так писали и другие представители из лагеря украинских националистов, например, в сборнике статей «Шевченко та його доба» (1925, № 1, стр. 46, 53).

В действительности же Костомаров никогда не поднимался выше либерализма и умеренно оппозиционных настроений по отношению к царизму, сочетая либерализм с религиозно-мистическим пониманием исторического процесса.

На содержании «Книг бытия» видно также влияние Шевченко. П. Зайцев, публикуя «Книги бытия» в журнале «Наше

²⁴ См. ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 1 (1847), л. 4; ф. 1 эк., ед. хр. 81, ч. 2, лл. 68—69.

²⁵ Там же.

²⁶ См. «Наше минуле», 1918, № 1, стр. 22.

²⁷ «Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова». 1928, стр. IV.

минуле» за подписью только Костомарова, был неправ, в них в той или иной мере нашла свое отражение борьба двух направлений.

Когда Шевченко вступил в общество, он уже был автором таких острых политических, революционных произведений, как «Сон», «Кавказ», «И мертвым и живым... землякам моим... послание», «Завещание», «Еретик». Костомарову и многим другим кирилло-мефодиевцам, как видно из признания самого Костомарова, из материалов следствия и из других источников, эта нелегальная поэзия Тараса Шевченко была хорошо известна. Не случайно, нам думается, эпиграф к поэме «Еретик» Шевченко попал в «Книги бытия»²⁸, а слова Шевченко в поэме «Сон» по поводу действий Екатерины II в отношении Украины буквально совпадают с выражением в «Книгах бытия». В поэме «Сон» написано:

А вторая доконала
Вдову сиротину.

В «Книгах бытия» (§ 96), написанных по-украински Костомаровым, читаем: «А немка царица Екатерина.. в останне доконала казачтво и волю...»²⁹.

Екатерина II, усилившая крепостной гнет и разорившая Запорожскую Сечь, в «Книгах бытия» (§ 96) названа «Курвой всесвітної»³⁰. Это выражение не в стиле богомольного христианина Костомарова, которого все, кто его знал, считали весьма тихим и смиренным по характеру. Выражение это, несомненно, из лексикона Шевченко. Не случайно в стихотворениях «Хотя лежачего не бьют» и «Подражание Иезекиилю. Глава 19» русскую царицу он назвал «сукой». У Костомарова подобных эпитетов не встречается. Такие выражения в «Книгах бытия» по адресу русского царя, как «идол и мучитель», «деспот-царь», «деспот-палач», также не совсем соответствуют довольно мирным настроениям Костомарова в отношении русского царя.

В следственном деле Белозерского, принимавшего активное участие в составлении документов общества, имеется составленная им записка³¹, в которой излагаются положения, весьма сходные с содержанием «Книг бытия украинского народа» и устава Кирилло-Мефодиевского общества, но и здесь нет той революционной резкости в отношении царизма, какая характерна для произведений Шевченко.

²⁸ См. Т. Шевченко, Собр. соч., т. I, стр. 341; см. ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 1 (1847), «Книги бытия», § 69.

²⁹ См. Т. Шевченко, т. I, стр. 326; См. ЦГИА, фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 2 (1847), л. 78 об. (курсив мой.— М. Н.).

³⁰ ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 1 (1847), л. 78 об.

³¹ См. ЦГИА, фонд № 102, ед. хр. 81, ч. 4 (1847).

Имеются также факты, свидетельствующие о том, что и в это время, когда составлялись «Книги бытия», Костомаров тоже не был воинственно настроен против самодержавия. В октябрьском номере «Киевской старины» за 1897 г. Н. И. Стороженко опубликовал неоконченный гимн «Славянам», сделав при этом правильный вывод, что в гимне воспевается объединение славян под эгидой двуглавого орла, т. е. под скипетром русского царя.

Но Стороженко вовсе неправ, когда пытался приписать авторство гимна Тарасу Шевченко. Впоследствии он принужден был признать, что гимн написан почерком, очень похожим на почерк Костомарова. Жена Костомарова в письме сообщила Стороженко, что гимн составлен ее покойным мужем и был опубликован в журнале «Основа», а затем под названием «Надобраніч» — в книге «Збірник творів Ієремії Галки», вышедшем в Одессе в 1875 г. еще при жизни Н. Костомарова³².

В свете этих данных можно признать, что показания Костомарова на следствии в III отделении о том, что он является сторонником объединения славян под скипетром русского царя, нельзя рассматривать как только попытку выгородить себя от обвинения. Воспевание такого «объединения» славян действительно отражало его политические взгляды.

Как мы видим из бумаг, отобранных у Костомарова при аресте по делу Кирилло-Мефодиевского общества, Костомаров писал своему приятелю Метлинскому о том, «что стремление к поддержанию народности связано тесно должно быть с православием и самодержавием»³³. Здесь, как и в стихотворении «Славянам», Костомаров совершенно непринужденно излагал свою точку зрения по поводу воссоединения славян, которая в основном совпадала с официальной идеологией «самодержавия, православия и народности».

Отсюда следует и второй вывод. Демократизм Костомарова весьма ограничен, его «примирение с самодержавием», совершенно ясно выявившееся в конце 50 — в начале 60-х годов, вовсе не было случайным; начало этой идеи идет еще со времени пребывания Костомарова в Кирилло-Мефодиевском обществе. Тогда он одной рукой писал «Книги бытия», выступая против царя, за республику, а другой — гимн российскому «двуглавному орлу».

Если такова точка зрения Н. Костомарова, то, следовательно, приведенные выше весьма резкие отзывы о русском царе и принцип республике в «Книгах Бытия», можно полагать, есть результат влияния Тараса Шевченко. Эти принципы находятся в полном соответствии с его общественно-политическими взглядами.

³² См. «Киевская старина», 1897, октябрь, стр. 1—5; 1899, июль, стр. 1—3, отд. Документы, декабрь, стр. 123—125; «Збірник творів Ієремії Галки», 1875, стр. 105—109.

³³ См. ЦГИА, фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 3 (1847) л. 157 об.

Для выяснения воззрений по данному вопросу целесообразно, отступив несколько от хронологии, рассмотреть взгляды Костомарова в более позднее время, сопоставив их с воззрениями Н. Г. Чернышевского, друга и единомышленника Тараса Шевченко.

С Костомаровым Чернышевский познакомился в апреле-мае 1851 г. в Саратове, где Костомаров находился после разгрома Кирилло-Мефодиевского общества. В это время Чернышевский был уже революционером и республиканцем. 11 июля 1849 г. он писал в «Дневнике»: «Политика. а) Теория — красный республиканец и социалист», а еще через полгода более определенно: «Вот мой образ мысли о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее... мирное, тихое развитие невозможно»³⁴.

В замечаниях «По поводу «Автобиографии» Н. И. Костомарова» Чернышевский указал на свои разногласия с Костомаровым. «Он (Костомаров.— М. Н.) говорит,— пишет Чернышевский,— что меня тогда «занимало славянство»; оно занимало его; меня не занимало; но он говорил о нем много и горячо; его идеал — федерация всех славянских племен — казался мне идеалом ошибочным, влечение к которому дает результаты, вредные для русских, вредные и для других славян. Потому я спорил против мысли о славянской федерации в той форме, в какой желал этой федерации Костомаров»³⁵.

Чернышевский, как видим, в принципе не был против объединения славян в единую федерацию, но он был против «той формы» объединения, какую отстаивал Костомаров. Нет сомнения в том, что это объединение, по Костомарову, мыслилось не революционным, а мирным путем — путем проповеди христианской истины, как это и записано им в «Книгах бытия». Поэтому-то революционер и атеист. Чернышевский и считал выдвигаемые Костомаровым положения вредными по своим последствиям.

В «Колоколе» Герцена (1859, № 61) Костомаров в статье без подписи, оправдываясь от обвинений его в «сепаратизме», писал: «Напротив, мы бы желали, чтоб все другие славяне соединились с нами в один союз даже *под скипетром русского государя*, если этот государь делается государем свободных народов...»³⁶.

Разумеется, эта оговорка с надеждой на «добраго батюшку царя» не спасает положение. Напомним, что в гимне «Славянам» в 40-х гг. Костомаров воспевал то же единение славян под эгидой «двуглавого орла». Следовательно, панславистские убеж-

³⁴ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в пятнадцати томах, т. I. М., 1939, стр. 297, 356—357.

³⁵ Там же, стр. 773.

³⁶ А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. IX, стр. 483 (курсив наш.— М. Н.).

дения Костомарова были и остались. Разумеется, ни Чернышевский, ни Шевченко не могли с этим примириться.

Некоторые наши исследователи из факта личной приятельской связи Костомарова с Чернышевским в 50-х гг. пытаются сделать вывод об отсутствии у них серьезных общественно-политических разногласий. Этим самым воззрения Костомарова подтягиваются под взгляды Чернышевского. Но ведь сам Костомаров в «Автобиографии» так писал о своих отношениях с Чернышевским: «...судьба поставила меня с ним в самые близкие дружественные отношения, несмотря на то, что в своих убеждениях я с ним не только не сходилась, но был в постоянных противоречиях и спорах»³⁷.

Можно сослаться и еще на один документ. В своем дневнике Чернышевский предостерегает свою невесту Ольгу Сократовну о том, что ему грозят тяжелые последствия за его образ мыслей и за те дела, на которые он способен. «Кроме того,— продолжает он,— у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем». И далее: «Это непременно будет. Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков все растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это... А если вспыхнет, я, несмотря на свою трусость, не буду в состоянии удержаться. Я приму участие». Ольга Сократовна спрашивает его: «Вместе с Костомаровым?» — «Едва ли,— отвечает Чернышевский,— он слишком благороден, поэтичен; его испугает грязь, резня. Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня»³⁸.

Из этой записи в феврале 1853 г. хорошо видно, что Костомаров, по мнению Чернышевского, является человеком совершенно иных общественно-политических воззрений, что он — не революционер. Но это не мешало им до поры до времени иметь личные дружеские отношения и часто встречаться. Такой же характер имела дружба Шевченко с Костомаровым.

Если обратить внимание на то, как Костомаров характеризовал Чернышевского, то можно еще более убедиться в принципиальном различии воззрений Чернышевского и Костомарова. В «Автобиографии» Н. Костомаров писал о Чернышевском, как «человеке чрезвычайно даровитом», отличающемся «разнообразными познаниями и чрезвычайным остроумием». И далее: «Он, впрочем, лишен был того, что носит название поэзии, но зато был энергичен до фанатизма, верен своим убеждениям во всей жизни и в своих поступках и стал ярим апостолом безбожия, материализма и ненависти ко всякой власти»³⁹.

³⁷ Автобиография Н. И. Костомарова, стр. 330.

³⁸ Н. Г. Чернышевский Полное собрание сочинений, т. I, стр. 418—419.

³⁹ Автобиография Н. И. Костомарова, стр. 330.

Такую характеристику Чернышевскому мог дать только враг «безбожия, материализма», противник революционных взглядов. При этом следует отметить, что выражение о «ненависти» Чернышевского «ко всякой власти» неверно. Хорошо известно, в частности, из дневника Чернышевского, что он был сторонником революционной власти из трудового народа. Костомаров же не представлял себе иной власти, кроме существовавшей тогда, и поэтому борьбу Чернышевского против существовавшей власти, т. е. против царизма, рассматривал как борьбу против «всякой власти».

В ряде своих работ по истории Украины Костомаров выступает противником монархического образа правления. Не находится ли это в противоречии с вышеизложенной нами точкой зрения в отношении Костомарова? Думается, что нет. Дело в том, что позиция Костомарова в этом вопросе не является последовательной. Одно положение у Костомарова в его исторических исследованиях, здесь актуальные политические вопросы, и в данном случае вопрос о самодержавии или республике, не приобретает большой политической остроты. Иное дело — публицистические выступления Костомарова, в которых речь идет о животрепещущих вопросах конкретной политической жизни России. Здесь Костомаров идет на примирение с самодержавием.

Костомаров и Шевченко принципиально различно понимали существо дружбы славянских народов и объединения их в федерацию республик. Как видно из работ «О причинах и характере Унии в Западной России» (1841) и «Две русские народности» (1861), Костомаров пропагандировал «противоположность» «душ» русского и украинского народов. Шевченко же являлся вдохновителем идеи дружбы славянских народов на демократических, революционных началах. Это вполне соответствовало уже сложившимся его убеждениям. Еще в предисловии к поэме «Гайдамаки» он пропагандировал братскую дружбу славянских народов, а затем в поэме «Еретик» поэт бросил ясно выраженный клич братского единения всех славян.

Правда, Костомаров тоже говорил о единении славянских народов, но в основу этого единения он клал совсем иной принцип — царизм и христианскую религию. Не трудно понять всю ограниченность мотивов такой дружбы. При этом Костомаров трактовал эти мотивы националистически. Как было уже сказано, в украинском народе он видел мессию, которому самим богом предопределено объединить и спасти славянские народы.

Украинские буржуазные националисты, фальсифицируя историю, утверждают, будто Шевченко находился под влиянием «образованных» Костомарова и Кулиша. Но это не отвечает действительности. Правильнее говорить о влиянии Шевченко на Кулиша и Костомарова. В своих воспоминаниях о Костомарове

Кулиш пишет: «Но мы были очарованы Шевченко почти в буквальном смысле слова. Чары дикой во многих случаях поэзии подавили в моем уме и сердце все, что воспринял я трезвого от несравненного Плетнева». (П. А. Плетнев — либерал, профессор русской словесности и ректор Петербургского университета). В другом месте Кулиш отмечает: «Без сомнения, эти трезвые друзья Плетнева выбили бы из моей головы всякую дурь... Но случилось иначе»⁴⁰. Кулиша арестовали по делу Кирилло-Мефодиевского общества.

С точки зрения по-либеральному «образованного» и верно-подданнически настроенного Кулиша революционность Шевченко это «дикость», «дурь». Но здесь важно подчеркнуть, что и Кулиш в какой-то мере поддавался этой «дикости».

Костомаров также в той или иной мере поддавался «одичанию» под влиянием Шевченко. Кулиш пишет: «Этим я объясняю себе одичание и Костомарова в Киеве, под влиянием генерального дикаря Шевченко»⁴¹.

Поэзия Шевченко была для Костомарова и Кулиша «страшной» и «опасной» и в то же время — «сладкой», «упонительной», «привлекательной». Шевченко как революционный демократ оказывал, таким образом, на них свое влияние⁴².

Однако, ни в коем случае нельзя делать такой вывод, какой делает Бортников, в упомянутой выше статье, будто существует «сходство основных социально-политических идей Кирилло-Мефодиевского общества, выраженных в его документах, с такими же идеями, высказанными в произведениях Шевченко...»⁴³.

В чем общность и в чем различие этих двух идеологий в Кирилло-Мефодиевском обществе? Что их объединяло и что их разъединяло?

Общность задачи буржуазно-либерального направления и революционно-демократического состояла в борьбе с крепостничеством, с деспотизмом русского самодержавия. В этом действительно заключается относительное сходство идей автора «Книги бытия» с идеями поэзии Шевченко 1844—1845 гг., созданной до вступления его в Кирилло-Мефодиевское общество. И эта общность задачи до поры до времени объединяла классово-различные направления в одной организации.

Но не в этом главное. Это совпадение задач временное, преходящее, оно относится лишь к первым шагам нарастающей

⁴⁰ «Новь», 1885, т. IV, № 13, стр. 68.

⁴¹ Там же, стр. 68.

⁴² В «Історії української РСР», т. I, стр. 430 и в «Історії української літератури», т. I (Київ, 1954, стр. 245) имеются утверждения о некотором влиянии Шевченко на составление «Книги бытия українського народу».

⁴³ Т. Шевченко. «Збірник статей до 125-ліття з дня народження» Київ, стр. 278.

борьбы против старого общественного строя. Главным, абсолютным является принцип борьбы, классовой борьбы двух направлений в обществе: революционно-демократического и помещичье-буржуазного либерализма. Главное заключается в существенном различии способов и методов разрешения общественной задачи. Автор «Книг бытия» выступает, как было уже отмечено, против «бунтарских» действий народных масс, он сторонник мирного, т. е. реформистского способа борьбы с крепостным строем, путем пропаганды «христианской истины». Шевченко же — сторонник классовой борьбы; он призывает народные массы к революционному уничтожению старого общественного строя. Костомаров в «Книгах бытия» рассматривает религию как движущий принцип истории, Шевченко это отрицает. Поэтому становится совершенно очевидной вся порочность точки зрения Бортникова о «едином потоке» в Кирилло-Мефодиевском обществе.

Что касается Кулиша, то он в основном разделял взгляды Костомарова. Под свежим впечатлением событий, происходивших в Кирилло-Мефодиевском обществе, отмечая «страшное волнение умов и готовность на самые эфемерные затеи» у здешней (киевской) университетской молодежи, Кулиш в письме Плетневу 29 декабря 1846 г. сообщал: молодежь думала, что я приму участие в их предприятиях и буду «даже главою», а на самом деле «я внутренне смеялся и досадовал. Холодность моих суждений поразила их»⁴⁴.

Уже тогда у него довольно ясно проявлялись либерально-помещичьи убеждения, весьма далекие от демократизма. Скрывшись под псевдонимом лекаря Гладкого, Кулиш в конце 1846 г. издал брошюру «Карманная книжка для помещиков, или лучший, извлеченный из опыта, способ управлять имением». Название книги говорит само за себя. Из показаний Кулиша 13 апреля 1847 г. на следствии по делу Кирилло-Мефодиевского общества видно, что, в оправдание своего хорошего мнения о русских помещиках, он ссылался на эту свою книгу⁴⁵. Кулиш выступал в ней не против крепостничества, он обращался с советами не к крепостным крестьянам, а, наоборот, он поставил своей целью научить помещиков, как надо более умно эксплуатировать крестьянство при сохранении крепостнических отношений, чтобы и волки были сыты и овцы целы.

Говоря о двух борющихся направлениях в Кирилло-Мефодиевском обществе, мы должны подчеркнуть, что наиболее активным, деятельным в обществе было революционно-демократическое течение, возглавляемое Тарасом Шевченко. На допросе в III отделении Андрузский показывал, что Костомаров «часто

⁴⁴ «Новь», 1885, т. IV, № 13, стр. 65.

⁴⁵ ЦГИА, фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 5 (1847).

говорил, а действовал слабо, как будто боролся с какой-то мыслью, противною его направлению, что можно видеть из упреков Посады и из упреков в письмах Шевченко». На очной ставке с Тарасом Шевченко 15 мая 1847 г. Андрузский продолжал: Шевченко «побуждал к большей деятельности Славянское общество; предположение славянистов создать журнал... с отъездом Шевченко из Киева приостанавливалось, а с возвращением его оживлялось»⁴⁶. По словам Андрузского, бездеятельность членов общества приводила Шевченко в негодование.

По понятным причинам, ко всяким показаниям на следствии надо относиться с большой осторожностью, и, в частности, к показаниям Андрузского, который, испугавшись последствий по делу о кирилло-мефодиевцах, 8 июня 1847 г. подал покаянное заявление, в котором писал, что в своих показаниях на следствии он все преувеличил⁴⁷. Это, как мы увидим дальше, вовсе не значит, что показаниям Андрузского нельзя верить. Не касаясь сейчас других сторон его показаний, мы имеем достаточное основание сказать, что его заявление о наибольшей активности в обществе Тараса Шевченко отвечает действительности. Андрузский, как видно из цитированного, ссылается на указанное нами выше письмо Шевченко.

Шевченко старался направить общество по революционному пути. Это подтверждает также анализ социально-политических воззрений наиболее активных членов Кирилло-Мефодиевского общества, принадлежавших к направлению Шевченко.

На следствии в III отделении студент Петров так говорил о политических взглядах Гулака: «Гулак мне сообщил, что общество означенных славян предполагало установить в каждом отдельном славянском племени правление народное...»⁴⁸. Это правильно отображает точку зрения Гулака. Указание на такое государственное устройство можно найти также в «Книгах бытия украинского народа» и в воззвании «Братья-украинцы». В § 4 воззвания написано: «Чтоб в каждой республике был правитель, избранный на время, и над целым союзом (славянских племен.— М. Н.) был такой же правитель, выбранный на время»⁴⁹.

Сторонником республиканского образа правления называет Гулака также и Андрузский. «Гулак,— заявляет он,— был из числа представителей славянской партии в «Обществе», которая имела целью, при соединении славянских племен, ввести в них устройство по примеру Соединенных Штатов или нынешней конституции Франции».

⁴⁶ ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 8 (1847), лл. 20, 17, 25.

⁴⁷ Там же, л. 59—60.

⁴⁸ ЦГИА, фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 16(1847), л. 7.

⁴⁹ ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 1, л. 99 об. 100.

Многие говорят в этом направлении и показания Костомарова. «Гулак,— заявил он следственным властям,— действительно обнаруживал склонность к либерализму (свободомыслию.— М. Н.), в особенности глупую и странную страсть к корпорациям и обществам». Костомаров упорно утверждал, что инициатива создания общества принадлежит Гулаку. И вообще Костомаров пытался отгородиться от слишком левого Гулака. На следствии Костомаров заявил, что он с Гулаком «почти даже раззнакомился»⁵⁰.

На очной ставке Петров показывал: «Гулак в декабре 1846 г. обнаруживал прямо революционные намерения, что предполагая соединить славянские племена и ввести в них народное правление, он надеялся достигнуть этого возбуждением славян к восстанию против верховных властей их; говорил, при этом «Общество» будет действовать миролюбиво в отношении к царской фамилии, но если переворот будет произведен, а государь не пожелает сложить с себя верховной власти, то необходимость заставит пожертвовать царскою фамилиею»⁵¹.

Говоря о Гулаке, Петров добавляет: «Все слышано от Гулака и Навроцкого»⁵². Стало быть, Навроцкий также был сторонником и республиканского образа правления и революционного метода действий.

Выгораживая себя, Костомаров заявлял на следствии: «Я несколько раз говорил Гулаку, Белозерскому и Навроцкому, чтоб они не мечтали об «Обществе» и если составили устав, то чтобы порвали»⁵³.

Навроцкий был близким другом Гулака. Петров говорил, что Навроцкий так излагал разделяемую им точку зрения славянистов: славянисты старались, «представивши народу с самой невыгодной стороны все распоряжения правительства и, возбудивши тем ненависть, побудить к перевороту»⁵⁴.

Навроцкий вообще характеризуется как пламенный поклонник Шевченко. На следствии он показывал, что произведение «Гайдамаки» по языку и по гомерическим описаниям может стать наравне с 6-й песней гомеровой «Илиады». Андрузский заявил, что Навроцкий «чуть ли не наизусть знает сочинения Шевченко». Он является одним из самых активных распространителей таких революционных стихотворений Шевченко, как «Сон», «Кавказ», «И мертвым и живым... землякам... послание» и других. Маркович показывал, что стихи Шевченко он получил от

⁵⁰ ЦГИА, ф. 1 эк., ед. хр. 81, ч. 2 (1847), л. 90—91. Фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 3 (1847), л. 151 об., 147 об., 124 об.

⁵¹ ЦГИА, фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 2 (1847), л. 90—91 об.

⁵² Там же, ед. хр. 81, ч. 16 (1847), л. 8 об.

⁵³ Там же, фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 3, л. 158 об.

⁵⁴ Там же, л. 8.

Навроцкого, Петров заявлял, что все сведения о Шевченко и его сочинениях он получил от Навроцкого, который «прочитал мне 4 стихотворения Шевченко, имеющие своим содержанием вообще мысли явно противозаконные». На вопрос по поводу обнаруженной у него тетради стихотворений Шевченко, «самого вольного и возмутительного содержания», Маркович ответил на следствии, что стихи «получал, кажется» от Навроцкого⁵⁵.

Следовательно, и Навроцкий являлся активным сторонником революционного, шевченковского направления в Кирилло-Мефодиевском обществе. При аресте Навроцкого у него было обнаружено распространенное тогда нелегально в списках стихотворения Лермонтова «На смерть Пушкина»⁵⁶.

К направлению, возглавляемому Шевченко, принадлежал также Савич. По показаниям Петрова, Савич, будучи на квартире у Гулака, «рассуждал в самом революционном духе о преобразовании правления в России». «Савич,— продолжает Петров,— доказывал возможность произвести таковой переворот». Местом укрытия для восставших должна быть «Киевская крепость». На очной ставке Петров также утверждал, что «Савич предавался революционным суждениям, говоря, что в случае возмущения можно воспользоваться Киевской крепостью». Савич, по заявлению Петрова, имея в виду неорганизованность выступления декабристов, «доказывал дурные распоряжения заговорщиков 1825 года».

По показаниям Андрузского, среди членов общества происходил разговор о том, что «должен был повториться 1825 год».

В соответствии с показаниями Петрова Навроцкому на следствии был задан вопрос: действительно ли «...у Гулака, в декабре 1846 г. при вас и Костомарове помещик Савич доказывал необходимость уничтожить в России монархическое правление и ввести народное в представительной форме... что строящаяся в Киеве крепость будет удобным местом для собрания заговорщиков...». Навроцкий, понятно, отказался от того, что он принимал участие в таких беседах.

Когда жандармерия распорядилась возвратить поручика Савича из-за границы, Савич, узнав об этом, пытался покончить жизнь самоубийством, но был спасен.

На вопрос следователя: говорил ли он об уничтожении монархического правления и об использовании крепости для заговорщиков, Савич, понятно, дал отрицательный ответ. На вопросы

⁵⁵ Цитированное и сказанное о Навроцком, см. ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 7 (1847), л. 12, 24—24 об., 25; там же, ед. хр. 81, ч. 8 (1847), лл. 16, 26 об., 29; там же, ед. хр. 81, ч. 11 (1847), лл. 15 об. 24; там же, ед. хр. 81, ч. 11 (1847), л. 12; там же, фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 16 (1847), л. 10 об.— 11.

⁵⁶ ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 7 (18), л. 7.

о соединении славянских племен, о конституционном правлении Савич ответил, что говорил о необходимости этого лет через 200, но под скипетром Российского монарха. Этим последним ответом Савич удачно отвел от себя предъявленные ему обвинения.

Костомаров, выгораживая себя, резко отзывался о воззрениях Савича. «Он (Савич.— М. Н.) оказывал либеральное расположение (свободомыслие.— М. Н.), за что я,— говорил Костомаров,— с ним и раззнакомился... он был помешан на французском коммунизме и считал возможным, что общество человеческое дойдет до того, что все будет общим...»⁵⁷. (Правда, впоследствии Костомаров отказался от обвинения Савича в коммунизме).

Имеются сведения, что еще до вступления в Кирилло-Мефодиевское общество Н. И. Савич отличался большой начитанностью. Он увлекался чтением произведений французских авторов XVIII в., в частности, энциклопедистов и Вольтера. В библиотеке отца Савич, надо полагать, ознакомился и с французским утопическим социализмом. Еще до вступления в общество он три года жил в Париже с целью пополнения образования и имел, значит, широкую возможность познакомиться там с французской социально-политической литературой. Утопический социализм сочетался в воззрениях Савича с элементами революционного демократизма.

По воспоминаниям современников, вступив в общество, Савич так увлекся идеей объединения славян, что даже изменил свой план путешествия: вместо Парижа он поехал в славянские страны для пропаганды идей общества. Характерно, что он захватил с собой поэму Шевченко «Кавказ» для передачи ее находившемуся в эмиграции польскому поэту Мицкевичу. Как известно, Савич вручил поэму Мицкевичу⁵⁸.

Программные требования общества Андрузский также оценивал как республиканские и заявлял, что он разделяет их. «Главная цель, соединявшая всех, была: соединение славян воедино, принимая за образец Соединенные Штаты, или нынешнюю конституцию Франции». Рассказывая о том, как у него зрела мысль о преимуществах республики в сравнении с монархией, он говорил: «Но перелом приближался; я уже написал, в каком случае республика лучше монархии, оставалось только внедрить в себя эту мысль». Говоря далее о методе действий

⁵⁷ См. ЦГИА, фонд 1 эк. ед. хр. 81, ч. 16 (1847), л. 12; ф. № 109, ед. хр. 81, ч. 1 (1847) л. 10 об.; ф. 1 эк., ед. хр. 81, ч. 3 (1847), л. 178 об., 152 об.; фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 7 (1847), л. 21—21 об.; фонд 1 эк., ед. хр. 81, ч. 10 (1847), лл. 21, 45—46 об.

⁵⁸ «Киевская старина», 1904, февраль, стр. 229—235.

членов общества. Андрузский показывал: «Следовательно, должен был повториться 1825 год».

Стало бы в среде кирилло-мефодиевцев, принадлежавших к направлению Шевченко, действительно шла речь об использовании революционных традиций декабристов.

Как видно затем из показаний Андрузского, он считал себя сторонником Шевченко, который, по его словам, «возбуждал к большей деятельности общество...». «Его поэтическая слава,— говорил он о Шевченко,— гремела по всей Малороссии... Я сам плакал, читая его «Думы» и «Катерину»... свои «Кавказ», «Сон». «Послание к землякам» он привез из Петербурга... Шевченко превозносили до небес». В то же время, по понятным соображениям, Андрузский отмежевывался от политических взглядов Шевченко⁵⁹. Но себя он называл республиканцем. И не случайно, как видно из следственного дела, будучи в Казанском университете в 1850 г., Андрузский снова был репрессирован за то, что «не изменил» своих убеждений и был сослан в Соловецкий монастырь, откуда освобожден только в 1856 году⁶⁰.

К числу сторонников направления Шевченко принадлежал также Посяда, который писал Гулаку (это видно из бумаг, изъятых по делу общества): «Я удалился на время от Вашего вполне христианского общества, но дух мой никогда не удалится от него».

Посяда решительно выступал против крепостничества и царизма. «Он только и думал о крестьянах», «происходил он из крестьян,— говорил о нем Андрузский,— он задумал, во что бы то ни стало, облегчить быт этого класса; ненавидел дворян и монархизм, будто бы потворствующий помещикам». «Сковороду почитал великим философом; Шевченко почитал великим поэтом... просил меня достать от Навроцкого стихотворения Шевченко».

Белозерский на следствии показывал, что он знал Посяду, как «любящего сильно свою родину и болезнующего над бедностью низшего класса». В следственном деле о Посяде имеется выписка из составленного им обращения к неизвестному лицу, в котором описывается бедственное положение народа Украины. «Куда ни пойдешь, куда ни посмотришь (в Малороссии),— пишет он,— везде плач, везде вздохи, неволью скажешь: ой як тяжко, ой як важко на сім світі жити»⁶¹.

⁵⁹ См. ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 8 (1847), лл. 14 об., 32, 16, 21—21 об., 25.

⁶⁰ См. ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 8 (1847), л. 156—156 об.

⁶¹ См. ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 8 (1847), лл. 14 об., 15, 28 об.; ф. 1 эк., ед. хр. 81, ч. 9 (1847), лл. 30—30 об.; фонд № 102, ед. хр. 81, ч. 4 (1847), л. 75; ф. 1 эк., ед. хр. 81, ч. 3 (1847), л. 142.

О члене общества Пильчикове Андрузский говорит: он «только и бредил республикой...»⁶².

Из всего сказанного выше о членах Кирилло-Мефодиевского общества можно сделать вывод, что Шевченко возглавлял в нем более многочисленную из числа актива группу республиканцев и революционеров, или, по крайней мере, людей революционно настроенных. Не случайно, что из числа осужденных царской властью восьми кирилло-мефодиевцев, пять принадлежали к группе Шевченко. Андрузский же за свои политические убеждения в 1850 г. вторично был подвергнут репрессии.

В этой среде, как мы видим, велись беседы об использовании традиций декабристов-революционеров, о необходимости революционных преобразований, о будущем коммунистическом обществе. Революционно-демократические идеи сочетались с идеями утопического социализма.

Когда в 50—60-х годах XIX в. классовая борьба в стране обострилась, вся дальнейшая история, как увидим далее, ясно показала не «сходство», а непримиримость, враждебность двух общественно-политических течений в Кирилло-Мефодиевском обществе.

Остановливаясь далее на истории внутривнутриполитических отношений в Кирилло-Мефодиевском обществе, мы действительно видим там борьбу двух направлений.

В автобиографии Н. Костомаров рассказывает: «Когда я сообщил Шевченко о существовании общества, он тотчас же изъявил готовность пристать к нему; но отнесся к его идеям с большим задором и крайней нетерпимостью, что послужило поводом ко многим спорам между мною и Шевченко... Нескончаемые велись между нами разговоры и споры»⁶³.

Из дальнейшего рассказа Костомарова видно, чем отличались позиции его и Шевченко. Когда Костомаров, Шевченко, Гулак, Савич и другие собрались в «роковой день» для общества — 25 декабря 1846 г. (день, когда их беседу подслушал предатель Петров), то они, по словам Костомарова, «горячились, мечтали о том, как разрастется «Общество»; Шевченко, по своему обыкновению, выражался не совсем цензурно о существующем порядке»⁶⁴. По заявлению Андрузского, именно в этот день Шевченко «называл подлецами всех монархистов»⁶⁵.

В «Воспоминаниях о двух малярах» Костомаров рассказывает о том, какое неожиданное и потрясающее впечатление произвела на него революционная поэзия Шевченко, распространяемая

⁶² ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 8 (1847), л. 26.

⁶³ «Русская мысль», 1885, май, стр. 211.

⁶⁴ Там же, стр. 212 (подчеркнуто нами.— М. Н.).

⁶⁵ ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 8 (1847), л. 30 об.

тогда нелегально, в рукописной форме. «С Тарасом Григорьевичем я познакомился в Киеве в 1845 году,— пишет Костомаров (здесь он ошибается, знакомство состоялось весной 1846 г.— М. Н.). Тарас Григорьевич прочитал мне свои ненапечатанные стихотворения. Меня обдало страхом... Я видел что муза Шевченко раздирала завесу народной жизни. И странно, и сладко, и упоительно было заглянуть туда!!!»⁶⁶.

П. Кулиш в своих воспоминаниях, имея в виду такие стихотворения Шевченко, как «Сон» и «Кавказ», также говорил: «Это были опасные и потому еще больше привлекательные пьесы»⁶⁷. П. Кулиш отмечает, что Костомаров и Белозерский сдерживали «завзяте бурлацтво» Шевченко⁶⁸.

Внутреннюю идейно-политическую борьбу в обществе помогают уяснить также материалы жандармского управления по политическому делу о Кирилло-Мефодиевском братстве. Жандармам удалось правильно нащупать в обществе два крыла. Шевченко, как было уже отмечено, они считали наиболее опасным преступником. Но совсем иначе характеризуются политические воззрения Костомарова и Кулиша. В донесении шефа жандармов графа Орлова от 18 апреля 1847 г. Костомаров фигурирует как «представитель умеренной партии», а в заключительном докладе Орлова царю от 28 апреля 1847 г. подчеркивается «откровенность» Костомарова⁶⁹. Кулиш характеризуется как человек, имеющий еще более правые политические убеждения. Орлов писал царю: Кулиш «уверяет, что... выражая любовь к Родине, он и не помышлял смущать или колебать верноподданность ее к престолу Вашего Императорского Величества»⁷⁰.

Не случайно, что Костомаров и Кулиш получили более легкое наказание, чем Шевченко.

Мариэтта Шагинян в своей рецензии на кинофильм «Тарас Шевченко», напечатанной в газете «Известия» от 18 декабря 1951 г., ошибочно утверждала, что Шевченко попал в Кирилло-Мефодиевское общество случайно и не проявлял там революционности, а, наоборот, был «использован» буржуазными националистами.

* * *

Будучи в ссылке и после возвращения из нее Шевченко поддерживал товарищеские отношения с Костомаровым и Кулишем. С Кулишем Шевченко вел довольно оживленную переписку

⁶⁶ «Основа», 1861, апрель, стр. 48—49.

⁶⁷ «Новь», 1885, т. IV, № 13, стр. 66.

⁶⁸ См. «Правда», Львов, 1868, № 24.

⁶⁹ ЦГИА, фонд № 109, ед. хр. 81, ч. 1 (1847), лл. 143, 166 об.

⁷⁰ Там же, лл. 143, 166 об., 175 об., 176 об.

посылал ему свои повести с целью продвинуть их в печать, получал от Кулиша его сочинения и деньги за проданные им работы Шевченко по живописи. По возвращении из ссылки Шевченко участвовал вместе с Кулишем и Костомаровым в организации журнала «Основа». Но все это вовсе не может быть доказательством тождества их идейно-политических взглядов.

Когда Шевченко, возвращаясь из ссылки, был в Нижнем Новгороде, Кулиш уже тогда спешил отгородить поэта от влияния русской передовой общественности. «Пишут мне из Москвы,— сообщал он Тарасу Шевченко в декабре 1857 г.,— чтобы в московском журнале что-нибудь твое напечатать. Не зарься на это, мой голубь, до определенного времени»⁷¹. В письме от 22 декабря 1857 г. Кулиш проводил эту же мысль: «Вот будут тебя подговаривать москали,— писал он,— но ты не очень-то поддавайся и моим советом не пренебрегай. Начали мы с тобой великое дело,— надо ж его так и вести, чтобы было к нашему народу от наших вещей уважение»⁷². Кулиш советовал не печатать русских повестей, а хотел бы их купить и сжечь. Он стремился сдерживать революционный демократизм Шевченко и примирить его с самодержавием. Отговаривая Шевченко от опубликования поэмы «Неофиты», Кулиш убеждал его с полным доверием относиться к царю, так как он «у нас теперь первый человек»⁷³.

Но Кулиш не добился успеха. Шевченко понимал, что из себя представлял этот либерал.

«Редактируя» произведения Шевченко, Кулиш старался переделывать их в духе национализма и буржуазного либерализма, устранить революционный демократизм.

В редакции «Основы» также происходила борьба. Кулиш, поддерживаемый Костомаровым, занимал свою особую позицию, в отличие от Белозерского и Шевченко. Это в некоторой мере видно из переписки Кулиша и Костомарова с Д. Мордовцем в первые месяцы 1861 г. «Редакция «Основы»,— писал Кулиш,— стала против меня прямо в неприязненное положение, и только он один (Костомаров.— М. Н.) сдерживает эту неразумную толпу...» Кулиш был недоволен тем, что журнал заполняется «чепухой», «Я хочу издавать «Хату»..., заявлял он,— «Основа» противоречит моему идеалу украинского журнала». Каков идеал Кулиша, националиста и либерала, примирившегося с самодержавием, занимающегося переводом для народа библии на украинский язык, представить себе нетрудно.

В это время Кулиша в печати подвергли резкой критике за второе издание «Грамматки», в которой он особое внимание уде-

⁷¹ Тарас Шевченко. Листовання, т. III, 1929, стр. 340.

⁷² «Киевская старина», 1898, т. LX, стр. 232.

⁷³ Тарас Шевченко. Листування, т. III, стр. 295.

лил религиозной проповеди. В рецензии «Северной пчелы» на «Грамматку» было сделано ироническое замечание о том, что проповедью религии могут заниматься иные лица — «компетентные», т. е. духовенство. На первой странице «Грамматки» были нарисованы крылатые ангелы. В тексте были помещены такие картинки, как «Иисус Христос на тайной вечери» и «Божия мать с младенцем».

Кулиш был против печатания в «Основе» повести Марка Вовчка «Три дні».

Как известно, Кулиш произнес речь над гробом Шевченко, но сделал он это не искренне. «...Я совсем не хотел говорить, будучи окружен врагами (то есть та «комашня»), но для дела решился, и речь произвела впечатление...»⁷⁴ — писал он Мордовцу. Дело в том, что Кулиш пытался взять на себя прославленную кобзу народного поэта. Что из этого вышло, понятно.

Костомаров и Кулиш выступали как помещичье-буржуазные реформаторы. Они разделяли взгляды либералов, будто народ может получить действительное освобождение и помощь из рук царя и помещиков-крепостников. Шевченко был в одном лагере с Чернышевским. Костомаров же более открыто занял позицию буржуазного либерализма.

Костомаров, например, утверждал, что тогда «У всех слышалась вера в доброжелательство и ум нового государя...»⁷⁵. Из письма Костомарова Тарасу Шевченко в октябре 1857 г. видно, что либералы всю «борьбу» сводили лишь к тому, чтобы добиться права пользоваться «родным словом». Впоследствии Костомаров всецело принял крестьянскую реформу как «святое» дело и, говоря в этой связи о Шевченко, считал, что пора «поэтических побуждений» прошла, наступила, дескать, проза жизни, и что дальнейшее развитие должно совершаться путем «умственного труда».

В конце 1861 и начале 1862 г. в Петербурге студенчество выступало с протестом против реакционного курса правительства в отношении университета. Против демонстраций студентов были брошены полиция и жандармские войска. Сотни студентов были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость и в Кронштадт. Чернышевский выступал на стороне студентов против тех профессоров, которые своими действиями провоцировали студентов на беспорядки. Костомаров, будучи профессором Петербургского университета, занял провокационную позицию. В автобиографии он сам рассказывает, что был сторонником необходимости «обуздать» студентов. «...Молодежь,— писал он,— стала попирает все, перед чем старое поколение благоговело: религию,

⁷⁴ См. «За Крашенку» — писанка П. Ол. Кулішеві, написав Данило Сліпченко — Мордовець. СПб., 1882, стр. 20—28.

⁷⁵ Автобиография Н. И. Костомарова, стр. 224.

государственность, нравственность, закон, семейство, собственность...» и т. д.⁷⁶

Причину «нигилизма» Костомаров советовал искать в философском материализме, отрицающем религию и христианскую нравственность. Костомаров с сожалением говорил о большой «склонности к естествознанию» у молодежи. Так, он возмущался по поводу студенческого экзамена в университете тем, что Писарев «...не знал о том, что в России были патриархи, и не мог ответить, где погребались московские цари»⁷⁷. Не требуется комментариев для определения того, как все это характеризует не Писарева, а самого Костомарова.

В знак протеста против ареста царским правительством и ссылки популярного среди студенчества профессора П. В. Павлова, студенческий комитет решил прекратить чтение публичных лекций в здании городской думы. Костомаров с этим не согласился и в марте 1862 г. выступил с лекцией. Студенты, как это пишет сам Костомаров в автобиографии, освистали его и вообще «озлобились» против него. Как известно, Чернышевский, будучи связан со студенческим комитетом, специально посетил Костомарова и обратился к нему с просьбой не читать лекции: «Не берите на себя роль агента-provokatora», резонно убеждал его революционер-демократ. Но Костомаров категорически отказался, заявив, что он не подчинится студенческому деспотизму»⁷⁸.

В это время произошел разрыв между Чернышевским и Костомаровым. В своих замечаниях «По поводу «Автобиографии» Н. И. Костомарова» Чернышевский писал: «Напишу что-нибудь по поводу «Автобиографии»..., моего бывшего приятеля, бегавшего от меня в последнее время моей петербургской жизни». И далее: «Он дичался, робел, когда видел меня. Мне надоело это. И довольно давно мне уж не случалось встречаться с ним»⁷⁹. Едва ли могут быть сомнения в том, что главной причиной этого разрыва были обострившиеся расхождения в идейно-политических воззрениях.

Известно, что в ответ на статью в «С.-Петербургских ведомостях» (1862, № 92) «Учиться или не учиться?», в которой имелось немало гнусных выпадов против передовой молодежи и ложно утверждалось, что она не хочет учиться,— в мартовском номере журнала «Современник» за 1862 г. Чернышевский ответил блестящей статьёй — «Научились ли?», в которой выступил

⁷⁶ Автобиография Н. И. Костомарова, стр. 276, 299, 300, 304, 306, 308.

⁷⁷ Там же, стр. 296, 306—308.

⁷⁸ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 762.

⁷⁹ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений в пятнадцати томах, т. I, стр. 757, 762.

против всего реакционного лагеря мракобесов и гонителей культуры и взял под свою защиту передовую свободолюбивую молодежь.

Н. Костомаров также ввязался в эту борьбу, но на стороне реакционного лагеря. В тех же «С.-Петербургских ведомостях» (1862, № 113) он поместил статью «Мешать или не мешать учиться?», в которой весьма развязно выступал против свободолюбивой, борющейся с царизмом молодежи и вообще против передовых кругов общественности. Проводя при этом некоторую историческую параллель, он всячески грязнил руководителя крестьянского восстания Степана Разина⁸⁰.

Известно, что в статье «Тысячелетие», опубликованной в «С.-Петербургских ведомостях» (1862, № 5) Костомаров с открытым забралом выступил против передовой русской общественности. Он клеймил «модных прогрессистов» «передовых людей», т. е. направление Чернышевского, к которому принадлежал и Шевченко, как людей «наиболее неспособных и пустых». Идеализируя старорусское удельно-вечевое управление во главе с князем, пропагандируя тем самым идею монархизма, Костомаров писал: «...вместо того, чтобы повторять избитую модную фразу: вперед! не уместнее ли будет сказать: назад! Даже назад к половине IX века, за тысячу лет»⁸¹. Так профессор истории Костомаров, испугавшись надвигающейся крестьянской революции и боясь за судьбу царя и помещиков, стал «научно обосновывать» необходимость попятного движения в истории.

Костомаров рьяно воевал против революционно-демократического движения. «Возникли мечты о расширении нигилистического учения в массах, — писал он, — и средством для того считали тайное печатание и распространение листов или прокламаций, призывавших общество к преобразованию путем кровавой революции. ... Это была самая черная и возмутительная сторона современного нигилизма»⁸².

Костомаров и Шевченко стояли на противоположных позициях в понимании исторического процесса. Как мы уже говорили, Шевченко с величайшим уважением относился к Степану Разину, называя его «славным лицарем». Костомаров же, наоборот, в своих «ученых» трудах чернил личность Разина, его роль в народном движении, называя его «извергом рода человеческого»⁸³, а народ — «чернью». Отряды восставших крестьян, боров-

---

⁸⁰ См. Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова, Держ. видав. України, 1928, стр. 132—134.

⁸¹ Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова, стр. 128.

⁸² Автобіографія Н. И. Костомарова, стр. 309.

⁸³ Исторические писания и исследования Николая Костомарова, т. II. СПб., 1863, стр. 239, 240.

шихся за свое освобождение, он всюду наделяет презрительными эпитетами: «шайки», «мятежные скопища», «разбойники», «притон возмущения» и т. п.

Отношение Костомарова к крестьянскому освободительному движению под руководством Разина определяется следующими его словами: «Но само по себе оно было не новым началом жизни, а старым: запоздалым, отцветшим; оно было страшно настолько, чтобы задержать русский народ, сбить его на время на старую дорогу». Борьба была, по Костомарову, «бесплодной, как метеор». Не случайно, что в самом конце книги написано: «Не дай, господи, дожить до той поры, когда опять придет Стенька!»⁸⁴.

Не удивительно, что Александр II одобрил книгу Костомарова о Степане Разине, рассмотрев ее, в связи с назначением Костомарова профессором в Петербургский университет. Под старость Костомаров хвалился благосклонным вниманием царя к своей особе⁸⁵.

И как это прямо противоположно убеждениям Шевченко и его единомышленника великого революционера Чернышевского, который, отражая мнение всех революционных демократов и свою готовность быть всегда с народом, говорил: «Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня»⁸⁶.

Напомним, что в 50-х гг. Чернышевский, Костомаров и Шевченко нередко встречались и были, можно сказать, в дружеских отношениях, но это, как видим, до поры до времени не столько мешало иметь противоположные взгляды в общественно-политических вопросах.

В противоположность революционному демократизму Шевченко, Н. Костомаров являлся отцом антинаучной буржуазно-националистической «теории» единого потока украинской нации, он рассматривал украинский народ как единый, одноклассовый, «глубоко-демократический», не хотел видеть эксплуататорских классов внутри его.

Фальсифицируя историю, еще в «Книгах бытия украинского народа», затем в работе «Две русские народности» (1861) в статье «Задачи украинофильства» (1882) и всюду, где только была возможность, Костомаров в своих писаниях утверждал, что верхние слои украинской нации порывали с ней. «Судьба южно-русского племени,— писал он,— устроилась так, что те, которые выдвигались из массы, обыкновенно теряли и народность; в старину они делались поляками, теперь великоруссами:

⁸⁴ Н. Костомаров. Бунт Степана Разина. СПб., 1859, стр. 113, 138—139, 237 и др.

⁸⁵ Автобиография Н. И. Костомарова, стр. 261—262.

⁸⁶ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. I, стр. 419.

народность южно-русская постоянно была и теперь остается достоянием простой массы»⁸⁷.

Эту националистическую идею сплошной демократичности украинского народа подхватили галицийские буржуазные националисты «народовцы» и Грушевский.

Историю украинского народа Костомаров изображал как историю только национальной борьбы. Даже такую острую форму классовой борьбы, как восстание угнетенных народных масс, он толковал как общенациональное движение. Извращая действительную историю, Костомаров пытался доказать, что и Колывщина 1768 года была общенародным движением, национальным делом всей Украины, всех ее сословий. Словом, историю украинского народа Костомаров толковал только как историю борьбы украинской нации «одновременно с москалями и поляками». Он не хотел видеть исторической правды того, что борьба закрепощенного украинского трудового народа была антикрепостнической борьбой против эксплуататоров (как украинских, так польских и русских) борьбой против национального гнета.

Костомаров так же, как реакционная русская общественность во главе с царским правительством, оценивал польское восстание 1863 г. только как событие явно националистическое.

Он довольно последовательно, начиная еще с 1841 г., в своей работе «О причинах и характере Унии в Западной России»⁸⁸, разжигал вражду между русским и украинским народами. «Противоположности» двух народов, по мнению Костомарова, «скрываются на дне души народной» и по своему происхождению «теряются в глубокой древности». В своих философских рассуждениях он исходил из принципа существования какой-то мистической «души», как неизменной сущности. Костомаров всячески пытался «отыскать» какие-либо качества в украинском народе, изображая их в положительном духе, в отличие от русского народа, показывая его в отрицательном смысле. Эти «противоположности» «душ» он силится найти в вопросах отношения к монархизму, к гражданским правам, к социализму, к религии и даже в области отношений к природе и в любовных чувствах⁸⁹.

«...Мы на каждом шагу,— пишет Костомаров,— натываемся, так сказать, на факты взаимного недружелюбия и даже вражды между двумя русскими народностями». И только «духовное утешение — вера его (украинского народа.— М. Н.) отцов», т. е.

⁸⁷ «Историч. монографии и исследования Н. Костомарова». СПб., 1863, т. I, стр. 285, 286. См. также «Русский вестник», 1882, кн. 2, стр. 886—900.

⁸⁸ См. Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова, стр. 35.

⁸⁹ См. Исторические монографии и исследования Николая Костомарова, т. I, стр. 267—269, 276—286.

христианская религия, была стимулом к воссоединению двух народностей⁹⁰, так уверяет Костомаров.

Этот принцип Костомаров совершенно ясно высказал еще в своей работе «О причинах и характере Унии в Западной России» (1841). Всю борьбу угнетенного украинского народа против польской шляхты Костомаров рассматривал как борьбу «за веру православную».

Он всячески умаляет историческую роль Богдана Хмельницкого, выставляя его в весьма неприглядном виде⁹¹. Шевченко же, как известно, прославлял деятельность Хмельницкого.

Впоследствии в своей статье «Украинский сепаратизм» (1864), под влиянием критики русской реакционной прессы, стараясь приспособиться к российскому самодержавию, Костомаров на словах отказался от своей работы «О причинах и характере Унии в Западной России», назвав ее «дрянью»⁹². Но это был только маневр. В работе «Две русские народности», написанной в 1861 г., через 20 лет после работы «О причинах...», он продолжал ту же пропаганду вражды между русским и украинским народами, в противоположность пропаганде дружбы народов, проводимой Тарасом Шевченко.

Даже матерый украинский националист М. Грушевский не смог удержаться от того, чтобы не сказать: «Но все-таки в 1860 г. выросло твердое убеждение о Костомарове как враге Москвы и неприятеле великоруссов вообще»⁹⁴.

Шевченко, как мы уже говорили, историю общественной жизни понимал как историю борьбы народных масс за свое политическое и экономическое раскрепощение путем революционного уничтожения эксплуататорского общества и власти имущих. Громадное значение в развитии истории общества он придавал технике. Костомаров же утверждал, что «вечный разум» «управляет» «по неведомым нам путям всю судьбою истории человечества»⁹⁵. Он в основном не выходил за рамки реакционной помещичье-буржуазной историографии.

По мере обострения классовых противоречий, в условиях нарастания революционной ситуации, а затем после крестьянской реформы, в связи с развитием капитализма и ростом класса буржуазии, Кулиш также все более и более эволюционизировал вправо. Он открыто упрекал Шевченко в дружбе с русскими революционными демократами, в том, что он «братався з чужи-

⁹⁰ Н. И. Костомаров. Собр. соч., т. XVI. СПб., 1905, стр. 714.

⁹¹ См. например «Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова», стр. 27—28, 32—36.

⁹² См. «Науково-публіцистичні і полемічні писання Костомарова», стр. 210.

⁹⁴ См. «Науч. публ. і полемічні писання Костомарова», стр. XIII.

⁹⁵ Автобиография Н. И. Костомарова, стр. 310.

ми»⁹⁶. В стихотворении «До братів на Україну» Кулиш заявлял, что он молчал до тех пор, «пока батько український» пел песни, а теперь настало его время. В стихотворении «Брату Тарасові на той світ» он нескромно заявлял, что он берет на себя задачу продолжать дело Шевченко. Все это было рассчитано на то, чтобы, используя славу великого поэта, дезориентировать передовые слои украинской общественности, шедшие за Шевченко, и толкнуть их на путь помещичье-буржуазного либерализма.

В 60-х гг. Кулиш поступает на царскую службу — директором Департамента народного просвещения в Варшаве, приняв тем самым на себя обязанность осуществлять в Польше царскую шовинистическую политику.

В своей автобиографии (1868) Кулиш прямо заявляет о «цинизме» (читай революционности) Шевченко и своем «аристократизме». Он и Шевченко, по словам Кулиша, — это две половинки казачества: Шевченко учился истории у гайдамацких руководителей и представлял казачество без старшины, убежавшей в Сечь, а Кулиш — казацкую старшину, которая шла на соглашение с царскими боярами и приветствовала наказ Екатерины II об усилении крепостничества.

Как помещичье-буржуазный либерал, ориентировавшийся ранее на российское самодержавие, в конце 60 — в 70-х гг. Кулиш меняет ориентацию с русской на австрийскую монархию. В начале 80-х гг. он выезжает в Австро-Венгрию и подает заявление о переходе в австрийское подданство, чтобы в «культурных» условиях, под сенью прославляемой им австрийской конституции продолжать борьбу за «национальное» возрождение Украины.

Поэзию Шевченко Кулиш теперь называет «полупьяной», «распущенной музой», все стихи поэта «не лучше сора, который следует развеять по ветру».

Проповедуя союз украинских и польских помещиков и буржуазии, под владычеством польских, Кулиш воспекает католическую «культуру», «священную» особу «Сигизмунда-Католика», обливая грязью Тараса Шевченко.

Так Кулиш наглядно продемонстрировал всю непримиримую противоположность двух мировоззрений: помещичье-буржуазного, монархического и революционно-демократического. То, что уже начало проявляться еще в Кирилло-Мефодиевском обществе, сказилось теперь с полной ясностью. Кулиш прямо осуждает «фальшивое настроение, — по его мнению, — украинской интеллигенции 40-х годов», во главе которого находился Шевченко.

---

⁹⁶ «Основа», 1861, ноябрь — декабрь, разд. IV, стр. 12.

В своей «Истории воссоединения Руси» Кулиш выступает против поэмы Шевченко «Сон» («У всякого своя доля»). Он защищает «честь» царицы Екатерины II и пытается доказать, что в народных песнях о ней отзываются положительно⁹⁷. В книге «Хуторна поезія» (1882) он посвящает Екатерине II особый гимн, в котором выступает против Тараса Шевченко. Кулиш воспеваеет ее за то, что она «знишила еси гніздо осине», раздавила «ядовитую гадюку» — Запорожскую Сечь. Он, таким образом, совершенно открыто выступает врагом освободительного движения угнетенных крепостных масс и революционного демократизма Шевченко.

Работая перед австрийско-польскими реакционерами и наперекор интересам украинского трудового народа, Кулиш всячески пытается оклеветать, очернить освободительную борьбу украинских крепостных масс под водительством гетмана Богдана Хмельницкого. Это великое освободительное движение он называет «пьяным бунтом», «кровавой Хмельнитчиной», а самого Хмельницкого «героем руины». Словом, Кулиш занял позицию прямо противоположную Шевченко, который называл Богдана Хмельницкого «гениальным бунтовщиком».

Иван Франко правильно отмечает, что «Кулиш до смерти воевал с шевченковскими понятиями и образами Украины, казачества, гайдаматчины, панства и простонародья...», «всюду он находил ненавистную тень Шевченко»⁹⁸.

Не поладив в Австрии с польскими панамі, Кулиш в 80-х гг. возвращается в Россию. Поселившись у себя на хуторе, он снова пытается играть «большую» роль в движении украинской общест-венности. В сборнике стихотворений «Хуторна поезія (1882) Кулиш обращается с «Призывным письмом к украинской интеллигенции», в котором объявляет о намерении обосновать «новую» философию, имеющую исходным принципом признание божественного Космоса. Несколько раньше, в третьем томе своей «Истории воссоединения Руси» (1877) он преклонялся перед социологией позитивиста Огюста Конта. Опираясь на свою «хуторскую» философию, Кулиш объявляет поход за «возрождение» украинской нации, призывает к единению «панов с мужиками», к борьбе, но не «мечом и кулачьем», как воевали в старину «предки ва-ргы и козаки», а ...«пером и дружбою».

Шевченко исторический процесс рассматривал как борьбу народных масс за свое социальное и национальное раскрепощение. Кулиш же стал называть революционный народ «народом без пути, без чести и закона», порожденным на свет «из волчьего ложа». Он начал оправдывать черносотенные действия царя па-

⁹⁷ См. П. А. Кулиш. История Воссоединения Руси, т. II. СПб., 1874, стр. 24, 25, 26, 282, 149; т. III, 1877, стр. 233—234.

⁹⁸ «Літер. науков. вісник», 1902, май, стр. 47.

лача-вешателя Николая I, разгромившего Кирилло-Мефодиевское общество. Кулиш писал, что это было «справедливое, но суровое царствование Николая Павловича»⁹⁹.

Своими злобными выступлениями против освободительного народного движения и против Шевченко Кулиш окончательно разоблачил себя. Естественно, что «его смерть,— говорил Иван Франко,— вызвала по всей Украине скорее чувство облегчения, чем скорби»¹⁰⁰.

В противоположность атеизму Шевченко, Кулиш и Костомаров выступали в роли лакеев поповщины. В статье «Христианство и крепостничество» («Основа», 1862, июнь) Костомаров пытался доказать, будто христианство не является проповедью слепой простоты рабскому строю. Он советовал распространять среди простого народа книги так называемого священного писания¹⁰¹. Сам он усердно переводил на украинский язык и издавал религиозную литературу, о чем писал Шевченко в начале февраля 1858 г., отмечая это в «Автобиографии». В «Вестнике Юго-Западной и Западной России» (Киев, 1863, т. IV, стр. 140) имеется указание на издание им книжки «Церков Божа патриархальна» (СПб., 1863. Видано Николаем Костомаровым). Костомаров открыто выступал против «модных прогрессистов», т. е. против философии материализма русских революционных демократов.

Кулиш также еще в «эпиллоге» к «Черной раде» (1857) писал о своих «христианских убеждениях». В 60-х годах он открыто проповедовал религию, переводил на украинский язык «священное писание» с целью распространения его в народных массах. Кулиш успел перевести на украинский язык «Пятикнижие» Моисея, которое и было напечатано во Львове как приложение к журналу «Правда». Он пытался создать какой-то «новый» религиозный культ «на основе науки». «По пророчеству г. Кулиша,— писал Франко,— бог «воскреснет в сиянии науки». Мы рады бы знать, какая эта наука воскресит его»,— иронизирует Франко и продолжает: «и геология, и психология, и философия вытеснили бога из границ нашего опыта, мышления и понимания... Может быть г. Кулиш своим пророческим духом знает еще о такой науке, которая воскресит бога,— мы о такой науке совершенно ничего не знаем»¹⁰².

Таково идейно-политическое лицо Костомарова и Кулиша. Украинский поэт-революционер П. Грабовский в письме от 17 марта 1900 г. так очень метко охарактеризовал Костомарова и Кулиша: «Что Костомаров и Кулиш были православными (не

⁹⁹ «Новь», 1885, т. IV, № 13, стр. 61—75.

¹⁰⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, кн. 81, стр. 321.

¹⁰¹ См. «Основа», 1862, май, стр. 2.

¹⁰² Иван Франко. Літературно-критичні статті: Київ, 1950, с. 101.

христианами, а именно православными) в самом плохом смысле этого слова, то есть предрассудочно-обрядовом, то это, по-моему, не требует никаких доказательств: вся их жизнь, деятельность и взгляды свидетельствуют об этом. Костомаров отроду был человеком тихим, консервативным, предрассудочно-религиозного склада и умер таким. Кулиш — человек более сложный, непостоянный и драчливый... вообще сторонник православия и что касается общественно-политических взглядов — реакционер; до самой смерти он остался верным этой реакции, а то, что в раздражении кидался от поляков к москалям, а от москалей к полякам, то в этом не было ничего противоречивого: он менял господ...»¹⁰³.

Так история на практике подтвердила, что борьба внутри Кирилло-Мефодиевского общества между направлениями крестьянского революционера Шевченко и помещичье-буржуазных либералов и националистов Костомарова и Кулиша не была случайной. В ходе истории революционный демократизм Шевченко укреплялся и развивался, примыкая к наиболее передовому направлению своего времени, возглавляемому Чернышевским. Костомаров же и Кулиш, наоборот, эволюционировали вправо, пропагандировали украинский помещичье-буржуазный национализм, примирение с царизмом, распространяли религию, мракобесие.

Украинские буржуазные националисты конца XIX и начала XX в. продолжали эту традицию клерикализма. Так, националисты Галиции, объявив религию «национальной святостью», большими тиражами издавали клерикальную литературу. В частности, Е. Огоновский в 1882 г. выпустил книгу «Оповідання про життя святого великомученика і лікаря Пантелеймона», о которой И. Франко сказал, что она служит только «для затемнения голов народных»¹⁰⁴.

Идеи национализма Костомарова и Кулиша воспринял украинский историк М. Грушевский.

В 1915 г. в письме к В. Дорошенко Иван Франко писал, что нет никакой надобности «толочь и перемальвать фальшивые исторические конструкции проф. М. Грушевского».

В нашей литературе, к сожалению, до последнего времени можно еще встретить работы, в которых или расписываются «заслуги» Н. Костомарова в истории передовой общественной мысли Украины, или же замалчивается его реакционная деятельность. В наиболее обостренный период борьбы классов, как было сказано, Костомаров активно выступает в стане реакции.

Историческая роль Кирилло-Мефодиевского общества заключается вовсе не в том, что в нем состояли и вели работу деятели

¹⁰³ Павло Грабовський. Збірка статей та матеріалів. Київ, 1948, стр. 151.

¹⁰⁴ Іван Франко. Твори в двадцяти томах, т. XVI, стр. 47—51.

типа Костомарова и Кулиша, а в том, что в нем активно действовало левое революционное крыло, возглавляемое Тарасом Шевченко. Именно шевченковские традиции (а не костомаровские и кулишевские) сыграли свою положительную роль в дальнейшей истории освободительной борьбы украинского народа.

2

Помещики, реакционеры всех видов, чиновники царского полицейского аппарата, церковники всячески пытались воспрепятствовать революционизирующему влиянию творчества Шевченко, старались изгнать имя украинского поэта из памяти народа, запретить, разогнать всякое движение простого народа, связанное с именем Шевченко как борца за интересы угнетенных масс.

Царская полиция поощряла верноподданнически настроенных украинских буржуазных националистов, организовавших юбилейные «панихиды» и «поминки», на которых Шевченко лицемерно изображался смиренным христианином, проповедником любви ко всем людям, в том числе и к врагам народа, безобидным сочинителем песен.

В связи с двадцатилетним юбилеем со дня смерти поэта обер-прокурор синода К. Победоносцев писал в департамент полиции по поводу предполагаемого празднования юбилея Шевченко в г. Киеве, что разрешение празднования — «дело опасное», ибо может возникнуть «страшнейшая демонстрация», тем более, если учесть, что Шевченко «был ссыльным».

В конце 1913 г. главный цензурный комитет принял решение уничтожить «Кобзаря» вместе с стереотипами и другими принадлежностями тиснения, заготовленными для их напечатания. По требованию харьковского епископа Арсения, были приняты решительные меры «к изъятию этой книги из библиотек, школ и читален, где таковые имеются, и к воспреещению публичной продажи ее, как крайне вредной по ее антирелигиозному направлению». Петербургский комитет по делам печати писал прокурору Петербургской судебной палаты 22 августа 1913 г. о том, что на «Кобзаря» Шевченко (изданного «Благотворительным обществом» в 1907 г. в Петербурге) «наложен арест, и виновные в издании книги привлечены к уголовной ответственности»¹⁰⁵.

В феврале 1914 г. царское правительство распорядилось запретить в какой бы то ни было форме празднование столетнего юбилея Шевченко. С решительным протестом против этого выступила Коммунистическая партия, все время борющаяся за использование революционных традиций Шевченко в борьбе против царизма и угнетения трудящихся. «За что же продолжают

¹⁰⁵ См. Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах, стр. 309—310.

гонения против Шевченко теперь? Да за то же самое,— писала «Правда» 18 февраля 1914 г. в статье «Крепостники и Шевченко».— Потомки крепостников относятся к народному поэту, вышедшему из крестьян, с той же злобной ненавистью, что и их приснопамятные отцы». В статье «Памяти Т. Г. Шевченко», опубликованной 21 и 25 июля 1914 г. в большевистской газете «Путь Правды», было дано краткое описание многострадальной жизни поэта как борца за интересы угнетенного народа и выражался протест против запрещения отмечать столетний юбилей со дня рождения Шевченка.

Большевистская фракция Государственной думы сделала запрос правительству о незаконном запрещении празднования юбилея Шевченко и незаконной конфискации «Кобзаря»¹⁰⁶. Ленин написал текст речи, которую должен был произнести в Государственной думе депутат-большевик Г. И. Петровский в защиту национальных прав украинского народа. Но Петровский выступить не смог, так как царское правительство арестовало депутатов-большевиков¹⁰⁷.

По всей стране прокатилась широкая волна протестов, появились подпольные прокламации, призывающие к борьбе. В Киеве, например, в феврале распространялась прокламация Киевского Комитета РСДРП. «Только с падением самодержавного строя,— говорилось в прокламации,— будет легче рабочему бороться за свою долю, о которой так часто упоминал покойный поэт»¹⁰⁸. Была отпечатана также прокламация, обращенная к студенчеству, в которой предлагалось в знак протеста против запрещения празднования юбилея провести однодневную забастовку по всем высшим школам Киева.

Из полицейских донесений известно, что на Южнорусском машиностроительном заводе в Киеве (теперь «Ленинская кузня») 700 рабочих отказались приступить к работе и организовали шествие по улице с траурным пением в честь Шевченко. Демонстрация «была рассеяна полицией». Бастовал Медицинский факультет Киевского университета. В политехническом институте состоялась сходка, в которой приняло участие около 1500 студентов, они затем вышли на улицу и организовали демонстративное шествие по Фундуклеевской и Владимирской улицам.

Как видно из донесения министру внутренних дел, киевский губернатор, напуганный событиями, писал о «крайней малочисленности городской полиции»; чтобы навести «порядок», он вызвал «стражников Киевского уезда, три сотни казаков и пять рот пехоты». Впоследствии губернатор доносил, что за два дня де-

¹⁰⁶ См. Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах, стр. 367—372.

¹⁰⁷ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 197—204, 541.

¹⁰⁸ Т. Г. Шевченко в документах і матеріалах, стр. 375.

монстрации было арестовано 104 человека, из них 98 подвергнуты «различным наказаниям».

Демонстрации протеста происходили также в Петербурге. Из докладной записки Петербургского охранного отделения видно, что состоялись «летучие сходки» в Университете, в Психоневрологическом институте, на сельскохозяйственных курсах, на высших историко-литературных и юридических курсах и в других высших школах, на которых присутствовало по 250—500 человек¹⁰⁹. Эти выступления трудящихся Петербурга еще раз продемонстрировали, что украинский поэт-борец Тарас Шевченко имеет общероссийское значение, его любят, преклоняются перед его великой борьбой и русские люди и другие народы России. В этом находила свое выражение братская дружба русского и украинского народов. Юбилей был отмечен также в Одессе, Харькове, Полтаве, Тбилиси и других городах.

Царское правительство преследовало участников демонстраций и сходок, лишняя раз разоблачая тем самым проводимую им политику национального гнета. «Запрещение чествования Шевченко,— писал Ленин,— было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя... После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов»¹¹⁰.

В то время как рабочий класс, трудящиеся массы встали на защиту революционной поэзии Шевченко, украинские буржуазные националисты продолжали бессовестно фальсифицировать творчество великого поэта. В ряде номеров журнала «Українська хата» за 1911 г. была опубликована большая статья Евшана «Тарас Шевченко». В ней утверждается, что Шевченко придерживался философских взглядов Ницше и Шопенгауэра. Поэт будто бы все время находился в состоянии «душевного трагического раздвоения» и остро «чувствовал свою судьбу одиночки». При этом, конечно, никаких доказательств не приводится. Ни о какой революционности Шевченко, по мнению Евшана, не может быть и речи. У поэта были только «взрывы» негодования в «минуты возмущения», но и они «расплываются в какой-то нежной меланхолической любви... к ближнему».

Все это сдобривается клеветой по поводу того, что Шевченко не отличался культурой, что он — «творец примитивный», который не имел «никаких идеалов», «никакого мировоззрения».

¹⁰⁹ См. «Рад. літературознавство». Наук. записки, кн. IV. Київ, 1939, стр. 156, 161—165, 172—173.

¹¹⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 199.

Шевченко изображен субъективистски настроенным интеллигентом, оторванным от своего родного народа, который только тем и занимался, что копался в своей душе. Едва ли надо доказывать, что так мог писать только самый злейший враг поэта и украинского трудового народа.

Извращает воззрения Шевченко также М. Грушевский. В нашей литературе иногда упрощенно изображается позиция Грушевского, он дескать, считал, что «Шевченко — враг Украины». В действительности враг действует очень хитро и изворотливо. В «Очерке истории украинского народа» (1904) Грушевский заявляет, что «наиболее выдающимся» в произведениях Шевченко является «обращение к прошлому», «идеализация» казачества, в котором поэт будто бы находил «мотивы, созвучные его идеалам общественной справедливости». Замалчивая революционность поэта, он характеризует Шевченко лишь как либерала.

Правда, когда наступила революция 1905—1907 гг., Грушевский в брошюре «Движение политической и общественной украинской мысли в XIX столетии» (СПб., 1907), приравниваясь к новой обстановке, пишет, что Шевченко «мечтает о новом народном восстании».

Но как только кончилась революция, Грушевский в третьем издании «Очерка истории украинского народа» (1911) опять пишет о Шевченко, как о «протестанте» в духе либерализма.

В 1914 г. в статье, опубликованной в журнале «Літ. Наук Вістник», (1914, № 2) Грушевский изображает поэта совсем уже в духе смиренного христианина, «провозвестника закона любви и братства, для которого не было иной религии, иной правды, иной этики как братолюбие».

Когда прогрессивная общественность стала протестовать против реакционной политики царского правительства, запретившего празднование юбилея народного поэта, Грушевский оказался на стороне реакции. Он начал утверждать, что творчество Шевченко по своему содержанию находится «в рамках русской государственности и русской церкви». Он считал «недоразумением» рассматривать имя Шевченко под лозунгом «протеста против режима».

Впоследствии, когда Грушевский стал во главе украинской «Центральной Рады», развернувшей контрреволюционную деятельность, Грушевский и его подручные начинают изображать Шевченко «революционером», призывающим окропить волю кровью, но не помещицкой не буржуазной, а кровью активных сторонников рабоче-крестьянской Советской власти (Шаповал. Шевченко і самостійна Україна. Київ, 1918).

После разгрома украинской контрреволюции Грушевский убежал за границу. Затем он «раскаялся» и в 1924 г. возвратился в Советский Союз. Приспосабливаясь к «духу времени», Гру-

шевский уже не называет поэта смиренным христианином. Теперь, говорит он, Шевченко для нас «стал суровым пророком» насилия, что оправдывается предвидение поэта и «прольется кровь». Приведя известные слова из шевченковского «Завещания», Грушевский заявляет, что «нашим знаменем», «нашим лозунгом» является «имя Великого Кобзаря»¹¹¹. О каком же насилии говорил Грушевский на восьмом году существования Советской власти? Чью кровь он призывал проливать и за что? Совершенно ясно, что Грушевский имел в виду выступление против советского народа. Это особенно ясно стало когда впоследствии выяснилось, что Грушевский состоял руководителем подпольной контрреволюционной организации «Украинского национального центра». До такого кощунства над памятью великого поэта докатился буржуазный националист!

* * *

Победой Великой Октябрьской социалистической революции и построением социализма в нашей стране окончательно ликвидирован капитализм и тем самым нанесен уничтожающий удар по самому корню идеологии национализма вообще, украинского, в частности. Разбитые в открытом бою враги украинского народа — буржуазные националисты и после победы Октября, маскируясь фразеологией марксизма-ленинизма, еще пытались сеять националистическую отраву в советском народе и делать покушение на его завоевания.

Но основным центром деятельности украинских националистов, откуда они продолжали вести борьбу против Советского Союза, стараясь разрушить скрепленную конституцией дружбу народов нашей страны,— стали страны капитализма, там они получали и получают от реакционных кругов материальную и идейно-политическую помощь и поддержку.

Националист Д. Чижевский в своей книжке — «Нариси з історії філософії на Україні» (Прага, 1931) жлет, заявляя, что «философское развитие» проходило «не касаясь ни Украины, ни других славянских народов». Всю историю философской мысли он изображает как торжество религиозных, идеалистических идей, базирующихся на реакционной философии античных идеалистов Платона и Сократа, на «священном писании» и на реакционных сторонах немецкой идеалистической философии Канта, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра. Вершиной философской мысли на Украине он считает П. Юркевича, называя его «борцом против материализма», того самого философствующего попа из Киевской

¹¹¹ См. М. Грушевский. В шестьдесят четвертую шевченковскую годовщину. Украина, 1925, кн. 1—2.

духовной Академии, которого так блестяще разгромил Чернышевский. Чижевский с большим усердием восхваляет этические взгляды Юркевича, его принцип «мир с ближними, как условие христианского общежития», т. е. мир эксплуатируемых, угнетенных с эксплуататорами и угнетателями.

Окончательно разбитые в классовой борьбе, выброшенные в мусорную яму истории идеологии украинской буржуазии в области философии способны только на то, чтобы пережевывать давно застарелую мистику.

Чижевский пишет об «идеологическом единстве», «духовной общности» всех «братчиков» Кирилло-Мефодиевского общества, фальсифицируя взгляды революционно-демократического крыла в «Обществе», возглавляемого Шевченко.

Но туго становится Чижевскому, когда он силится подогнать под эту идеалистическую философию воззрения Шевченко, который, как известно, решительно отрицает и бога вообще и христианскую религию, разоблачает продажность и лицемерие попов и реакционную роль церкви. Чижевский идет на разные словесные выкрутасы, пытаясь представить, что Шевченко борется не против существа религии, а против «чего-то... для религиозного содержания внешнего и случайного, что затемняет... содержание религии». Но и эта «конструкция» Чижевского оказалась построенной на песке и рухнула как только сам ее автор попытался прикоснуться к ней, чтобы ее укрепить. Чижевский под тяжестью фактического материала принужден был признать, что Шевченко «богохульствовал» и «кошунствовал».

* * *

Ныне, когда центр империалистической реакции пересместился из Западной Европы в Америку,— сюда сбежали все зубры реакционной идеологии. Теперь и украинские буржуазные националисты переменили своих европейских хозяев на американских; скрываясь от гнева революционного народа, они пристроились на задворках наиболее реакционной империалистической буржуазии США.

Сами идеологи реакционной американской буржуазии охотно используют националистическую отраву украинских буржуазных националистов в борьбе против советской идеологии. Так, американский профессор, доктор философии А. Мэннинг, настроивший ряд лживых книжонок, в которых всячески пытается оклеветать Советский Союз, в 1945 г. выпустил сборник стихотворений Шевченко на английском языке¹¹². Во вступительной

¹¹² Taras Shevchenko. The Poet of Ukraine. Selected poems. Translated with an Introduction by Clarence A. Manning. 1945.

статье к сборнику он пишет, что Шевченко — «великолепный», «мировой поэт», но — «религиозный человек». Мэннинг пытается убедить читателей, что Шевченко не был революционером и не размышлял о формах государственной власти, его возмущало лишь «нарушение христианского закона любви и милосердия» и поэтому он выступал за установление на земле «человеческого братства» путем «чистой проповеди, евангелия». Эта фальсификация полностью совпадает с тем, что говорят и украинские буржуазные националисты.

Известно, с каким вниманием, уважением и любовью относились к украинскому поэту передовые деятели русской культуры. Мэннинг же без всякого зазрения совести голословно заявляет, что Шевченко в «русской столице чувствовал себя чужестранцем в чужой стране».

Но при всем своем искусстве в области фальсификации Мэннинг все же запутался. В главе «Поэзия Шевченко» он говорит, что, возвратившись из ссылки, «Шевченко стал другом Чернышевского», а в главе «Религия Шевченко» заявляет, что в Петербурге Шевченко попал в компанию «радикалов и атеистов». Выходит, что Шевченко не остался смиренным христианином, проповедником евангельских догм!

* * *

В 1954 г. в Виннипеге (США) вышла книга И. П. Сидорука «Идеология Кирилло-Мефодиевского общества и ее происхождение»¹¹³. Сылаясь на Н. Костомарова, Чижевского и Мэннинга, автор силится разжечь национальную вражду между украинским и русским народом. Пережевывая те же самые избитые националистические идеи, Сидорук обильно сдобривает свою книжонку антисоветскими выпадами. Излагая религиозные идеи «Книг бытия украинского народа», он восхищается религиозностью Костомарова, замалчивает деятельность революционно-демократического направления в Кирилло-Мефодиевском обществе и изображает взгляды всех кирилло-мефодиевцев в духе буржуазно-националистической и христианской идеологии. Тарага Шевченко автор представляет противником воссоединения Украины с Россией и хулителем Богдана Хмельницкого. Лживость такой позиции нами уже ранее была показана. Сидорук особенно восторгается тем, что кирилло-мефодиевцы «хотели построить социально-политическую жизнь на христианской морали».

Так украинские буржуазные националисты, эти оголтелые враги украинского и всего советского народа, проповедуют христиан-

¹¹³ John P. Sydoruk. Ideology of Cyrillo-Methodians and it's origin. Winnipeg — 1954 — Chicago.

скую мистику против научного социализма, фальсифицируют мировоззрение Шевченко, пытаются разжечь вражду между народами, расстроить дружбу русского и украинского народов.

Но напрасны потуги врагов. Сила советского патриотизма непоколебима. История борьбы советских людей за свержение капитализма и за построение коммунизма ясно показывает неизбежность банкротства всех усилий разного рода националистов и их американских хозяев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шевченко не писал специальных трактатов по социологии и философии. Он выступал и боролся по преимуществу как поэт. Но это не принижает его роли в общественно-политической и идеологической борьбе против крепостничества и царизма. Блестящая художественная форма, в которую он облачал свои выступления в защиту свободлюбивых идей, придавала им особую общественную ценность, так как делала их более доходчивыми.

«Он был сыном мужика,— говорил Иван Франко,— и стал властителем в царстве духа. Он был крепостным, и стал великаном в царстве человеческой культуры. Он был самоучкой, и указал новые, светлые и вольные пути профессорам и книжным ученым. Десять лет он томился под тяжестью российской солдатской муштры, а для свободы России сделал больше, нежели десять победоносных армий».

Великий украинский поэт-революционер и мыслитель Шевченко открыл новую эпоху в освободительном движении и истории общественной мысли Украины. Он сыграл огромную роль в развитии социального и национального самосознания украинского народа.

Являясь единомышленником Белинского, Шевченко вместе с ним вел решительную борьбу против крепостного права, самодержавия и христианской церкви. Шевченко обращался непосредственно к крестьянству, к народу с призывом к восстанию. И в этом его великая историческая заслуга.

В 50-х и в начале 60-х годов XIX в. по основным вопросам понимания общественной жизни своего времени: отношение к крепостничеству, к царизму, к революции, к реформе 1861 г., к буржуазному либерализму, по национальному вопросу, а также в области философии и эстетики Шевченко как мыслитель, был в основном единомышленником Н. Г. Чернышевского. Это сравнение Шевченко с Чернышевским вполне закономерно, потому что Чернышевский являлся вершиной русской революционной

демократии XIX века, а Шевченко в 50-х годах XIX в. выступал соратником Чернышевского, находясь под его влиянием. Но это вовсе не исключает того, что Шевченко, будучи украинским поэтом, выступал вместе с тем оригинально, самобытно; не исключает также и свойственных ему недостатков, ограниченностей, объясняемых эпохой.

Творчество Шевченко сближало весь украинский народ, искусственно разъединенный границами Российской и Австро-Венгерской империй, подготавливало предпосылки для воссоединения всего украинского народа в едином национальном государстве.

Поскольку задачи социальной борьбы на Украине, ее пути и методы и определение главной социальной силы — крестьянства, — целиком и полностью относятся к России в целом, Шевченко, естественно, выступал как общероссийский поэт-революционер и мыслитель.

Историческое значение Шевченко заключается в том, что он своей деятельностью, как революционный демократ, вместе с Герценом, Белинским, Чернышевским, Добролюбовым и их соратниками объективно расчищал в России, в том числе и на Украине, пути для распространения марксизма.

Философской основой революционного демократизма Шевченко был материализм, несущий в себе некоторые элементы диалектики. Шевченко выступал как воинствующий атеист.

Он дал чрезвычайно острую и глубокую для своего времени критику всей системы крепостнического строя и призывал народ к массовой вооруженной борьбе против помещиков и «царей палачей», «людоедов». Силу трудящихся масс он видел в дружбе всех народов России.

Что произошло бы, если бы в свое время удалось осуществить на практике максимальные требования, выдвигаемые Шевченко? Произошла бы радикальная буржуазно-демократическая революция, которая расчистила бы пути для быстрого развития капитализма. Поскольку тогда не было еще оформившегося рабочего класса, постольку не могло быть и речи об осуществлении каких-либо принципов научного социализма.

Шевченко не поднялся и не мог тогда подняться до материалистического понимания истории. Он не имел достаточно ясного представления о том новом общественном строе, который должен возникнуть после гисели старого.

Поэзия Шевченко развивалась под влиянием передовой русской культуры и в то же время она была поставлена на службу и русскому народу. Он пользовался уважением и любовью трудящихся масс всех народов России. Русские демократические поэты переводили произведения Шевченко на русский язык. Пропагандируя революционно-демократические идеи, Чернышевский и Добролюбов широко использовали поэзию Шевченко.

Шевченко оказал большое влияние на дальнейшее развитие передовой общественной мысли Украины. Его идеи восприняли и развили дальше виднейшие деятели украинской культуры: И. Франко, П. Грабовский, М. Коцюбинский, Леся Украинка и другие.

Шевченко оказал плодотворное влияние на развитие культуры других народов России, в частности, на виднейшего грузинского поэта А. Церетели (1840—1915 гг.), на творчество белорусского писателя-демократа Ф. Богушевича (1840—1890 гг.), на великого казахского поэта Джамбула Джамбаева (1846—1945 гг.), выразившего братскую любовь своего народа к Тарасу Шевченко в своей замечательной «Песне о жизни» и в стихотворении «Тарас».

Как непримиримый борец-революционер против всякого гнета и эксплуатации, за новую, счастливую жизнь для простого люда, за дружбу угнетенных народов, Шевченко приобрел широкую мировую известность. Плеханов писал: «Покойный Тарас Григорьевич принадлежит к числу самых крупных народных поэтов, каких только знает всемирная литература»¹¹⁴.

Мировое значение поэзии Шевченко отметила также «Правда» в юбилейной статье 6 марта 1939 г. Своей поэзией Шевченко выразил чувства и мысли всех закрепощенных и угнетенных людей, на каком бы языке они ни говорили, в какой бы стране ни жили.

Произведения Шевченко переведены на английский, немецкий, французский и другие языки, на языки народов Азии. Особенной известностью и любовью Тарас Григорьевич пользуется среди трудящихся славянских народов.

Замечательной исторической заслугой Шевченко является то, что он, вместе с русской революционной демократией, укреплял дружбу угнетенных народов. История последних десятилетий показала, что только неразрывная дружба трудящихся масс всех народов, независимо от их национальной или расовой принадлежности, обеспечивает победу в их общей борьбе за социализм, против империалистических хищников и поработителей.

---

¹¹⁴ Г. П. Плеханов. Сочинения, т. IV, стр. 313.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Формирование мировоззрения Т. Г. Шевченко	8
Глава вторая. Влияние передовой русской общественной мысли на формирование мировоззрения Т. Г. Шевченко	48
Глава третья. Революционный демократ	80
Глава четвертая. Философские и социологические воззрения	150
Глава пятая. Вопросы эстетики в творчестве Т. Г. Шевченко	212
Глава шестая. Т. Г. Шевченко и Кирилло-Мефодиевское общество. Борьба за наследие Шевченко после смерти поэта	233
Заключение	277

Михаил Иванович Новиков

Общественно-политические и философские взгляды Т. Г. Шевченко

*Утверждено к печати Институтом философии
Академии наук СССР*

*Редактор издательства А. И. Компансец. Переплет художника В. Ф. Ишутина
Технический редактор В. Г. Лаут. Корректор В. Г. Богословский.*

РИСО АН СССР № 69—100В. Сдано в набор 29 X 1960 г.

Подписано к печати 27 XII 1960 г. Формат 60 × 92¹/₁₆

Печ. л. 17,5+1 вкл., уч.-издат. л. 17,6+0,1 вкл.

Тираж 3000 экз. Т 14303. Изд. № 4938. Тип. вак. № 1139

Печ. л. 17,5 + 1 вкл., уч.-издат. л. 17,6 + 0,1 вкл.

*Издательство Академии наук СССР, Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10*

Центр (197-27) 12

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Т. Г. ШЕВЧЕНКО